ТАРТУСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

М.Бежаницкая
Л.Ватман

СБОРНИК

ТЕКСТОВ ДЛЯ СТУДЕНТОВ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

ТАРТУ 1968

Т-40742

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

М.Бежаницкая

Л.Ватман

С Б О Р Н И К

ТЕКСТОВ ДЛЯ СТУДЕНТОВ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

Тарту 1968

Ark.
Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu
1045

М. Бежаницкая
Л. Ватман

СБОРНИК ТЕКСТОВ ДЛЯ СТУДЕНТОВ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

На русском и эстонском языках

Тартуский государственный университет
ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 18

Ответственный редактор Э. Вайгла

Корректор Л. Аболдуева

==========

Ротапринт ТГУ 1968. Сдано в печать 24/I 1968 г.
Печ. листов 26,0 (условных 23,7) Учетн.-издат.
листов 21,35. Тираж 750 экз. Бумага 30х42/4
МВ 11636. Заказ № 372

Цена 60 коп.

Юрий Казаков

Тихое утро

Еще только-только прокричали сонные петухи, еще темно было в избе, мать не доила корову и пастух не выгонял стадо в луга, когда проснулся Яшка.

Он сел на постели, долго таращил глаза на голубоватые потные окошки, на смутно белеющую печь. Сладок предрассветный сон, и голова валится на подушку, и глаза слипаются, но Яшка переборол себя, спотыкаясь за лавки и стулья, стал бродить по избе, разыскивая старые штаны и рубаху.

Поев молока с хлебом, Яшка взял удочки и вышел на крыльцо. Деревня, будто большим пуховым одеялом, была укрыта туманом. Все исчезло, притаилось сейчас.

Яшка соскочил с крыльца, замахнулся удочками на подвернувшегося под ноги петуха и весело затрусил к риге. У риги он вытащил из-под доски ржавый косарь и стал рыть землю. Почти сразу же начали попадаться красные и лиловые холодные червяки. Толстые и тонкие, они одинаково проворно уходили в рыхлую землю, но Яшка все-таки успевал выхватывать их и скоро набросал почти полную банку. Подсыпав червякам свежей земли, он пробрался к сараю, где спал его новый приятель - Володя.

Яшка заложил в рот испачканные пальцы и свистнул. Потом сплюнул и прислушался. Было тихо.

- Володька! - позвал он. - Вставай!

Володя зашевелился на сене, долго возился и шуршал там, наконец неловко слез, наступая на незавязанные шнурки. Лицо его, измятое после сна, было бессмысленно и неподвижно, стоя уже внизу, рядом с Яшкой, он все дергал тонкой шеей, поводил плечами и почесывал спину.

- А не рано! - сипло спросил он, зевнул и, покачнувшись, схватился за лестницу.

Яшка разозлился: он встал на целый час раньше, червяков накопал, удочки притащил ..., а если по-правде говорить,

то и встал-то он сегодня из-за этого заморыша, хотел рыбные места показать - и вот вместо благодарности и восхищения - "рано!"

- Для кого рано, а для кого не рано! - зло ответил он и с пренебрежением осмотрел Володю с головы до ног.

Володя выглянул на улицу, его лицо оживилось, глаза заблестели, он начал торопливо зашнуровывать ботинки. Но для Яшки вся прелесть утра была уже отравлена.

- Ты что, в ботинках пойдешь? - презрительно спросил он и посмотрел на оттопыренный палец своей босой ноги.

- А калоши наденешь?

Володя промолчал, покраснел и принялся за другой ботинок.

- Ну да... - меланхолично продолжал Яшка, ставя удочки к стенке. - У вас там в Москве, небось, босиком не ходят...

- Ну и что! - Володя снизу посмотрел в широкое, насмешливо-злое лицо Яшки.

- Да ничего... Забежи домой, пальто возьми...

- Ну и забегу! - сквозь зубы ответил Володя и еще больше покраснел. Яшка заскучал. Зря он связался со всем этим делом. На что уж Женька да Колька Воронковы - рыбаки, а и те признают, что лучше его нет рыболова во всем колхозе. Только отведи на место, да покажи - яблоками засыплют! А этот... пришел вчера,вежливый... "Пожалуйста, пожалуйста"... Дать ему по шее что ли? Надо было связываться с этим москвичом, который, наверно, и рыбы в глаза не видел, идет на рыбалку в ботинках...

- А ты галстук надень, - съязвил Яшка и хрипло засмеялся. - У нас рыба обижается, когда к ней без галстука суешься.

Володя наконец справился с ботинками и, подрагивая от обиды ноздрями, глядя прямо перед собой невидящим взглядом, вышел из сарая. Он готов был отказаться от рыбалки и тут же разреветься, но он так ждал этого утра! За ним нехотя вышел Яшка, и ребята молча, не глядя друг на друга, пошли по улице. Они шли по деревне, и туман отступал перед ними, откры-

вая все новые и новые дома, и сараи, и школу, и длинные ряды молочно-белых построек фермы...

Володя жестоко страдал. Он сердился на себя за грубые ответы Яшке, сердился на Яшку и казался сам себе в эту минуту неловким и жалким. Ему было стыдно своей неловкости, и, чтобы хоть как-нибудь заглушить это неприятное чувство, он думал ожесточась: "Ладно, пусть... Пускай издевается, они меня еще узнают, я не позволю им смеяться! Подумаешь, велика важность босиком идти!" Но в то же время он с откровенной завистью и даже с восхищением поглядывал на босые Яшкины ноги. Он завидовал Яшкиному загару и его походке.

Проходили мимо колодца.

- Стой! - сказал хмуро Яшка. - Попьем!

Он подошел к колодцу, загремел цепью, вытащил тяжелую бадью с водой и жадно приник к ней. Пить ему не хотелось, но он считал, что лучше этой воды нигде нет, и поэтому каждый раз, проходя мимо колодца, пил ее с огромным наслаждением. Вода, переливаясь через край бадьи, плескала ему на босые ноги, он поджимал их, но все пил и пил, изредка отрываясь и шумно дыша.

- На,пей! - сказал он наконец Володе, вытирая рукавом губы.

Володе тоже не хотелось пить, но чтобы еще больше не рассердить Яшку, он послушно припал к бадье и стал тянуть воду мелкими глоточками, пока от холода у него не заломило в затылке.

- Ну как водичка? - самодовольно осведомился Яшка, когда Володя отошел от колодца.

- Законная! - отозвался Володя и поежился.

- Небось в Москве такой нету? - ядовито прищурился Яшка.

Володя ничего не ответил, только втянул сквозь сжатые зубы воздух и примиряюще улыбнулся.

- Ты ловил ли рыбу-то? - спросил Яшка.

- Нет... Только на Москве-реке видел, как ловят, - упавшим голосом сознался Володя и робко взглянул на Яшку. Это признание несколько смягчило Яшку, и он, пощупав банку с червями,

сказал как бы между прочим:

– Вчера наш завклубом в Плешанском бочаге сома видел.

У Володи заблестели глаза.

–Большой?

– А ты думал! Метра два... А может и все три – в темноте не разобрать было. Не веришь?

– Врешь! – восторженно выдохнул Володя и подернул плечами; по его глазам было видно, что верит он всему безусловно.

– Я вру? – Яшка изумился. – Хочешь вечером сегодня ловить! Ну?

– А можно? – с надеждой спросил Володя, и уши его порозовели.

– А чего... – Яшка сплюнул, вытер нос рукавом. – Снасть у меня есть. Ночью костер запалим... Пойдешь?

Володе стало необыкновенно весело, и он только теперь почувствовал, как хорошо выйти утром из дому. Как славно и легко дышится, как хочется побежать по этой мягкой дороге, помчаться во весь дух, подпрыгивая и взвизгивая от восторга!

Что это затрещало так громко в поле? Мотоцикл? Володя вопросительно посмотрел на Яшку.

– Трактор! – ответил важно Яшка.

– Трактор? Но почему он трещит?

– Это он заводится... Скоро заведется... Слушай. Во-во.. Слыхал? Загудел! Ну теперь пойдет...

Володя посмотрел в ту сторону, откуда слышался гул трактора, и тотчас спросил:

– Туманы у вас всегда такие?

– Не... А вообще в туман рыба берет – успевай таскать!

– А какая у вас рыба?

– Рыба-то? Рыба всякая... И караси, щука, ну, потом эти... окунь, плотва, лещ... Еще линь. Знаешь линя? Как поросенок. То-олстый! Я сам первый раз поймал – рот разинул.

– Много можно поймать?

– Гм... Всяко бывает. Другой раз кило пять, а другой – раз так только... кошке.

– Что это свистит? – Володя остановился поднял голову.

– Это? Это утки летят...

– Ага... А это что?

– Дрозды звенят... Ты дроздов-то ловил когда?

– Никогда не ловил...

– У Мишки Каюненка сетка есть, вот погоди, пойдем ловить... Потешные они... У меня один всю зиму жил, так повсякому умел: и как паровоз, и как пила.

Деревня скоро осталась позади, впереди еле проглядывала темная полоса леса.

– Долго еще идти? – спросил Володя.

– Скоро... вот рядом, – каждый раз отвечал Яшка.

Вышли на бугор, свернули вправо, спустились вниз, прошли через льняное поле, и тут совсем неожиданно перед ними открылась река. Она была небольшой и часто разливалась глубокими мрачными омутами.

Солнце наконец взошло; тонко заржала в лугах лошадь, и как-то необыкновенно быстро посветлело, порозовело все вокруг, еще отчетливей стала видна седая роса на елках и кустах, а туман пришел в движение, поредел и стал неохотно открывать стога сена, темные на дымчатом фоне близкого теперь леса. В омутах раздавались редкие тяжкие всплески.

Володя готов был хоть сейчас начать ловить, но Яшка шел все дальше берегом реки. Они почти по пояс вымокли в росе, когда Яшка шепотом сказал: "Здесь" – и стал спускаться к воде. Нечаянно он оступился , влажные комья земли посыпались из-под его ног. Володя облизал пересохшие губы и спрыгнул вслед за Яшкой вниз. Оглядевшись, он поразился мрачности, которая царила в этом омуте. Здесь, у воды,было сыро, угрюмо и холодно.

– Тут,знаешь,глубина какая? – Яшка округлил глаза. Тут и дна нету... Володя немного отодвинулся от воды и вздрогнул, когда у противоположного берега гулко ударила рыба.

– В этом бочаге у нас никто не купается...

– Почему? – слабым голосом спросил Володя.

– Засасывает... Как ноги опустил вниз, так все... Вода,

как лед, и вниз утягивает.

Яшка стал разматывать удочки. Он нетерпеливо поглядывал на воду, и каждый раз, когда шумно всплескивала рыба, лицо его принимало напряженно-страдальческое выражение. Размотав удочки, он передал одну из них Володе, отсыпал ему в спичечную коробочку червей и глазами показал место, где ловить. Закинув насадку, Яшка , не выпуская из рук удилище, нетерпеливо уставился на поплавок. Почти сейчас же закинул свою насадку и Володя, но зацепил при этом удилищем за ветлу. Яшка страшно взглянул на Володю, выругался шепотом, а когда перевел взгляд опять на поплавок, то вместо него увидел только легкие расходящиеся круги. Яшка тотчас с силой подсек, плавно повел рукой вправо, с наслаждением почувствовал, как в глубине заходила рыба, но напряжение лески вдруг ослабло, и из воды выскочил пустой крючок. Яшка задрожал от ярости.

- Ушла, а?.. Ушла... - прошептывал он, надевая мокрыми руками нового червя на крючок.

Снова забросил насадку и снова, не выпуская из рук удилища, неотрывно смотрел на поплавок, ожидая поклевки. Но поклевки не было и даже всплесков не стало слышно. Рука у Яшки скоро устала и он осторожно воткнул удилище в мягкий берег. Володя посмотрел на Яшку и тоже воткнул свое удилище.

Солнце поднималось все выше, заглянуло наконец и в этот мрачный омут. Вода сразу ослепительно засверкала, и загорелись капли росы на листьях, на траве и на цветах.

Володя, жмурясь, посмотрел на свой поплавок , потом оглянулся и неуверенно спросил:

- А что, может рыба в другой бочаг уйти?

- Ясное дело! - злобно ответил Яшка. - Та сорвалась и всех распугала. А здоровая, верно была... Я как дернул, так у меня руку сразу вниз потащило! Может, на кило потянула бы.

Яшке немного стыдно было, что он упустил рыбу, но, как часто бывает, вину он готов был приписать Володе. "Тоже мне рыбак!" - думал он. Он хотел чем-нибудь уколоть Володю, но вдруг схватился за удочку: поплавок чуть шевельнулся. Он мед-

ленно вытащил удочку из земли и, держа ее на весу, чуть приподнял вверх. Поплавок снова качнулся, лег набок, чуть подержался в таком положении и опять выпрямился. Яшка перевел дыхание, скосил глаза и увидел, как Володя, побледнев, медленно приподнимается. Яшке стало жарко, пот мелкими капельками выступил у него на носу и верхней губе. Поплавок опять вздрогнул, пошел в сторону, погрузился наполовину и наконец исчез, оставив после себя едва заметный завиток воды. Яшка, как и в первый раз, перехватил удочку другой рукой и, чувствуя сильные и частые рывки , опять плавно повел руками вправо. Володя подскочил к Яшке и блестя круглыми глазами, закричал тонким голосом:

- Давай! Давай, давай!

- Уйди! - просипел Яшка, пятясь, часто переступая ногами. На мгновенье рыба вырвалась из воды, подняла фонтан розовых брызг и опять ринулась в холодную глубину. Но Яшка все пятился и кричал:

- Врешь, не уйде-ешь!...

Наконец он подвел упирающаяся рыбу к берегу, рывком выбросил ее на траву и сейчас же упал на нее животом. У Володи пересохло горло, сердце неистово колотилось...

- Что у тебя? - присев на корточки спрашивал он. - Покажи, что у тебя?

- Ле-ещ! - с упоением выговорил Яшка.

Он осторожно вытащил из-под живота большого холодного леща, повернул к Володе свое счастливое широкое лицо, засмеялся было, но улыбка его внезапно пропала, глаза испуганно уставились на что-то за спиной Володи, он съежился, ахнул:

- Удочка-то... Глянь-ка!

Володя обернулся и увидел, что его удочка, отвалив ком земли, медленно сползает в воду и что-то сильно дергает леску. Он вскочил, споткнулся и, на коленях подтянувшись к удочке, успел схватить ее. Удилище сильно согнулось.

- Держи! - крикнул Яшка.

Но в этот момент земля под ногами у Володи зашевелилась, он потерял равновесие, выпустил удочку, нелепо, будто ловя

мяч, всплеснул руками, звонко крикнул: "Аа-аа" - и упал в воду.

- Дурак! - закричал Яшка.

Но взглянув на воду, он замер: Володя в трех метрах от берега бил, шлепая по воде руками, запрокидывая к небу белое лицо с выпученными глазами, захлебывался и, окунаясь в воду, все силился что-то крикнуть, но получилось: "Уаа. Уаа..."

"Тонет! - с ужасом подумал Яшка. - Утягивает!" Он попятился вверх, прочь от воды... Земля сыпалась у него из-под ног, он упирался трясущимися руками и, совсем как во сне, неповоротливо и тяжело лез вверх.

Яшка выскочил на луг и кинулся к деревне, но не пробежав и десяти шагов, остановился, будто споткнувшись, чувствуя, что убежать никак нельзя. Поблизости не было никого, и некому было крикнуть о помощи... Яшка судорожно шарил в карманах и сумке в поисках хоть какой-нибудь бечевки и, не найдя ничего, бледный, стал подкрадываться к бочагу. Подойдя к обрыву, он заглянул вниз, ожидая увидеть страшное и в то же время надеясь, что все как-то обошлось, и опять увидел Володю, Володя теперь уже не бился, он почти весь скрылся под водой, только макушка была еще видна. Она скрывалась и опять показывалась, скрывалась и показывалась...

Яшка, не отрывая взгляда от этой макушки, начал расстегивать штаны, потом вскрикнул и скатился вниз. Высвободившись из штанов, он, как был, в рубашке, с сумкой через плечо, прыгнул в воду, в два замаха подплыл к Володе, схватил его за руку.

Володя сразу же вцепился в Яшку, быстро-быстро стал перебирать руками, цепляясь за рубашку и сумку, наваливаться на него. Вода хлынула Яшке в рот. Он попытался выставить из воды свое лицо, но Володя, дрожа, все карабкался на него, и тогда ужас охватил его. Он понял, что Володя утопит его, что пришла его смерть, дернулся из последних сил, забарахтался, закричал так же нечеловечески страшно, как кричал Володя минуту назад, ударил его ногой в живот, вынырнул и в ужасе бросился к берегу.

И, только ухватясь рукой за прибрежную осоку, он опомнился и посмотрел назад. Вода в омуте успокоилась, и никого уже не было на ее поверхности. Из глубины весело выскочили несколько пузырьков воздуха, и у Яшки застучали зубы. Он оглянулся: ярко светило солнце, и листья кустов и ветлы блестели, радужно горела паутина между цветами... Все было так же, как и всегда, все дышало покоем и тишиной, и стояло над землей тихое утро, а между тем вот только сейчас, совсем недавно случилось страшное - только что утонул человек, и это он, Яшка, ударил, утопил его.

Яшка моргнул, опустил осоку, повел плечами под мокрой рубашкой, глубоко, с перерывами вдохнул воздух и нырнул. Открыв под водой глаза, он не мог сначала ничего разобрать. Яшка опустился еще ниже, проплыл немного, задевая руками и лицом за травы, и тут увидел Володю.

Чувствуя, что сейчас задохнется, Яшка рванулся к Володе, схватил его за руку, зажмурился, торопливо дернул тело Володи вверх и удивился, как легко и послушно оно последовало за ним. Вынырнув, он жадно задышал.

Не выпуская Володиной рубашки, он стал подталкивать его к берегу. Плыть было тяжело. Почувствовав дно под ногами, Яшка вылез сам и вытащил Володю. Перевернув Володю на спину, он стал разводить его руки, давить на живот, дуть в нос. Он запыхался и ослабел, а Володя был все такой же белый и холодный. "Помер", - с испугом подумал Яшка, и ему стало очень страшно. Убежать бы куда-нибудь, спрятаться.

Яшка всхлипнул от ужаса, вскочил, схватил Володю за ноги, вытянул, насколько хватило сил, вверх и, побагровев от натуги, начал трясти. И в тот самый момент, когда Яшка, окончательно обессилев и упав духом, хотел бросить все и бежать, куда глаза глядят, - в этот самый момент изо рта Володи хлынула вода, он застонал. Яшка выпустил Володины ноги, закрыл глаза и сел на землю.

Володя оперся слабыми руками, привстал, точно собирась куда-то бежать, но снова повалился. Яшка отполз в сторону и расслабленно смотрел на Володю. Никого сейчас не любил

он больше Володи, никто на свете не был ему милее этого бледного, испуганного и страдающего лица. Робкая влюбленная улыбка светилась в глазах Яшки, с нежностью смотрел он на Володю и бессмысленно спрашивал:

- Ну как? А? Ну как?..

Володя немного оправился, вытер рукой лицо, взглянул на воду и незнакомым, хриплым голосом, с заметным усилием, заикаясь, говорил:

- Как я... то-нул...

Тогда Яшка вдруг сморщился, зажмурился, из глаз у него брызнули слезы, и он заревел, заревел горько, безутешно, сотрясаясь всем телом, задыхаясь и стыдясь своих слез. Плакал он от радости, от пережитого страха, от того, что все хорошо кончилось.

Глаза Володи потемнели, рот приоткрылся, с испугом и недоумением смотрел он на Яшку.

- Ты,что? - выдавил он из себя.

- Да-а... - выговорил Яшка, что есть силы стараясь не плакать и вытирая глаза штанами. - Ты что-о... утопа-ать..., а мне тебя... спаса-а-ать...

И он заревел еще отчаяннее и громче.

Вода в омуте давно успокоилась, рыба с Володиной удочки сорвалась, удочка прибилась к берегу. Светило солнце, пылали кусты, обрызганные росой, и только вода в омуте оставалась все такой же черной.

Воздух нагрелся, и горизонт дрожал в его теплых струях. Издали, с полей, с другой стороны реки, вместе с порывами теплого ветра летели запахи сена и сладкого клевера. И запахи эти, смешиваясь с более дальними, но острыми запахами леса, и этот легкий теплый ветер были похожи на дыхание проснувшейся земли, радующейся новому светлому дню.

Слова

до́ить подо́ить	-	lüpsma
слипа́ться слипнуться+ (глаза́)	-	kinni vajuma
спотыка́ться споткну́ться+	-	komistama
прита́иться+	-	end peitma, varjama
труси́ть	-	sõrkima
ри́га	-	rehi
пробира́ться пробра́ться+	-	hiilima
заморы́ш разг.	-	kõnn
пренебреже́ние	-	halvustus, põlgus
язви́ть съязви́ть+ перен.	-	pilkama, torkama
ноздря́	-	ninasõõre
бадья́	-	puuämber
бочаг обл.	-	я́ма на дне реки́
снасть	-	püügiriist(ad)
карась	-	koger
плотва́	-	särg
поте́шный разг.	-	naljakas
о́мут	-	hauakoht jões; veekeeris
всплеск	-	laksatus, laks, laksak
разма́тывать размота́ть+ что?	-	lahti kerima
наса́дка	-	sööt
уди́лище	-	õngeritv
ветла́	-	hõbepaju
поклёвка	-	näkkamine
рывок	-	tõmme; põksak, rapsak
неи́стово	-	meeletult, pööraselt
упое́ние	-	ekstaas, joovastus
пя́титься попя́титься+	-	taganema

бечёвка - nöör
радужный - vikerkaarevärviline
паутина - ämblikuvõrk
трясти
тряхнуть кого? что? - raputama, saputama

Задание I. Придумайте вопросы к тексту, используйте их при устном пересказе.

Задание 2. Ответьте на вопросы, используйте при этом цитаты из текста.

I. Что заставило Яшку в первый момент убежать и сразу же вернуться после падения Володи в омут?
2. Почему первая попытка спасти товарища не удалась Яшке?
3. Что заставило Яшку вторично нырнуть в омут?
4. Как мальчики восприняли благополучный исход этой истории?
5. Как вел бы себя Володя на месте Яшки?

Задание 3. Составьте характеристику Яшки и Володи, опираясь на текст от слов "Еще только-только прокричали сонные петухи..." до... "Деревня скоро осталась позади..."

Задание 4. Замените в словосочетаниях выделенные слова синонимичными и составьте предложения:
только-только проснуться, вытащить из сумки, сказать сквозь зубы, побежать во весь дух, самодовольно спросить, изредка раздаваться, зря связаться, быстро обернуться, скрыться под водой, обошлось хорошо.

Задание 5. Выпишите в один столбик глаголы, которые употребляются с -ся и без -ся, в другой, которые без -ся не употребляются. Составьте с ними по 6 предложений.
Оглянуться, успокоиться, прислушаться, издеваться, смеяться, связываться, схватиться, изумляться, проснуться, отодвинуться, отказаться, сердиться, улыбаться, спотыкаться, пятиться, приподниматься, осведомиться, спрятаться, остановиться, спускаться.

Задание 6. Определите значение слова свежий в данных сочетаниях. Подберите антонимы и переведите на родной язык.
Свежая земля, свежее молоко, свежие яйца, свежие фрукты, свежее сено, свежее варенье, свежий огурец, свежая вода, свежий

воздух, свежий ветер, свежий чай, свежее белье, свежий цвет лица, свежие новости, свежая мысль, свежая голова, свежая газета.

Задание 7. Найдите подлежащее и сказуемое в двух последних абзацах рассказа. Определите, чем они выражены.

Кот-ворюга

(По К. Паустовскому)

Мы пришли в отчаяние. Мы не знали, как поймать этого рыжего кота. Он обворовывал нас каждую ночь. Он так ловко прятался, что никто из нас его толком не видел. Только через неделю удалось, наконец, установить, что у кота разорвано ухо и отрублен кусок грязного хвоста.

Это был кот, потерявший всякую совесть, кот-бродяга и бандит. Звали его за глаза Ворюгой.

Он воровал все: рыбу, мясо, сметану и хлеб. Однажды он даже разрыл в чулане жестяную банку с червями. Их он не съел, но на разрытую банку сбежались куры и склевали весь наш запас червей.

Объевшиеся куры лежали на солнце и стонали. Мы ходили около них и ругались, но рыбная ловля все равно была сорвана.

Почти месяц мы потратили на то, чтобы выследить рыжего кота.

Деревенские мальчишки помогали нам в этом. Однажды они примчались и, запыхавшись, рассказали, что на рассвете кот пронесся, приседая, через огороды и протащил в зубах рогатку с окунями.

Мы бросились в погреб и обнаружили пропажу рыбы; там было десять жирных окуней, пойманных нами. Это было уже не воровство, а грабеж средь бела дня. Мы поклялись поймать кота и вздуть его за бандитские проделки.

Кот попался этим же вечером. Он украл со стола кусок ливерной колбасы и полез с ним на березу. Мы начали трясти березу. Кот уронил колбасу, она упала на голову Рувиму. Кот смотрел на нас сверху дикими глазами и грозно выл.

Но спасения не было, и кот решился на отчаянный поступок. С ужасающим воем он сорвался с березы, упал на землю, подскочил, как футбольный мяч, и умчался под дом.

Дом был маленький. Он стоял в глухом, заброшенном саду. Каждую ночь нас будил стук диких яблок, падавших с веток на его крышу.

Дом был завален удочками, яблоками и сухими листьями. Мы в нем только ночевали. Все дни, от рассвета до темноты, мы проводили на берегах бесчисленных протоков и озер. Там мы ловили рыбу и разводили костры в прибрежных зарослях.

Чтобы пройти к берегу озер, приходилось вытаптывать узкие тропинки в душистых высоких травах. Их венчики качались над головами и осыпали плечи желтой цветочной пылью.

Возвращались мы вечером, исцарапанные шиповником, усталые, сожженные солнцем, со связками серебристой рыбы, и каждый раз нас встречали рассказами о новых выходках рыжего кота.

Но, наконец, кот попался. Он залез под дом в единственный узкий лаз. Выхода оттуда не было.

Мы заложили лаз старой рыболовной сетью и начали ждать. Но кот не выходил. Он противно выл, как подземный дух, выл непрерывно и без всякого утомления.

Прошел час, два, три... Пора было ложиться спать, но кот выл и ругался под домом, и это действовало нам на нервы.

Тогда был вызван Ленька, сын деревенского сапожника. Ленька славился бесстрашием и ловкостью. Ему поручили вытащить из-под дома кота. Ленька взял шелковую леску, привязал к ней за хвост пойманную днем рыбку и закинул ее через лаз в подполье.

Вой прекратился. Мы услышали хруст и хищное щелканье - кот вцепился зубами в рыбью голову. Он вцепился мертвой хваткой. Ленька потащил за леску. Кот отчаянно упирался, но Ленька был сильнее, и, кроме того, кот не хотел выпускать крупную рыбу. Через минуту голова кота с зажатой в зубах рыбой показалась в отверстии лаза.

Ленька схватил кота за шиворот и поднял над землей. Мы впервые его рассмотрели как следует.

Кот зажмурил глаза и прижал уши. Хвост он на всякий случай подобрал под себя. Это оказался тощий, несмотря на постоянное воровство, огненно-рыжий кот-беспризорник с белыми подпалинами на животе. Рассмотрев кота, Рувим задумчиво спросил:

- Что же нам с ним делать?

- Выдрать! - сказал я.

– Не поможет, – сказал Ленька. – У него с детства характер такой. Попробуйте его накормить как следует.

Кот ждал, зажмурив глаза.

Мы последовали этому совету, втащили кота в чулан и дали ему замечательный ужин: жареную свинину, заливное из окуней, творожники и сметану.

Кот ел больше часа. Он вышел из чулана пошатываясь, сел на пороге и мылся, поглядывая на нас и на низкие звезды зелеными нахальными глазами. После умывания он долго фыркал и терся головой о пол. Это, очевидно, должно было означать веселье. Мы боялись, что он протрет себе шерсть на затылке.

Потом кот перевернулся на спину, поймал свой хвост, пожевал его, выплюнул, растянулся у печки и мирно захрапел.

С этого дня он у нас прижился и перестал воровать.

На следующее утро он даже совершил благородный и неожиданный поступок.

Куры влезли на стол в саду и, толкая друг друга и переругиваясь, начали склевывать из тарелок гречневую кашу.

Кот, дрожа от негодования, прокрался к курам и с коротким победным криком прыгнул на стол.

Куры взлетели с отчаянным воплем. Они перевернули кувшин с молоком и бросились, теряя перья, удирать из сада.

Впереди мчался, икая, голенастый петух, прозванный "Горлачом".

Кот несся за ним на трех лапах, а четвертой, передней лапой бил петуха по спине. От петуха летели пыль и пух. Внутри его от каждого удара что-то бухало и гудело, будто кот бил по резиновому мячу.

После этого петух несколько минут лежал в припадке, закатив глаза, и тихо стонал. Его облили холодной водой, и он отошел.

С тех пор куры опасались воровать. Увидев кота, они с писком и толкотней прятались под домом. Кот ходил по дому и саду, как хозяин и сторож. Он терся головой о наши ноги. Он требовал благодарности, оставляя на наших брюках клочья рыжей шерсти.

Мы переименовали его из Ворюги в Милиционера. Хотя Рувим и утверждал, что это не совсем удобно, но мы были уверены, что милиционеры не будут на нас за это в обиде.

Слова

жестяно́й	- plekk-, plekist
склёвывать склева́ть + что?	- (ära) nokkima
объеда́ться объе́сться+	- liigsöömisega endale viga tegema, liigsöömisest haigeks jääma
примча́ться	- (juurde, kohale) tormama
по́греб	- kelder
прото́к	- jõeharu
за́росли	- tihnik, padrik, rägastik, puhmastik
вы́ходка	- temp
лёска	- õngenöör
то́щий	- kõhn
приживáться прижи́ться +	- kohanduma, sisse elama, eluga harjuma
ика́ть икну́ть+	- luksuma; kokutama
голена́стый	- pikakoivaline
никто́ толком не видел	- никто хорошо не видел
звать за глаза	- seljataga nimetama
средь бе́ла дня	- päise päeva ajal
вздуть за проде́лки	- vempude eest tuupi tegema, v.nahk peale andma
схвати́ть за ши́ворот	- kraest v. turjast kinni haarama
лежа́ть в припа́дке	- meelemärkuseta olema
закати́в глаза́	- silmad pahupidi

Задание I. Произнесите правильно:

следи́ть	дека́н
ходи́ть	де́ти
дере́вня	де́ло
де́тство	де́вочка
день	в оби́де

Задание 2. Подберите прилагательные к следующим существительным:

ночь, запас, хвост, рассвет, совет, колбаса, рыба, поступок, хлеб.

Задание 3. Выпишите из текста и словаря 20 существительных 3-го склонения и образуйте от них творительный падеж единст. числа; с некоторыми из них составьте предложения.

Задание 4. Объясните разницу в значении глаголов: прийти, прибежать, примчаться.

Задание 5. Определите вид глаголов, подберите к ним видовую пару, составьте с ними словосочетания:
поймать (кого? что?), рассмотреть (кого? что?), накормить (кого? чем?), съесть (что?), разводить (что?), совершить (что?), требовать (чего? от кого?), установить (что?), обнаружить (что?), проводить (кого? что?).

Задание 6. Придумайте предложения со следующими глаголами движения: идти - ходить, лезть - лазить, тащить - таскать, лететь - летать, нести - носить, плыть - плавать, вести - водить, гнать - гонять, ехать - ездить, ползти - ползать.

Задание 7. Образуйте от данных выше бесприставочных глаголов движения приставочные глаголы. Напишите с некоторыми из них предложения.

Задание 8. Расскажите какой-нибудь случай из жизни животных.

Задание 9. Составьте план прочитанного рассказа и используйте его при устном пересказе.

Задание 10. Составьте небольшой рассказ на тему "На рыбной ловле", используйте в нем следующие слова и словосочетания:
от рассвета до темноты, на берегу озера, ловить рыбу, разводить костер, прибрежные заросли, поймать рыбу, удочка, шелковая леска, рыболовная сеть, жестяная банка, возвращаться вечером, связка серебристой рыбы, удачная ловля.

Задание 11. Сделайте синтаксический разбор предложения.
Пора было ложиться спать, но кот выл и ругался под домом, и это действовало нам на нервы.

Задание I2. Объясните другими словами выражения: никто его толком не видел; наконец кот попался; он вцепился мертвой хваткой; схватить за шиворот; накормить как следует; он у нас прижился.

Старый повар

В один из зимних вечеров 1786 года на окраине Вены в маленьком деревянном доме умирал слепой старик - бывший повар графини Тун. Собственно говоря, это был даже не дом, а ветхая сторожка, стоявшая в глубине сада. Сад был завален гнилыми ветками, сбитыми ветром. При каждом шаге ветки хрустели, тогда начинал тихо ворчать в своей будке цепной пес. Он тоже умирал, как и его хозяин, от старости и уже не мог лаять.

Несколько лет назад повар ослеп от жара печей. Управляющий графини поселил его с тех пор в сторожке и выдавал ему время от времени несколько флоринов.

Вместе с поваром жила его дочь Мария, девушка лет восемнадцати. Все убранство сторожки составляли кровать, хромые скамейки, грубый стол, фаянсовая посуда, покрытая трещинами, и, наконец, клавесин - единственное богатство Марии.

Клавесин был такой старый, что струны его пели долго и тихо в ответ на все возникавшие вокруг звуки. Повар, смеясь, называл клавесин "сторожем своего дома". Никто не мог войти в дом без того, чтобы клавесин не встретил его дрожащим, старческим гулом.

Когда Мария умыла умирающего и надела на него холодную чистую рубаху, старик сказал:

- Я всегда не любил священников и монахов. Я не могу позвать исповедника, между тем мне нужно перед смертью очистить свою совесть.

- Что же делать? - испуганно спросила Мария.

- Выйди на улицу, - сказал старик, - и попроси первого встречного зайти в наш дом, чтобы исповедовать умирающего. Тебе никто не откажет.

- Наша улица такая пустынная...- прошептала Мария, накинула платок и вышла.

Она пробежала через сад, с трудом открыла заржавевшую калитку и остановилась. Улица была пуста. Ветер нес по ней

листья, а с темного неба падали холодные капли дождя.

Мария долго ждала и прислушивалась. Наконец ей показалось, что вдоль ограды идет и напевает человек. Она сделала несколько шагов ему навстречу, столкнулась с ним и вскрикнула. Человек остановился и спросил:

- Кто здесь?

Мария схватила его за руку и дрожащим голосом передала просьбу отца.

- Хорошо, - сказал человек спокойно. - Хотя я не священник, но это все равно. Пойдемте.

Они вошли в дом. При свече Мария увидела худого маленького человека. Он бросил на скамейку мокрый плащ. Он был одет с изяществом и простотой - огонь свечи поблескивал на его черном камзоле, хрустальных пуговицах и кружевном жабо.

Он был еще очень молод, этот незнакомец. Совсем по-мальчишески он тряхнул головой, поправил напудренный парик, быстро придвинул к кровати табурет, сел и, наклонившись, пристально и весело посмотрел в лицо умирающему.

- Говорите! - сказал он. - Может быть властью, данной мне не от бога, а от искусства, которому я служу, я облегчу ваши последние минуты и сниму тяжесть с вашей души.

- Я работал всю жизнь, пока не ослеп, - прошептал старик и притянул незнакомца за руку поближе к себе. - А кто работает, у того нет времени грешить. Когда заболела чахоткой моя жена - ее звали Мартой - и лекарь прописал ей разные дорогие лекарства, и приказал кормить ее сливками и винными ягодами и поить горячим красным вином, я украл из сервиза графини Тун маленькое золотое блюдо, разбил его на куски и продал. И мне тяжело теперь об этом вспоминать и скрывать от дочери: я ее научил не трогать ни пылинки с чужого стола.

- А кто-нибудь из слуг графини пострадал за это? - спросил незнакомец.

- Клянусь,сударь, никто, - ответил старик и заплакал. - Если бы я знал, что золото не поможет моей Марте, разве я мог бы украсть!

- Как вас зовут? - спросил незнакомец.

- Иоганн Мейер, сударь.

- Так вот Иоганн Мейер, - сказал незнакомец и положил ладонь на слепые глаза старика, - вы невинны перед людьми. То, что вы совершили, не есть грех и не является кражей, а, наоборот, может быть зачтено вам как подвиг любви.

- Аминь! - прошептал старик.

- Аминь! - повторил незнакомец.

А теперь скажите мне вашу последнюю волю.

- Я хочу, чтобы кто-нибудь позаботился о Марии.

- Я сделаю это. А еще чего вы хотите?

Тогда умирающий неожиданно улыбнулся и громко сказал:

- Я хотел бы еще раз увидеть Марту такой, какой я встретил ее в молодости. Увидеть солнце и этот старый сад, когда он зацветет весной. Но это невозможно, сударь. Не сердитесь на меня за глупые слова. Болезнь, должно быть, совсем сбила меня с толку.

- Хорошо, - сказал незнакомец и встал. - Хорошо, - повторил он, подошел к клавесину и сел перед ним на табурет. - Хорошо! - громко сказал он в третий раз, и внезапно быстрый звон рассыпался по сторожке, как будто на пол бросили сотни хрустальных шариков.

- Слушайте, - сказал незнакомец. - Слушайте и смотрите. Он заиграл. Мария вспоминала потом лицо незнакомца, когда первый клавиш прозвучал под его рукой. Необыкновенная бледность покрыла его лоб, а в потемневших глазах качался язычок свечи.

Клавесин пел полным голосом впервые за многие годы. Он наполнял своими звуками не только сторожку, но и весь сад. Старый пес вылез из будки, сидел, склонив голову набок, и, насторожившись, тихонько помахивал хвостом. Начал идти мокрый снег, но пес только потряхивал ушами.

- Я вижу, сударь! - сказал старик и приподнялся на кровати. - Я вижу день, когда я встретился с Мартой и она от смущения разбила кувшин с молоком. Это было зимой, в горах. Небо стояло прозрачное, как синее стекло, и Марта смеялась. Смеялась, - повторил он, прислушиваясь к журчанию струн.

Незнакомец играл, глядя в черное окно.

- А теперь, - спросил он, - вы видите что-нибудь?

Старик молчал, прислушиваясь.

- Неужели вы не видите, - быстро сказал незнакомец, не переставая играть, - что ночь из черной сделалась синей, потом голубой, и теплый свет уже падает откуда-то сверху и на старых ветках ваших деревьев распускаются белые цветы. По-моему это цветы яблони, хотя отсюда, из комнаты, они похожи на большие тюльпаны. Вы видите: первый луч упал на каменную ограду, нагрел ее, и от нее подымается пар. Это, должно быть, высыхает мох, наполненный растаявшим снегом. А небо делается все выше, все синей, все великолепнее, и стаи птиц уже летят на север над нашей старой Веной.

- Я вижу все это! - крикнул старик.

Тихо проскрипела педаль, и клавесин запел торжественно, как будто пел не он, а сотни ликующих голосов.

- Нет, сударь, - сказала Мария незнакомцу, - эти цветы совсем не похожи на тюльпаны. Это яблони распустились за одну только ночь.

- Да, - ответил незнакомец, - это яблони, но у них очень крупные лепестки.

- Открой окно, Мария, - попросил старик.

Мария открыла окно. Холодный воздух ворвался в комнату. Незнакомец играл очень тихо и медленно.

Старик упал на подушки, жадно дышал и шарил по одеялу руками. Мария бросилась к нему. Незнакомец перестал играть. Он сидел у клавесина не двигаясь, как будто заколдованный собственной музыкой.

Мария вскрикнула. Незнакомец встал и подошел к кровати. Старик сказал, задыхаясь:

- Я видел все так ясно, как много лет назад. Но я не хотел бы умереть и не узнать... имя. Имя!

-Меня зовут Вольфганг Амедей Моцарт, - ответил незнакомец.

Мария отступила от кровати и низко, почти касаясь коленом пола, склонилась перед великим музыкантом.

Когда она выпрямилась, старик был уже мертв. Заря разгоралась за окнами, и в ее свете стоял сад, засыпанный цветами мокрого снега.

Слова

ве́тхий	- igivana; poollagunenud
сторо́жка	- valvuri-, vahimajake
убра́нство	- sisustus
испове́дник	- pihiisa
испове́дать	- pihtima
пусты́нный	- пустой
огра́да	- tara; müür
изя́щество	- elegants(us), peenus
греши́ть	
согреши́ть[x]	- patustama, pattu tegema
грех	- patt
великоле́пный	- hunnitu, suurepärane
лику́ющий	- juubeldav
заколдо́ванный	- nõiutud, võlutud
очи́стить со́весть	- südametunnistust rahustama
прописа́ть ле́карство	- ravimit(välja) kirjutama
сбить с то́лку	- peast segi ajama
я́блони распусти́лись	- яблони зацвели

Задание I. Прочитайте правильно :

заря́	хозя́ин
зима́	камзо́л
зо́лото	незнако́мец
звон	му́зыка
звать	сказа́ть

Задание 2. Объясните, какое значение придают приставки следующим глаголам: заплакать, заиграть, зацвести, прислушиваться, придвинуть, приподняться.

Задание 3. Составьте предложения, в каждом из которых используйте один из синонимов:

старый, старинный, давний, ветхий, древний.

Различие между ними Д.И. Фонвизин объяснил так:

"Старо то, что давно было ново; старинным называется то, что ведется издавна. Давно то, чему много времени прошло. В настоящем употреблении ветхим называется то, что от старости истлело или обвалилось. Древне то, что происходило в отдаленнейших веках... Старый человек обыкновенно любит вспомнить давние происшествия и рассказать о старинных обычаях; а если он скуп, то в сундуках его найдешь много ветхого... Сих примеров столько ныне, сколько бывало и в древние времена".

Задание 4. Образуйте сравнительную и превосходную степень от прилагательных и составьте с ними предложения: синий, высокий, великолепный, старый, холодный, горячий.

Задание 5. Составьте возможные сочетания прилагательных с существительными данными в скобках.

Тесный, узкий (дорога, доска, комната, пальто, улица, щель);
жаркий, горячий (день, дружба, погода, спор, утюг, чай);
влажный, сырой (белье, воздух, комната, климат, листья, лето, осень, погода);
спелый, зрелый (возраст, колос, мысль, человек, яблоко, ягоды);
известный, знакомый (лицо, местность, писатель, слово);
быстрый, скорый (поезд, развитие, рост, темп, течение).

Задание 6. Ответьте на вопросы.

1. Как автор описывает комнату старого повара?
2. Отчего ослеп повар?
3. Какое желание выразил старый повар перед смертью?
4. Что старик рассказал незнакомцу?
5. Как незнакомец облегчил последние минуты жизни старика?
6. Кем оказался незнакомец?
7. Какие оперы и музыкальные произведения Моцарта Вам известны?

Задание 7. Вместо точек употребите союзное слово который или какой в нужном падеже.
Дом, ... жил слепой старик, находился на окраине Вены.
Человек, ... Мария увидела на улице, что-то напевал.
Старый повар хотел увидеть жену такой, ... он встретил ее в молодости. Он увидел небо таким, ... оно было в тот день, когда он познакомился с Мартой.

Задание 8. Замените прямую речь косвенной.
- Выйди на улицу, - сказал старик, - и попроси первого встречного зайти в наш дом, чтобы исповедовать умирающего.
- Наша улица такая пустынная... - прошептала Мария, накинула платок и вышла.

Задание 9. Определите вид глаголов, подберите к ним видовую пару, поставьте к ним вопросы и составьте предложения: начинать, встречать, шептать, спросить, приказать, положить, сказать, открыть, передать, звать, заболеть.

Задание 10. Объясните разницу в значении глаголов:
шептать - говорить, кричать,
выйти - выскочить, плакать - рыдать.

Задание 11. Подберите антонимы к словам: худой (человек), дорогие (лекарства), окраина (города).

Задание 12. Составьте предложения со словами: пуста-пустынна, старый - старческий.

Музыка Верди

(По К. Паустовскому)

> Есть что-то необычайно прекрасное в обхождении смелых людей друг с другом во время опасности и несчастья.

На броневой палубе крейсера приехавший из Москвы театр ставил под открытым небом "Травиату".

Над бухтами стоял безмолвный штиль, затянутый вечерним дымом. Сигнальные фонари мерно колебались в воде около береговых утесов. Осенняя ночь приближалась очень медленно. Она останавливалась на каждом шагу и никак не могла вытеснить из глубоких бухт последние отблески заката.

Но когда на крейсере вспыхнули огни, сразу упала шумная темнота. Она была наполнена звуками встревоженной воды - журчанием, бульканием и плеском.

Стала слышна морская сутолока порта, торопливые удары весел, стук моторов, отдаленные крики рулевых, злорадный вой сирен и всплески волн, пересекавших залив по всем направлениям.

Все эти звуки стягивались от берегов и пристаней к крейсеру, где неожиданно пропел фагот в оркестре. Катеры неслись туда же, полоща в воде парадные кормовые флаги.

Татьяна Солнцева должна была играть Виолетту.

Она гримировалась в каюте командира, куда электрики-краснофлотцы провели стосвечные лампы.

Она приколола к корсажу красную камелию и напудрила похудевшее лицо. Играть ей было трудно. В Москве она оставила больного брата, почти мальчика. Он лежал в больнице и ждал тяжелой операции.

Солнцева тревожилась и потому ничего не замечала: ни города, шумного от сухой листвы и ветров, ни множества огней, носившихся с жужжанием по рейду, как золотые пчелы, ни изумительного воздуха, наполнявшего улицы запахом мокрых скал и горькой травы.

Операция была назначена на утро этого дня, но до сих пор из Москвы не было телеграммы.

Солнцева вышла на палубу, затянутую по сторонам брезентом. Грифы виолончелей были прислонены к серым орудийным башням.

Мелодия Верди вздрогнула в тишине стального корабля. Сотни молодых моряков слушали, затаив дыхание, печальный голос Виолетты. Струнный гром оркестра был слышен даже на окрестных берегах.

Помощник режиссера стоял за броневой башней, как за кулисой, и волновался. В кармане у него лежала телеграмма на имя Солнцевой. Он не знал, что делать: распечатать ли ему самому, или передать после спектакля Солнцевой, не читая. Он шепотом советовался с администратором театра.

Администратор вырвал у него из рук телеграмму и вскрыл ее.

- Ничего особенного, - сказал он, пережевывая мундштук папиросы.- Операция откладывается из-за тяжелого состояния больного. В антракте можете сказать ей об этом.

Помощник режиссера поморщился и кивнул головой.

Кочегар Вася Чухов, носивший, как и все кочегары, прозвище "подземный дух ", был приставлен к занавесу, сшитому из сигнальных флагов.

Вася слышал весь разговор около броневой башни. Широкая улыбка медленно сползла с его лица.

Во втором акте Солнцева вышла на сцену слишком торопливо. В антракте она прочла телеграмму. Голова у нее кружилась.

Когда Альфред опустился около ее ног на колени, она наклонилась и поцеловала его в юношеский висок. Тонкая голубая вена проступала на виске, совсем как у брата.

Солнцева глотала воздух и заплакала.Слезы катились из ее глаз, но она продолжала петь. Голос ее дрожал. Она видела мутные влажные пятна и не могла понять, огни ли это рампы, или звезды в воде, или бледные лица моряков.

Тогда Вася Чухов дал занавес, несмотря на сердитые окрики из-за броневой башни. Чухов вышел из повиновения. Лицо его

окаменело. На возмущенный шепот помощника режиссера он ответил зловеще и коротко:

-Будете разговаривать с командиром корабля. Я ему доложу обо всем.

Палуба гремела от аплодисментов.Простодушные зрители считали перерыв спектакля вполне законным после такой напряженной и мучительной сцены, как слезы Виолетты. Никто из них не знал, что сцена прервана "подземным духом" в самом начале.

Чухов подошел к командиру корабля, сидевшему в первом ряду, и тихо доложил о случившемся.

Командир встал. Это был молчаливый седой человек. Он видел в своей жизни много смертей в революционных боях, много штормов, гибель многих товарищей. Он знал беспощадность борьбы и неумолимость боевых приказов. Он был одинок. Все, что существовало до революции, терялось в хмуром тумане, - и донецкий шахтерский поселок, и сельская грязная школа, и люди тех времен, оставившие впечатление усталой растерянной толпы. Революция перечеркнула прошлое твердой рукой и внесла в сознание простоту и ясность. Ей он был предан как бывший шахтер и как человек точного и светлого ума.

Командир встал и прошел на сцену. Палуба еще гремела от топота матросских каблуков и рукоплесканий.

За сценой командира встретил бледный от возмущения администратор.

- Не беспокойтесь, - сказал он торопливо. - Сейчас все наладим. Пустяки! Обычные женские нервы. Она будет петь.

- Она не будет петь, - спокойно сказал командир и посмотрел в глаза администратору. - Прекратите спектакль!

Администратор пожал плечами и криво усмехнулся:- Невозможно. Наш театр работает по-ударному. Мы не можем из-за настроения актеров срывать спектакли. И, наконец, о чем говорить? Она успокоилась и вполне может петь.

Командир обернулся к Солнцевой. Она,не глядя ему в лицо, кивнула головой.

- Вы видите,она согласна, - сказал администратор и швырнул на палубу окурок.

Эта история начинала его раздражать. Становилось и неловко и стыдно.

Командир мельком взглянул на окурок, и Вася Чухов тотчас же незаметно смахнул его за борт.

- Вы находитесь на палубе корабля нашего Красного Флота, - сказал командир. Его щека со шрамом от пули чуть заметно дергалась.- Вы меня извините, но здесь я осуществляю власть и поэтому позволю себе вмешаться в ваши распоряжения. Об ударной работе вы, очевидно, имеете совершенно превратное представление. Согласие артистки значения не имеет. Я отменяю спектакль. Все. Разговоры прекращаются.

Командир поднял руку, и Вася Чухов раздвинул занавес. Зрители стихли.

- Краснофлотцы, - сказал командир спокойно, - у артистки Солнцевой произошло несчастье в семье. Ей трудно играть...

По толпе моряков прошел сдержанный гул. Все встали. Командир не успел сказать, что спектакль отменяется до лучших времен. Это было понятно для каждого краснофлотца и без объяснений командира.

- Подать к трапу катер! - негромко приказал командир.

- Есть подать к трапу катер! Есть подать катер! - начала перекликаться команда, пока не затихла на нижних палубах корабля.

Через несколько минут командир сошел с Солнцевой в катер. Краснофлотцы помогли Солнцевой, когда она опускалась по трапу. Высокий коренастый старшина осторожно положил на сиденье рядом с Солнцевой букет цветов, покраснел и крикнул негромко: - Вперед до полного!

Катер выбил из-под кормы водопады огней и пены и помчался к пристани. В катере командир сказал:

- Я снесся с командующим флотом. В скором поезде на Москву вам оставлено место. Мы успеем. У нас еще сорок минут.

Солнцева наклонила голову и перебирала цветы рукой, - она не могла говорить.

Через час скорый поезд, ревя и разбрасывая облака пара,

вырвался из последнего тоннеля. Огни города и рейда умчались за выступы отвесных скал.

Солнцева сидела в купе не раздеваясь, не снимая пальто и платка. Она смутно вспомнила огни вокзала, снег на крышах товарных вагонов, Москву, затопленную полярной ночью, и матовый свет в коридорах больницы.

Так же смутно она помнила лицо брата, улыбнувшегося ей с больничной койки.

- Все сошло удачно, - сказал Солнцевой профессор с сердитой острой бородкой. - Все сошло на редкость удачно.

Солнцева осторожно поцеловала брата во влажный юношеский висок. На нем чуть заметно проступала тонкая голубая вена.

А через несколько часов опять была ночь, вокзал, носильщик, с трудом доставший билет, гром железных мостов, снега, угрюмый закат в степях за Харьковом и, наконец, синий дым глубоких бухт, высокое солнце и мягкий воздух приморской осени.

Солнцева бросилась к окну, - да, крейсер синел на рейде, он никуда не ушел! Солнцева начала рвать торопливо оконный ремень. Она хотела высунуться и протянуть к крейсеру руки, махать ему до беспамятства белым платком. Но окно не открывалось, и Солнцева вспомнила, что уже зима, что солнце светит здесь, на краю южных прекрасных широт, как последняя память о лете.

"Лишь бы наши не уехала, лишь бы их застать!" - думала Солнцева. Своих она еще застала в приморском городе.

Через день на крейсере был снова поставлен прерванный спектакль. Когда "подземный дух" раздвинул занавес и на сцену вышла Солнцева, моряки встали, и грохот неслыханных на рейде аплодисментов потряс окрестные берега. Простые полевые цветы падали к ногам Солнцевой и перемешивались со старинными шелками и синим бархатом венецианских нарядов. Командир стоял в первом ряду и дружески улыбался.

Солнцева наклонила голову. Она почувствовала в глазах прежнюю тяжесть слез, но это были слезы благодарности и дружбы.

Она подавила их, подняла голову и рассмеялась. И тотчас же вздохнул оркестр, и щемящая мелодия Верди заглушила плеск волн.

Солнцева отколола камелию от корсажа и бросила ее на палубу. Вместо камелии она приколола сухой и пыльный лиловый цветок. Это был цветок городских окраин, брошенный ей Васей Чуховым.

Она пела блистательно. Голос ее звенел и томился над бухтами. Старые рыбаки сидели на берегах у воды, слушали и удивлялись силе человеческой молодости.

Командир слушал и думал, что ничего не дает такого расцвета таланту, как дружба и простое товарищеское внимание.

Казалось, Виолетта пела в своей родной Венеции. Дым звезд роился над береговыми утесами. Блеск огней достигал до самого дна бухты, так прозрачна была морская вода. Воздух дрожал от невидимых жарких течений. Горизонт над морем, несмотря на ночь, был светел на десятки миль, как будто наступали сумерки.

После спектакля краснофлотцы окружили Солнцеву, но внезапно и почтительно расступились. К Солнцевой шел высокий моряк - командующий флотом.

- Я хочу вас поблагодарить от имени всего флота, - сказал он. - Вы доставили нам высокую радость. Ну, как брат, понравился?

Солнцева хотела ответить, что не она, а вот эти молодые, загорелые моряки - то смешливые, то серьезные, но всегда спокойные и доброжелательные - заставили ее испытать настоящее счастье. Она подумала, что таким слушателям могли бы позавидовать и Моцарт и Бетховен, но ничего не ответила, - она только крепко, до боли, пожала руку командующему.

Слова

обхожде́ние	-	kohtlemine, käitumine
утёс	-	(kalju)rahn, kalju
вытесня́ть вы́теснить+	-	välja tõrjuma

отблеск	-	kuma; vastuhelk
сутолока	-	rüsin; möll
бульканье	-	vulin
висок	-	oim, meelekoht
неумолимость	-	järeleandmatus
щемящий	-	valuline; ängistav
роиться	-	kihama
под открытым небом	-	lahtise taeva all
затаить дыхание	-	hinge kinni pidama
почтительно расступиться	-	aupaklikult teed andma

Задание 1. Произнесите правильно.
Утёс, вытеснить, темнота, катер, играть, изумительный, телеграмма, тишина, тяжёлый, ответить.

Задание 2. Выпишите из текста 10 существительных 1-го склонения и 10 существительных П-го склонения; образуйте от них род. п. множ. ч. Составьте с ними 10 предложений.

Задание 3. Найдите синонимы к следующим словам:

безмолвный	закат
нестись	огонь
красный	сутолока
мокрый	трудно
тревожиться	запах
отвесный	шторм
удивляться	гул
	наладить

Задание 4. Объясните разницу и значение следующих глаголов:
усмехнуться, улыбнуться, засмеяться, захохотать.

Задание 5. Определите вид данных глаголов, подберите к ним видовую пару, составьте с ними предложения:
приближаться, тревожиться, усмехнуться, успокоиться, улыбаться, рассмеяться.

Задание 6. Придумайте предложения с данными ниже глаголами:
удивляться (чему?) - удивлять (кого? чем?); советоваться (с кем? о чем?) - советовать (кому, что) ; беспокоиться (о ком? о чем?) - беспокоить (кого? чем?); останавливаться (где?) - останавливать (кого? что?).

Задание 7. Подберите к данным глаголам видовую пару, поставьте после них вопросы и составьте с ними словосочетания:
оставить, замечать, слушать, передать, продолжать, помнить, окружить.

Задание 8. Передайте устно содержание рассказа.

Задание 9. Ответьте на вопросы.

1. Какую музыку вы любите?
2. Кто ваш любимый композитор?
3. Какие оперы Джузеппе Верди вы знаете?
4. Почему музыка Верди близка каждому человеку?
5. Какая опера Верди вам больше всего нравится и почему?
6. Какие кинофильмы, посвященные жизни и творчеству Верди, вы видели? Расскажите о них.

Задание 10. Сделайте синтаксический разбор предложения. Затем замените причастные обороты определительными придаточными предложениями.
Солнцева тревожилась и потому ничего не замечала: ни города, шумного от сухой листвы и ветров, ни множества огней, носившихся с жужжанием по рейду, как золотые пчелы, ни изумительного воздуха, наполнявшего улицы запахом мокрых скал и горькой травы.

Во глубине России

(По К. Паустовскому)

Мне хотелось рассказать хотя бы незначительные случаи, свидетельствующие о талантливости и простосердечии русского человека, и я вспомнил одно забавное происшествие, случившееся с моим приятелем и со мной.

Однажды мы поехали рыбачить на Старую Канаву. Так в этих местах зовут узкую лесную речку с быстрым течением и коричневой водой. Речка эта протекает далеко от человеческого жилья, в глубине леса, и добраться до нее не так-то просто. Сначала нужно ехать сорок километров на поезде, потом километров тридцать идти пешком.

Возвращались мы на следующий день. В лесные тихие сумерки мы вышли к станции на железной дороге. Был уже август, кое-где на березах висели первые пожелтевшие листья. То один, то другой лист загорался по очереди золотым пламенем от луча заходящего солнца.

Подошел маленький поезд, весь из пустых товарных вагонов. Мы влезли в тот вагон, где было побольше народа. Женщины везли корзины с грибами и ягодами. Два оборванных и небритых охотника сидели, свесив ноги, в открытых дверях вагона и курили.

Сначала женщины разговаривали о своих сельских делах, но вскоре таинственная прелесть лесных сумерек вошла в вагон, и женщины, вздохнув, замолчали.

Поезд вышел в луга, и стал виден тихий закат. Солнце садилось в травы, в туманы, и шум поезда не мог заглушить птичьего пения в кустах по обеим сторонам железной дороги.

Тогда самая молодая женщина запела, глядя на закат. Пела она простую русскую песню, и кто-то из женщин начал ей подпевать.

Когда женщины замолчали, оборванный охотник сказал вполголоса своему спутнику:

- Споем и мы, Ваня, как думаешь?

- Ну что ж, споем! - согласился спутник.

Они запели. У одного был густой мягкий бас. Он лился свободно, широко, и мы все сидели, пораженные этим необыкновенным голосом.

Женщины слушали певцов, качая головами от удивления, потом самая молодая женщина тихонько заплакала, но никто даже не обернулся в ее сторону, потому что это были слезы не боли и горечи, а переполняющего сердце восхищения.

Певцы замолчали. Женщины начали благодарить их и желать им счастья и долгой жизни за доставленную редкую радость.

Потом мы спросили певца, кто он такой. Он назвал себя колхозным счетоводом из-за Оки. Мы начали уговаривать его приехать в Москву, чтобы кто-нибудь из крупных московских певцов или профессоров Консерватории послушал его голос.

"Это преступление, - говорили мы, - зарывать талант свой в землю". Но охотник только застенчиво улыбался и упорно отказывался.

- Да что вы! - говорил он. - Какая же опера с моим голосом! Да и возраст у меня не такой , чтобы ломать свою жизнь. У меня в селе сад, жена, дети учатся в школе. Что это вы придумали ехать в Москву! Я в Москве был три года назад, так у меня от шума голова с утра до ночи кружилась и так болела, что я не знал, как поскорее убежать к себе на Оку.

Маленький паровоз засвистел тонким голосом. Мы подъезжали к своей станции.

- Вот что! - решительно сказал мой приятель охотнику. - Нам сейчас выходить. Я оставлю вам мой московский адрес и телефон. Приезжайте в Москву обязательно. И поскорей. Я вас отведу к нужным людям.

Он вырвал из записной книжки листок и торопливо написал на нем свой адрес.

Поезд подошел к станции и остановился.

Охотник при слабом свете заката прочитал записку моего приятеля и сказал:

- Вы писатель?

- Да.

– Как же, знаю. Читал. Очень рад познакомиться. Но позвольте и мне в свою очередь представиться – солист Большого театра Пирогов. Ради всего святого не обижайтесь на меня за этот обман. Одно только могу сказать на основании этого обмана: счастлива страна, где люди так горячо относятся друг к другу.

Он засмеялся.

– Я говорю, конечно, о том, с каким желанием вы хотели помочь колхозному счетоводу стать оперным певцом. И я уверен, что если бы я действительно был счетоводом, то вы не дали бы погибнуть моему голосу. Вот за это спасибо!

Он крепко пожал нам руки. Поезд тронулся, и мы остались удивленные на платформе. Тогда только мы вспомнили, что певец Пирогов каждое лето отдыхает у себя на родине в большом заокском селе недалеко от нас.

Слова

простосерде́чие	– siirus, lihtsüdamlikkus
заба́вный (слу́чай)	– veider, naljakas; lõbus lugu
угова́ривать уговори́ть+ кого?	– veenda püüdma; keelitama
зарыва́ть тала́нт в зе́млю	– annet maha matma
предста́виться	– end esitlema

Задание I. Изложите устно содержание прочитанного рассказа.

Задание 2. Расскажите об известном вам певце или певице ЭССР.

Задание 3. Определите вид данных глаголов, подберите к ним видовую пару, составьте с ними предложения:
добиваться (чего?), соглашаться (с кем? с чем?), восхищаться (кем? чем?), благодарить (кого? за что?), желать (чего?) болеть (чем?), знакомиться (с кем? с чем?), помогать (кому? чему?), отказываться (от чего?).

Задание 4. Найдите в тексте и по словарю I5 слов, которые употребляются только во множественном числе; с некоторыми из них составьте предложения.

Задание 5. Сделайте синтаксический разбор предложений и объясните употребление союзов что и чтобы в придаточных предложениях.

I. Мы начали уговаривать его приехать в Москву, чтобы кто-нибудь из крупных московских певцов или профессоров Консерватории прослушал его голос.

2. Только тогда мы вспомнили, что певец Пирогов каждое лето отдыхает у себя на родине в большом заокском селе недалеко от нас.

Задание 6. Составьте 6 предложений с союзами что и чтобы.

Задание 7. Прочитайте правильно:

мне хоте́лось
незначи́тельный слу́чай
заба́вное происше́ствие
бы́строе тече́ние
идти́ пешко́м
ти́хие су́мерки
таи́нственная пре́лесть
не мо́г заглуши́ть
реши́тельно сказа́л
хоте́ли помо́чь

Иринка сдает экзамены
(По М. Семенову)

До сих пор никто не может толком объяснить, как это произошло. Жила-была девочка, бегала в детский сад, болела корью и коклюшем, носила белый передничек, и вдруг она сдает экзамены в вуз. Событие это застало всю семью врасплох.

Правда, разговоры о том, что Иринку ожидает блестящая научная карьера, велись в доме и раньше. Когда дальние и ближние родственники собирались за столом, они всегда спрашивали Иринку:

- Скажи, девочка, кем ты будешь?

И ко всеобщему удовольствию Иринка говорила:

- Аспилантулой!

Где она подхватила это словечко, сказать было трудно. Скорее всего из разговоров взрослых о соседе, старом холостяке, который добрый десяток лет числился в аспирантуре какого-то института, регулярно получал стипендию и жил себе припеваючи. Во всяком случае ответ Иринки всем очень нравился, ее называли умницей и совали в руки конфету.

Но годы шли. Иринка научилась совершенно четко произносить "р", и разговоры о том, кем она станет, когда вырастет большая, сами собой прекратились. И вот - как гром среди ясного неба! Приходит человек домой, показывает карточку абитуриента и совершенно спокойно заявляет:

- Мама, я сдала документы в педагогический. В понедельник первый экзамен.

Маме стало плохо. Она залилась слезами и приняла валидол. Но тем не менее бросилась к телефону, чтобы мужественно принять на свои плечи службу оповещения.

Родственники реагировали на полученное известие по-разному. Папа сказал коротко:

- Сейчас еду, - и повесил трубку.

Бабушка Ева, по профессии пианистка-аккомпаниатор, приказала маме:

- Измерь у Иринки температуру и посади ее в ванну.

За свою долгую жизнь бабушка Ева убедилась: ничто так не содействует укреплению человеческого духа, как вода. Каждый раз, когда ей предстояло аккомпанировать особенно прославленной солистке, бабушка обязательно принимала горячую ванну.

Мамин брат, дядя Костя, посоветовал:

- Я бы на твоем месте немедленно телеграфировал Ивану. У него же огромный авторитет.

А когда сенсационное известие дошло до живущей на Арбате тети Даши, она смогла сказать только:

- Ну и дела! - и грохнула об пол приготовленную для варенья шестилитровую банку.

Никто в семье не имел более или менее четкого представления о том, как сдаются экзамены.

Правда, папа и мама имели среднетехническое образование, бабушка Ева - высшее, а дядя Ваня, которому в скором времени предстояло получить телеграмму, являлся даже кандидатом технических наук. Так что все они испытывали на себе довольно мучительную процедуру, именуемую экзаменами.

Но это было давно.

На устроенном вечером семейном совете выяснилось, что сведения и опыт, которыми располагали его участники в современных условиях не могут найти никакого применения. Дядя Костя без труда доказал это.

- О чем вы говорите? Серебряная медаль, отличные школьные педагоги, Иринкина начитанность и эрудиция - какое все это имеет значение.

- Но у нас есть возможность пригласить репетиторов, - робко вставила бабушка Ева.

- Репетиторы! Скажите мне еще о визите к доброму умному профессору, который вложит в юную душу уверенность в своих силах... Это же девятнадцатый век! Тургеневские времена!

- Что же нам надо? - беспокойно спросил папа.

- Надо иметь руку, - безаппеляционно заявил дядя Костя.

И он нарисовал довольно мрачную картину, ожидающую Иринку. В первую очередь в вузы принимаются производственники и

демобилизованные воины армии и флота. Потом лауреаты различных математических, физических и литературных конкурсов и викторин. К ним примыкают юноши и девицы, имеющие близкие родственные связи среди профессорско-преподавательского состава института. И выдающиеся бегуны, пловцы, футболисты, зарекомендовавшие себя высокими спортивными достижениями на юношеских спартакиадах. Наконец, все остальные... Таким образом, на каждое место набирается по пятидесяти претендентов. В этих условиях Иринка погибнет, как швед под Полтавой. Ее может спасти только сильная рука, способная растолкать сорок девять человек, преградивших ей путь к месту на студенческой скамье.

- Нужно немедленно телеграфировать Ивану, - повторил дядя Костя.

Когда телеграмма была послана, стали думать о других спасительных мерах.

- У меня есть неплохая идея, - сказала мама. И вызвала по телефону своего племянника Сергея, настройщика телевизоров.

- Скажи мне, - спросила мама Сережу, когда он явился, - можешь ли ты сделать так, чтобы телевизор работал без ремонта в течение года?

Сережа глубоко задумался. Он допускал, что владелец телевизора мог обходиться без вызова мастера неделю, месяц, полгода... Но чтобы целый год? Нет, такого случая за всю его обширную практику еще не было. Но тетка, которую он нежно любил, ждала от него именно этого... И скрепя сердце он сказал:

- Могу. Все силы приложу, но он,проклятый, будет у меня работать двенадцать месяцев, как часы.

- Вот и чудесно! - воскликнула мама.

Тут же она изложила свою идею. Не может быть, чтобы председатель приемной комиссиии не имел телевизора. И не мучился с ним. Сережа является на квартиру председателя, настраивает телевизор и сообщает его владельцу, что теперь в течение года он не будет иметь никаких забот с телевизором.

- Молодой человек, - восхищенно говорит председатель , успевший за время владения телевизором приобрести устойчивый

вегетативный невроз, - как мне отблагодарить вас?

- Мне не нужно никакой благодарности, - скромно говорит Сережа. - Облегчать участь владельцев аппаратов, воспроизводящих заслуженно забытые киноленты, - мой долг. Единственная моя просьба заключается в том, чтобы вы проявили минимальное внимание к моей двоюродной сестре, сдающей экзамены в ваш институт.

Все признали ход, придуманный мамой, достойным гроссмейстера.

Тогда в дискуссию включился папа.

- Ни один уважающий себя полководец не предпринимает наступательной операции, не разработав во всех деталях плана на случай отступления. Предположим, что у председателя нет телевизора.

Такого оборота не мог никто предвидеть. А папа тем временем продолжал:

- Имеет ли интересующий нас человек телевизор, увлечен ли рыбной ловлей, коллекционированием почтовых марок или является заядлым автомобилистом - все это гадание на кофейной гуще. Достоверно только одно: председатель приемной комиссии - мужчина. Во всяком случае девяносто девять шансов против одного, что дело обстоит именно так. И из этого надо исходить. А раз так, решающее слово должно принадлежать Дарье Федоровне.

Тетя Даша вся обратилась во внимание.

Папа коротко пояснил свою мысль. Известно, что тетя Даша состоит в комиссии по торговле и общественному питанию. Она приходит на квартиру к председателю и заявляет, что комиссия проводит заочную конференцию покупателей данного района и хотела бы выслушать его замечания и предложения. О чем говорит председатель? Конечно, о том, что в магазинах нет лезвий для безопасных бритв. И тут тетя Даша от имени комиссии вручает председателю небольшой подарок: десять пачек лезвий.

- Взятка? - спросил дядя Костя.

- Зачем так говорить? - поморщился папа. - К подарку должен быть приложен официальный магазинный чек. Председатель растроган, он просит Дарью Федоровну присесть, заботливо расспра-

шивает ее о работе, о семейных делах. И тут она закидывает удочку насчет Иринки...

Шумные аплодисменты покрыли последние слова папы.

Фантазия участников семейного совета разыгралась вовсю. Предложения сыпались, как из рога изобилия, одно лучше другого. После того, как были выпиты два чайника чаю и съедены три торта, председатель оказался окруженным со всех сторон.

На следующее утро приехал дядя Ваня со своей супругой Ольгой Владимировной.

- Буду готовить Иринке обеды, - заявила она и отправилась на рынок за продуктами.

В отличие от многих работников общественного питания, Ольга Владмировна считала, что к каждой человеко-единице нужен строго индивидуальный подход. Характер питания, по ее мнению, зависит не только от состояния здоровья человека, рода работы, времени года, но и от чисто психических переживаний. Так влюбленному следует употреблять один вид пищи, разочарованному - другой, удостоенному награды - третий, подвергнувшемуся острой общественной критике - четвертый и так далее. Ну, а как питаться человеку, сдающему экзамены? Этот вопрос Ольга Владимировна всесторонне обдумала еще по дороге в Москву, и теперь в ее голове сложился совершенно четкий распорядок завтраков, обедов и ужинов Иринки. Так что Ольга Владимировна чувствовала себя вполне в своей тарелке.

Сложнее обстояло дело с дядей Ваней.

Дядя Костя ничуть не преувеличивал. Иван Федорович, действительно, обладал огромным авторитетом. Но в очень ограниченной области: он был проектировщиком заводских и фабричных труб. Можно смело сказать, что на всем протяжении от Владивостока до Клайпеды за последние двадцать лет ни одна труба не была поставлена без прямого или косвенного участия Ивана Федоровича.

Да, Иван Федорович, несомненно, являлся крупнейшим и авторитетнейшим специалистом своего дела. Но было абсолютно неясно, как можно увязать его обширные знания в области монтажа заводских труб с педагогикой. Вот почему, в отличие

от своей супруги, он попал, как кур во щи. Наскоро побрившись, он помчался в редакцию журнала "Котлы и трубы", где у него было немало друзей, чтобы посоветоваться с ними, чем он может быть полезен своей племяннице.

Между тем прошел день, второй, третий... И на горизонте появились грозные предзнаменования.

Во-первых, выяснилось, что у председателя приемной комиссии нет не только телевизора, но даже простейшего радиоприемника.

Во-вторых, председатель оказался женщиной, к тому же незамужней.

В-третьих, выяснилось, что дядя Ваня не только не в состоянии растолкать претендентов на место под институтской крышей, толпящихся впереди Иринки, но не может даже шевельнуть пальцем. Сильной "руки" из него не получилось. Правда, его научили, что нужно позвонить Петру Аркадьевичу, тот позвонит Генриху Трофимовичу, а он Елизавете Григорьевне и так далее, пока просьба не дойдет до председателя приемной комиссии. Но из этого ничего не вышло. Где-то в середине длинной цепочки произошло замыкание, и просьба дяди Вани не была услышана.

К тому же, вопреки совету бабушки Евы, Иринка категорически отказалась лезть в ванну и совершенно игнорировала обеды, завтраки и ужины Ольги Владимировны. Схватив кусок любимой колбасы и булку, она стремительно куда-то убегала, а психологические обеды стыли и прокисали на газовой плите.

Это была полная катастрофа.

Но странное дело - на Иринке это никак не отразилось. Находясь в полном неведении относительно чрезвычайных мер, принятых ее родственниками, она жила обычной жизнью абитуриентов: сидела с утра до вечера в читальне, ходила ко всем консультантам, простаивала в коридорах у дверей, за которыми подвергались "экзекуции" ее сверстницы и сверстники, и дрожала, как осиновый лист, вытягивая экзаменационный билет.

Прошло три недели. Вся семья была в сборе, когда явилась Иринка.

– Поздравьте меня – я студентка Московского педагогического института имени Ленина, – и протянула изумленным родственникам студенческий билет и зачетную книжку.

– Ира, родная,– рыдая проговорила мама. – Ведь ты же должна была провалиться, мы же не сумели ничего для тебя сделать...

– Да, не сработала ни одна пружина, – печально подтвердил папа.

– Произошло чудо! – воскликнула бабушка Ева.

А между тем никакого чуда не произошло. Просто сработал тот фактор, значение которого совершенно отрицал дядя Костя: Иринка хорошо подготовилась к экзаменам.

Оказалось, что этот фактор так же надежно действует в веке нынешнем, как действовал в веке минувшем.

Слова

сова́ть	– pistma, torkama
су́нуть+	
оповеще́ние офиц.	– teadustamine
просла́вленный высок.	– kuulus
располага́ть чем? книжн.	– käsutuses omama
нача́танность	– lugemus; eruditsioon
ро́бкий	– kartlik, arglik
раста́лкивать	– laiali v. kõrvale tõukama
растолка́ть+ кого? что?	
настро́йщик	– häälestaja
усто́йчивый	– püsiv
зая́длый разг.	– innukas, äge, kirglik
достове́рный	– kindel, usaldatav
исходи́ть из чего?	– lähtuma
взя́тка	– pistis, altkäemaks
мо́рщиться	– kulmu kortsutama; nägu krimpsutama
помо́рщиться+	
предзнаменова́ние книжн.	– enne, märk
замыка́ние	– lühiühendus
неве́дение	– teadmatus

заста́ть врасплох	- ootamatult tabama
подхвати́ть сло́во	- sõna võtma v. saama (kuskilt)
жить припева́ючи	- elama nagu kuninga kass
ну и дела́	- vaat kus lugu, küll on lugu
сдава́ть	eksameid, arvestusi tegema
сдать+ экза́мены, зачёты	- v. sooritama
вы́держать экза́мен	- eksamit sooritama
сказа́ть скрепя́ се́рдце	- südant kõvaks tehes ütlema
обрати́ться во внима́ние	- tähelepanelikuks muutuma
фанта́зия разыгра́лась вовсю́	- fantaasia lõi lõkkele
чу́вствовать себя́ в свое́й таре́лке	- ennast oma sõiduvees tundma
попа́сть,как кур во щи	- vahele jääma, kimbatusse sattuma

Задание I. Произнесите правильно:

собы́тие	забы́ть
семья́	земля́
сове́т	заве́т
совеща́ние	завеща́ние
сати́ра	зади́ра
собра́ть	забра́ть
сожгли́	зажгли́
слой	злой

Задание 2. От следующих слов образуйте родительный падеж множ. числа:
экзамен, вуз, событие, семья, словечко, сосед, слеза, профессия, солистка, место, время, вечер, сведение, медаль, возможность, армия, викторина, пловец, путь, скамья.

Задание 3. К каждому из данных синонимов подберите определяемые существительные:
а) обидный, оскорбительный, резкий, грубый;
б) иностранный, заграничный, зарубежный;
в) прочный, твердый, крепкий, надежный, устойчивый, незыблемый;
г) смелый, бесстрашный, храбрый, отважный.

Задание 4. Расскажите о ваших вступительных экзаменах, используя сочетания слов, данные выше.

Задание 5. Ответьте на вопросы.

1. О какой карьере для Иринки мечтали родственники?
2. Какую профессию Иринка выбрала?
3. Как родственники реагировали на ее выбор?
4. Как родственники представляли себе вступительные экзамены?
5. Какую картину нарисовал дядя Костя?
6. Что придумала мать Иринки?
7. Что предложил отец Иринки?
8. Как бабушка и Ольга Владимировна помогали Иринке поступать в вуз?
9. Чем кончились хлопоты родственников?
10. Что помогло Иринке поступить в вуз?

Задание 6. Выпишите из текста 15 переходных глаголов с относящимися к ним существительными; к глаголам подберите видовую пару.
Образец: сдает экзамены - сдаст экзамены; показывает карточку - покажет карточку.

Задание 7. Объясните другими словами следующие выражения: застать врасплох, жить припеваючи, обратиться во внимание, чувствовать себя в своей тарелке, попасть, как кур во щи.

Задание 8. Замените страдательный оборот действительным.
Когда письмо было послано, они стали думать о других спасительных мерах.

Босоножки
(По В. Василевской)

Она подняла голову с подушки и облокотилась на руку. Лицо у нее было обычное: чуть широковатый нос, бледные, нечеткого рисунка губы; хороши были лишь одни глаза, прозрачные, большие, и брови, казавшиеся слишком темными по сравнению с цветом волос и бледной кожей.

- Ложитесь, ложитесь же!

- Ничего. Я уже могу садиться. А врач обещал, что скоро разрешит мне даже вставать.

- Рая у нас молодец, - сказала сестра и погладила девушку по голове.

Девушка улыбнулась бледными губами.

Я старалась не смотреть на кровать. В одном месте одеяло заметно прогибалось, выдавая отсутствие ноги.

- Красивые цветы, - сказала я растерянно, не зная, как начать разговор.

Она оживилась.

- Это мне школьники принесли.

- Столько этих цветов приносят, присылают, прямо ставить некуда. На ночь выносить приходится, а то голова может заболеть, - вмешалась сестра.

- И шоколадный набор прислали...

- А ты даже коробку не открыла.

Девушка покраснела. Румянец едва заметной волной поплыл под бледной кожей. Теперь она казалась почти красивой.

- Это братику, когда придет.

- Все ты братику, - заметила сестра. - А сама?

- Я не очень люблю шоколадные конфеты, - сказала Рая и вдруг покраснела так сильно, что у нее увлажнились глаза. Она увидела у меня на коленях коробку конфет.

- Тогда пусть и это будет братику, - воспользовалась я моментом и положила коробку на столик под букет разноцветных флоксов и настурций.

- Вернее не то, что не люблю, - пыталась она сгладить

свою неловкость, - но...

- Братик большой?

- Нет, во втором классе. Отличник, - похвалилась она. - Только непоседа ужасный, - учительница все жалуется. Но, по-моему, она не права. На него кричать нельзя. А вот по-хорошему ему все можно растолковать. Только, конечно, нужно терпение.

-Разве учительнице не хватает терпения?

Она снова покраснела. Пожалуй, она в самом деле красива. Прозрачны были не только глаза; любое самое мимолетное чувство так ясно и выразительно отображалось на ее полудетском личике, словно вся она светилась насквозь, эта девятнадцатилетняя Раиса Иванова, которая бросилась на рельсы, чтобы спасти ребенка из-под колес мчавшегося паровоза.

- А ты, Рая, тоже собираешься стать учительницей?

- Я училась... - Голос ее дрогнул. - Училась в педагогическом институте. А теперь сама не знаю...

- А чего не знаешь? - перебила сестра. - Из тебя такая учительница выйдет, что лучше не найти!

Из букета на тумбочке Рая осторожно вытащила яркий цветок настурции и стала поглаживать бархатный пушок.

- Ты чего? - нарочито грубо сказала сестра. - Не унывай, все будет лучше, чем тебе кажется.

- Я не унываю. Просто так...

- А вот и не надо "просто так". Ты ведь молодец, правда, Рая?

- Вы сестра со мной, как с маленьким ребенком...

- С маленьким! И вовсе не с маленьким, а с большим! Ты мне в дочки годишься, верно? - обратилась она ко мне.

- Конечно, - подтвердила я.

- Теперь я вас на минуточку оставлю, надо и к другим заглянуть, - сказала она и тихо притворила за собой дверь. Рая с улыбкой поглядела ей в след.

- Все меня хвалит. Боится, как бы я не раскисла, - неожиданно, будто про себя, произнесла она, забыв, казалось, о моем присутствии. Она снова глядела на огненный цветок на-

стурции, машинально поглаживая лепестки. - А я и не думаю киснуть. Приходил тут один корреспондент...

- Должно быть, тебя многие навещают?

- Многие. Сначала даже маму мою не хотели впускать, до того я была слаба. Больше всего я люблю, когда приходят дети. И подруги... А мама... Я даже просила, чтобы маму пускали только в приемные дни, иначе она готова каждый день ходить сюда.

- На то она и мама, что хочет тебя чаще видеть.

- Да... И я тоже... Только мама все время плачет. Уговариваю ее, что нечего плакать, а она все свое. Тяжело мне.

Она умолкла и задумалась.

- А корреспондент?

- Да совсем забыла... Он спросил не жалею ли я. Разве можно такое спрашивать?

- И что ты ему ответила?

- Ничего. Сестра накричала на него, велела уходить. И он ушел. А вообще неприятно, когда с тобой разговаривают и тут же что-то записывают в блокнот. Мог ведь, раз ему нужно, записать потом. А то сидит и пишет. Тогда пропадает всякое желание разговаривать. Понятно, это ему нужно для газеты. Может быть, так и надо, если знаменитость какая-нибудь, известная актриса или доярка, - тогда другое дело.

- Ты ведь теперь тоже стала известная, Рая.

- Я? Нет, это совсем другое. Я даже просила не пускать ко мне чужих, но главврач сказал, что совсем не пускать нельзя. Известность...

Это, должно быть, приятно, но мне нет. Неловко как-то... Чистая случайность, что я там оказалась, могла бы там не проходить, и тогда не было бы никаких корреспондентов, никто ни о чем бы меня не расспрашивал. Конечно, я рада, что мальчик жив и с ним ничего не произошло. Он ко мне приходит и его родители тоже. Мать у него симпатичная, она мне очень понравилась . Эти вот цветы в вазочке на окне, это от нее. Завяли немного, но я просила не выбрасывать, потому что, если она придет в четверг - четверг тоже приемный день, - она, пожа-

луй, обидится, что ее цветы выбросили.

Действительно, розы уже поникли, не успев еще полностью распуститься.

- Попроси сестру положить в воду аспирин, тогда дольше простоят.

- А на счет того, что спрашивал тот товарищ из газеты... Я не жалею. Иногда ночью задремлю, проснусь и очень долго не могу опять заснуть, все лежу... Нет, не жалею. Не могла я поступить иначе. Иногда приходят в голову всякие мысли: что, если бы я не засиделась у Нины и ушла домой раньше - мы тогда как раз готовились вместе к экзамену, а там на дороге никого не было, только я одна, потому что я пошла напрямик, через железнодорожные пути, так мне ближе. Нет, ни о чем не жалею...

Неожиданно она улыбнулась.

- Одно вот только... - И она запнулась.

- Что же такое?

- Неловко как-то сказать... Я даже Нине не говорила. А вам скажу. Сама не знаю почему, но скажу. Это, конечно, глупо, но...

- В чем дело?

- Не станете смеяться?

- Нет, Рая, уверяю вас, что нет.

Она чуть повернулась так, чтобы не видать моего лица.

- Потому что как раз... как раз за неделю до этого... я купила босоножки. Совсем случайно. Зашла в магазин. Смотрю - босоножки... Белые с тремя ремешками... Чудесные! К счастью, у меня были с собой деньги, и я купила эти босоножки, к любому платью подойдут. В тот день шел дождь, я поставила их в шкаф и все думала, как их надену... Так и не пришлось надеть. Только из коробки вынула посмотреть... раз или два, а может, три, не помню... Никогда не было у меня таких босоножек. Вам, должно быть, смешно слушать?

Я с трудом проглотила комок, застрявший в горле.

- Вот одного этого, пожалуй, мне жаль, босоножек этих. Так и не надену их никогда... Но ведь это глупо, правда?

Через открытое окно в больничную палату струилось золотистое сияние. Худые пальцы девушки гладили красный бархатный цветок настурции, горевший в ее бледных ладонях, как раскаленный уголек.

Слова

облока́чиваться облокоти́ться+	на что?	küünarnukile toetuma, käsipõsikile laskuma
увлажня́ться увлажни́ться+		niiskuma
насту́рция		kress
непосе́да		püsimatu, kärsitu(inimene)
дро́гнуть+		võpatama
уныва́ть		norutama, nukrutsema
лепесто́к		kroonleht
навеща́ть навести́ть+	кого?	külastama
дрема́ть задрема́ть+		tukkuma, suikuma
наси́живаться насиде́ться+		kauaks(istuma) jääma
запина́ться запну́ться+		(kõnes)takerduma, kogelema
комо́к		tomp
застрева́ть застря́ть+		kinni jääma

вмеша́ться в разгово́р	end jutu vahele segama
притвори́ть дверь	ust koomale tõmbama
накрича́ть на кого?	kellegagi kärkima
идти́ напрями́к	otse minema

Задание I. Выпишите из текста I5 слов с шипящими и прочитайте их правильно.

Задание 2. Найдите в тексте и в словаре слова общего рода, подберите к ним определения и составьте с ними предложения.

Задание 3. Найдите синонимы к данным словам:

разговор	неловко
скоро	иногда
цвет	неожиданно
большой	смотреть
обычный	рисунок
момент	едва

Задание 4. Расскажите о каком-либо подвиге.

Задание 5. Расскажите текст своими словами.

Задание 6. Сделайте синтаксический разбор предложения.
Конечно, я рада, что мальчик жив и с ним ничего не случилось.

Задание 7. Замените прошедшее время будущим:

погладила девушку, разрешил ей, она улыбалась, она улыбнулась, начал разговор, прислал цветы, Рая покраснела, он воспользовался моментом, мальчик обратился к сестре, скоро забыла.

Вл. Лидин

Под крыльями земля

Мать умерла, и Катя осталась совсем одна на белом свете. Отец погиб еще в самом начале войны, когда Кате шел второй год, и мать была всей ее, Кати, жизнью, и всей ее любовью и всеми ее помыслами, а теперь ничего не осталось. Теперь осталась комната с помутневшими стеклами окон, столь помутневшими, что сердце заходилось от тоски, стоило только взглянуть на эти стекла. Зима еще не началась, но осень уже кончилась, и за окном стоял туман, насупленный и хмурый, словно сам не знал, с чего ему начать: с обложного ли дождя или с мокрого снега и гололедицы...

В Ленинграде жил брат матери Игорь Константинович Свержеев, о котором мать сокрушалась десять лет, а потом он вернулся, жил уединенно, всех растеряв, на письма отвечал коротко, отвыкнув от переписки, и Катя, в поисках отблеска души матери, поехала к нему в Ленинград. Игорь Константинович, по чистой случайности, жил в той же квартире, которую занимал когда-то, но за годы его отсутствия умерла жена, сын во время войны пропал без вести, в квартире проживало сейчас несколько семейств, а Игорю Константиновичу досталась комната в самом конце коридора, длинного как переулок.

- Я - Катя... а мама умерла, вот мы с вами и совсем одни, дядечка!

Катя сказала это с порывом, кинулась было к нему, но он только поцеловал ее в лоб, чуть надавил обеими руками на плечи , чтобы она села, и Катя села.

- Да, - сказал Игорь Константинович, - потери, потери.

Он был высокий, в черной шелковой ермолке на лысой голове и, должно быть, очень красивый в молодости; брови у него лежали широкими дугами, но зубы он растерял за десять лет, и теперь, белые, вставные, больше всего говорили о старости.

- А я вот живу со своим другом, - сказал он, - умник и все понимает.

Черный длинношерстный пудель, должно быть, действительно, все понимал, он стоял возле Кати, смотрел на нее добрыми глазами, и Катя погладила его по голове и почесала за ухом.

– Умник, – повторил Игорь Константинович. – Пирует!

Пудель чуть отошел и ловко перевернулся через голову.

– Так вот и живем с ним, – сказал Игорь Константинович. – Утром и вечером гуляем. Весь Невский до самого Адмиралтейства и обратно. Ты зачем приехала в Ленинград?

Катя хотела ответить: – Повидать вас, дядечка, – но сдержалась и сказала:

– У меня здесь подруга живет.

– Да...– Игорь Константинович подумал.– Может, чаю выпьешь? Могу согреть, хотя терпеть не могу ходить в общую кухню.

– Нет, я уже пила,– ответила Катя поспешно. – Я вообще скоро пойду... наверно, еще сегодня вечером уеду в Москву.

Дядя подумал и, вероятно, чтобы развлечь ее, подозвал пуделя, положил ему на нос кусок сахара, и пудель сидел на задних лапах с сахаром на носу, пока хозяин не сказал: – Ешь!

Пудель подкинул сахар, поймал его и стал грызть.

– Мой друг, единственный, – сказал Игорь Константинович, и Кате стало жаль его, все растерявшего за десять лет, а главное, наверно, потерявшего самого себя, его молодые зубы мертво белели из-под полоски седых, модно подбритых усов, но совсем ни к чему это было. Игорь Константинович подарил ей фотографию, на которой был снят с сестрой подростками, на матери, тогда двенадцатилетней, было клетчатое шотландское платьице, и она со своим блеском черных глаз казалась отважной, а брат походил скорее на девочку, волосы у него были подстрижены челочкой, он смотрел в аппарат робко, и нельзя было представить себе, что когда-то Игорь Константинович был таким. Катя спрятала фотографию, посидела еще немного, Игорь Константинович заставил пуделя повертеться, крикнув ему по-французски: "A marche forsee, и пудель прошелся по комнате на задних лапах. Он еще

хрустел кинутым сахаром,когда Катя поднялась,сказала грустно

– Вот мы и повидались, дядечка, – и Игорь Константинович потрепал ее по щеке и поцеловал в лоб.

А вечером она уехала обратно в Москву, оставаться дальше в Ленинграде было незачем, и Катя теперь уже твердо знала, что осталась совсем одна на белом свете...

В Москве зимы еще не было, но осень уже кончилась, рваные темные облака толкались в небе, и утром, когда Катя торопилась в архитектурную мастерскую, в которой работала чертежницей, было еще совсем сизо, а возвращалась она, когда снова было сизо, наползал ноябрь, и было страшно подумать, как будет, когда он придвинется совсем. Катя возвращалась после службы домой, ставила на плиту в кухне чайник, пила чай совсем одна, а в комнате мягко двигалась, наклонялась над ней, гладила ее по голове или целовала в волосы мать, это чувство было так сильно, что просыпаясь по утрам, Катя ждала, когда мать раздернет занавески... Но матери не было, день начинался без нее и завершался без нее, и все же нельзя было привыкнуть к этому.

Соседка по квартире Ангелина Ивановна Оловянникова, по-мужски рослая и с мужским уверенным характером, работавшая инженером в строительной организации, остановила раз Катю в коридоре.

– Места вы себе не находите, Катя, – сказала она, – и понимаю вас. Мы почему-то очень уважаем животных за их привязанность... а что касается человека, то убеждаем себя, что время лучший врач. Но время только слабое чувство излечивает, а сильное оно не излечивает. Я вам советую на год-другой уехать из Москвы, здесь все вам напоминает о вашей маме, и понимаю вас. Сейчас идет набор для одного строительства на Крайнем Севере... нужны, между прочим, чертежники, я вам советую. И места совсем другие увидите, придете в себя с вашим горем, и вообще новая жизнь захватит вас, а комната останется за вами. Подышите кислородом, не весь кислород в одной Москве.

Ангелина Ивановна говорила чуть по-мужски, с суровым с

чувствием, но она знала жизнь и плохого никогда не посоветовала бы. Катя ответила не сразу, но через несколько дней постучала к ней в комнату. .

- Я, Ангелина Ивановна, подумала, - сказала она.- Правда, мне в Москве сейчас трудно, возвращаешься - думаешь о маме, и уходишь - о ней думаешь. Может быть, действительно, мне лучше уехать на время... конечно, страшно ехать одной так далеко, но я ведь и здесь совсем одна, а у дяди единственный его друг пудель.

Так все и было решено. Катя записалась чертежницей, в архитектурной мастерской ей дали хорошую характеристику и в конце ноября, когда зима уже прибрела, надо было лететь, несколько тысяч километров лететь под зимним небом, через Урал и всю Сибирь, и где-то уже совсем на севере пересесть на другой самолет и лететь еще дальше, где большие самолеты не могут садиться.

В день отъезда Катя поехала на кладбище, заплатила за год вперед, чтобы убирали могилу матери, теперь предстояло и вовсе осиротеть уже присыпанному мелким снегом холмику, и все расплылось от слез, стоявших в глазах, когда она шла потом к выходу...

Самолет улетал в одиннадцатом часу вечера, и к семи Катя уже собралась в путь. До стоянки такси провожала Ангелина Ивановна, а чемодан нес ее племянник Ромка, рослый, как она, кончавший весной школу; стоянка такси была напротив гостиницы, но машины в этот вечерний час очень быстро разбирали, и стояла очередь. Ромка донес чемодан, потоптался, сказал: - Ну, в общем, счастливого пути, - и заторопился куда-то по своим делам. Ангелина Ивановна тоже спешила на какую-то лекцию.

- Вы пишите, Катя, сразу напишите, как устроитесь, - сказала она. - Вы правильно делаете, и я понимаю вас. - Она по-мужски тряхнула ее руку, поцеловать не решилась, или это было не в ее правилах. - А насчет вашей комнаты не беспокойтесь. Раз в неделю стану пыль вытирать, так что все будет в ажуре.

Она еще раз тряхнула ее руку, посмотрела на свои ручные часики и пошла торопливым широким шагом к остановке автобуса, а Катя осталась одна, теперь уже совсем одна, ей предстояло лететь под зимним небом тысячи километров, и прежде она никогда не летала, но она скрыла от Ангелины Ивановны, как ей страшно лететь, в воздухе она будет так безвозвратно одинока, что об этом лучше и не думать...

Впереди нее, тоже ожидая такси, стояла женщина в оленьей шубе, а из-за пазухи выглядывала совсем крохотная мордочка маленькой черной собачки, все время нервно облизывавшейся и глядевшей куда-то в сторону. Оттуда, куда она глядела, торопился невысокий пожилой мужчина, сначала с ящиком, сквозь неплотно сбитые доски которого видны были яблоки, потом от подъезда гостиницы он приволок тяжелый большой чемодан, а собачка все нервно облизывалась, беспокойно глядела ему то в след, то навстречу, пока он не принес последние свертки. Тогда он взял ее из рук женщины, и собачка быстро, облизывая ему лицо от счастья, перебралась к нему на руки, и он спрятал ее за борт своей шубы.

- Не знаю, как она на этот раз перенесет полет, - сказал он своей спутнице. - В прошлый раз летели ничего, а теперь летели - высота на нее действует, наверно, с ней то же, что и с самопищущей ручкой...

Время между тем шло, машины подходили редко, Катя озябла и стала постукивать ногами, а ее чемодан стоял рядом на земле. Потом сразу подъехали три машины, и теперь была очередь мужчины с его спутницей.

- Вам куда ехать? - спросил он Катю вдруг. - Может быть, тоже на аэродром?

- Да, во Внуково.

- Поедем вместе, потеснимся и поедем вместе. Видите, как редко машины подходят. Холодно, да и в театрах скоро начало спектаклей.

Зеленый огонек на ноябрьской стуже казался знаком жилья, несколько минут спустя они уже сидели в тепле, и хотя было тесно, но как-то по-домашнему, сближающе тесно. По дороге

неожиданно выяснилось, что Катя направляется в тот же город, откуда и ее спутники, и значит, и полетят они вместе.

- Земля круглая, - сказал мужчина, сидевший рядом с шофером, а собачка то и дело выбиралась из-под отворота его шубы и оглядывалась на сидящих позади. - Земля круглая. Значит, летим вместе.

Он говорил расположенно, хотя совсем не знал ее, Катю, не знал, кто она и зачем едет так далеко, но они были уже спутниками, и женщина, молчаливо сидевшая в углу, казалась тоже доброй, только немного страдающей: может быть, далекий путь пугал и ее, но все-таки она уже летала, а Катя еще никогда не летала, и сейчас ей казалось, будто отрывается то, что было доселе в ее жизни, и теперь все будет новое.

В аэровокзале мужчина передал собачку своей спутнице, сам побежал куда-то сдавать багаж, а Катя с женщиной осталась в зале ожидания.

- Ужасно неудобно, - сказала Катя, - я бы сама сдала свой чемодан, зачем вашему мужу беспокоиться.

- Это не мой муж, - ответила женщина. - Это главный врач нашей детской больницы Игнатий Петрович Голубков. Просто мы с ним в одно время выбрались в Москву, у моей младшей сестры недавно родилась девочка, хотелось посмотреть на племянницу. Меня зовут Анна Ивановна Мосолова, а моя специальность - огнеупоры.

Катя не решилась спросить, что это за специальность, и только посмотрела искоса на удлиненное, красивое, хотя уже не молодое лицо женщины, а собачка на ее руках явно томилась в ожидании хозяина.

- Вы где будете работать у нас? - спросила Анна Ивановна.

- В управлении строительства горнорудного комбината.

- Ну что ж, устроитесь - станем встречаться. Я ведь тоже москвичка, а теперь уже привыкла. Климат у нас крутой, зима суровая, но зато чистота, стерильность, и не простужается никто.

А потом, когда они уже узнали немного друг друга, Катя, глядя сквозь большое окно на аэродром с его приземленными зе-

леными и красными огнями, рассказала, что после смерти матери все для нее опустело, и комната, в которой они жили вместе, стала совсем пустой... Может быть, лучше, что она уезжает на два года, пусть кругом будет все совсем новое, так все-таки легче. Женщина смотрела на нее своими темными, внимательными глазами, и почему-то было уже не так страшно думать о полете, если рядом эта Анна Ивановна, видимо очень душевная, а ее специальность - огнеупоры, - наверно, требует и твердого характера... и Катя немного позавидовала ей: всегда не хватало ей, Кате, твердости, она сама понимала это, и мать не раз вздыхала и говорила: "Как ты будешь, Катя, жить с твоим мягким характером... ведь тебя если даже обидят, ты только отмолчишься".

Женщина приглядывалась к ней , и уже что-то протянулось между ними, что-то связывало их, большее чем только совместный полет за тысячи километров под зимним, хрустящим от мороза небом...

-Устроитесь - станем встречаться, - повторила Анна Ивановна. - Ваше управление недалеко от дома, в котором мы с Игнатием Петровичем живем, на улице Свободы, возле площади Ленина, а вала улица Метельная - не знаю,кто придумал такое название. Игнатий Петрович любит книги, всегда даст почитать, можно и в библиотеку не ходить. Я по вечерам всегда дома, так что и почитаем вместе, а вязать вы умеете?

- Немного умею.

- Научу вас вязать... это совсем не старушечье занятие как принято думать. Приятно связать себе хорошую кофточку.

Ее темные глаза были теплыми, что-то в их взгляде казалось знакомым, Катя еще не могла понять, что именно, а потом сразу поняла, что так смотрела на нее мать иногда, когда задумывалась о ее будущем.

- Теперь можно газетку почитать. До посадки еще много времени, - сказал Голубков, садясь рядом и отдуваясь, а собачка сейчас же перебралась к нему на колени. - Вот ваша квитанция на багаж.

- Оказывается,Катя будет работать в управлении строи-

тельства нашего горнорудного комбината, - сказала Анна Мвановна. - Станет приходить ко мне в гости по вечерам, мы уже договорились.

- Что ж, гости - дело хорошее,-одобрил Голубков.

Он снял шапку, волосы его были совсем седые, коротко остриженные, и седина была какая-то трогательная: наверно, и седина бывает высокомерной, декоративной, бывает и тружеников, как у солдата, прошедшего всю войну...

И вот они сидят втроем, дожидаясь посадки, они летят вместе, летит с ними и собачка со смешной кличкой Песик, в общем,их четверо, и они летят вместе, словно одна семья. Газеты Голубков только просмотрел, и опять его понесло куда-то.

- Никогда на месте и не посидит, - сказала Анна Ивановна, - и в больнице ни минутки на месте не посидит.

Но было в ее голосе нечто большее, чем доброе сочувствие, нечто такое, что всегда узнаешь, если человек любит другого, и именно потому, что любит, не пытается скрыть это.

- К Игнатию Петровичу и все медсестры и сиделки просто не скажешь как хорошо относятся, да и родители тоже никогда не забывают его. Только он себя совсем не щадит, а сердце у него не такое уж здоровое. А про животных или птиц и говорить нечего... У него в квартире ворона со сломанным крылом зимует. Игнатий Петрович ей две операции сделал, весной снова полетит... а без Песика он никуда не ездит.

Собачка, услышав свое имя, чуть заинтересовалась, но все же смотрела в ту сторону, куда ушел Игнатий Петрович, пока он снова не появился. Он нес осторожно в руках два бумажных стаканчика с горячим кофе, а две сладкие булочки были в пакете.

- Ну-ка,подкрепитесь, - сказал он. - В самолете сразу не будут кормить... в самолете мы не навстречу утру, а навстречу вечеру полетим, разница семь часов. Вы, Катя, наверно, еще никогда на крыльях времени не летали?

Катя пила кофе и откусывала от булочки, дала кусочек и собачке, но та только вежливо отвернулась. Потом Голубков

достал из кармана своей шубы яблоки и дал Кате и Анне Ивановне по яблоку.

– С яблоками у нас плоховато, – сказал он. – Немножко для нашей больницы прихватил. Скоро Новый год, всегда для ребят елку устраиваем, а с полиомиелитом, слава богу, покончили...–Он потер обеими руками свою седую, коротко остриженную голову. – Слава богу, что вы об этой болезни, Катя, наверно, ничего не знаете.

– Игнатий Петрович у нас лучший специалист по детским болезням, – сказала Анна Ивановна, но он посмотрел на нее как-то смутно и задумчиво, словно разглядывал ее черты.

– Долгом своим считаю написать как-нибудь об Александре Андреевиче... учитель мой, великий был детолюб, и фамилия у него была детская – Кисель. Дети страдают молча, ничего не могут объяснить, разве только плачут. Родители ваши живы? – спросил он вдруг Катю.

– Нет, – ответила она, опуская голову.

– Так, – Голубков подумал. – Ну, одна вы не останетесь, вместе летим. В Москве будет уже под вечер, когда мы в наш город прилетим, а там будет утро. Мороз крепкий, предупреждаю, но добрый, хороший мороз. Для бацилл он бактериофаг, всех до одного прищемит, – значит, он друг человека. А как только устроитесь, мы вас для общественной работы используем... поможете нам для наших больных ребятишек елку устроить, елочных украшений я везу немного, да и с прошлого года еще есть.

– Конечно, – отозвалась Катя поспешно, – я с радостью...

А еще через час объявили по радио посадку на самолет, на котором они летели. На аэродроме были мороз и ночь. Низкие красные и зеленые огни горели на поле и терялись где-то в снеговой мгле. Катя села рядом с Анной Ивановной на скамеечку в маленьком поезде из нескольких вагончиков, снег заскрипел под колесами, и поезд повез куда-то в глубину поля. Там, где он остановился наконец, стоял самолет, огромный и пока еще немой, к его раскрытой дверце была придвинута лесенка с поручнями, и Катя. чувствуя, как бьется ее сердце,

стала подниматься по ней, впереди шла Анна Ивановна, а сзади Голубков со своей собачкой за пазухой.

В самолете Катя нашла свое место в покатом глубоком кресле у окна, а места Анны Ивановны и Голубкова были как раз впереди, и, значит, в пути они будут совсем рядом. Но все же было страшно думать о том, как эта пока еще немотная громада снимается с места и понесется, так стремительно понесется, что время само будет лететь ей навстречу, вечер будет лететь навстречу дню, словно вращаешь глобус.

- Ну вот, - сказал Голубков, - разоблачайтесь. В самолете тепло, как дома. Устраивайтесь по-домашнему. И покормят и поспите... как полетим, сразу постарайтесь заснуть на часок - другой, все-таки сейчас почти уже одиннадцать часов вечера по московскому времени.

Катя сняла шубку, сидела по-домашнему в глубоком кресле, а за окном была ночь, огоньки, уходящие куда-то далеко, и вдруг что-то рвануло в ней, что-то дрогнуло в громаде, могуче и напряженно, ночь за окном сдвинулась, самолет, чуть подрагивая, пополз куда-то, пока только пополз, словно выискивая дорогу. Потом он, видимо, выбрался наконец на дорогу, постоял, моторы заревели, самолет побежал, все быстрее и быстрее, и лишь в какой-то миг Катя увидела, что зеленые и красные огни уже далеко внизу, самолет летел, и внизу, все более отдаляясь, были теперь огни города... Катя представила себе свой дом, свою опустевшую комнату, Ангелина Ивановна, наверно, уже вернулась с лекции, и Ромка давно пришел, и лифт дремлет внизу, все реже возвращается кто-нибудь так поздно.

Может быть, набирая высоту, самолет пролетел и над кладбищем, где спит мать, спит так крепко, что никакой гул моторов уже не может разбудить ее... Теперь во всем мире, пустынно простертом под крыльями самолета, не было никого близкого, и так странно, так еще совсем непонятно, что сейчас самые близкие для нее, Кати, торопливый, озабоченный Голубков и Анна Ивановна, которая, видимо, его любит... у нее был взгляд любящего человека, когда она говорила о нем, и она становилась молчаливой, когда он уходил куда-то, и оживля-

лась, когда он возвращался. А в самолете, вместе с багажом летят яблоки, совсем маленькие, но все-таки яблоки, на Севере их оценят, особенно если глубокая зима, и Новый год, и елка для детишек в больнице...

Этих мыслей было так много, и все они были разные, новая жизнь уже неслась навстречу, и нужно было думать о ней, а не о той, которая осталась в Москве; у времени свой путь, его не задерживают воспоминания.

- Ну как? - спросил Голубков, поднимаясь, потому что высокая спинка кресла мешала ему увидеть Катю. - Спит, - сказал он своей спутнице. - И чудесно, пусть спит.

А потом Катя проснулась, рядом с ней, улыбаясь, стояла девушка в пилотке, с милым простым лицом, в руках у нее был поднос, и она спросила:

- Чаю или кофе?

Она показала Кате, как выдвинуть из спинки кресла, в котором сидела впереди Анна Ивановна, столик, поставила завтрак, чашку кофе и пошла дальше, а Голубков, перегнувшись, сунул Кате полплитки шоколада. За окном было еще совсем темно, передвижка времени, наверно, должна быть скоро наступить, вечер нагонит утро или утро нагонит вечер, - кто разберется в этом несущемся мире, в котором одни летчики находят путь и определяют время по своим светящимся приборам и по голосам радио или сигналам маяков...

После завтрака Голубков поднялся из своего кресла.

- Значит, летим, - сказал он. Песик на его руках спал, или ему было не по себе. - Высота. Восемь тысяч метров. Плохо ее переносит, как самопишущая ручка.

Голубков положил собачку Кате на колени, Катя нежно погладила ее головку, собачка сразу задремала, и было почему-то особенно по-домашнему, что она доверяет ее, Кати, рукам. Голубков прошелся по проходу между кресел, в которых одни спали, другие читали при свете маленькой боковой лампочки, и вернулся в свое кресло. Ночь шла, но уже посветлело, иногда белесая полоса разорванного облака проносилась за окном, а собачка на руках Кати спала: видимо, тепло Катиных рук казалось ей надежным.

– Вы молодец, хорошо переносите полет, – сказал Голубков, снова поднявшись из своего кресла. – Печатать на машинке умеете? – спросил он вдруг.

– Да, я два года работала машинисткой, прежде чем стала чертежницей.

– Тогда превосходно. Я все-таки решил написать воспоминания о моем учителе Александре Андреевиче... кое-что даже написал уже. Написал кое-что и о работе врача на дальнем Севере. Поможете мне перепечатать?

– Конечно, – ответила Катя поспешно. – Вообще, Игнатий Петрович, если вам что-нибудь будет нужно, я с радостью... это так неожиданно получилось, что мы встретились и вот летим вместе, а мне все-таки было страшно покидать Москву.

– Мир велик, Катя, – сказал Голубков, – а под крыльями, которые несут сейчас нас с вами, – земля, а где земля, там и люди. Летим, наверно, над Новосибирском... уже почти пять часов, как вылетели. Это хорошо, что вы умеете печатать на машинке. Будете приходить по вечерам. Мы с Анной Ивановной живем в одном доме, так что я смогу диктовать вам, а она будет вязать... отлично вяжет, вот и на мне свитер ее работы. – Он провел по своему свитеру, как проводят по щеке любимого человека. – Пересаживайтесь, побеседуйте с Анной Ивановной, а я посижу в вашем кресле с Песиком.

Катя передала ему собачку, и он еще постоял с ней и подул ей в мордочку, а Катя села рядом с Анной Ивановной. Анна Ивановна чистила апельсин, и в самолете эфирно пахло его кожурой.

– Ну как, Катюша? – спросила Анна Ивановна.

Она протянула ей половину очищенного апельсина, и они сидели рядом и ели апельсин.

– Я обещала Игнатию Петровичу, что буду перепечатывать на машинке его воспоминания, – сказала Катя. – Я буду просто ужасно рада, если смогу быть чем-нибудь полезна.

– Видите, как хорошо, когда люди иногда находят друг друга, – сказала Анна Ивановна, но как-то задумчиво, словно отвечая своим мыслям. – Было время, когда я тоже осталась сов-

сем одна и не знала, как буду жить... а теперь странно вспомнить, что я боялась этого.

Она ничего не добавила, но можно было и не добавлять, что она любит Игнатия Петровича Голубкова, он погладил связанный ею свитер, как можно погладить любимого человека по щеке... и пусть они не были мужем и женой и не жили вместе, но были они вместе - детский врач Голубков и она со своими огнеупорами. Это можно было почувствовать и без того, чтобы добавлять чего-либо.

Теперь уже далеко была Москва, наверно, пролетели уже и над Новосибирском, наверно, скоро внизу пойдет тайга, густая Сибирь, и Катя видела не дом, который оставила и в котором вскоре поднимется после ночного сна Ангелина Ивановна, и Ромка пойдет в школу, и сосед - оркестрант музыкального театра - Александр Александрович Смольников направится на репетицию. Она видела другой город - в морозе и инее, почти арктический город, но в нем живут Игнатий Петрович Голубков и Анна Ивановна, их соединяет любовь, для которой не страшны никакие зимы и холода, и она, Катя, будет печатать на машинке под диктовку в теплой комнате, а в детской больнице зажгут елку, и в пакетах с подарками будет для каждого по московскому яблочку, пусть маленькому, но оно прилетело за тысячу километров на самолете...

Катя посмотрела на Анну Ивановну, и та, наверно, поняла ее, она поняла, почему из глаз Кати текут слезы, она все поняла. Она взяла ее за руку, и они сидели так, а слезы из глаз Кати все текли и текли, и рука женщины только крепче сжимала ее руку...

- Ничего, девочка, - сказала Анна Ивановна, - ничего... все будет хорошо, мы с Игнатием Петровичем постараемся, чтобы вам было хорошо, если уж судьба свела нас с вами.

А самолет все летел и летел своей дорогой, но что может значить далекий путь, если все возле сердца? Игнатий Петрович поднялся и с собачкой подошел к ним.

- Наверно, летим уже над Забайкальем, - сказал он. - Скоро будет восемь часов, как вылетели. Удивительно, как человек засунул время в карман, просто как карманные часы.

Собачка на его руках зевнула, соскочила на колени Кати, потопталась и стала устраиваться на них.

Слова

по́мысел книжн.	– mõte, nõu, kavatsus
насу́пленный разг.	– mossis
обложно́й разг.	– laus-
гололе́дица	– kiilasjää
сокруша́ться о ком? о чём?	– kurvastama
по́иски	– otsingud
о́тблеск	– vastuhelk
поры́в	– tundepuhang; hoog, tuhin
гла́дить погла́дить+ кого? что?	– silitama, paitama
чеса́ть почеса́ть+ кого? что?	– sügama
че́лка	– (juukse)tukk
си́зый	– sinkjashall
ро́слый	– suurekasvuline; kogukas
привя́занность	– kiindumus
кла́дбище	– kalmistu
осироте́ть	– orvuks jääma, orbuma
кро́хотный разг.	– tibatilluke, imepisike, pisitilluke
обли́зываться	– end lakkuma
сверто́к	– pakk, komps
зя́бнуть озя́бнуть+	– külmetama
огнеупо́ры	– tulekindlad materjalid
устра́иваться устро́иться +	– end sisse seadma; oma elujärje v. asju korraldama
простужа́ться простуди́ться+	– külmetuma, külmetusest haigestuma
вяза́ть связа́ть+ что?	– heegeldama; kuduma
отдува́ться	– lõõtsutama
одобря́ть одо́брить+ что?	– heaks kiitma

седина́	–	hallid juuksed
тро́гательный	–	liigutav
высокоме́рный	–	kõrk, suureline, ülbe
щади́ть пощади́ть+ кого?	–	säästma, hoidma
подкрепля́ться подкрепи́ться+	–	keha kinnitama
предупрежда́ть предупреди́ть + кого?что?	–	hoiatama, ette teatama
немо́й	–	tumm
по́ручень	–	käsipuu, reeling
враща́ть что?	–	pöörama, keerutama
зева́ть зевну́ть+	–	haigutama

приходи́ть прийти́+ в себя́	–	toibuma
жизнь захва́тит вас	–	elu haarab v. kisub v. viib teid kaasa
собира́ться собра́ться + в путь	–	teele valmistuma
крутой климат	–	karm kliima
смотре́ть и́скоса	–	kõõrdi v. silmanurgast vaatama

Задание I. Перескажите содержание прочитанного текста.

Задание 2. Составьте устно характеристику Кати, ее дяди Игнатия Петровича и Анны Ивановны, используя для этого цитаты из рассказа.

Задание 3. Напишите сочинение на тему "Друзья познаются в беде".

Задание 4. Составьте предложения со следующими глаголами:

устраивать	(кого?)	– устраиваться	(где?)
поднимать	(что?)	– подниматься	(куда?)
опускать	(что?)	– опускаться	(куда)
беспокоить	(кого?)	– беспокоиться	(о ком?)
советовать	(кому?)	– советоваться	(с кем?)
собрать	(кого?)	– собраться	(где?)

кинуть (что?) – кинуться (к кому?)
разбирать (что?) – разбираться (в чем?)
возвращать (что) – возвращаться (откуда)
соединить (кого?) (что?) – соединиться (с кем?)

Задание 5. Используйте следующие словосочетания в предложениях:

говорить о себе, проверить себя, просить к себе, взять с собой, позвать к себе, приучить себя, надевать на себя.

Задание 6. Найдите в тексте местоимения, определите их разряд, падеж, число и синтаксическую роль в предложении.

Задание 7. Определите форму данных глаголов, а затем поставьте их в неопределенной форме:
пропал без вести; села в кресло; отошел от окна; пойду в кино; уеду из города; ешь кашу; прошел весь путь; придете скоро; настойчиво советую; останется надолго; очень озябла; даст книгу; поможете мне; снял шляпу; устроитесь хорошо; медленно пополз; узнаешь знакомые места; зимует на севере; разберется немедленно.

Задание 8. Определите вид данных глаголов, подберите к ним видовую пару и составьте предложения:
умереть, начать, пропасть, сказать, положить, вытирать, сдавать, простужаться.

Задание 9. Сделайте синтаксический разбор предложений.

Время между тем шло, машины подходили редко, Катя озябла и стала постукивать ногами.
Он снял шапку, волосы его были совсем седые, коротко остриженные, и седина была какая-то трогательная.

Мост
(По А. Шлаену)

В это утро Андрей Мацкевич проснулся раньше обычного. Начинался рассвет. Андрей вышел из палатки. Со всех сторон его окружала тишина. Высоко над головой парил орел. Андрей невольно залюбовался стремительной легкостью его крыльев.

Тишина... Андрей огляделся по сторонам. Солнечные лучи, рассеяв предрассветный туман, позолотили вершины гор. Капли росы на скалах заблестели, заиграли, словно в каждой зажглось по маленькому солнцу. А орел все парил над горами.

-Хорошо-о-о! - во всю силу своих легких прокричал Андрей. И от вершин донеслось стоголосое: ого-го-го!..

- Подъем! - прозвучала команда. И через несколько минут лагерь наполнили веселые молодые голоса. Поднялся к небу дымок кухни. Запахло вкусным завтраком. Начались последние приготовления. Не прошло и часа, как группа альпинистов во главе с инструктором мастером спорта Андреем Мацкевичем ушла в поход.

Предстояло последнее в том сезоне восхождение на пик Щуровского. Спортсмены медленно поднимались вверх. Солнце заканчивало дневной путь, а они только достигли узенькой площадки, неизвестно как прилепившейся к скале.

Непродолжительный отдых. И вот уже снова звучит команда инструктора. Отсюда, с этой площадки, началась самая трудная часть похода - вертикальный подъем.

Далеко слышны в горах звуки ударов камней, которые, срываясь с горной кручи, стремительно проносятся мимо альпинистов. Прошло уже много времени, а до цели еще далеко. Начинает сказываться усталость.

Шаг за шагом, метр за метром спортсмены поднимаются вверх. Вдруг Андрей заметил, что большой камень, сорвавшись со скалы, летит прямо на голову его товарищу, шедшему ниже. Раздумывать некогда: оставались секунды, мгновения... Удар принять на себя! Качнулся в сторону, как раз под удар, слегка повернулся, чтобы камень попал на рюкзак, приготовился, замер... От волнения в висках стучала кровь. Казалось, что

эти глухие удары слышны далеко вокруг. Удар! И резкий крик разорвал воздух...

Боль в спине, словно электрический ток, пронзил все тело. В глазах пошли радужные круги, почему-то вспомнились утренние капли росы, и потом - темнота... Он был без сознания.

В вечернее небо взвилась ракета - сигнал бедствия. Своими силами начинать спуск с раненым товарищем альпинисты не решались: ведь у Андрея был перелом позвоночника. Так они и провели всю ночь над пропастью, крепко привязанные к скале.

Утром они были в лагере. К Андрею вернулось сознание. Как-то непривычно тихо стало в лагере. Даже разговаривать стали шепотом. Каждый невольно чувствовал себя виноватым. А днем на имя Андрея Мацкевича пришла телеграмма их Харькова. В ней сообщалось, что ему,инженеру Мацкевичу, и его соавтору Лукьянову присуждена первая премия на городском конкурсе за лучший проект моста. И тут же требовался его незамедлительный приезд в Харьков, так как на днях должны были начаться подготовительные работы на строительстве.

И Андрей, превозмогая нечеловеческую боль, стал требовать, чтобы его немедленно отправили в Харьков. Естественно, что никто даже слушать его не хотел. Все единодушно согласились в одном: у Андрея не хватит сил для такой поездки, это равносильно самоубийству. Следовало отправить его в ближайшую больницу, длительный переезд недопустим. "Нет, - все время возражал Андрей. - Мне это нужно. Помогите же мне!" Споры не могли продолжаться до бесконечности. Нужно было принимать какое-то решение.

И вот он в Харькове, в городской больнице.

За все время существования больницы в ней никогда не лежал такой больной. Нет, он не жаловался, не хандрил. Он просто во что бы то ни стало хотел жить, ему необходимо было жить.

После тщательных исследований сделали операцию. А когда Андрея привезли в палату, он через несколько дней, немного придя в себя, потребовал, чтобы к его постели немедленно поставили чертежную доску.

Врачи не могли пойти на это. Они долго совещались. Мнения разделились.

Разгорелись жаркие споры. Более осторожные советовали воздержаться, выждать. Другие предлагали разрешить. В одном только сходились все: состояние Мацкевича очень тяжелое, но... Мацкевич - человек обреченный. И Андрею разрешили. Самым лучшим может оказаться не лечение медикаментами и бесчисленными уколами, а лечение любовью к жизни. Но даже и в этом случае, по самым оптимистическим предположениям, он смог бы прожить очень недолго.

Они отлично знали медицину, но, да простят нас доктора, не учли громадной человеческой любви к жизни.

А тем временем тихая больничная палата, где даже разговаривать привыкли вполголоса, начала превращаться в рабочий кабинет. Андрей не строил себе иллюзий. Он хорошо понимал всю безнадежность своего положения. И твердо решил: ни одна минута не должна пропасть даром.

Ежедневно рано утром, как только заканчивался обход врачей, в его палате появлялся соавтор Лукьянов. А вместе с ним - запахи чудесной осени и кипучая энергия молодости.

Время - наилучший судья. Теперь уже многое казалось в проекте спорным, многое хотелось переделать. Проект требовал большой доработки. И Андрей, запертый в четырех стенах, лишенный возможности двигаться, по-новому, по-настоящему начал понимать значение такого простого и повседневного слова: "простор".

Он закрывал глаза. Вспоминалось синее утреннее небо, легкие облака и парящий орел. И в эти минуты он особенно ощущал, что проекту, как этой больничной палате, не хватает простора, не хватает стремительной легкости, как его неподвижному телу.

Почти полностью парализованный, едва двигая руками, он упорно работал. Под тонким грифелем карандаша возникал вариант за вариантом. Но слово "простор" не давало ему покоя. И вот безжалостная рука снова и снова перечеркивает чертеж. Нужно найти новое, наиболее верное, а значит, наилучшее решение. Нужно!

Лукьянов спорил с ним, защищал свою точку зрения. Перед ним был не больной Андрей, а его товарищ и соавтор, тот самый прежний Андрюшка. И эти бесконечные споры помогали Андрею, давали ему силы. А на листах ватмана начинали появляться окончательные контуры нового моста.

Об Андрее Мацкевиче говорила вся больница. Постепенно палата стала превращаться в своеобразный клуб. Сюда приходили товарищи по работе, спорту, сюда заходили больные из других комнат и отделений. Здесь никогда не было места нытью. Шутки, смех, веселье.

Врачи никак не могли понять, что же происходит. Их предсказание не сбывалось. Андрей Мацкевич жил.

Прошла осень, уже зима подходила к концу. Зазвенела первая весенняя капель. Андрей жил.

На деревьях весенняя листва. Андрей жил.

Но силы уже подходили к концу.

Днем, как и раньше, шла напряженная работа. Правда, временами уже трудно было сосредоточиться. Усилием воли он подавлял в себе слабость, и работа все-таки продолжалась. К постели подходила дежурная медсестра, чтобы сделать ему болеутоляющие уколы, но Андрей молча, одним движением головы запрещал ей это. В их составе наркотики, а для работы нужна свежая, ясная голова. Время не ждало. Он хорошо понимал, что оставались считанные дни.

Чтобы как-то заглушить боль, он пел. Пел шепотом. Он знал много песен.

До сих пор в больнице помнят эти страшные ночи. Дежурные врачи и медицинские сестры и больные стояли у его палаты. Тот, кто когда-нибудь боролся с болью, тот, кто когда-нибудь боролся со смертью, знает, чего стоит эта победа. Из-за двери доносился слабый стон и тихое пение. Многие плакали, не стыдясь своих слез, бессильные хоть чем-нибудь помочь этому замечательному человеку. Обреченному человеку.

Работа над проектом подходила к концу. И вот наконец наступил тот день, когда, кажется, исправлять уже больше было нечего. Еще и еще придирчиво смотрел Андрей на проект. И так

вдруг не захотелось расставаться с этим последним листом, последним!.. Но все уже сделано. Дрожащая рука ставит подпись в последний раз: А. Мацкевич. И сразу внутри словно что-то оборвалось. Со всех сторон навалилась звенящая тишина.

– Кончено! – чуть слышно прошептали губы.

Глаза сами закрылись. Андрею виделся новый мост. Нет, не тот, что был пока еще только в листах проекта, а уже созданный руками строителей. Вот он! Влажный после первого весеннего дождя, с шумным нескончаемым человеческим потоком. И так захотелось жить, чтобы построить еще не один мост, чтобы еще не один раз подняться в горы и встретить там солнце раньше всех!

Этой же ночью Андрей Мацкевич умер...

... Я стою на этом прекрасном харьковском мосту. Его формы отличаются какой-то необыкновенной стремительной легкостью, как крылья того орла, что парил в сентябрьском небе над головой Андрея Мацкевича.

Мимо меня проносятся автомашины, нескончаемым потоком идут пешеходы. Пусть на мосту пока еще нет золотых букв с именем Андрея Мацкевича. Они должны быть! Они будут! Но главное то, что и сейчас этот человек живет среди нас своей осуществленной мечтой, своими делами, своим большим сердцем.

Слова

пари́ть	– liuglema
стреми́тельный	– hoogne
прилепля́ться	– külge kleepuma; liibuma
прилепи́ться+	
срыва́ться	– alla v. maha paiskuma; lahti
сорва́ться+	pääsema
кру́ча	– järsak
про́пасть	– kuristik
хандри́ть	– tujust ära olema, norutama
воздер́живаться	– (millestki)hoiduma; keelduma
воздержа́ться+ от чего?	

обречённый - määratud surmale
простóр - avarus
безжáлостный - halastamatu
нытьё разг. пренебр. - halisemine, hädaldamine, viriмine
капéль - sulava lume tilgad
придúрчивый - noriv

скáзывается устáлость - väsimus annab end tunda
превозмогáя боль - püüdes valust jagu saada
во чтó бы тó ни стáло - iga hinna eest
предсказáнье не сбылóсь - ennustus ei täitunud
заглушáть боль - valu summutama, alla suruma
внутрú что-то оборвáлось - midagi katkes sees

Задание I. Расскажите, что помогло Андрею на время победить смерть?

Задание 2. Найдите антонимы к следующим словам:

проснуться, зажечь, подъем, тишина, потерять (сознание), темнота, приезд, принимать (решение), иллюзия, плакать, подниматься (вверх), помогать.

Задание 3. Составьте и запишите возможные сочетания каждого из данным синонимов с существительными в скобках.

I. Ряд, вереница, цепь (дни, горы, доказательства, журавли, зубы, мысли, события, стулья).

2. Часть , доля, порция, доза, пай (вопрос, деньги, заработок, земля, истина, комната лекарство, студенты, суп, хлеб).

3. Название, имя, кличка, прозвище (книга, магазин, мальчик, пьеса, собака, студент, человек).

Задание 4. Изложите устно содержание прочитанного текста.

Задание 5. Выпишите из текста I5 глаголов. Определите их вид , время, наклонение и спряжение.

Задание 6. Найдите в тексте предлоги родительного падежа, составьте с ними предложения.

Задание 7. Сделайте синтаксический разбор предложения. Далеко слышны в горах звуки ударов камней, которые, срываясь с горной кручи, стремительно проносятся мимо альпинистов.

И.А. Бунин

Темные аллеи

В холодное осеннее ненастье на одной из больших тульских дорог, залитой дождями и изрезанной многими черными колеями, к длинной избе, в одной связи которой была казенная почтовая станция, а в другой частная горница, где можно было отдохнуть и переночевать, пообедать или спросить самовар, подкатил закиданный грязью тарантас с полуподнятым верхом, тройка довольно простых лошадей с подвязанными от слякоти хвостами. На козлах тарантаса сидел крепкий мужик в туго подпоясанном армяке, серьезный и темноликий, с редкой смоляной бородой, похожий на старинного разбойника, а в тарантасе стройный старик военный в большом картузе и в николаевской серой шинели с бобровым стоячим воротником, еще чернобровый, но с белыми усами, которые соединялись с такими же бакенбардами; подбородок у него был пробрит, и вся наружность имела то сходство с Александром П, которое столь распространено было среди военных в пору его царствования; взгляд был тоже вопрошающий, строгий и вместе с тем усталый.

Когда лошади стали, он выкинул из тарантаса ногу в военном сапоге с ровным голенищем и, придерживая руками в замшевых перчатках полы шинели, взбежал на крыльцо избы.

- Налево, ваше превосходительство, - грубо крикнул с козел кучер, и он, слегка нагнувшись на пороге от своего высокого роста, вошел в сенцы, потом в горницу налево.

В горнице было тепло, сухо и опрятно: новый золотистый образ в левом углу, под ним покрытый чистой суровой скатертью стол, за столом чисто вымытые лавки; кухонная печь, занимавшая дальний правый угол, ново белела мелом; ближе стояло нечто вроде тахты, покрытой пегими попонами, упиравшейся отвалом в бок печи; из-за печной заслонки сладко пахло щами - разварившейся капустой, говядиной и лавровым листом.

Приезжий сбросил на лавку шинель и оказался еще стройнее в одном мундире и в сапогах, потом снял перчатки и картуз и

с усталым видом провел бледной худой рукой по голове - седые волосы его с начесами на висках к углам глаз слегка курчавились, красивое удлиненное лицо с темными глазами хранило кое-где мелкие следы оспы. В горнице никого не было, и он неприязненно крикнул, приотворив дверь в сенцы:

- Эй, кто там!

Тотчас вслед за тем в горницу вошла темноволосая, тоже чернобровая и тоже еще красивая не по возрасту женщина, похожая на пожилую цыганку, с темным пушком на верхней губе и вдоль щек, легкая на ходу, но полная, с большими грудями под красной кофточкой, с треугольным, как у гусыни, животом под черной шерстяной юбкой.

- Добро пожаловать, ваше превосходительство, - сказала она. - Покушать изволите или самовар прикажете?

Приезжий мельком глянул на ее округлые плечи и на легкие ноги в красных поношенных татарских туфлях и отрывисто, невнимательно ответил:

- Самовар. Хозяйка тут или служишь?

- Хозяйка, ваше превосходительство.

- Сама, значит, держишь?

- Так точно, Сама.

- Что ж так? Вдова, что ли, что сама ведешь дело?

- Не вдова, ваше превосходительство, а надо же чем-нибудь жить. И хозяйствовать я люблю.

- Так, так. Это хорошо. И как чисто, приятно у тебя.

Женщина все время пытливо смотрела на него, слегка щурясь.

- И чистоту люблю, - ответила она. - Ведь при господах выросла, как не уметь прилично себя держать, Николай Алексеевич.

Он быстро выпрямился, раскрыл глаза и покраснел.

- Надежда! Ты? - сказал он торопливо.

- Я, Николай Алексеевич, - ответила она.

- Боже мой, боже мой! - сказал он, садясь на лавку и в упор глядя на нее. - Кто бы мог подумать! Сколько лет мы не

виделись? Лет тридцать пять?

- -Тридцать, Николай Алексеевич. Мне сейчас сорок восемь, а вам под шестьдесят, думаю?

- Вроде этого... Боже мой, как странно!

- Что странно, сударь?

- Но все, все... Как ты не понимаешь!

Усталость и рассеянность его исчезли, он встал и решительно заходил по горнице, глядя в пол. Потом остановился, и, краснея сквозь седину, стал говорить:

- Ничего не знаю о тебе с тех самых пор. Как ты сюда попала? Почему не осталась при господах?

- Мне господа вскоре после вас вольную дали.

- А где жила потом?

- Долго рассказывать, сударь.

- Замужем, говоришь, не была?

- Нет, не была.

- Почему? При такой красоте, которую ты имела?

- Не могла я этого сделать.

- Отчего не могла? Что ты хочешь сказать?

- Что ж тут объяснять. Небось помните, как я вас любила.

Он покраснел до слез и, нахмурясь, опять зашагал.

- Все проходит, мой друг,-забормотал он. - Любовь, молодость - все, все. История пошлая, обыкновенная. С годами все проходит. Как это сказано в книге Иова? "Как о воде протекшей будешь вспоминать".

- Что кому бог дает, Николай Алексеевич. Молодость у всякого проходит, а любовь - другое дело.

Он поднял голову и, остановясь, болезненно усмехнулся:

- Ведь не могла же ты любить меня весь век!

- Значит, могла. Сколько ни проходило времени, все одним жила. Знала, что давно вас нет прежнего, что для вас словно ничего и не было, а вот... Поздно теперь укорять, а ведь правда, очень бессердечно вы меня бросили, - сколько раз я хотела руки на себя наложить от обиды от одной, уж не говоря обо всем прочем. Ведь было время, Николай Алексеевич,когда я вас Николенькой звала, а вы меня - помните как? И все стихи

мне изволили читать про всякие "темные аллеи", - прибавила она с недоброй улыбкой.

- Ах, как хороша ты была! - сказал он, качая головой. - Как горяча, как прекрасна! Какой стан, какие глаза! Помнишь, как на тебя все заглядывались?

- Помню, сударь. Были и вы отменно хороши. И ведь это вам я отдала свою красоту, свою горячку. Как же можно такое забыть.

- А! Все проходит. Все забывается.

- Все проходит, да не все забывается.

- Уходи, - сказал он, отворачиваясь и подходя к окну. - Уходи, пожалуйста.

И, вынув платок и прижав его к глазам, скороговоркой прибавил:

- Лишь бы бог меня простил. А ты, видно, простила.

Она подошла к двери и приостановилась:

- Нет, Николай Алексеевич, не простила. Раз разговор наш коснулся до наших чувств, скажу прямо: простить я вас никогда не могла. Как не было у меня ничего дороже вас на свете в ту пору, так и потом не было. Оттого-то и простить мне вас нельзя. Ну да что вспоминать, мертвых с погоста не носят.

- Да, да, не к чему, прикажи подавать лошадей, - ответил он, отходя от окна уже со строгим лицом. - Одно тебе скажу: никогда я не был счастлив в жизни, не думай, пожалуйста. Извини, что, может быть, задеваю твое самолюбие, но скажу откровенно, - жену я без памяти любил. А изменила, бросила еще оскорбительней, чем я тебя. Сына обожал, - пока рос, каких только надежд на него не возлагал! А вышел негодяй, мот, наглец, без сердца, без чести, без совести... Впрочем, все это тоже самая обыкновенная, пошлая история. Будь здорова, милый друг. Думаю, что и я потерял в тебе самое дорогое, что имел в жизни.

Она подошла и поцеловала у него руку, он поцеловал у нее

- Прикажи подавать...

Когда поехали дальше, он хмуро думал: "Да, как прелест-

на была! Волшебно прекрасна!" Со стыдом вспоминал свои последние слова и то, что поцеловал у ней руку, и тотчас стыдился своего стыда. "Разве неправда, что она дала мне лучшие минуты жизни?"

К закату проглянуло бледное солнце. Кучер гнал рысцой, все меняя черные колеи, выбирая менее грязные, и тоже что-то думал. Наконец сказал с серьезной грубостью:

- А она, ваше превосходительство, все глядела в окно, как мы уезжали. Верно, давно изволите знать ее?

- Давно, Клим.

- Баба - ума палата. И все, говорят, богатеет. Деньги в рост дает.

- Это ничего не значит.

- Как не значит! Кому ж не хочется получше пожить! Если с совестью давать, худого мало. И она, говорят, справедлива на это. Но крута! Не отдал вовремя - пеняй на себя.

- Да, да, пеняй на себя... Погоняй, пожалуйста, как бы не опоздать нам к поезду...

Низкое солнце желто светило на пустые поля, лошади ровно шлепали по лужам. Он глядел на мелькавшие подковы, сдвинув черные брови и думал:

"Да, пеняй на себя. Да, конечно, лучшие минуты. И не лучшие, а истинно волшебные! "Кругом шиповник алый цвел, стояли темных лип аллеи..." Но, боже мой, что же было бы дальше? Что, если бы я не бросил ее? Какой вздор! Эта самая Надежда не содержательница постоялой горницы, а моя жена, хозяйка моего петербургского дома, мать моих детей?"

И, закрывая глаза, качал головой.

Слова

нена́стье	- vihmane, sombune ilm
колея́	- vankriröõbas
го́рница	- ко́мната
сля́коть	- pori
ко́злы	- (kutsari)pukk
лик устар.	- nägu, pale

голе́нище - saapasäär
се́нцы (се́ни) - esik
опря́тный - puhas
суро́вая ска́терть - jäme, pleekimata laudlina
ла́вка - скаме́йка
пе́гий - пёстрый
засло́нка - ahjuuks (sisemine)
неприя́зненно - ebasõbralikult, vaenulikult
во́льная - vabaduskiri (teoorjusest vabastamise tunnistus)
укоря́ть
уко́рить+ кого? в чём? - ette heitma; noomima
стан - piht
загля́дываться
загляде́ться+ на кого? на что? - imetledes vaatama jääma
пого́ст - kalmistu
негоди́й - lurjus; närukael
мот - pillaja, raiskaja
наглец - jultunu; jõhkard
ума́ па́лата перен.разг.- tarkust kuhjaga
круто́й(челове́к) перен.- range
пеня́ть на кого? на что? за что?- etteheiteid tegema, süüdistama
шипо́вник - kibuvits

Задание I. Изложите устно содержание текста.

Задание 2. Произнесите правильно:

холо́дный осе́нний день
уста́лый взгляд
бо́льшая ту́льская доро́га
да́льний у́гол
се́рая шине́ль
золоти́стый луч
лавро́вый лист
чёрные бро́ви
чи́стая ска́терть
тёмные алле́и
краси́вая же́нщина
пожила́я цыга́нка
ра́нняя седина́
лу́чшие мину́ты жизни́
за́мшевые перча́тки
стро́йный прие́зжий

Задание 3. Объясните другими словами следующие выражения:

любить без памяти, заглядывались на тебя, хотела руки на себя наложить, взбежал на крыльцо, заходил по горнице, к избе подкатил тарантас, крепкий мужик, смоляная борода, недобрая улыбка, отменно хорош.

Задание 4. Найдите на первой странице рассказа: I) прилагательные, определите их значение, род, число, падеж; 2) причастия, определите вид, время, число и падеж.

Задание 5. Подберите к прилагательным, данным слева, подходящие существительные из правого столбца:

серый	волосы, пальто, небо, бакенбарды, старик, волк
седой	туман, старина, глаза, жизнь, заяц, рассвет.

Задание 6. Найдите антонимы к прилагательным: опрятный, серьезный, простой, усталый, дальний, мелкий, пожилой, прекрасный, мертвый - и составьте с ними предложения.

Задание 7. Расскажите о себе, используя следующие вопросы:

I. Сколько вам лет?
2. Когда вы родились (число, месяц, год)?
3. Когда окончили среднюю школу?
4. В каком году поступили в университет?
5. Где вы сейчас учитесь (вуз, факультет, отделение)?
6. На каком курсе вы учитесь?

Письмо к матери

Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет.

Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то ж -
Будто кто-то мне в кабацкой драке
Саданул под сердце финский нож.

Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть.

Я по-прежнему такой же нежный
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб скорее от тоски мятежной
Воротиться в низенький наш дом.

Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад.
Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как восемь лет назад.

Не буди того, что отмечталось,
Не волнуй того, что не сбылось, -
Слишком раннюю утрату и усталость
Испытать мне в жизни привелось.

И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.

Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.

Так забудь же про свою тревогу,
Не грусти так шибко обо мне.
Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

Слова

струи́ться (свет)	–	virvendama
несказа́нный высок.	–	ütlematu, sõnulseletamatu, kirjeldamatu
таи́ть		
затаи́ть+ что?	–	varjama, salajas hoidma
ши́бко прост. –	–	о́чень
шушу́н	–	vanaaegne naiste pealisrõivas
каба́цкий	–	kõrtsi–
садану́ть (ножо́м)	–	pussitama
тя́гостный книжн.	–	koormav, ränk
бредь (бред)	–	sonimine
пропо́йца прост. презр.	–	joodik
сбыва́ться		
сбы́ться+	–	teostuma, täide minema

затаи́ть зло́бу	–	salajas viha kandma
тя́гостное впечатле́ние	–	rusuv mulje
быть кому́-нибу́дь в тя́гость	–	kellelegi koormaks olema

Задание I. Выучите стихотворение наизусть.

Задание 2. Подыщите синонимы к словам и составьте с ними предложения:

мрак, отрада, утрата, рассвет, дом, грустить, отечество, наружность, опасение, хитрость.

Задание 3. Расскажите о каком-нибудь литературном герое, используя некоторые из данных ниже слов:

I) честь – честность, правда – правдивость, ложь – лживость, вера – верность – уверенность, любовь – друж-

ба - дружелюбие, доброта - добродушие, месть - мстительность, стремление - стремительность, смех - смешливость, доверие - доверчивость;

2) духовный - душевный, добрый - добродушный, злой - злобный, чуждый - чужой, редкий - редкостный;

3) подойти - прийти, отвернуться - повернуться, открыть - раскрыть.

Задание 4. Выпишите из текста глаголы в повелительном наклонении и образуйте от них множественное число.

Задание 5. От следующих глаголов образуйте повелительное наклонение и 2-ое лицо множеств. числа настоящего и будущего простого времени: писать,мечтать, воротиться, вернуться, раскинуть, испытать, быть, бросить, резать, мазать.

Образец: бросать - бросай, бросайте, бросаете.

Задание 6. Образуйте с данными выше глаголами несколько предложений.

С.Есенин

Черемуха

Черемуха душистая
С весною расцвела
И ветки золотистые,
Что кудри, завила.

Кругом роса медвяная
Сползает по коре,
Под нею зелень пряная
Сияет в серебре.

И кисточки атласные
Под жемчугом росы
Горят, как серьги ясные
У девицы-красы.

А рядом, у проталинки,
В траве между корней
Бежит, струится маленький
Серебряный ручей.

Черемуха душистая
Развесившись стоит,
А зелень золотистая
На солнышке горит.

Ручей волной гремучею
Все ветки обдает
И вкрадчиво под кручею
Ей песенки поет.

Слова

завива́ть
завить[+] что? - lokkima, kähardama
роса́ медвя́ная - mesikaste
сполза́ть - alla tilkuma
сползти́[+]

пря́ный - lõhnav, aromaatne
прота́лина - lumest vabanenud koht, paljak
грему́чий - mürisev
обдава́ть
обда́ть + что? чем? - üle uhtma v. valama
вкра́дчиво - meelitlevalt

Задание I. Объясните значение словосочетаний:
ветки золотистые, роса медвяная, зелень пряная, серебряный ручей, кисточки атласные, жемчуг росы.

Задание 2. Составьте предложения со следующими прилагательными:
золотистый, золотой; серебряный, серебристый; бархатный, бар тистый; лесной, лесистый; горный, гористый.

Задание 3. Переведите следующие глаголы на эстонский язы и составьте с ними IO предложений:
руководить, управлять, владеть, обладать, восхищаться, гордить ся, заниматься, жертвовать, заболеть, заведовать, интересовать ся, любоваться, пользоваться, дышать, увлекаться.

Задание 4. Найдите в тексте имена прилагательные, образуйте от них краткую форму и составьте предложения.

Задание 5. Напишите рассказ "Весна", используя словосочета ния из текста.

Задание 6. Выучите стихотворение наизусть.

С. Есенин

Ночь

Усталый день склонился к ночи,
Затихла шумная волна,
Погасло солнце, и над миром
Плывет задумчиво луна.
Долина тихая внимает
Журчанью мирного ручья.
И темный лес, склоняясь, дремлет
Под звуки песни соловья.
Внимая песням с берегами,
Ласкаясь, шепчется река.
И тихо слышится над нею
Веселый шелест тростника.

Слова

доли́на	–	org, nõgu
внима́ть высок.	–	kuulama, kuulatades tähele panema
ше́лест	–	kahin, sahin
тростни́к	–	pilliroog

Задание I. Выучите стихотворение наизусть.

Задание 2. Найдите в стихотворении "Ночь" олицетворения.

Задание 3. Составьте предложения и употребите в них как метафоры следующие литературные термины:
басня, драма, проза, комедия, трагедия, песня, сказка.

Образец. Соловья баснями не кормят. В нашей семье произошла большая драма.

Задание 4. Прочитайте следующие словосочетания и обратите внимание на произношение твердого и мягкого Л:

уста́лый день	пога́сло со́лнце	пе́сни соловья́
зати́хла волна́	плывёт луна́	доли́на внима́ет
		лес дремлет

С. Есенин

Письмо к женщине

Вы помните,
Вы все, конечно, помните,
Как я стоял,
Приблизившись к стене;
Взволнованно ходили вы по комнате -
И что-то резкое
В лицо бросали мне.

Вы говорили:
Нам пора расстаться,
Что вас измучила
Моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело приниматься
А мой удел -
Катиться дальше,вниз.

Любимая!
Меня вы не любили.
Не знали вы, что в сонмище людском
Я был, как лошадь, загнанная в мыле,
Пришпоренная смелым ездоком.
Не знали вы,
Что я в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь, что не пойму -
Куда несет нас рок событий.

Лицом к лицу
Лица не увидать.
Большое видится на расстояньи,
Когда кипит морская гладь -
Корабль в плачевном состояньи.

Земля - корабль!
Но кто-то вдруг

За новой жизнью, новой славой
В прямую гущу бурь и вьюг
Ее направил величаво.

Ну кто ж из нас на палубе большой
Не падал, не блевал и не ругался?
Их мало, с опытной душой,
Кто крепким в качке оставался.

Тогда и я,
Под дикий шум,
Но зрело знающий работу,
Спустился в корабельный трюм,
Чтоб не смотреть людскую рвоту.

Тот трюм был -
Русским кабаком.
И я склонился над стаканом,
Чтоб, не страдая ни о ком,
Себя сгубить
В угаре пьяном.

Любимая!
Я мучил вас,
У вас была тоска
В глазах усталых -
Что я пред вами напоказ
Себя растрачивал в скандалах.

Но вы не знали,
Что в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь,
Что не пойму,
Куда несет нас рок событий...

Теперь года прошли.
Я в возрасте ином.

И чувствую и мыслю по-иному.

И говорю за праздничным вином:
Хвала и слава рулевому!

Сегодня я
В ударе нежных чувств.
Я вспомнил вашу грустную усталость.
И вот теперь
Я сообщить вам мчусь,
Каков я был,
И что со мною сталось!

Любимая!
Сказать приятно мне:
Я избежал паденья с кручи.
Теперь в Советской стороне
Я самый яростный попутчик.

Я стал не тем,
Кем был тогда.
Не мучил бы я вас,
Как это было раньше.
За знамя вольности
И светлого труда
Готов идти хоть до Ламанша.

Простите мне...
Я знаю: вы не та -
Живете вы
С серьезным, умным мужем,

Что не нужна вам наша маета,
И сам я вам ни капельки не нужен.

Живите так,
Как вас ведет звезда,
Под кущей обновленной сени.
С приветствием,
Вас помнящий всегда
Знакомый ваш
Сергей Есенин.

Слова

шально́й - meeletu; pöörane; hull
уде́л устар. - osa, saatus
со́нмище устар. - parv, kari
рок высок. устар. - saatus
вьюга - tuisk, lumetorm
блева́ть груб. прост. - oksendama
ка́чка - õõtsumine, lokse
рво́та - okse, oksendamine
пья́ный уга́р - viinauim
маета́ прост. - vintsutused
ку́ща устар. - vari, kate
сень устар. поэт. - здесь: родно́й дом

выставля́ть напока́з - demonstreerima(tundeid); nähtavale näitamiseks v. nägemiseks välja panema v. asetama
хвала́ и сла́ва - au ja kiitus
быть в уда́ре - hoos olema
ни ка́пельки - mitte põrmugi

Задание I. Прочитайте стихотворение, обращая внимание на правильное произношение.

Задание 2. Установите общее и различное в синонимах:

судьба, доля, удел, жребий, участь, рок;
вьюга, метель, метелица, пурга, буран.

Задание 3. Поставьте вопросы к следующим глаголам и составьте предложения:
встречаться, мириться, соглашаться, расставаться, дружить, ссориться.

Задание 4. Выпишите из текста наречия и составьте с ними предложения.

Задание 5. Передайте содержание стихотворения своими словами.

М. Горький

Забастовка

В Неаполе забастовали служащие трамвая: во всю длину Ривьеры Кияия вытянулась цепь пустых вагонов, а на площади Победы собралась толпа вагоновожатых и кондукторов - все веселые и шумные, подвижные, как ртуть, неаполитанцы. Над их головами, над решеткой сада сверкает в воздухе тонкая, как шпага, струя фонтана, их враждебно окружает большая толпа людей, которым надо ехать по делам во все концы огромного города, и все эти приказчики, мастеровые, мелкие торговцы, швеи сердито и громко порицают забастовавших. Звучат сердитые слова, колкие насмешки, непрерывно мелькают руки, которыми неаполитанцы говорят так же выразительно и красноречиво, как и неугомонным языком.

С моря тянет легкий бриз, огромные пальмы городского сада тихо качают веерами темно-зеленых ветвей, стволы их странно подобны неуклюжим ногам чудовищных слонов. Мальчишки - полуголые дети неаполитанских улиц - скачут, точно воробьи, наполняя воздух звонкими криками и смехом.

Город, похожий на старую гравюру, щедро облит жарким солнцем и весь поет, как орган; синие волны залива бьют в камень набережной, вторя ропоту и крикам гулкими ударами, - точно бубен гудит.

Забастовщики угрюмо жмутся друг ко другу, почти не отвечая на раздраженные возгласы толпы, влезают на решетку сада, беспокойно поглядывая в улицы через головы людей, и напоминают стаю волков, окруженную собаками. Всем ясно, что эти люди, однообразно одетые, крепко связаны друг с другом непоколебимым решением, что они не уступят, и это еще более раздражает толпу, но среди нее есть и философы: спокойно покуривая, они увещевают слишком ретивых противников забастовки:

- Э, синьор! А как быть, если не хватает детям на макароны?

Группами, по два и по три, стоят щеголевато одетые аген-

ты муниципальной полиции, следя за тем, чтобы толпа не затрудняла движения экипажей. Они строго нейтральны, с одинаковым спокойствием смотрят на порицаемых и порицающих и добродушно выручивают тех и других, когда жесты и крики принимают слишком горячий характер. На случай серьезных столкновений в узкой улице вдоль стен домов стоит отряд карабинеров, с коротенькими и легкими ружьями в руках. Это довольно зловещая группа людей в треуголках, коротеньких плащах, с красными, как две струи крови, лампасами на брюках.

Перебранка, насмешки, упреки и увещевания - все вдруг затихает, над толпой проносится какое-то новое, словно примиряющее людей веяние, - забастовщики смотрят угрюмее и в то же время сдвигаются плотнее, в толпе раздаются возгласы:

- Солдаты!

Слышен насмешливый и ликующий свист по адресу забастовщиков, раздаются крики приветствий, а какой-то толстый человек, в легкой серой паре и в панаме, начинает приплясывать, топая ногами по камню мостовой. Кондуктора и вагоновожатые медленно пробираются сквозь толпу, идут к вагонам, некоторые влезают на площадки, - они стали еще угрюмее и в ответ на возгласы толпы - сурово огрызаются, заставляя уступать им дорогу. Становится тише.

Легким танцующим шагом с набережной Санта Лючия идут маленькие серые солдатики, мерно стуча ногами и механически однообразно размахивая левыми руками. Они кажутся сделанными из жести и хрупкими, как заводные игрушки. Их ведет красивый высокий офицер, с нахмуренными бровями и презрительно искривленным ртом, рядом с ним, подпрыгивая, бежит тучный человек в цилиндре и неустанно говорит что-то, рассекая воздух бесчисленными жестами.

Толпа отхлынула от вагонов - солдаты, точно серые бусы, рассыпаются вдоль их, останавливаясь у площадок, а на площадках стоят забастовщики.

Человек в цилиндре и еще какие-то солидные люди, окружившие его, отчаянно размахивая руками кричат:

- Последний раз... Ultima volta. Слышите?

Офицер скучно крутит усы, наклонив голову; к нему, взмахнув цилиндром, подбегает человек и хрипло кричит что-то. Офицер искоса взглянул на него, выпрямился, выправил грудь, и - раздались громкие слова команды.

Тогда солдаты стали прыгать на площадки вагонов, на каждую по два, и в то же время оттуда посыпались вагоновожатые с кондукторами.

Толпе показалось это смешным - вспыхнул рев, свист, хохот, но тотчас - погас, и люди молча, с вытянутыми, посеревшими лицами, изумленно вытаращив глаза, начали тяжко отступать от вагонов, всей массой подвигаясь к первому.

И стало видно, что в двух шагах от его колес, поперек рельс, лежит, сняв фуражку с седой головы, вагоновожатый, с лицом солдата, он лежит вверх грудью, и усы его грозно торчат в небо. Рядом с ним бросился на землю еще маленький, ловкий, как обезьянка, юноша, вслед за ним, не торопясь, опускаются на землю еще и еще люди...

Толпа глухо гудит, раздаются голоса, пугливо зовущие мадонну, некоторые мрачно ругаются, взвизгивают, стонут женщины, и, как резиновые мячи, всюду прыгают пораженные зрелищем мальчишки.

Человек в цилиндре орет что-то рыдающим голосом, офицер смотрит на него и пожимает плечами, - он должен заместить вагоновожатых своими солдатами, но у него нет приказа бороться с забастовавшими.

Тогда цилиндр, окруженный какими-то угодливыми людьми, бросается в сторону карабинеров, - вот они тронулись, подходят, наклоняются к лежащим на рельсах, хотят поднять их.

Началась борьба, возня, но - вдруг вся серая, пыльная толпа зрителей покачнулась, взревела, взвыла, хлынула на рельсы, - человек в панаме сорвал с головы свою шляпу, подбросил ее в воздух и первый лег на землю рядом с забастовщиком, хлопнув его по плечу и крича в лицо его ободряющим голосом.

А за ним на рельсы стали падать - точно им ноги подрезали-какие-то веселые шумные люди, - люди, которых не было здесь за две минуты до этого момента. Они бросались на землю, сме-

ясь строили друг другу гримасы и кричали офицеру, который, потрясая перчатками под носом человека в цилиндре, что-то говорил ему, усмехаясь, встряхивая красивой головой.

А на рельсы все сыпались люди, женщины бросали свои корзины и какие-то узлы, со смехом ложились мальчишки, свертываясь калачиком, точно озябшие собаки, перекатывались с боку на бок, пачкаясь в пыли, какие-то прилично одетые люди.

Пятеро солдат с площадки первого вагона смотрели вниз на груду тел под колесами и - хохотали, качаясь на ногах, держась за стойки, закидывая головы вверх и выгибаясь, теперь они не похожи на жестяные заводные игрушки.

Через полчаса по всему Неаполю с визгом и скрипом мчались вагоны трамвая, на площадках стояли, весело ухмыляясь, победители, и вдоль вагонов ходили они же, вежливо спрашивая:

- Бильетти?!

Люди, протягивая им красные и желтые бумажки, подмигивают, улыбаются, добродушно ворчат.

Слова

подви́жный	- elav, liikuv
порица́ть кого? что? за что? книжн.	- laitma
ко́лкий	- torkav, terav
неугомо́нный	- väsimatu, püsimatu
орга́н	- orel
вто́рить кому? чему?	- kordama (vastu kajama)
бу́бен	- käsitrumm, tamburiin
уступа́ть что? кому? уступи́ть+ чему? в чем?	- järele andma
увеща́вать кого?	- manitsema, keelitama
рети́вый разг.	- agar
щеголева́тый	- keigarlik
перебра́нка разг.	- nääklemine
се́рая па́ра	- hall ülikond
огрыза́ться	- vastu haukuma v. nähvama

огрызнуться перен. прост.
бусы - helmed
угодливый неодобр. - pugejalik

Задание I. Прочтите вслух пять абзацев текста, обращая внимание на произношение.

Задание 2. Подберите к данным глаголам видовую пару, составьте с ними предложения.
Бороться (против кого? чего?, с кем? с чем?, за что?), отступать (от чего, перед чем?), подбегать (к кому? к чему?), успокаивать (кого? что? чем?), отвечать (кому?, на что?), бастовать.

Задание 3. Найдите в тексте причастия и деепричастия. Определите вид, подчеркните суффиксы. Составьте с ними по 5 предложений.

Задание 4. Выделенные слова замените синонимами или синонимичными выражениями.
Непрерывно мелькают руки. Неустанно говорить, непоколебимое решение, раздраженные возгласы, тучный человек.

Задание 5. Найдите в тексте сложноподчиненные предложения, с придаточными сравнительными предложениями. Объясните употребление союзов в этих предложениях.

Задание 6. Ответьте на вопросы.
I. Кто бастовал в Неаполе?
2. Кто и почему был недоволен этой забастовкой?
3. Чем была вызвана эта забастовка? Ответьте словами из текста.
4. Кому было поручено подавление забастовки?
5. С чем М. Горький сравнивает солдат? Почему?
6. Что сделали забастовщики, чтобы отстоять свои права?
7. Кто поддержал бастующих?
8. Как поступили солдаты?
9. Почему забастовка кончилась победой бастующих?

М. Горький

Дети Пармы

В Генуе, на маленькой площади перед вокзалом, собралась густая толпа народа - преобладают рабочие, но много солидно одетых, хорошо откормленных людей. Во главе толпы - члены муниципалитета, над их головами колышется тяжелое, искусно вышитое шелком знамя города, а рядом с ним реют разноцветные знамена рабочих организаций. Блестит золото кистей, бахромы и шнурков, блестят копья на древках, шелестит шелк, и гудит, как хор, поющий вполголоса, торжественно настроенная толпа людей.

Над нею, на высоком пьедестале - фигура Колумба, мечтателя, который много пострадал за то, что верил, и - победил, потому что верил. Он и теперь смотрит вниз на людей, как бы говоря мраморными устами:

"Побеждают только верующие".

У ног его, вокруг пьедестала, музыканты разложили медные трубы, медь на солнце сверкает, точно золото.

Вогнутым полукругом стоит тяжелое мраморное здание вокзала, раскинув свои крылья, точно желая обнять людей. Из порта доносится тяжкое дыхание пароходов, глухая работа винта в воде, звон цепей, свистки и крики - на площади тихо, душно и все облито жарким солнцем. На балконах и в окнах домов - женщины, с цветами в руках, празднично одетые фигурки детей, точно цветы.

Свистит, подбегая к станции, локомотив - толпа дрогнула, точно черные птицы, взлетело над головами несколько измятых шляп, музыканты берут трубы, какие-то серьезные, пожилые люди, охорашиваясь, выступают вперед, обращаются лицом к толпе и говорят что-то , размахивая руками вправо и влево.

Тяжело и не торопясь толпа расступилась, очистив широкий проход в улицу.

- Кого встречают?

- Детей из Пармы!

Там забастовка, в Парме. Хозяева не уступают, рабочим стало трудно, и вот они, собрав своих детей, уже начавших хворать от голода, отправили их товарищам в Геную.

Из-за колонн вокзала идет стройная процессия маленьких людей, они полуодеты и кажутся мохнатыми в своих лохмотьях, мохнатыми, точно какие-то странные зверьки. Идут, держась за руки, по пяти в ряд - очень маленькие, пыльные, видимо, усталые. Их лица серьезны, но глаза блестят живо и ясно, и когда музыка играет навстречу им гимн Гарибальди, - по этим худеньким, острым и голодным личикам пробегает, веселою рябью, улыбка удовольствия.

Толпа приветствует людей будущего оглушительным криком, перед ними склоняются знамена, ревет медь труб, оглушая и ослепляя детей, - они несколько ошеломлены этим приемом, на секунду подаются назад и вдруг - как-то сразу вытянулись, выросли, сгрудились в одно тело и сотнями голосов, но звуком одной груди, крикнули:

- Viva Italia!

- Да здравствует молодая Парма! - гремит толпа, опрокидываясь на них.

- Evviva Garibaldi! - кричат дети, серым клином врезаясь в толпу и исчезая в ней.

В окнах отелей, на крышах домов белыми птицами трепещут платки, оттуда сыплется на головы людей дождь цветов и веселые громкие крики.

Все стало праздничным, все ожило, и серый мрамор расцвел какими-то яркими пятнами.

Качаются знамена, летят шляпы и цветы, над головами взрослых людей выросли маленькие детские головки, мелькают крошечные темные лапы, ловя цветы и приветствуя, и все гремит в воздухе непрерывный мощный крик:

- Viva il Socialismo!

- Evviva Italia!

Почти все дети расхватаны по рукам, они сидят на плечах взрослых, прижаты к широким грудям каких-то суровых усатых людей; музыка едва слышна в шуме, смехе и криках.

В толпе ныряют женщины, разбирая оставшихся приезжих, и кричат друг другу:

- Вы берете двоих, Аннита?

- Да. Вы тоже?

- И для безногой Маргариты одного...

Всюду веселое возбуждение, праздничные лица, влажные добрые глаза, и уже кое-где дети забастовщиков жуют хлеб.

- В наше время об этом не думали! - говорит старик с птичьим носом и черной сигарой в зубах.

- А - так просто...

- Да! Это просто и умно.

Старик вынул сигару изо рта, посмотрел на ее конец и, вздохнув, стряхнул пепел. А потом, увидев около себя двух ребят из Пармы, видимо, братьев, сделал грозное лицо, ощетинился, - они смотрели на него серьезно, - нахлобучил шляпу на глаза, развел руки, дети, прижавшись друг ко другу, нахмурились, отступая, старик вдруг присел на корточки и громко, очень похоже, пропел петухом. Дети захохотали, топая голыми пятками по камням, а он - встал, поправил шляпу и, решив, что сделал все, что надо, покачиваясь на неверных ногах, отошел прочь.

Горбатая и седая женщина с лицом бабы-яги и жесткими серыми волосами на костлявом подбородке стоит у подножия статуи Колумба и - плачет, отирая красные глаза концом выцветшей шали. Темная и уродливая, она так странно одинока среди возбужденной толпы людей...

Приплясывая, идет черноволосая генуэзка, ведя за руку человека лет семи от роду, в деревянных башмаках и серой шляпе до плеч. Он встряхивает головенкой, чтобы сбросить шляпу на затылок, а она все падает ему на лицо, женщина срывает ее с маленькой головы и, высоко взмахнув ею, что-то поет и смеется, мальчуган смотрит на нее, закинув голову, - весь улыбка, потом подпрыгивает, желая достать шляпу, и оба они исчезают.

Высокий человек в кожаном переднике, с голыми огромными руками, держит на плече девочку лет шести, серенькую, точно мышь, и говорит женщине, идущей рядом с ним, ведя за руку

мальчугана, рыжего, как огонь:

Понимаешь, - если это привьется... Нас трудно будет од
леть, а?

И густо, громко, торжествующе хохочет и, подбрасывая св
маленькую ношу в синий воздух, кричит:

- Evviva Parma-a!

Люди уходят, уводя и унося с собой детей, на площади
остаются смятые цветы, бумажки от конфет, веселая группа фа
кино и над ними благородная фигура человека, открывшего Но-
вый Свет.

А из улиц, точно из огромных труб, красиво льются весе
лые крики людей, идущих навстречу новой жизни.

Слова

колыха́ться колыхну́ться+	-	hõljuma
реять рыбок.	-	lehvima
кисть	-	tutt, tups
бахрома́	-	narmad
копьё	-	piik, oda
дре́вко	-	lipuvarras
уста́ стар.	-	huuled, suu
во́гнутый	-	nõgus
дро́гнуть	-	võpatama
измя́тый	-	kägardatud, kortsus, kortsut tud, muljutud
хвора́ть разг. захвора́ть+	-	боле́ть + чем? заболе́ть
лохмо́тья	-	räbalad, kaltsud, hilbud
рябь	-	virvendus
оглуши́тельный	-	kõrvulukustav
огло́шать оглуши́ть+ кого? чем?	-	kurdiks tegema; kõrvu lukku löõma
ошеломля́ть ошелому́ить+ кого? чем?	-	jahmatama; hämmastama
стря́хивать стряхну́ть+ что?	-	maha raputama

щети́ниться ощети́ниться+	–	end turri ajama
уро́дливый	–	inetu
прививáться привúться+ перен.	–	läbi löömа, elujõudu omandama
одолевáть одолéть+ кого? что?	–	võitu e. jagu saama
смя́тый	–	muljutud

семь лет о́т роду – seitse aastat vana
в толпе́ ныря́ют же́нщины – rahvamurrus sagivad naised
нахлобу́чить+ шля́пу на глаза́ – kübarat silmile tõmbama

Задание I. Составьте к тексту вопросы и перескажите его содержание.

Задание 2. Ответьте на вопросы.

I. Когда М. Горький написал "Сказки об Италии"?
2. Что заставило М.Горького поселиться в I906 году в Италии?
3. Как долго М. Горький жил в Италии?
4. Что писал В.И. Ленин М. Горькому о "Сказках об Италии"?
5. Какие сказки М. Горького вы еще читали? Расскажите о них.

Задание 3. Подберите синонимы к словам:
забастовка, одолеть, отправить (телеграмму); составьте с ними предложения.

Задание 4. Образуйте I) существительные от глаголов: приветствовать, побеждать, отправить, выступать, дышать, блестеть, настроить, расцвести, свистеть, реветь, верить,
2) существительные и глаголы от прилагательных: усталый, голодный, худой.

Задание 5. Подберите антонимы к словам:
вогнутый, уходить, открыть; составьте с ними предложения.

Задание 6. Замените страдательный оборот действительным.
Почти все дети расхватаны по рукам.

Задание 7. Замените причастные обороты определительн
ми придаточными предложениями.

Забастовщики собрали детей, уже начавших болеть от голода
и отправили их к товарищам в Геную.
Из улиц, точно из огромных труб, красиво льются веселые к
ки людей, идущих навстречу новой жизни.

Задание 8. Определите вид данных ниже глаголов, подб
рите к ним видовую пару, поставьте после них вопросы и со
ставьте словосочетания:
собираться, подбегать, раскладывать, дрогнуть, брать, уст
пать, сорвать.

Судьба человека

(По М.Шолохову)

Первая послевоенная весна была на Верхнем Дону очень дружная. В конце марта из Приазовья подули теплые ветры, и уж через двое суток, взломав лед, бешено взыграли речки, и дороги стали почти совсем непроездны.

В эту недобрую пору бездорожья мне пришлось ехать в станицу Букановскую. И расстояние небольшое - всего лишь около шестидесяти километров, - но преодолеть их оказалось не так-то просто. Мы с товарищем выехали до восхода солнца. Пара сытых лошадей еле тащила тяжелую бричку. Колеса проваливались в отсыревший, перемешанный со снегом и льдом песок.

Там, где было особенно трудно лошадям, мы слезали с брички, шли пешком. Под сапогами хлюпал размокший снег, идти было тяжело. Только часов через шесть преодолели расстояние в тридцать километров, подъехали к переправе через речку Еланку.

Небольшая, местами пересыхающая летом речушка против хутора Моховского разлилась на целый километр. Переправляться надо было на лодчонке, поднимавшей не более трех человек. Мы отпустили лошадей. На той стороне в колхозном сарае нас ожидал старенький, видавший виды "Виллис", оставленный там еще зимой. Вдвоем с шофером мы сели в ветхую лодчонку. Товарищ с вещами остался на берегу. Через час мы были на той стороне Еланки. Шофер пригнал из хутора машину, подошел к лодке и сказал, берясь за весло:

- Если это проклятое корыто не развалится на воде, - часа через два приедем, раньше не ждите.

Хутор раскинулся далеко в стороне, стояла такая тишина, какая бывает в безлюдных местах только глухою осенью и в самом начале весны. От воды тянуло сыростью, а с дальних степей легкий ветерок нес извечно юный, еле уловимый аромат недавно освободившейся из-под снега земли.

Неподалеку, на прибрежном песке, лежал поваленный плетень, я присел на него, хотел закурить, но, сунув руку в пра-

вый карман куртки, к великому огорчению обнаружил, что пачка"Беломора" совершенно размокла. Во время переправы волна по пояс окатила меня мутной водой. Тогда мне некогда было думать о папиросах, надо было, бросив весло, побыстрее вычерпывать воду, чтобы лодка не затонула, а теперь, горько досадуя на свою оплошность, я бережно вынул из кармана размокшую пачку, присел на корточки и стал по одной раскладывать на плетне влажные, побуревшие папиросы.

Был полдень. Солнце светило горячо,как в мае. Я надеялся, что папиросы скоро высохнут. Солнце светило так горячо, что я уже пожалел о том, что надел в дорогу солдатские ватные штаны и теплую куртку. Это был первый после зимы по-настоящему теплый день. Хорошо было сидеть на плетне вот так, одному, целиком покоряясь тишине и одиночеству, и, сняв с головы старую солдатскую ушанку, сушить на ветерке мокрые после тяжелой гребли волосы, бездумно следить за проплывающими в блеклой синеве белыми облаками.

Вскоре я увидел, как из-за крайних дворов хутора вышел на дорогу мужчина. Он вел за руку маленького мальчика, судя по росту лет пяти- шести, не больше. Они устало брели по направлению к переправе, но поравнявшись с машиной, повернули ко мне. Высокий, сутуловатый мужчина, подойдя вплотную, сказал приглушенным баском:

- Здорово, браток!

- Здравствуй. - Я пожал протянутую мне большую руку. Мужчина наклонился к мальчику, сказал:

- Поздоровайся с дядей, сынок. Он видно такой же шофер, как и твой папанька. Только мы с тобой на грузовой ездили, а он вот эту маленькую машину гоняет.

Глядя мне прямо в глаза светлыми, как небушко, глазами, чуть-чуть улыбаясь, мальчик смело протянул мне розовую холодную ручонку. Я легонько потряс ее, спросил:

- Что же это у тебя,старик, рука такая холодная? На дворе тепло, а ты замерзаешь?

С трогательной детской доверчивостью малыш прижался к моим коленям, удивленно поднял белесые бровки.

- Какой же я старик, дядя? Я мальчик, и я вовсе не замерзаю, а руки холодные - снежки катал потому что.

Сняв со спины вещевой мешок , устало присаживаясь рядом со мною, отец сказал:

- Беда мне с этим пассажиром! Там, где мне надо раз шагнуть, - я три раза шагаю, так и идем с ним, как конь с черепахой. А тут ведь за ним глаз да глаз нужен. Чуть отвернешься, а он уже по луже бредет, или лед отломит и сосет вместо конфеты. Нет, не мужское это дело с таким пассажиром путешествовать. - Он помолчал немного, потом спросил: - А ты что же,браток, свое начальство ждешь?

Мне было неудобно разуверять его в том, что я не шофер, и я ответил:

- Приходится ждать.

- С той стороны подъедут?

- Да.

- Не знаешь, скоро ли подойдет лодка?

- Часа через два.

- Ну что ж, пока отдохнем, спешить мне некуда. А я иду мимо, гляжу: свой брат - шофер загорает. Дай, думаю, зайду, перекурим вместе. Одному-то и курить и умирать тошно. А ты папироски подмочил, стало быть? Ну, брат, табак моченый,что конь леченый, никуда не годится. Давай-ка лучше моего табачку закурим.

Он достал из кармана защитных летних штанов свернутый в трубку малиновый шелковый потертый кисет, развернул его, и я успел прочитать вышитую на уголке надпись: "Дорогому бойцу от ученицы 6-го класса Лебедянской средней школы.".

Мы закурили крепчайшего табака-самосада и долго молчали. Я хотел было спросить, куда он идет с ребенком, какая нужда его гонит в такую распутицу, но он опередил меня вопросом:

- Ты что же, всю войну за баранкой?

- Почти всю.

- На фронте?

- Да.

– Ну, и мне там пришлось, браток, хлебнуть горюшка по ноздри и выше.

Он положил на колени большие темные руки, сгорбился. Я сбоку взглянул на него, и мне стало что-то не по себе... Видали вы когда-нибудь глаза, наполненные такой смертной тоской, что в них трудно смотреть? Вот такие глаза были у моего случайного собеседника.

Выломав из плетня сухую хворостину, он с минуту водил ею по песку, вычерчивая какие-то замысловатые фигуры, а потом заговорил:

Иногда не спишь ночью, глядишь в темноту и думаешь:" За что же ты, жизнь, меня так покалечила? За что так исказнила? Нет мне ответа ни в темноте, ни при ясном солнышке... Нет и не дождусь!" – И вдруг спохватился: ласково подталкивая сынишку сказал: "Поди, милок, поиграй возле воды, у большой воды для ребятишек всегда какая-нибудь добыча найдется. Только,гляди, ноги не промочи!" Еще когда мы в молчании курили, я, украдкой рассматривал отца и сынишку, с удивлением отметил для себя одно, странное на мой взгляд обстоятельство. Мальчик был одет просто, но добротно: и в том, как сидел на нем подбитый легкой, поношенной цигейкой пиджачок и в том, что крохотные сапожки были сшиты с расчетом надевать их на шерстяной носок, и очень искусный шов на разорванном когда-то рукаве пиджачка – все выдавало женскую заботу, умелые материнские руки. А отец выглядел иначе: прожженный в нескольких местах ватник был небрежно и грубо заштопан, на нем были почти новые солдатские ботинки, но плотные шерстяные носки изъедены молью, их не коснулась женская рука... Еще тогда я подумал: "Или вдовец, или не живет в ладах с женой".

Но вот он, проводив глазами сынишку, глухо покашлял, снова заговорил, и я весь превратился в слух.

– Сначала жизнь моя была обыкновенная.Сам я уроженец Воронежской губернии, с тысяча девятисотого года рождения. В гражданскую войну был в Красной Армии в дивизии Киквидзе. В голодный двадцать второй год уехал на Кубань, работать на кулаков, потому и остался жив. А отец с матерью и сестренкой

дома умерли от голода. Остался один. Родни - нигде, никого ни одной души. Ну, через год вернулся с Кубани, дом продал, поехал в Воронеж. Сначала работал в плотницкой артели, потом пошел на завод, выучился на слесаря. Вскоре женился. Жена воспитывалась в детском доме. Сиротка. Хорошая попалась мне девка! Смирная, веселая, умница, не мне чета. Со стороны глядеть - не так уж она была из себя видная, но ведь я-то не со стороны на нее глядел, а в упор. И не было для меня красивей и желанней ее, не было на свете и не будет.

Придешь с работы усталый, а иной раз и злой, как черт. Нет, на грубое слово она тебе не нагрубит в ответ. Ласковая, тихая, не знает, где тебя посадить, как бы повкуснее тебя накормить. Смотришь на нее и отходишь сердцем, а спустя немного обнимешь ее, скажешь: "Прости, милая Иринка, нагрубил я тебе. Понимаешь с работой у меня нынче не ладилось". И опять у нас мир, и у меня покой на душе. А ты знаешь, браток, что это означает для работы? Утром я встаю, иду на завод, и любая работа у меня кипит и спорится! Вот что это означает - иметь умную жену - подругу.

Вскоре дети у нас пошли. Сначала сынишка родился, через год еще две девочки...

В двадцать девятом году увлекли меня машины. Изучил автодело, сел за баранку на грузовой. Потом втянулся и уже не захотел возвращаться на завод. За рулем показалось мне веселее. Так и прожил десять лет и не заметил, как они прошли. Прошли, как будто во сне. Да что десять лет! Спроси у любого пожилого человека, заметил он как жизнь прожил? Ни черта он не заметил!

Работал я эти десять лет и день и ночь. Зарабатывал я хорошо, и жили мы не хуже людей. И дети радовали: все трое учились на "отлично", а старшенький, Анатолий, оказался таким способным к математике, что про него даже в центральной газете писали. Откуда у него появился такой громадный талант к этой науке, я и сам, браток, не знаю. Только очень мне было это приятно, и гордился я им, очень гордился!

За десять лет скопили мы немного деньжонок и перед вой-

ной построили себе маленький домик. Ирина купила двух коз. Чего еще больше надо? Дети кашу едят с молоком, крыша над головою есть, одеты, обуты, стало быть, все в порядке. Только построился я неловко. Отвели мне участок в шесть соток неподалеку от авиазавода. Будь мой дом в другом месте, может и жизнь сложилась иначе...

И вот война. На второй день повестка из военкомата, на третий - поехал на фронт. Провожали меня все четверо моих: Ирина, Анатолий и дочери - Настенька и Олюшка. Все ребята держались молодцом. Ну, у дочерей посверкивали слезинки. Анатолий только плечами передергивал, как от холода, ему к тому времени уже семнадцатый год шел, а Ирина моя... Такой я ее за все семнадцать лет нашей совместной жизни ни разу не видел. Ночью у меня на плече и на груди рубаха от ее слез не просыхала, и утром такая же история... Пришли на вокзал, а на нее от жалости глядеть не могу: губы от слез распухли, волосы из-под платка выбились, и глаза мутные, бессмысленные. Командиры объявляют посадку, а она упала мне на грудь, руки на моей шее сцепила и вся дрожит, будто подрубленное дерево. И детишки ее уговаривают и я, - ничего не помогает! Другие женщины с мужьями, с сыновьями разговаривают, а моя прижалась ко мне, как лист к ветке, и только вся дрожит, а слова вымолвить не может. Я и говорю ей: "Возьми же себя в руки, милая моя Иринка! Скажи мне хоть слово на прощанье". Она и говорит и за каждым словом всхлипывает: "Родненький мой... Андрюша... не увидимся... мы с тобой... больше... на этом... свете..."

Тут у самого от жалости к ней сердце на части разрывается, а она с такими словами. Должна бы понимать, что мне тоже нелегко с ними расставаться. Зло меня тут взяло! Силой я разнял ее руки и легонько толкнул в плечи. Толкнул вроде легонько, а сила-то у меня была дурачья, она попятилась, шага три ступила назад и опять ко мне идет мелкими шажками, руки протягивает, а я кричу ей: "Да разве же так прощаются? Что ты меня раньше времени заживо хоронишь?" Ну опять обнял ее, вижу что она сама не своя...

Он на полуслове резко оборвал рассказ, и в наступившей

тишине я услышал, как у него что-то клокочет и булькает в горле. Чужое волнение передалось и мне. Искоса взглянул я на рассказчика, но ни единой слезинки не увидел в его словно мертвых, потухших глазах. Он сидел, понуро склонив голову только большие, безвольно опущенные руки мелко дрожали, дрожал подбородок, дрожали твердые губы.

-Не надо, друг, не вспоминай! - тихо проговорил я, но он наверное, не слышал моих слов и, каким-то огромным усилием воли, поборов волнение, вдруг сказал охрипшим, странно изменившимся голосом:

- До самой смерти, до последнего моего часа, умирать буду, а не прощу себе, что тогда ее оттолкнул!..

Он снова и надолго замолчал. Пытался свернуть папиросу, но газетная бумага рвалась, табак сыпался на колени. Наконец он все же кое-как сделал папиросу, несколько раз жадно затянулся и, покашливая, продолжал:

- Оторвался я от Ирины, взял ее лицо в ладони, целую, а у нее губы, как лед. С детишками попрощался, бегу к вагону, уже на ходу вскочил на подножку. Поезд тронулся тихо-тихо: проезжать мне мимо своих. Гляжу, детишки мои осиротелые в кучу сбились, руками мне машут, хотят улыбаться, но не могут. А Ирина прижала руки к груди; губы белые, как мел, что-то она ими шепчет, смотрит на меня, не сморгнет, а сама вся вперед клонится, будто хочет шагнуть против сильного ветра... Такой она мне и в памяти на всю жизнь осталась: руки, прижатые к груди, белые губы и широко раскрытые глаза, полные слез... По большей части такой я ее и во сне всегда вижу... Зачем я ее тогда оттолкнул? Сердце до сих пор, как вспомню, будто тупым ножом режут...

Формировали нас под Белой Церковью, на Украине. Дали мне "ЗИС-5". На нем и поехал на фронт. Ну, про войну тебе нечего рассказывать, сам видел и знаешь, как оно было сначала. От своих письма получал часто, а сам посылал редко. Бывало, напишешь, что все в порядке, помаленьку воюем и хотя сейчас отступаем, но скоро соберемся с силами и тогда дадим фрицам прикурить. А что еще тогда можно было писать?

Только не пришлось мне и года повоевать... Два раза за это время был ранен: первый раз - пулей с самолета, другой - осколком снаряда. Дырявил немец мне машину и сверху и с боков, но мне, браток, везло на первых порах. Везло-везло, да и довезло... Попал я в плен под Лозовеньками в мае сорок второго года при таком неловком случае: немцы тогда здорово наступали, и оказалась одна наша стадвадцатидвухмиллиметровая гаубичная батарея почти без снарядов; нагрузили мою машину снарядами, и сам я на погрузке работал так, что гимнастерка к лопаткам прикипала. Надо было сильно спешить потому, что бой приближался к нам: слева чьи-то танки гремят, справа стрельба идет, впереди стрельба.

Командир нашей автороты спрашивает: "Проскочешь, Соколов?" А тут и спрашивать нечего было. "Какой разговор, - отвечаю ему. - Я должен проскочить, и все". "Ну, - говорит, езжай!"

Я и поехал. В жизни так не ездил, как на этот раз! Знал, что не картошку везу, что с этим грузом осторожность везде нужна, но какая тут может быть осторожность, когда там ребята с пустыми руками воюют, когда дорога вся насквозь артогнем простреливается. Пробежал километров шесть, скоро мне уже на проселок сворачивать, чтобы пробраться к балке, где батарея стояла, а тут гляжу - пехота наша и справа и слева по чистому полю отступает. Что мне делать? Не поворачивать же назад? И до батареи остался какой-нибудь километр, уже свернул я на проселок, а добраться до своих мне, браток, не пришлось... Видно тяжелый снаряд дальнобойного орудия упал возле машины. Не слыхал я ни разрыва, ничего, только в голове будто что-то лопнуло, и больше ничего не помню. Как остался я живой тогда, - не понимаю, и сколько времени пролежал метрах в восьми от кювета, - не соображу. Очнулся, а встать на ноги не могу: голова у меня дергается, всего трясет, будто в лихорадке, в глазах темно, в левом плече что-то скрипит и похрустывает, и боль во всем теле такая, как будто меня двое суток подряд били. Долго я на земле на животе лежал, но кое-как встал. Однако ничего не пойму, где

я и что со мной случилось. А обратно лечь боюсь. Боюсь, что лягу и больше не встану, умру. Стою и качаюсь из стороны в сторону, как тополь в бурю.

Когда пришел в себя, опомнился и огляделся как следует, - сердце будто кто-то плоскогубцами сжал: кругом снаряды валяются, которые я вез, неподалеку моя машина лежит вверх колесами, а бой-то уже сзади меня идет...

Вот тут-то у меня ноги сами собою подкосились, и я упал, как срезанный, потому что понял, что я уже в окружении, а скорее сказать - в плену у фашистов. Вот как оно на войне бывает...

Ох, браток, нелегкое это дело понять, что ты не по своей воле в плену. Ну, вот, лежу я и слышу: танки гремят. Четыре немецких средних танка на полном газу прошли мимо меня туда, откуда я со снарядами выехал... Каково это было переживать? Потом тягачи с пушками потянулись, полевая кухня проехала, потом пехота прошла не густо, так, не больше одной битой роты. Погляжу, погляжу на них краем глаза и опять прижмусь щекой к земле, глаза закрою: тошно мне на них глядеть, и на сердце тошно...

Думал все прошли, приподняд голову: шесть автоматчиков шагают метрах в стах от меня. Гляжу, сворачивают с дороги и прямо ко мне. Идут молча. "Вот, - думаю, - и смерть моя на подходе". Я сел, неохота лежа умирать, потом встал. Один из них, не подходя несколько шагов, плечом дернул, автомат снял. И вот как удивительно человек устроен: никакой паники, ни сердечной робости в эту минуту у меня не было. Только гляжу на него и думаю: "Сейчас выстрелит в меня, а куда будет бить? В голову или поперек груди?" Как будто мне это не все равно, какое место он в моем теле прострелит.

Молодой парень, собою ладный такой, чернявый, а губы тонкие, в нитку, и глаза с прищуром. "Этот убьет и не задумается", - соображаю про себя. Так оно и есть: вскинул он автомат - я ему прямо в глаза гляжу, молчу, а другой, ефрейтор, постарше его, можно сказать, пожилой, что-то крикнул, отодвинул его в сторону, подошел ко мне, лопочет по-своему и пра-

вую руку мою в локте сгибает, мускул, значит, щупает. Попробовал и говорит: "О-о-о!" - и показывает на дорогу, на заход солнца. Топай, мол, рабочая скотина, трудиться на наш райх. Хозяином оказался!

Но чернявый посмотрел на мои сапоги, а они у меня с виду были новые, показывает рукой: "Снимай". Сел я на землю, снял сапоги, подаю ему. Он их из рук у меня прямо-таки выхватил. Остальные ржут. С тем по-мирному и отошли. Только этот чернявый, пока дошел до дороги, раза три оглянулся на меня, глазами сверкает, как волчонок, злится, а чего? Будто я с него сапоги снял, а не он с меня.

Что ж, браток, вышел я на дорогу и зашагал на запад в плен!.. А ходок тогда из меня был никакой, в час по километру, не больше. Ты хочешь вперед шагнуть, а тебя из стороны в сторону качает. Прошел немного, и догоняет меня колонна наших пленных, из той же дивизии, в какой я был. Гонят их человек десять немецких автоматчиков. Тот, который впереди колонны шел, поравнялся со мною и, не говоря худого слова, наотмашь меня ударил ручкой автомата по голове. Упади я, - и он уложил бы меня на землю выстрелом, но наши подхватили меня на лету, затолкали в середину и с полчаса вели под руки. А когда я опомнился, один из них шепчет: "Иди из последних сил, а не то убьют". И я из последних сил, но пошел.

Как только солнце село, немцы погнали нас ускоренным маршем. Сильно раненные наши не могли поспевать за остальными, и их пристреливали прямо на дороге. Двое попытались бежать, а того не учли, что в лунную ночь тебя в чистом поле далеко видно, ну, конечно, и этих постреляли. В полночь пришли мы в какое-то полусожженное село. Ночевать загнали нас в церковь с разбитым куполом. На каменном полу - ни клочка соломы, а все мы без шинелей, в одних гимнастерках и штанах, так что постелить нечего. Кое на ком даже и гимнастерок не было, одни нижние рубашки. В большинстве это были младшие командиры. Гимнастерки они сняли, чтобы их от рядовых нельзя было отличить. И еще артиллеристы были без гимнастерок. Как работали возле орудий, так и в плен попали.

Ночью полил такой сильный дождь, что все мы промокли насквозь. Среди ночи слышу, кто-то трогает меня за руку, спрашивает: "Товарищ, ты не ранен?". - Отвечаю ему: "А тебе что надо, браток?" Он и говорит: "Я - военврач, может быть, могу тебе чем-нибудь помочь?" Я пожаловался ему, что у меня левое плечо скрипит, пухнет и ужасно болит. Он твердо так говорит: "Снимай гимнастерку и нижнюю рубашку". Я снял все это с себя, он и начал руку в плече пощупывать своими тонкими пальцами, да так, что я света не взвидел. Скриплю зубами и говорю ему: "Ты, видно, ветеринар, а не доктор. Что же ты по больному месту давишь так, бессердечный ты человек?" А он все щупает и злобно так отвечает: "Твое дело помалкивать! Держись, сейчас еще болнее будет". Да как дернет мою руку, так что красные искры у меня из глаз посыпались.

Опомнился я и спрашиваю: "Ты что же делаешь, фашист несчастный? У меня рука вдребезги разбитая, а ты еще так рванул". Слышу, он засмеялся потихоньку и говорит: "Думал, что ты меня ударишь, но ты, оказывается, смирный парень. А рука у тебя не разбита, а выбита была, вот я ее на место и поставил. Ну, как теперь, полегче тебе?" И в самом деле, чувствую, что боль куда-то уходит. Поблагодарил я его душевно, и он дальше пошел в темноте, потихоньку спрашивает: "Раненые есть?" Вот что значит настоящий доктор! Он и в плену и в потемках свое великое дело делал.

Беспокойная это была ночь. Кое-кто разговаривал в полголоса, шептались: кто откуда, какой области, как в плен попал; в темноте товарищи из одного взвода или знакомые из одной роты потеряли друг друга, начали один одного потихоньку окликать. И слышу я рядом с собой такой тихий разговор. Один говорит: "Если завтра, перед тем, как гнать нас дальше, нас выстроят и будут вызывать комиссаров, коммунистов и евреев, то ты, взводный, не прячься! У тебя ничего не выйдет. Ты думаешь, если гимнастерку снял, так за рядового сойдешь? Не выйдет! Я за тебя отвечать не намерен. Я первый укажу на тебя! Я же знаю, что ты - коммунист и меня агитировал вступать в партию, вот и отвечай за свои дела". Это говорит ближний

ко мне, который рядом со мной сидит, слева, а с другой стороны от него чей-то молодой голос отвечает: "Я всегда подозревал, что ты, Крыжнев, нехороший человек. Особенно, когда ты отказался вступить в партию, ссылаясь на свою неграмотность. Но никогда я не думал, что ты сможешь стать предателем. Ведь ты же окончил семилетку?" Тот лениво так отвечает своему взводному: "Ну, окончил, и что из этого?" Долго они молчали, потом взводный тихо так говорит: "Не выдавай меня, товарищ Крыжнев". А тот засмеялся тихонько. "Товарищи, говорит, - остались за линией фронта, а я тебе не товарищ, и ты меня не проси, все равно укажу на тебя. Своя рубашка к телу ближе".

Замолчали они, а меня озноб колотит от такой подлости. Нет, - думаю, - не дам я тебе, гаду, выдать своего командира. Ты у меня из этой церкви не выйдешь". Чуть-чуть рассвело - вижу: рядом со мной лежит на спине здоровый парень, руки за голову закинул, а около него сидит в одной рубашке худенький такой, курносенький парнишка, и очень бледный. "Ну, - думаю, - не справится этот парнишка с таким толстым мерином. Придется мне его кончать".

Тронул я его рукой, спрашиваю шепотом: "Ты взводный?" Он ничего не ответил, только головою кивнул. "Этот хочет тебя выдать?" - показываю я на лежащего парня. Он головою кивнул. "Ну, - говорю,- держи ему ноги, чтобы не брыкался! Да побыстрее!", - а сам упал на этого парня, и замерли мои пальцы у него на глотке. Он и крикнуть не успел. Подержал его под собой несколько минут, приподнялся. Готов, предатель!

До того мне стало нехорошо после этого, и страшно захотелось руки помыть, будто я не человека, а какого-то гада ползучего душил. Первый раз в жизни убил, и то своего... Да какой же он свой? Он же хуже чужого, предатель. Встал и говорю взводному: "Пойдем отсюда, товарищ, церковь велика".

Как и говорил этот Крыжнев, утром всех нас выстроили возле церкви, оцепили автоматчиками и трое эсесовских офицеров начали отбирать опасных для них людей. Спросили, кто коммунисты, командиры, комиссары, но таковых не оказалось. Не

оказалось и предателя, который мог бы выдать, потому что и коммунистов среди нас была чуть не половина, и командиры были, и, само собой, и комиссары были. Только четырех и взяли из двухсот с лишним человек. Одного еврея и трех русских рядовых. Русские попали в беду потому, что все трое были чернявые и с кучерявинкой в волосах. Вот подходят к такому, спрашивают: "Юде?" Он говорит, что русский, но его и слушать не хотят. "Выходи" - и все.

Их расстреляли, а нас погнали дальше. Взводный, с которым мы предателя придушили, до самой Познани возле меня шел и в первый день нет-нет, да и пожмет мне на ходу руку. В Познани нас разлучили по одной такой причине.

Еще с первого дня вздумал я уходить к своим. Но уходить хотел наверняка. До самой Познани, где разместили нас в настоящем лагере, ни разу не представился мне подходящий случай. А в Познанском лагере вроде такой случай нашелся: в конце мая послали нас в лесок возле лагеря рыть могилы для наших же умерших военнопленных, много тогда нашего брата умирало от дизентерии; рою я познанскую глину, а сам посматриваю кругом и вот заметил, что двое наших охранников сели закусывать, а третий задремал на солнышке. Бросил я лопату и тихо пошел за куст... А потом - бегом, держу прямо на восход солнца...

Видно, нескоро они спохватились, мои охранники. А вот откуда у меня, у такого тощего, силы взялись, не знаю. Только ничего у меня не вышло из моего мечтания: на четвертые сутки, когда я был уже далеко от проклятого лагеря, поймали меня. Собаки сыскные шли по моему следу, они меня и нашли в некошеном овсе.

На заре побоялся я идти чистым полем, а до леса было не меньше трех километров, и я залег в овсе на день. Намял в ладонях зерен, пожевал немного и в карманы насыпал про запас и вот слышу собачий лай и мотоцикл трещит... Оборвалось у меня сердце потому, что собаки все ближе голоса подают. Лег я и закрылся руками, чтобы они мне хоть лицо не обгрызли. Ну, добежали и в одну минуту спустили с меня все мое рванье.

Остался в чем мать родила. Катали они меня по овсу, как хотели, и под конец одна собака стала мне на грудь передними лапами и целится в горло, но пока еще не трогает.

На двух мотоциклах подъехали немцы. Сначала сами били, а потом натравили на меня собак. Голого, всего в крови и привезли в лагерь. Месяц отсидел в карцере за побег, но все-таки живой... живой я остался!

Тяжело мне, браток, вспоминать, а еще тяжелее рассказывать о том, что пришлось пережить в плену. Как вспомнишь нечеловеческие муки, какие пришлось вынести там, в Германии, как вспомнишь всех друзей - товарищей, которые погибли замученные там, в лагерях, - сердце уже не в груди, а в глотке бьется, и трудно становится дышать...

Куда меня только не гоняли за два года плена! Половину Германии обошел за это время: и в Саксонии был, на силикатном заводе работал, и в Рурской области на шахте уголек откатывал, и в Баварии на земляных работах, и в Тюрингии побыл, где только не пришлось по немецкой земле походить. Природа везде там, браток, разная, но стреляли и били нашего брата везде одинаково.

Били за то, что ты русский, за то, что на белый свет еще смотришь, за то, что на них, гадов, работаешь. Били и за то, что не так взглянешь, не так шагнешь, не так повернешься... Били для того, чтобы когда-нибудь да убить до смерти. Печей-то, наверно, на всех нас не хватало в Германии.

И кормили везде одинаково: полтораста грамм эрзац-хлеба пополам с опилками и жидкая баланда из брюквы. Кипяток - где давали, а где нет. Да что там говорить, суди сам: до войны весил я восемьдесят шесть килограммов, а к осени тянул уже не больше пятидесяти. Одна кожа осталась на костях, да и кости-то свои носить было тяжело. А работу давай, и слова не скажи, да такую работу, что лошади и то не в пору.

В начале сентября из лагеря под городом Кюстрином перебросили нас, сто сорок два человека советских военнопленных, в лагерь Б-I4, неподалеку от Дрездена. К тому времени в этом

лагере было около двух тысяч наших. Все работали на каменном карьере, вручную долбили, резали, крошили немецкий камень. Норма - четыре кубометра в день на душу, заметь, на такую душу, которая и без этого чуть-чуть, на одной ниточке в теле держалась. Тут и началось: через два месяца от ста сорока двух человек нашего эшелона осталось нас пятьдесят семь. Тут своих не успеваешь хоронить, а тут слух по лагерю идет, будто немцы уже Сталинград взяли и прут дальше на Сибирь.

Одно горе к другому. А лагерная охрана каждый день пьет, песни поют, радуются, ликуют.

И вот как-то вечером вернулись мы в барак с работы. Целый день дождь шел; все мы на холодном ветру замерзли, зуб на зуб не попадает. А обсушиться негде, согреться - то же самое, и к тому же голодные не то что до смерти , а даже еще хуже. Но вечером нам еды не полагалось.

Снял я с себя мокрое рванье, кинул на нары и говорю: "Им по четыре кубометра выработки надо, а на могилу каждому из нас и одного кубометра хватит". Только и сказал, но ведь нашелся же из своих какой-то подлец, донес коменданту про мои горькие слова.

Комендантом лагеря, или лагерфюрером, был у нас немец Мюллер. Невысокого роста, плотный, белобрысый и сам весь какой-то белый: и волосы на голове белые, и брови, и ресницы, даже глаза у него были белесые. По-русски говорил, как мы с тобой, да еще на "о", будто коренной волжанин. Бывало, выстроит нас перед блоком - барак они так называли, - идет перед строем со своей сворой эсэсовцев, правую руку держит на отлете. Она у него в кожаной перчатке, а в перчатке свинцовая прокладка, чтобы пальцы не повредить. Идет и бьет каждого второго в нос, кровь пускает. Это он называл "профилактикой от гриппа". И так каждый день. Всего четыре блока в лагере было, и вот он нынче первому блоку "профилактику" устраивает, завтра второму и так далее. Аккуратный был гад, без выходных работал.

Так вот этот самый комендант на другой день после того,

как я про кубометры сказал, вызывает меня. Вечером приходят в барак переводчик и с ним два охранника. "Кто Соколов Андрей?" Я отозвался. "Марш за нами, тебя сам герр лагерфюрер требует". Понятно зачем требует. Попрощался я с товарищами, все они знали, что на смерть иду, вздохнул и пошел. Иду по лагерному двору, на звезды поглядываю, прощаюсь с ними, думаю: "Вот и отмучился ты, Андрей Соколов, а по лагерному - номер триста тридцать первый". Что-то жалко стало Иринку и детишек, а потом жалость эта утихла и стал я собираться с духом, чтобы глянуть в дырку пистолета бесстрашно, как и подобает солдату, чтобы враги не увидели и последнюю мою минуту, что мне с жизнью расставаться все-таки трудно...

В комендантской - цветы на окнах, чистенько, как у нас в хорошем клубе. За столом - все лагерное начальство. Пять человек сидят, водку пьют и салом закусывают. На столе у них початая здоровенная бутыль с водкой, хлеб, сало, моченые яблоки, открытые банки с разными консервами. Мигом оглядел я всю эту еду и - не поверишь - так меня замутило, что чуть не вырвало. Я же голодный, как волк, отвык от человеческой пищи, а тут столько добра перед тобою... Кое-как подавил тошноту, но глаза оторвал от стола с трудом.

Прямо передо мною сидит полупьяный Миллер, пистолетом играет, перекидывает его из руки в руку, а сам смотрит на меня и не моргнет, как змея. Ну, я руки по швам, стоптанными каблуками щелкнул, громко так докладываю: "Военнопленный Андрей Соколов по вашему приказанию, герр комендант, явился". Он и спрашивает меня: "Так что же, русс Иван, четыре кубометра выработки - это много?" "Так точно, - говорю, - герр комендант, много". "А одного тебе на могилу хватит?" "Так точно, герр комендант, вполне хватит и даже останется".

Он встал и говорит: "Я окажу тебе великую честь, сейчас лично расстреляю тебя за эти слова. Здесь неудобно, пойдем во двор". "Воля ваша", - говорю ему. Он постоял, подумал, а потом кинул пистолет на стол и наливает полный стакан водки, кусочек хлеба взял, положил на него ломтик сала и все это подает мне и говорит: "Перед смертью выпей, русс Иван, за победу немецкого оружия".

Я было из рук взял и стакан и закуску, но как только услыхал эти слова - меня будто огнем обожгло. Думаю про себя: "Чтобы я, русский солдат, да стал пить за победу немецкого оружия?! Один черт мне умирать, так провались ты пропадом со своей водкой!"

Поставил я стакан на стол, закуску положил и говорю: "Спасибо за угощение, но я непьющий". Он улыбается: "Не хочешь пить за нашу победу? В таком случае выпей за свою погибель". А что мне было терять? "За свою погибель и избавление от мук я выпью", - говорю ему. Взял стакан и в два глотка выпил, а закуску не тронул, вежливенько вытер губы ладонью и говорю: "Спасибо за угощение. Я готов, герр комендант, пойдемте".

Но он смотрит внимательно так и говорит: "Ты хоть закуси перед смертью". Я ему на это отвечаю: "Я после первого стакана не закусываю". Наливает он второй, подает мне. Выпил я второй и опять закуску не тронул, на отвагу бью, думаю: "Хоть напьюсь перед тем, как во двор идти, с жизнью расставаться". Высоко поднял комендант свои белые брови, спрашивает: "Что же не закусываешь, русс Иван? Не стесняйся!" А ему свое: "Извините, герр комендант, я и после второго стакана не привык закусывать". Надул он щеки, фыркнул, а потом как захохочет и сквозь смех что-то быстро говорит по-немецки, видно переводит мои слова друзьям. Те тоже рассмеялись, стульями задвигали, поворачиваются ко мне мордами и уже, замечаю, как-то иначе на меня поглядывают, как будто помягче.

Наливает мне комендант третий стакан, а у самого руки трясутся от смеха. Этот стакан я выпил врастяжку, откусил маленький кусочек хлеба, остаток положил на стол. Захотелось мне им, проклятым, показать, что хотя и с голоду пропадаю, но давиться их подачкой не собираюсь, что у меня есть свое, русское достоинство и гордость и что в скотину они меня не превратили, как ни старались.

После этого комендант стал серьезный с виду, поправил у себя на груди два железных креста, вышел из-за стола

безоружный и говорит: "Вот что, Соколов, ты - настоящий русский солдат. Ты храбрый солдат. Я - тоже солдат и уважаю достойных противников. Стрелять я тебя не буду. К тому же сегодня наши доблестные войска вышли к Волге и целиком овладели Сталинградом. Это для нас большая радость, а потому я великодушно дарю тебе жизнь. Ступай в свой блок, а это тебе за смелость", - и подает мне со стола небольшую буханку хлеба и кусок сала.

Прижал я хлеб к себе изо всей силы, сало в левой руке держу и до того расстерялся от такого неожиданного поворота, что и спасибо не сказал, сделал налево кругом, иду к выходу, а сам думаю: "Засветит он мне сейчас промеж лопаток, и не донесу ребятам ничего". Нет, обошлось. И на этот раз смерть мимо меня прошла, только холодком от нее потянуло...

Вышел я из комендантской на твердых ногах, а во дворе меня развезло. Ввалился в барак и упал на цементный пол без памяти. Разбудили меня наши еще в потемках: "Рассказывай!" Ну, я припомнил, что было в комендантской, рассказал им. "Как будем харчи делить?" - спрашивает мой сосед по нарам, а у самого голос дрожит. "Всем по ровну", - говорю ему. Дождались рассвета. Хлеб и сало резали суровой ниткой. Досталось каждому хлеба по кусочку со спичечную коробку, каждую крошку брали на учет, ну, а сала, сам понимаешь, только губы помазать. Однако поделили без обиды.

Вскоре перебросили нас, человек триста самых крепких, на осушку болот - в Рурскую область на шахту. Там и пробыл я до сорок четвертого года. К этому времени наши уже своротили Германии скулу набок и фашисты перестали пленными брезговать. Как-то выстроили нас, всю дневную смену, и какой-то приезжий обер-лейтенант говорит через переводчика: "Кто служил в армии или до войны работал шофером, - шаг вперед". Шагнуло нас семь человек. Дали нам поношенную спецовку, направили под конвоем в город Потсдам. Меня определили работать в "Тодте" - была у немцев такая контора по строительству дорог и оборонительных сооружений.

Возил я на "Опель-адмирале" немца-инженера в чине май-

ора армии. Ох , и толстый же был фашист! Маленький, пузатый, что в ширину, что в длину одинаковый. На нем, я так определил, не менее трех пудов чистого жиру было. Ходит, пыхтит, как паровоз. Целый день, бывало, жует да коньяк из фляжки потягивает. Кое-где и мне от него перепадало: в дороге остановится, колбасы нарежет, сыру, закусывает и выпивает; когда в добром духе, - и мне кусок кинет, как собаке. В руки никогда не давал, нет, считал это для себя за низкое. Но как бы то ни было, а с лагерем же не сравнить, постепенно стал поправляться.

Недели две возил я своего майора из Потсдама в Берлин и обратно, а потом послали его в прифронтовую полосу на строительство оборонительных рубежей против наших. И тут я спать окончательно разучился: ночи напролет думал, как бы мне к своим, на Родину сбежать.

Приехали мы в город Полоцк. На заре услыхал я в первый раз за два года, как громыхает наша артиллерия, и, знаешь, браток, как сердце забилось? Холостой еще ходил к Ирине на свидание, и то оно так не стучало! Бои шли восточнее Полоцка уже в километрах в восемнадцати. Немцы в городе злые стали, нервные, а толстяк мой все чаще стал напиваться. Днем за городом с ним ездим, и он распоряжается, как укрепления строить, а ночью в одиночку пьет. Опух весь, под глазами мешки повисли...

"Ну, - думаю, - ждать больше нечего, пришел мой час! И надо не одному мне бежать, а прихватить с собою и моего толстяка, он нашим пригодится!"

Нашел я в развалинах двухкилограммовую гирьку, обмотал ее тряпьем, на случай, если придется ударить, чтобы крови не было, кусок телефонного провода поднял на дороге, все, что мне надо, приготовил, спрятал под переднее сиденье. За два дня перед тем, как распрощался с немцами, вечером еду, вижу: идет пьяный, как грязь, немецкий унтер, за стенку руками держится. Остановил я машину, завел его в развалины и вытряхнул из мундира, пилотку с головы снял. Все это имущество тоже под сиденье сунул и был таков.

Утром двадцать девятого июня приказывает мой майор везти его за город, в направлении Тросницы. Там он руководил постройкой укреплений. Выехали. Майор на заднем сиденье спокойно дремлет, а у меня сердце из груди чуть не выскочит. Ехал я быстро, но за городом сбавил газ, потом остановил машину, вылез, огляделся: далеко сзади две грузовых тянутся. Достал я гирьку, открыл дверцу пошире. Толстяк откинулся на спинку сиденья, похрапывает. Ну, я его и стукнул гирькой в левый висок. Он и голову уронил. Для верности я его еще раз стукнул, но убивать совсем не захотел. Мне его живого надо было доставить, он нашим должен был много кое-чего порассказать. Вынул я у него из кабуры "парабеллум", сунул себе в карман, телефонный провод накинул на шею майору и завязал глухим узлом. Это чтобы он не свалился на бок, не упал при быстрой езде. Скоренько надел на себя немецкий мундир и пилотку, ну, и погнал машину прямо туда, где земля гудит, где бой идет.

Немецкий передний край находился между двух дзотов. Из блиндажа автомтчики выскочили , и я нарочно сбавил ход, чтобы они видели, что майор едет. Но они крик подняли, руками машут, мол туда ехать нельзя, а я будто не понимаю, подкинул газку и пошел на все восемьдесят. Пока они опомнились и начали бить из пулеметов на машине, а я уже на ничьей земле между воронками петляю не хуже зайца.

Тут немцы сзади бьют, а тут свои из автоматов мне навстречу строчат. В четырех местах ветровое стекло пробили, радиатор пропороли пулями... Но вот уже лесок над озером, наши бегут к машине, а я вскочив в этот лесок, дверцу открыл, упал на землю и целую ее, и дышать мне нечем...

Молодой парнишка первым подбегает ко мне: "Ага, чертов фриц, заблудился?" Рванул я с себя немецкий мундир, пилотку под ноги кинул и говорю ему: "Милый ты мой! Сынок дорогой! Какой же я тебе фриц, когда я природный воронежец? В плену я был, понятно? А сейчас отвяжите этого борова, который в машине сидит, возьмите его портфель и ведите меня к вашему командиру". Сдал я им пистолет и пошел из рук в руки, а к вечеру

очутился уже у полковника - командира дивизии. К этому времени меня и накормили, и в баню сводили, и допросили, и обмундирование выдали, так что явился я в блиндаж к полковнику, как и полагается, душой и телом чистый и в полной форме. Полковник встал из-за стола, пошел мне навстречу. При всех офицерах обнял и говорит: "Спасибо тебе, солдат, за дорогой гостинец, который привез от немцев. Твой майор с его портфелем нам дороже двадцати языков. Буду ходатайствовать перед командованием о представлении тебя к правительственной награде". А я от этих слов его, от ласки, сильно волнуюсь, губы дрожат, не повинуются, только и мог из себя выдавить: "Прошу, товарищ полковник, зачислить меня в стрелковую часть".

Но полковник засмеялся, похлопал меня по плечу: "Какой из тебя вояка, если ты на ногах еле держишься? Сегодня же отправлю тебя в госпиталь. Подлечат тебя там, подкормят, после этого домой к семье на месяц в отпуск съездишь, а когда вернешься к нам, - посмотрим, куда тебя определить".

И полковник и все офицеры, которые у него в блиндаже были, душевно попрощались со мной за руку, и я вышел окончательно взволнованный потому, что за два года отвык от человеческого обращения. И заметь, браток, что еще долго я, как только с начальством приходилось говорить, по привычке невольно голову в плечи втягивал, вроде боялся, что ли, как бы меня не ударили. Вот как образовали нас в фашистских лагерях...

Из госпиталя сразу же написал Ирине письмо. Описал все коротко, как был в плену, как бежал вместе с немецким майором. Не утерпел-таки, сообщил, что полковник обещал меня к награде представить...

Две недели спал и ел. Кормили меня помалу, но часто, иначе, если бы давали еды вволю, я бы мог умереть, так доктор сказал. Набрался сил вполне. А через две недели куска в рот взять не мог. Ответа из дома нет, и я, признаться, затосковал. Еда и на ум не идет, сон от меня бежит, всякие дурные мысли в голову лезут... На третьей неделе получаю письмо из Воронежа. Но пишет не Ирина, а сосед мой, столяр Иван Тимофеевич. Не дай бог никому таких писем получать!.. Сообщает

он, что еще в июне сорок второго года немцы бомбили авиазавод, и одна тяжелая бомба попала прямо в мой дом. Ирина и дочери как раз были дома... Ну, пишет, что не нашли от них и следа, а на месте дома - глубокая яма... Не дочитал я в этот раз письмо до конца. В глазах потемнело, сердце сжалось в комок и никак не разжимается. Прилег я на койку, немного отлежался, дочитал. Пишет сосед, что Анатолий во время бомбежки был в городе. Вечером вернулся в поселок, посмотрел на яму и в ночь опять ушел в город. Перед уходом сказал соседу, что будет проситься добровольцем на фронт. Вот и все.

Когда сердце разжалось и в ушах зашумела кровь, я вспомнил, как тяжело расставалась со мной моя Ирина на вокзале. Значит, еще тогда подсказало ей сердце, что больше не увидимся мы с ней на этом свете. А я ее тогда оттолкнул... Была семья, свой дом, и все рухнуло в один миг, остался я один. Думаю: "Да уж не приснилась ли мне моя нескладная жизнь?" А ведь в плену я почти каждую ночь, про себя, конечно, и с Ириной и с детишками разговаривал, подбадривал их, дескать, я вернусь, мои родные, не горюйте обо мне, я - крепкий, я выдержу, и опять мы будем все вместе... Значит, я два года с мертвыми разговаривал?!

Рассказчик на минуту умолк, а потом сказал уже иным, прерывистым и тихим голосом:

- Давай, браток, перекурим, а то меня что-то удушье давит.

Мы закурили. Молчать было тяжело, и я спросил:

- Что же дальше?

- Дальше-то? - нехотя отозвался рассказчик. - Дальше получил я от полковника месячный отпуск, через неделю был уже в Воронеже. Пешком дошел до места, где когда-то жил с семьей. Глубокая воронка, налитая ржавой водой, кругом бурьян по пояс... Глушь, тишина кладбищенская. Ох, и тяжело же было мне, браток! Постоял, поскорбел душою и опять пошел на вокзал. И часу оставаться там не мог, в этот же день уехал обратно в дивизию.

Но через месяца три и мне блеснула радость как солнышко

из-за тучи: нашелся Анатолий. Прислал письмо мне на фронт, с другого фронта. Адрес мой узнал от соседа, Ивана Тимофеевича. Оказывается, попал он сначала в артиллерийское училище; там-то и пригодились его таланты к математике. Через год с отличием закончил училище, пошел на фронт и вот уже пишет, что получил звание капитана, командует батареей, имеет шесть орденов и медали. Словом, превзошел родителя. И опять я возгордился им ужасно! Как ни говори, а мой родной сын - капитан и командир батареи, это не шутка!

Да еще при таких орденах. Это ничего, что отец его на "Студебеккере" снаряды возит и прочее военное имущество. Отцово дело отжитое, а у него, у капитана, все впереди.

И начались у меня по ночам стариковские мечтания: как война кончится, как я сына женю и сам при молодых буду жить, плотничать и внучат нянчить. Но и тут получилась у меня полная осечка. Зимою наступали мы без передышки, и особенно часто писать друг другу нам было некогда, а к концу войны, уже возле Берлина, утром послал Анатолию письмишко, а на другой день получил ответ. И тут я понял, что подошли мы с сыном к германской столице разными путями, но находимся один от одного поблизости. Жду не дождусь, когда мы с ним свидимся. Ну, и свиделись... как раз девятого мая, утром, в День победы, убил моего Анатолия немецкий снайпер...

Во второй половине дня вызывает меня командир роты. Гляжу, сидит у него незнакомый мне артиллерийский подполковник. Я вошел в комнату, и он встал, как перед старшим по званию. Командир моей роты говорит: "К тебе, Соколов", - а сам к окну отвернулся. Пронизало меня, будто электрическим током, потому что почувствовал я недоброе. Подполковник подошел ко мне и тихо говорит: "Мужайся, отец! Твой сын, капитан Соколов, убит сегодня на батарее. Пойдем со мной!"

Качнулся я, но на ногах устоял. Теперь и то как сквозь сон вспоминаю, как ехал вместе с подполковником на большой машине, как пробиралась по заваленным обломками улицам, туманно помню солдатский строй и обитый красным бархатом гроб. А Анатолия вижу вот как тебя, браток. Подошел я к гробу. Мой

сын лежит в нем и не мой. Мой - это всегда улыбчивый, узкоплечий мальчишка, с острым кадыком на худой шее, а тут лежит молодой, плечистый, красивый мужчина, глаза полуприкрыты, будто смотрит он куда-то мимо меня, в неизвестную мне далекую даль. Только в уголках губ так навеки и осталась смешинка прежнего сынишки, Тольки, которого я когда-то знал... Поцеловал я его и отошел в сторонку. Подполковник речь сказал. Товарищи-друзья моего Анатолия слезы вытирают, а мои невыплаканные слезы, видно, на сердце засохли. Может, поэтому оно так и болит?

Похоронил я в чужой, немецкой земле последнюю радость и надежду, ударила батарея моего сына, провожая своего командира в далекий путь, и будто что-то во мне оборвалось... Приехал я в свою часть сам не свой. Но тут вскоре меня демобилизовали. Куда идти? Неужто в Воронеж? Ни за что! Вспомнил, что в Урюпинске живет мой друг, демобилизованный еще зимою по ранению, - он когда-то приглашал меня к себе, вспомнил и поехал в Урюпинск.

Приятель мой и жена его были бездетные, жили в собственном домике на краю города. Он хотя и имел инвалидность, но работал шофером в автороте, устроился и я туда же. Поселился у приятеля. Разные грузы перебрасывали мы в районы, осенью переключились на вывозку хлеба. В это время я и познакомился с моим новым сынком, вот с этим, который в песке играет.

Из рейса, бывало, вернешься в город, первым делом в чайную перехватить чего-нибудь, ну, конечно, и сто грамм выпить. К этому вредному делу, надо сказать, я уже пристрастился как следует... И вот один раз вижу возле чайной этого парнишку, на другой день - опять вижу. Этакий маленький оборвыш: личико все в арбузном соку, покрытом пылью, грязный, нечесаный, а глазенки, как звездочки ночью, после дождя! И до того он мне полюбился, что я уже начал скучать по нему, спешу из рейса поскорее его увидать. Около чайной он и кормился, - кто что даст.

На четвертый день прямо из совхоза, груженый хлебом, поворачиваю к чайной. Парнишка мой там сидит на крыльце, ножонками болтает, и, по всему видно, голодный. Высунулся я в окошко, кричу ему: "Эй, Ванюшка! Садись скорее на машину, прока-

чу на элеватор, а оттуда вернемся сюда, пообедаем". Он от моего окрика вздрогнул, соскочил с крыльца, на подножку вскарабкался и тихо так говорит: "А вы откуда знаете, дядя, что меня Ваней зовут?" И глазенки широко раскрыл, ждет, что я ему отвечу. Ну, я ему говорю, что я, мол, человек бывалый и все знаю.

Зашел он с правой стороны, я дверцу открыл, посадил его рядом с собой, поехали. Шустрый такой парнишка, а вдруг что-то притих, задумался и нет-нет, да и взглянет на меня из-под длинных своих загнутых кверху ресниц, вздохнет. Такая мелкая птаха, а уже научился вздыхать. Его ли это дело? Спрашиваю: "Где же твой отец, Ваня?" Шепчет: "Погиб на фронте". - "А мама?" "Маму бомбой убило в поезде, когда мы ехали". "А откуда вы ехали?" "Не знаю, не помню..." "И никого у тебя тут родных нету?" "Никого". "Где же ты ночуешь?" "А где придется".

Закипела тут во мне горючая слеза, и сразу я решил: "Не бывать тому, чтобы нам порознь пропадать! Возьму его к себе в дети". И сразу у меня на душе стало легко и как-то светло. Наклонился я к нему, тихонько спрашиваю: "Ванюшка, а ты знаешь, кто я такой?" Он и спросил, как выдохнул: "Кто?" Я ему и говорю также тихо: "Я - твой отец".

Боже мой, что тут произошло! Кинулся он ко мне на шею, целует в щеки, в губы, в лоб, а сам так звонко и тихонько кричит: "Папка родненький! Я знал, что ты меня найдешь! Все равно найдешь! Я так долго ждал, когда ты меня найдешь!" Прижался ко мне и весь дрожит, будто травинка под ветром. А у меня в глазах туман и тоже всего дрожь бьет и руки трясутся... Как я тогда руля не упустил, не знаю! Но в кювет все же нечаянно съехал, заглушил мотор. Пока туман в глазах не прошел, побоялся ехать: как бы на кого не наскочить. Постоял так минут пять, а сынок мой все жмется ко мне изо всех силенок, молчит, вздрагивает. Обнял я его правой рукою, потихоньку прижал к себе, а левой развернул машину, поехал обратно, на свою квартиру. Какой уж там мне элеватор, тогда не до элеватора было.

Бросил машину возле ворот, нового своего сынишку

взял на руки, несу в дом. А он как обнял мою шею ручонками, так и не оторвался до самого места. Прижался своей щекой к моей небритой щеке. Так я его и внес. Хозяин и хозяйка дома были. Вошел я, моргаю им обоими глазами, бодро так говорю: "Вот и нашел я своего Ванюшку! Принимайте нас, добрые люди!" Они, оба бездетные, сразу сообразили, в чем дело, засуетились, забегали. А я никак сына от себя не оторву. Но кое-как уговорил. Помыл ему руки с мылом, посадил за стол. Хозяйка щей ему в тарелку налила, да как глянула, с какой он жадностью ест, так и залилась слезами. Стоит у печки, плачет себе в передник, Ванюшка мой увидел, что она плачет, подбежал к ней и говорит: "Тетя, зачем же вы плачете? Папа нашел меня возле чайной, тут всем радоваться надо, а вы плачете?"

После обеда повел я его в парикмахерскую, постриг, а дома сам искупал в корыте, завернул в чистую простыню. Обнял он меня, и так на руках моих и уснул. Осторожно положил его на кровать, поехал на элеватор, сгрузил хлеб, машину отогнал на стоянку и бегом - по магазинам. Купил ему штанишки суконные, рубашонку, сандалии и картуз. Конечно, все это оказалось не по росту. За штанишки меня хозяйка даже отругала. "Ты, - говорит, с ума сошел, в такую жару одевать дитя в суконные штаны!" И моментально - швейную машинку на стол, порылась в сундуке, а через час моему Ванюшке уже сатиновые трусики были готовы и беленькая рубашонка с короткими рукавами. Спать я лег вместе с ним и в первый раз за долгое время уснул спокойно. Однако ночью раза четыре вставал. Проснусь, а он у меня под мышкой приютится, как воробей под крышей, тихонько посапывает, и до того мне становится радостно на душе, что и словами не скажешь! Боишься повернуться, чтобы не разбудить его, но все-таки не утерпишь, потихоньку встанешь, зажжешь спичку и любуешься на него...

Перед рассветом проснулся, не пойму отчего мне так душно стало? А сынок мой вылез из простыни и поперек меня улегся, раскинулся и ножонкой горло мне придавил. И беспокойно с ним спать, а вот привык, скучно мне без него. Ночью то погла-

дишь его сонного, то волосенки на вихрах понюхаешь, и сердце отходит, становится мягче, а то ведь оно у меня закаменело от горя...

Первое время он со мной на машине в рейсы ездил, потом понял я, что так не годится. Одному мне что надо? Краюшку хлеба и луковицу с солью, вот и сыт солдат на целый день. А с ним-дело другое: то молока ему надо добывать, то яичко сварить и без горячего ему никак нельзя. Но дело-то не ждет. Собрался с духом, оставил его на попечение хозяйки, так он до вечера плакал, а вечером удрал на элеватор встречать меня. До поздней ночи ожидал там.

Трудно мне с ним было на первых порах. Один раз легли спать еще засветло, и он - то всегда щебечет, как воробушек, а то что-то молчит. Спрашиваю: "Ты о чем думаешь, сынок?" А он меня спрашивает, сам в потолок смотрит: "Папка, ты куда свое кожаное пальто дел?" В жизни у меня никогда не было кожаного пальто! Пришлось изворачиваться: "В Воронеже осталось", - говорю ему."А почему ты меня так долго искал?" Отвечаю ему: "Я тебя, сынок, и в Германии искал,и в Польше, и всю Белоруссию прошел и проехал, а ты в Урюпинске оказался". "А Урюпинск - это ближе Германии? А до Польши далеко от нашего дома?" Так и болтаем с ним перед сном.

А ты думаешь, браток, про кожаное пальто он зря спросил? Нет, все это неспроста. Значит,когда-то отец его настоящий носил такое пальто, вот ему и запомнилось. Ведь детская память, как летняя зарница: вспыхнет, осветит все и потухнет. Так и у него память, вроде зарницы проблесками работает.

Может,и жили бы мы с ним еще с годик в Урюпинске, но в ноябре случился со мной грех: ехал по грязи, в одном хуторе машину мою занесло, а тут корова подвернулась, я и сбил ее с ног. Ну, бабы крик подняли, народ сбежался, и автоинспектор тут как тут. Отобрал у меня шоферскую книжку, как я ни просил его смиловаться. Корова поднялась, хвост задрала и пошла скакать по переулкам, а я книжки лишился. Зиму проработал плотником, а потом списался с одним приятелем, тоже сослуживцем, - он в нашей области, в Кашарском районе , работает шофером, -

и тот пригласил меня к себе. Пишет, что, мол, поработаешь полгода по плотницкой части, а там в нашей области выдадут тебе новую книжку. Вот мы с сынком и командируемся в Кашары пешком.

Как тебе сказать, и не случись у меня этой аварии с коровой, а все равно уехал бы из Урюпинска. Тоска мне не дает на одном месте долго засиживаться. Вот уже когда Ванюшка мой подрастет и придется определять его в школу, тогда, может, и я успокоюсь, осяду на одном месте. А сейчас пока шагаем с ним по русской земле.

- Тяжело ему идти, - сказал я.

- Так он мало на своих руках идет, все больше на мне едет. Посажу его на плечи и несу, а захочет пройтись, - слезает с меня и бегает сбоку дороги, как козленок. Все, это, браток, ничего бы, как-нибудь мы с ним прожили бы, да вот сердце у меня раскачалось... Иногда так схватит и прижмет, что белый свет в глазах меркнет. Боюсь, что когда-нибудь во сне умру и напугаю своего сынишку. А тут еще одна беда: почти каждую ночь своих покойников дорогих во сне вижу. И все больше так, что я за колючей проволокой, а они на воле, по другую сторону... Разговариваю обо всем с Ириной и детишками, но только хочу проволоку руками раздвинуть, - они уходят от меня, будто тают на глазах... И вот удивительное дело: днем я всегда крепко себя держу, из меня ни "оха", ни вздоха не выкмешь, а ночью проснусь, и вся подушка мокрая от слез...

В лесу послышался голос моего товарища, плеск весла по воде.

Чужой, но ставший близким мне человек поднялся, протянул большую, твердую, как дерево, руку:

- Прощай, браток, счастливо тебе!

- И тебе счастливо добраться до Кашар.

- Спасибо. Эй, сынок, пойдем к лодке.

Мальчик подбежал к отцу, пристроился справа и, держась за полу отцовского ватника, засеменил рядом с широко шагавшим мужчиной.

Два осиротевших человека, две песчинки, заброшенные

в чужие края военным ураганом невиданной силы... Что-то ждет их впереди? И хотелось бы думать, что этот русский человек, человек несгибаемой воли, выдержит, и около отцовского плеча вырастет тот, который, повзрослев, сможет все вытерпеть, все преодолеть на своем пути, если к этому позовет его Родина.

С тяжелой грустью смотрел я им вслед... Может быть, все и обошлось бы благополучно при нашем расставанье, но Ванюшка, отойдя несколько шагов и заплетая куцыми ножками, повернулся на ходу ко мне лицом, помахал розовой ручонкой. И вдруг словно мягкая, но когтистая лапа сжала мне сердце, и я поспешно отвернулся. Нет, не только во сне плачут пожилые, поседевшие за годы войны мужчины. Плачут они и наяву. Тут главное - уметь вовремя отвернуться. Тут самое главное - не ранить сердце ребенка, чтобы он не увидел, как бежит по твоей щеке жгучая и скупая, мужская слеза...

Слова

дружная весна	- jõudsasti edenev kevad
взыграть	- mässama hakkama
хлюпать	- lirtsuma
переправа	- ülepääs
глухая осень	- hilissügis
плетень	- põimtara
размокать + размокнуть	- pehmeks ligunema
окачивать + водой окатить	- veega üle valama, üle uhtma
оплошность	- viga; hooletus
на корточки	- kükakile
побуревший	- mustjaspruuniks muutunud, tumedaks tõmbunud
блёклый	- luitunud, pleekinud
распутица	- teede lagunemise aeg
замысловатый	- keeruline, keerukas.
калечить + искалечить	- sandistama, vigaseks v. sandiks tegema

штопать
заштопать+ что? – nõeluma

моль – koi

прижиматься к кому?
прижаться+ к чему? – liibuma, end vastu suruma

лопатка – laba – e. abaluu

чистое поле – lage väli

дальнобойное орудие – kaugelaskekahur

плоскогубцы – lapiktangid

ржать перен.прост. – hirnuma, naerda hirnuma

озноб – külmavärin, judin

мерин – ruum

опилки – saepuru

свора перен. презрит. – jõuk, kari, bande

избавление – vabanemine, pääsemine

брезговать прост.кем?–
побрезговать+чем? – põlastama, põlgama; jälestama

брезгать
побрезгать разг.

пузатый прост. – kõhukas, vatsakas

опухать
опухнуть+ – paistetama, ühes tursuma

воронка – lehter; mürsulehter

бобров – orikas

превосходить кого?
превзойти+ что? чем? – ületama

осечка прост. – ebaõnn, äpardus

перехватывать перен.
перехватить + прост. – (midagi) hamba all pistma, paar suutäit võtma

шустрый разг. – terane, väle, nobe

постригать
постричь + кого? что? – pügama

попечение – hooldamine, hoolitsemine

зарница – põuavälk

колючая проволока – okastraat

терпе́ть
вы́терпеть+ кого? что? – taluma, välja kannatama
ку́цый – tömp, lühike

жить в лада́х (с кем-либо) – üksmeeles, rahus elama, hästi läbi saama
преврати́ться в слух – tähelepanelikult kuulama
взять себя́ в ру́ки – end kokku võtma
сам не свой – endast väljas
све́та не взви́деть – silme ees läks mustaks
собра́ться с ду́хом – julgust kokku võtma
быть в ду́хе – heas tujus olema
и был тако́в – ja kadus, ja läinud oligi
дать осе́чку – luhta v. nurja minema
челове́к быва́лый – mõndagi näinud inimene
тут как тут – juba siin; kohal kui viis kopikat

Задание I. Изложите устно содержание текста по следующему плану.

I. Жизнь Андрея Соколова до войны.
2. Отправление на войну и прощание с семьей.
3. На войне.
4. В плену.
5. Побег из плена.
6. Андрей Соколов находит сына.

Задание 2. Ответьте на вопросы.

I. Какие произведения написал М. Шолохов?
2. Что вы читали из его произведений?
3. Кто из его героев вам понравился и почему?
4. Какие кинофильмы поставлены по произведениям М. Шолохова? Расскажите о них.
5. Как наше государство оценило заслуги М. Шолохова в литературе.

Задание 3. Объясните значение приставок в данных глаголах и составьте с этими глаголами предложения: подлечить, подкормить, дочитать, оттолкнуть, отпрыгнуть, обдумать, приблизиться, пропустить, переспросить.

Задание 4. Замените причастный оборот определительным придаточным предложением.

Видали вы когда-нибудь глаза, наполненные такой смертной тоской, что в них трудно смотреть.

Задание 5. Подберите синонимы к следующим глаголам, с некоторыми из них составьте предложения: преодолеть, обнаружить, тосковать, отозваться, спешить.

Задание 6. Объясните разницу в значении глаголов: плестись, брести, двигаться, шагать, идти, бежать, мчаться, лететь.

Задание 7. Составьте рассказ на тему "В походе", употребляя в нем данные выше глаголы.

Задание 8. Объясните данные выражения другими словами: жить в ладах, превратиться в слух, взять себя в руки, не найти и следа, и был таков, тут как тут.

Задание 9. Выпишите из текста глаголы с частицей -ся с относящимися к ним словами. Объясните значение этих словосочетаний. С некоторыми из них составьте предложения.

А. Куприн

Чудесный доктор

Следующий рассказ не есть плод досужего вымысла. Все описанное мною действительно произошло в Киеве около тридцати лет тому назад и до сих пор свято, до мельчайших подробностей, сохраняется в преданиях того семейства, о котором пойдет речь. Я с своей стороны лишь изменил имена некоторых действующих лиц этой трогательной истории да придал устному рассказу письменную форму.

- Гриш, а Гриш! Гляди-ка поросенок-то... Смеется... Да - а. А во рту-то у него!... Смотри, смотри... травка во рту, ей богу, травка!... Вот штука-то!

И двое мальчуганов, стоящих перед огромным, из цельного стекла, окном гастрономического магазина, принялись неудержимо хохотать, толкая друг друга в бок локтями, но невольно приплясывая от жестокой стужи. Они уже более пяти минут торчали перед этой великолепной выставкой, возбуждавшей в одинаковой степени их умы и желудки. Здесь, освещенные ярким светом висящих ламп, возвышались целые горы красных крепких яблоков и апельсинов; стояли правильные пирамиды мандаринов, нежно золотившихся сквозь окутывающую их папиросную бумагу; протянулись на блюдах, уродливо разинув рты и выпучив глаза, огромные копченые и маринованные рыбы; ниже окруженные гирляндами колбас, красовались сочные разрезанные окорока с толстым слоем розоватого сала... Бесчисленное множество баночек и коробочек с солеными и копчеными закусками довершало эту эффектную картину, глядя на которую оба мальчика забыли о двенадцатиградусном морозе и о важном поручении, возложенном на них матерью, - поручении, окончившемся так неожиданно и так плачевно.

Старший мальчик первый оторвался от созерцания очаровательного зрелища. Он дернул брата за рукав и произнес сурово:

- Ну, Володя, идем, идем,... Нечего тут...

Одновременно подавив тяжелый вздох (старшему из них бы-

ло только десять лет, и к тому же оба с утра ничего не ели, кроме пустых щей) и кинув последний влюбленно-жадный взгляд на гастрономическую выставку, мальчуганы торопливо побежали по улице. Иногда сквозь запотевшие окна какого-нибудь дома они видели елку, которая издали казалась громадной гроздью ярких, сияющих пятен, иногда они слышали даже звуки веселой польки... Но они мужественно гнали от себя прочь соблазнительную мысль: остановиться на несколько секунд и прильнуть глазком к стеклу.

По мере того как шли мальчики, все малолюднее и темнее становились улицы. Прекрасные магазины, сияющие елки, рысаки, мчавшиеся под своими синими и красными сетками, визг полозьев, праздничноживленные толпы, веселый гул окриков и разговоров, разрумяненные морозом смеющиеся лица нарядных дам - все осталось позади. Потянулись пустыри, кривые узкие переулки, мрачные, неосвещенные косогоры... Наконец они достигли покосившегося ветхого домика, стоявшего особняком; низ его - собственно подвал - был каменный, а верх - деревянный. Обойдя тесным, обледенелым и грязным двором, служившим для всех жильцов естественной помойной ямой, они опустились вниз, в подвал, прошли в темноте общим коридором, отыскали ощупью свою дверь и отворили ее.

Уже более года жили Мерцаловы в этом подземелье. Оба мальчугана давно успели привыкнуть и к этим закоптелым, плачущим от сырости стенам,и к мокрым отрепкам, сушившимся на протянутой через комнату веревке, и к этому ужасному запаху керосинового чада, детского грязного белья и крыс - настоящему запаху нищеты. Но сегодня, после всего, что они видели на улице, после этого праздничного ликования, которое они чувствовали повсюду, их маленькие детские сердца сжались от острого, недетского страдания. В углу, на грязной широкой постели, лежала девочка лет семи; ее лицо горело, дыхание было коротко и затруднительно, широко раскрытые блестящие глаза смотрели пристально и бесцельно. Рядом с постелью, в люльке, привешенной к потолку, кричал, морщась, надрываясь и захлебываясь, грудной ребенок. Высокая, худая женщина, с

изможденным, усталым, точно почерневшим от горя лицом, стола на коленях около больной девочки, поправляя ей подушку и в то же время не забывая подталкивать локтем качающуюся колыбель. Когда мальчики вошли и следом за ними стремительно ворвались в подвал белые клубы морозного воздуха, - женщина обернула назад свое встревоженное лицо.

- Ну? Что же? - спросила она отрывисто и нетерпеливо.

Мальчики молчали. Только Гриша шумно вытер нос рукавом своего пальто, переделанного из старого ватного халата.

- Отнесли вы письмо?.. Гриша, я тебя спрашиваю, отдал ты письмо?

-Отдал, - сиплым от мороза голосом ответил Гриша.

- Ну,и что же? Что ты ему сказал?

- Да все, как ты учила. Вот, говорю, от Мерцалова письмо, от вашего бывшего управляющего. А он нас обругал: "Убирайтесь вы, говорит, отсюда... Сволочи вы..."

- Да кто же это? Кто же с вами разговаривал?.. Говори толком, Гриша!

- Швейцар разговаривал... Кто же еще? Я ему говорю: "Возьмите, дяденька, письмо, передайте, а я здесь внизу ответа подожду". - А он говорит: "Как же, говорит, держи карман... Есть тоже у барина время ваши письма читать..."

- Ну, а ты?

- Я ему все, как ты учила,сказал: "Есть, мол, нечего... Матушка больна... Помирает..." Говорю: "Как папа место найдет, так отблагодарит вас, Савелий Петрович, ей-богу, отблагодарит". - Ну, а в это время звонок как зазвонит, как зазвонит, а он нам и говорит: "Убирайтесь скорее отсюда к черту! Чтобы духу вашего здесь не было!.." А Володьку даже по затылку ударил.

- А меня он по затылку, - сказал Володя, следивший со вниманием за рассказом брата и почесал затылок.

Старший мальчик вдруг принялся озабоченно рыться в глубоких карманах своего халата. Вытащив, наконец, оттуда измятый конверт, он положил его на стол и сказал:

- Вот оно письмо-то...

Больше мать не расспрашивала. Долгое время в душной, промозглой комнате слышался только неистовый крик младенца да короткое, частое дыхание Машутки, больше похожее на беспрерывные однообразные стоны. Вдруг мать сказала, обернувшись назад:

- Там борщ есть, от обеда остался... Может, поели бы? Только холодный, - разогреть-то нечем...

В это время в коридоре послышались чьи-то неуверенные шаги и шуршание руки, отыскивающей в темноте дверь. Мать и оба мальчика - все трое даже побледнев от напряженного ожидания - обернулись в эту сторону.

Вошел Мерцалов. Он был в летнем пальто, летней войлочной шляпе и без калош. Его руки взбухли и посинели от мороза, глаза провалились, щеки облипли вокруг десен, точно у мертвеца. Он не сказал жене ни одного слова, она ему не задала ни одного вопроса. Они поняли друг друга по тому отчаянию, которое прочли друг у друга в глазах.

В этот ужасный роковой год несчастье за несчастьем настойчиво и безжалостно сыпались на Мерцалова и его семью. Сначала он сам заболел брюшным тифом, и на его лечение ушли все их скудные сбережения. Потом, когда он поправился, он узнал, что его место, скромное место управляющего домом на двадцать пять рублей в месяц, занято уже другим... началась отчаянная, судорожная погоня за случайной работой, за перепиской, за ничтожным местом, залог и перезалог вещей, продажа всякого хозяйственного тряпья. А тут еще пошли болеть дети. Три месяца тому назад умерла одна девочка, теперь другая лежит в жару и без сознания. Елизавете Ивановне приходилось одновременно ухаживать за больной девочкой, кормить грудью маленького и ходить почти на другой конец города в дом, где она поденно стирала белье.

Весь сегодняшний день был занят тем, чтобы посредством нечеловеческих усилий выжать откуда-нибудь хоть несколько копеек на лекарство Машутке. С этой целью Мерцалов обегал чуть ли не полгорода, клянча и унижаясь повсюду, Елизавета Ивановна ходила к своей барыне, дети были посланы с письмом к тому барину, домом которого управлял раньше Мерцалов... Но все отговаривались

или праздничными хлопотами, или неимением денег... Иные,как, например, швейцар бывшего патрона, просто-напросто гнали просителей с крыльца.

Минут десять никто не мог произнести ни слова. Вдруг Мерцалов быстро поднялся с сундука, на котором он до сих пор сидел, и решительным движением надвинул глубже на лоб свою истрепанную шляпу.

- Куда ты? - тревожно спросила Елизавета Ивановна.

Мерцалов, взявшийся уже за ручку двере, обернулся.

- Все равно сидением ничего не поможешь, - хрипло ответил он. - Пойду еще... Хоть милостыню попробую просить.

Выйдя на улицу,он пошел бесцельно вперед. Он ничего не искал, ни на что не надеялся. Он давно уже пережил то жгучее время бедности, когда мечтаешь найти на улице бумажник с деньгами или получить внезапно наследство от неизвестного троюродного дяди. Теперь им овладело неудержимое желание бежать куда угодно, бежать без оглядки, чтобы только не видеть молчаливого отчаяния голодной семьи.

Просить милостыни? Он уже попробовал это средство сегодня два раза. Но в первый раз какой-то господин в енотовой шубе прочел ему наставление, что надо работать, а не клянчить, а во второй - его обещали отправить в полицию.

Незаметно для себя Мерцалов очутился в центре города, у ограды густого общественного сада. Так как ему пришлось все время идти в гору, то он запыхался и почувствовал усталость. Машинально он свернул в калитку и, пройдя длинную аллею лип, занесенных снегом, опустился на низкую садовую скамейку.

Тут было тихо и торжественно. Деревья, окутанные в свои белые ризы, дремали в неподвижном величии. Иногда с верхней ветки срывался кусочек снега, и слышно было, как он шуршал, падая и цепляясь за другие ветви. Глубокая тишина и великое спокойствие, сторожившие сад, вдруг пробудили в истерзанной душе Мерцалова нестерпимую жажду такого же спокойствия, такой же тишины.

"Вот лечь бы и заснуть, - думал он, - и забыть о жене, о голодных детях, о больной Машутке". Просунув руку под жилет,

Мерцалов нащупал довольно толстую веревку, служившую ему поясом. Мысль о самоубийстве совершенно ясно встала в его голове. Но он не ужаснулся этой мысли, ни на мгновение не содрогнулся перед мраком неизвестного.

"Чем погибать медленно, так не лучше ли избрать более краткий путь?" Он уже хотел встать, чтобы исполнить свое страшное намерение, но в это время в конце аллеи послышался скрип шагов, отчетливо раздавшийся в морозном воздухе. Мерцалов с озлоблением обернулся в эту сторону. Кто-то шел по аллее. Сначала был виден огонек то вспыхивающей, то потухавшей сигареты. Потом Мерцалов мало-помалу мог разглядеть старика небольшого роста, в теплой шапке, меховом пальто и высоких калошах. Поравнявшись со скамейкой, незнакомец вдруг круто повернул в сторону Мерцалова и, слегка дотрагиваясь до шапки, спросил:

- Вы позволите здесь присесть?

Мерцалов умышленно резко отвернулся от незнакомца и подвинулся к краю скамейки. Минут пять прошло в обоюдном молчании, в продолжение которого незнакомец курил сигарету и (Мерцалов это чувствовал) искоса наблюдал за своим соседом.

- Ночка-то какая славная, - заговорил вдруг незнакомец. - Морозно... тихо. Что за прелесть - русская зима!

Голос у него был мягкий, ласковый, старческий. Мерцалов молчал, не оборачиваясь.

- А я вот ребятишкам знакомым подарочки купил, - продолжал незнакомец (в руках у него было несколько свертков). - Да вот по дороге не утерпел, сделал круг, чтобы садом пройти: очень здесь хорошо.

Мерцалов вообще был кротким и застенчивым человеком, но при последних словах незнакомца его охватил вдруг прилив отчаянной злобы. Он резким движением повернулся в сторону старика и закричал, нелепо размахивая руками и задыхаясь:

- Подарочки!.. Подарочки!.. Знакомым ребятишкам подарочки!.. А я.. а у меня, милостивый государь, в настоящую минуту мои ребятишки с голоду дома подыхают... Подарочки!.. А у жены молоко пропало, и грудной ребенок целый день не ел... Подарочки!..

Мерцалов ожидал, что после этих беспорядочных, озлобленных криков старик поднимется и уйдет, но он ошибся. Старик приблизил к нему свое умное, серьезное лицо с седыми баками и сказал дружелюбно, но серьезным тоном:

- Подождите... не волнуйтесь. Расскажите мне все по порядку и как можно короче. Может быть, вместе мы придумаем что-нибудь для вас.

В необыкновенном лице незнакомца было что-то до того спокойное и внушающее доверие, что Мерцалов тотчас же без малейшей утайки, но страшно волнуясь и спеша, передал свою историю. Он рассказал о своей болезни, о потере места, о смерти ребенка, обо всех своих несчастиях, вплоть до нынешнего дня. Незнакомец слушал, не перебивая его ни словом, и только все пытливее и пристальнее заглядывал в его глаза, точно желая проникнуть в самую глубь этой наболевшей, возмущенной души. Вдруг он быстрым, совсем юношеским движением вскочил с своего места и схватил Мерцалова за руку. Мерцалов невольно тоже встал.

- Едемте! - сказал незнакомец, увлекая за руку Мерцалова. - Едемте скорее!.. Счастье ваше, что вы встретились с врачом. Я, конечно, ни за что не могу ручаться, но... поедемте!

Минут через десять Мерцалов и доктор уже входили в подвал. Елизавета Ивановна лежала на постели рядом со своей больной дочерью, зарывшись лицом в грязные, замаслившиеся подушки. Мальчишки хлебали борщ, сидя на тех же местах. Испуганные долгим отсутствием отца и неподвижностью матери, они плакали, размазывая слезы по лицу грязными кулаками и обильно проливая их в закопченный чугунок. Войдя в комнату, доктор скинул с себя пальто и, оставшись в старомодном, довольно поношенном сюртуке, подошел к Елизавете Ивановне. Она даже не подняла головы при его приближении.

- Ну, полно, полно, голубушка, - заговорил доктор, ласково погладив женщину по спине. - Вставайте-ка! Покажите мне вашу больную.

И точно так же, как недавно в саду, что-то ласковое и убедительное, звучавшее в его голосе, заставило Елену Ивановну мигом подняться с постели и беспрекословно исполнить все, что

говорил доктор. Через две минуты Гриша уже растапливал печку дровами, за которыми чудесный доктор послал к соседям, Володя раздувал изо всех сил самовар, Елизавета Ивановна обворачивала Машутку согревающим компрессом... Немного погодя явился и Мерцалов. На три рубля, полученные от доктора, он успел купить за это время чаю, сахару, булок и достать в ближайшем трактире горячей пищи. Доктор сидел за столом и что-то писал на клочке бумажки, который он вырвал из записной книжки. Окончив это занятие и изобразив внизу какой-то своеобразный крючок вместо подписи, он встал, прикрыл написанное чайным блюдечком и сказал:

- Вот с этой бумажкой вы пойдете в аптеку... давайте через два часа по чайной ложке. Это вызовет у малютки отхаркивание... Продолжайте согревающий компресс... Кроме того, хотя бы вашей дочери и сделалось лучше, во всяком случае пригласите завтра доктора Афросимова. Это дельный врач и хороший человек. Я его сейчас же предупрежу. Затем прощайте, господа! Дай бог, чтобы наступающий год немного снисходительнее отнесся к вам, чем этот, а главное не падайте никогда духом.

Пожав руки Мерцалову и Елизавете Ивановне, все еще не оправившимся от изумления, и потрепав мимоходом по щеке разинувшего рот Володю, доктор быстро всунул свои ноги в глубокие калоши и надел пальто. Мерцалов опомнился только тогда, когда доктор был уже в коридоре, и кинулся вслед за ним.

Так как в темноте нельзя было ничего разобрать, то Мерцалов закричал наугад:

- Доктор! Доктор! Постойте!.. Скажите мне ваше имя, доктор! Пусть хоть мои дети будут за вас молиться!

И он водил в воздухе руками, чтобы поймать невидимого доктора. Но в это время в другом конце коридора спокойный старческий голос произнес:

- Э! Вот еще пустяки выдумали!.. Возвращайтесь-ка домой скорей!

Когда он возвратился, его ожидал сюрприз: под чайным блюдцем вместе с рецептом чудесного доктора лежало несколько крупных кредитных билетов...

В тот же вечер Мерцалов узнал и фамилию своего неожиданного благодетеля. На аптечном ярлыке , прикрепленном к пузырьку с лекарством, четкою рукой аптекаря было написано: "По рецепту профессора Пирогова".

Я слышал этот рассказ, и неоднократно, из уст самого Григория Емельяновича Мерцалова - того самого Гришки, который в описанный мною сочельник проливал слезы в закоптелый чугунок с пустым борщом. Теперь он занимает довольно крупный, ответственный пост в одном из банков, слывя образцом честности и отзывчивости на нужды бедности. И каждый раз, заканчивая свое повествование о чудесном докторе, он прибавляет голосом, дрожащим от скрываемых слез.

- С этих пор точно благодетельный ангел снизошел в нашу семью. Все переменилось. В начале января отец отыскал место, матушка встала на ноги, меня с братом удалось пристроить в гимназию на казенный счет. Просто чудо совершил этот святой человек. А мы нашего чудесного доктора только раз видели с тех пор - это когда его перевозили мертвого в его собственное имение Вишню. Да и то не его видели, потому что то великое, мощное и святое, что жило и горело в чудесном докторе при его жизни, угасло невозвратимо.

Слова

чуде́сный		- ime-, imeline
досу́жий		- jõude-
вы́мысел		- väljamõeldis
же́сто́кий		- käre, vali,
ло́коть		- küünarnukk
возбужда́ть возбуди́ть+	что?	- ärritama; erutama; äratama
разева́ть разину́ть+	(рот)	- ammuli ajama
выпу́чивать вы́пучить +	(глаза́)	- jõllitama, pungitama

плаче́вный - hale
созерца́ние книжн. - sügav vaatlemine
зре́лище - vaatepilt, - mäng
гроздь - kobar
соблазни́тельный - ahvatlev; meelitav
косогóр - mäenõlvak, -veer
ликова́ние - - juubeldamine
изможде́нный - (ära)vaevatud, -kurnatud
промóзглый (вóздух) - läpastunud, läppunud (õhk)
ску́дный - kasin, napp; vilets; kehv
сбереже́ния - säästud, hoiused
ми́лостыня - armuand, almus
ено́товый - pesukarunahkne
оку́тывать кого? что?
оку́тать+ чем? - mähkima
исте́рзанный - piinatud
кро́ткий - tasane, vagur, vagane
засте́нчивый - häbelik, arglik
подыха́ть (О лю́дях - подо́хнуть+ груб. прост.) - kärvama
без ута́йки разг. - midagi varjamata
чугуно́к - malmpotike
беспрекосло́вный - vastuvaidlematu, tõrumatu
снисходи́тельный - leebe; heatahtlik, soosiv
опо́мниться+ - toibuma
наугáд - huupi, umbropsu
благоде́тель устар. - heategija
пузырёк - rohuklaas e. pudel
сочéльник - jõululaupäev
отзы́вчивость - osavõtlikkus, abivalmidus
угасать
угáснуть+ - kustuma
невозврати́мый книжн. - tagasipöördumatu

бежáть без огля́дки - tagasi vaatamata põgenema
пáдать дýхом - julgust kaotama, norgu jääma

опра́виться от изумле́ния - hämmastusest toibuma
слыть образцо́м - eeskujuks olema

Задание I. Определите, какие две контрастные картины содержит рассказ. Озаглавьте эти картины, используя для этого антонимы.

Задание 2. Подберите синонимы к прилагательным в словосочетаниях ; используйте их в предложениях:

жестокий поступок
очаровательная девушка
жадный взгляд
громадная гроздь

мужественный боец
соблазнительная мысль
изможденное лицо
сиплый голос
ужасный год
скудные сбережения
кроткий человек

Задание 3. Составьте предложения с прилагательными, имеющими значение:

I) существительных 2) прилагательных :
больной, мертвый, голодный, раненый, ученый, рабочий, знакомый, военный.

Задание 4. Вместо точек вставьте слова, стоящие в скобках в нужной форме.

Образец. Кусок сахару - запасы сахара.

а) тарелка..... аромат....(суп),
килограмм..... вкус.....(мед),
стакан..... сортировка...(чай),
бочка..... запах.....(деготь);

б) ящик крымского... (виноград),
бутылка хлебного... (квас)
пучок зеленого... (лук),
чашка сладкого... (чай),
немного черного...(перец).

Задание 5. Найдите в тексте глаголы совершенного вида, составьте предложения, употребляя с ними слова: сразу, неожиданно, вдруг, один раз, наконец, едва не, чуть не, лишь только.

Задание 6. Сделайте синтаксический разбор предложений. Тут было тихо и торжественно. Деревья, окутанные в свои белые ризы, дремали в неподвижном величии. Иногда с верхней ветки срывался кусочек снега, и слышно было, как он журчал, падая и цепляясь за другие ветви,

Задание 7. Ответьте на вопросы.

1. Кто такой Пирогов Николай Иванович?
2. Как Н.И. Пирогов был связан с Тарту?
3. Почему писатель А. Куприн называет его чудесным доктором?
4. Кто еще из известных вам ученых, врачей, писателей и поэтов учились в Тартуском университете?

Задание 8. Перескажите содержание текста своими словами.

А. Толстой

Русский характер

Русский характер! - для небольшого рассказа название слишком многозначительное. Что поделаешь, - мне именно и хочется поговорить с вами о русском характере.

Русский характер! Поди-ка опиши его... Рассказывать ли о героических подвигах? Но их столько, что растеряешься, который предпочесть. Вот меня и выручил один мой приятель небольшой историей из личной жизни. Как он бил немцев - я рассказывать не стану, хотя он и носит золотую звездочку и половина груди в орденах. Человек он простой, тихий, обыкновенный, - колхозник из приволжского села Саратовской области. Но среди других заметен сильным и соразмерным сложением и красотой. Бывало,заглядишься, когда он вылезает из башни танка, - бог войны! Спрыгивает с брони на землю, стаскивает шлем с влажных кудрей, вытирает ветошью чумазое лицо и непременно улыбнется от душевной приязни.

На войне, вертясь постоянно около смерти, люди делаются лучше, всякая чепуха с них слезает, как нездоровая кожа после солнечного ожога, и остается в человеке ядро. Разумеется, у одного оно покрепче, у другого послабже, но и те, у кого ядро с изъяном, тянутся, каждому хочется быть хорошим и верным товарищем. Но приятель мой, Егор Дрёмов, и до войны был строгого поведения, чрезвычайно уважал и любил мать, Марью Поликарповну, и отца своего Егора Егоровича. "Отец мой - человек степенный, первое - он себя уважает. Ты, говорит, сынок, многое увидешь на свете, и за границей побываешь, но русским званием гордись..."

У него была невеста из того же села на Волге. Про невест и про жен у нас говорят много, особенно, если на фронте затишье, стужа,в землянке коптит огонек, трещит печурка и люди поужинали. Тут наплетут такое - уши развесишь. Начнут например: "Что такое любовь?" Один скажет: "Любовь возникает на базе уважения..." Другой: "Ничего подобного, любовь - это привычка, человек любит не только жену, но отца с ма-

терью и даже животных..." -"Тьфу, бестолковый! - скажет третий, - любовь - это когда в тебе все кипит, человек ходит вроде как пьяный..." И так философствуют и час и другой, покуда старшина, вмешавшись, повелительным голосом не определит самую суть... Егор Дрёмов, должно быть, стесняясь этих разговоров, только вскользь помянул мне о невесте, - очень, мол, хорошая девушка, и уже если сказала, что будет ждать, - дождется, хотя бы он вернулся на одной ноге.

Про военные подвиги он тоже не любил разглагольствовать. "О таких делах вспоминать неохота!" Нахмурится и закурит. Про боевые дела его танка мы узнали со слов экипажа, в особенности удивлял слушателей водитель Чувилев.

- Понимаешь, только мы развернулись, гляжу из-за горушки вылезает... Кричу: "Товарищ лейтенант, тигр!" - "Вперед,- кричит,- полный газ!" Я и давай по ельничку маскироваться - вправо, влево... Тигра стволом-то водит, как слепой,ударил,- мимо... А товарищ лейтенант как даст ему в бок - брызги! Как даст еще в башню, - он и хобот задрал... Как даст в третий, - у тигра изо всех щелей повалил дым, - пламя как рванется из него на сто метров вверх... Экипаж и полез через запасной люк... Ванька Лапшин из пулемета повел, - они и лежат,ногами дрыгаются... Нам, понимаешь, путь расчищен. Через пять минут влетаем в деревню. Тут я прямо обезживотел... Фашисты кто куда... А - грязно, понимаешь, другой выскочит без сапогов и в одних носках - порск. Бегут все к сараю. Товарищ лейтенант дает мне команду: - А ну - двинь по сараю". Пушку мы отвернули, на полном газу я на сарай и наехал... Батюшки! По броне балки загрохотали, доски, кирпичи, фашисты, которые сидели под крышей... А я еще - и проутюжил, остальные руки вверх, - и Гитлер капут...

Так воевал лейтенант Егор Дрёмов, покуда не случилось с ним несчастье. Во время Курского побоища, когда немцы уже истекали кровью и дрогнули, его танк - на бугре, на пшеничном поле - был подбит снарядом, двое из экипажа тут же убиты, от второго снаряда танк загорелся. Водитель Чувилёв, выскочивший через передний люк, опять взобрался на броню и успел вы-

тащить лейтенанта, - он был без сознания, комбинезон на нем горел. Едва Чувилев оттащил лейтенанта, танк взорвался с такой силой, что башню отшвырнуло метров на пятьдесят. Чувилев кидал пригоршнями рыхлую землю на лицо лейтенанта, на голову, на одежду, чтобы сбить огонь. Потом пополз с ним от воронки к воронке на перевязочный пункт... "Я почему его тогда поволок? - рассказывал Чувилёв. - Слышу, у него сердце стучит..."

Егор Дрёмов выжил и даже не потерял зрение, хотя лицо его было так обуглено, что местами виднелись кости. Восемь месяцев он пролежал в госпитале, ему делали одну за другой пластические операции, восстановили и нос, и губы, и веки, и уши. Через восемь месяцев, когда были сняты повязки, он взглянул на свое и теперь не на свое лицо. Медсестра, подавшая ему маленькое зеркальце, отвернулась и заплакала. Он тотчас ей вернул зеркальце.

- Бывает хуже, - сказал он, - с этим жить можно.

Но больше он не просил зеркальце у медсестры, только часто ощупывал свое лицо, будто привыкал к нему. Комиссия нашла его годным к нестроевой службе. Тогда он пошел к генералу и сказал: "Прошу вашего разрешения вернуться в полк". - "Но вы же инвалид ", -сказал генерал. "Никак нет, я урод, но это делу не помешает, боеспособность восстановлю полностью". (То, что генерал во время разговора старался не глядеть на него, Егор Дрёмов отметил и только усмехнулся лиловыми, прямыми, как щель, губами). Он получил двадцатидневный отпуск для полного восстановления здоровья и поехал домой к отцу с матерью.

Это было как раз в марте этого года.

На станции он думал взять подводу, но пришлось идти пешком восемнадцать верст. Кругом еще лежали снега, было сыро, пустынно, студеный ветер отдувал полы его шинели, одинокой тоской насвистывал в ушах. В село он пришел, когда уже были сумерки. Вот и колодезь, высокий журавль покачивался и скрипел. Отсюда шестая изба - родительская. Он вдруг остановился, засунув руки в карманы. Покачал головой. Свернул наискосок к

дому. Увязнув по колено в снегу, нагнувшись к окошечку, увидел мать, - при тусклом свете привернутой лампы, над столом, она собирала ужинать. Все в том же темном платке, тихая, неторопливая, добрая. Постарела, торчали худые плечи... "Ох, знать бы, - каждый бы день ей надо было писать о себе хоть два словечка..." Собрала на стол нехитрое, - чашку с молоком, кусок хлеба, две ложки, солонку и задумалась, стоя перед столом, сложив худые руки под грудью... Егор Дрёмов, глядя в окошечко на мать, понял, что невозможно ее испугать, нельзя, чтобы у нее отчаянно задрожало старенькое лицо.

Ну, ладно! Он отворил калитку, вошел во дворик и на крыльце постучался. Мать откликнулась за дверью: "Кто там?" Он ответил: "Лейтенант, Герой Советского Союза Громов".

У него так заколотилось сердце - привалился плечом к притолоке. Нет, мать не узнала его голоса. Он и сам, будто в первый раз, услышал свой голос, изменившийся после всех операций, - хриплый, глухой, неясный.

- Батюшка, а чего тебе надо-то? - спросила она.

- Марье Поликарповне привез поклон от сына, старшего лейтенанта Дрёмова.

Тогда она отворила дверь и кинулась к нему, схватила за руки:

- Жив Егор-то мой? Батюшка, да ты зайди в избу.

Егор Дрёмов сел на лавку у стола, на то самое место, где сидел, когда у него еще ноги не доставали до полу, и мать, бывало, погладив его по кудрявой головке, говаривала: "Кушай, касатик". Он стал рассказывать про ее сына, про самого себя, как он ест, пьет, не терпит нужды, где он участвовал со своим танком.

- Ты скажи - страшно на войне-то? - перебивала она, глядя ему в лицо темными, его не видящими глазами.

- Да, конечно, страшно, мамаша, однако - привычка.

Пришел отец, Егор Егорович, тоже сдавший за эти годы, - бородку у него как мукой осыпало. Поглядывая на гостя, потопал на пороге разбитыми валенками, не спеша размотал шарф, снял полушубок, подошел к столу, поздоровался за руку, - ах,

знакомая была, широкая, справедливая родительская рука! Ничего не спрашивая, потому что и без того было понятно, зачем здесь гость в орденах, сел и тоже начал слушать, полуприкрыв глаза.

Чем дольше лейтенант Дрёмов сидел неузнаваемый и рассказывал о себе и не о себе, тем невозможнее было ему открыться, - встать, сказать: да признайте же вы меня, урода, мать, отец!... Ему было и хорошо за родительским столом и обидно.

- Ну, что ж, давайте ужинать; мать, собери чего-нибудь для гостя. - Егор Егорович открыл дверцу старенького шкафчика, где в уголку налево лежали рыболовные крючки в спичечной коробке, - они там и лежали, - и стоял чайник с отбитым носиком, - он там и стоял, где пахло хлебными крошками и луковой шелухой. Егор Егорович достал склянку с вином, - всего на два стаканчика, вздохнул, что больше не достать. Сели ужинать, как в прежние годы. И только за ужином старший лейтенант Дрёмов заметил, что мать особенно пристально следит за его рукой с ложкой. Он усмехнулся, мать подняла глаза, лицо ее болезненно задрожало.

Поговорили о том и о сем: какова будет весна, и справится ли народ с севом, и о том, что этим летом надо ждать конца войны.

- Почему вы думаете, Егор Егорович, что этим летом надо ждать конца войны?

- Народ осерчал, - ответил Егор Егорович, - через смерть перешли, теперь его не остановишь, немцу - капут.

Марья Поликарповна спросила.

- Вы не рассказали, когда ему дадут отпуск, - к нам съездить на побывку. Три года его не видали, чай взрослый стал, с усами ходит... Эдак - каждый день - около смерти, чай и голос у него стал грубый?

- Да вот придет - может, и не узнаете, - сказал лейтенант.

Спать ему отвели на печке, где он помнил каждый кирпич, каждую щель в бревенчатой стене, каждый сучок в по-

толке. Пахло овчиной, хлебом, тем родным уютом,что не забывается и в смертный час. Мартовский ветер посвистывал над крышей. За перегородкой похрапывал отец. Мать ворочалась, вздыхала, не спала. Лейтенант лежал ничком, лицо в ладони: "Неужто так и не признала, - думал, - неужто не признала? Мама, мама..."

Наутро он проснулся от потрескивания дров, мать осторожно возилась у печки; на протянутой веревке висели его выстиранные портянки, у двери стояли вымытые сапоги.

- Ты блинки пшенные ешь? - спросила она.

Он не сразу ответил, слез с печи, надел гимнастерку, затянул пояс и босой сел на лавку.

- Скажите, у вас в селе проживает Катя Малышева, Андрея Степановича Малышева дочь?

- Она в прошлом году курсы окончила, у нас учительницей. А тебе ее повидать надо?

- Сынок ваш просил непременно ей передать поклон.

Мать послала за ней соседку девочку. Лейтенант не успел и обуться, как прибежала Катя Малышева. Широкие серые глаза ее блестели, брови изумленно взлетели, на щеках - радостный румянец. Когда откинула с головы на широкие плечи вязаный платок, лейтенант даже застонал про себя, - поцеловать бы эти теплые, светлые волосы!.. Только такой представлялась ему подруга, - свежа, нежна, весела, добра, красива так, что вот вошла, и вся изба стала золотая...

- Вы привезли поклон от Егора? (Он стоял спиной к свету и только нагнул голову, потому что говорить не мог). А уж я его жду и день и ночь, так ему и скажите...

Она подошла близко к нему. Взглянула, и будто ее слегка ударили в грудь, откинулась, испугалась. Тогда он твердо решил уйти сегодня же.

Мать напекла пшенных блинов с топленым молоком. Он опять рассказывал о лейтенанте Дремове, на этот раз о его воинских подвигах, - рассказывал жестоко и не поднимал глаз на Катю, чтобы не видеть на ее милом лице отражения своего уродства. Егор Егорович захлопотал было, чтобы достать колхозную ло-

шадь, но он ушел на станцию пешком, как пришел. Он был очень угнетен всем происшедшим, даже останавливаясь, ударял ладонями себе в лицо, повторял сиплым голосом: "Как же быть-то теперь?"

Он вернулся в свой полк, стоявший в глубоком тылу на пополнении. Боевые товарищи встретили его такой искренней радостью, что у него отвалилось от души то, что не давало ни спать, ни есть, ни дышать. Решил так: пускай мать подольше не знает о его несчастье. Что же касается Кати, - эту занозу он из сердца вырвет.

Недели через две пришло от матери письмо:

"Здравствуй, сынок мой ненаглядный. Боюсь тебе и писать, не знаю, что и думать. Был у нас один человек от тебя, - человек очень хороший, только лицом дурной. Хотел пожить, да сразу собрался и уехал. С тех пор, сынок, не сплю ночи, - кажется мне, что приезжал ты. Егор Егорович бранит меня за это - совсем, говорит, ты, старуха, свихнулась с ума: был бы он наш сын, разве бы он не открылся... Чего ему скрываться, если это был бы он, - таким лицом, как у этого, кто к нам приезжал, гордиться нужно. Уговорил меня Егор Егорович, а материнское сердце - все свое: он это был, он был у нас! Человек этот спал на печи, я шинель его вынесла на двор - почистить, да припаду к ней, да заплачу, - он,это его, его это!.. Егорушка, напиши мне, Христа ради, надоумь ты меня, что было? Или уж вправду - с ума я свихнулась..."

Егор Дремов показал это письмо мне, Ивану Судареву, и, рассказывая свою историю, вытер глаза рукавом. Я ему:"Вот, говорю, характеры столкнулись! Дурень ты, дурень, пиши скорее матери, проси у нее прощенья, не своди с ума... Очень ей нужен твой образ! Таким-то она тебя еще больше станет любить".

Он в тот же день написал письмо: "Дорогие мои родители, Марья Поликарповна и Егор Егорович, простите меня за невежество, действительно у вас был я, сын ваш..." И так далее, и так далее - на четырех страницах мелким почерком, - он бы и на двадцати страницах написал, - было бы можно.

Спустя некоторое время стоим мы с ним на полигоне - при-

бегает солдат и Егору Дрёмову: "Товарищ капитан, вас спрашивают..." Выражение у солдата такое, хотя он стоит по всей форме, будто человек собирается выпить. Мы пошли в поселок, подходим к избе, где мы с Дрёмовым жили. Вижу он не в себе,- все покашливает... Думаю: "Танкист, танкист, а - нервы".Входим в избу, он - впереди меня, и я слышу: "Мама, здравствуй, это я!.." И вижу маленькая старушка припала к нему на грудь. Оглядываюсь, тут, оказывается, и другая женщина. Даю честное слово - есть где-нибудь еще красавицы, не одна же она такая, но лично я не видел.

Он оторвал от себя мать, подходит к этой девушке, а я уже понимал, что всем богатырским сложением это был бог войны. "Катя! - говорит он. - Катя, зачем вы приехали? Вы того обещали ждать, а не этого..."

Красивая Катя ему отвечает, а я хотя ушел в сени, но слышу: "Егор, я с вами собралась жить навек. Я вас буду любить верно, очень верно любить... Не отсылайте меня..."

Да, вот они, русские характеры! Кажется прост человек, а придет суровая беда, и поднимается в нем великая сила - человеческая красота.

Слова

предпочита́ть кого? что? предпоче́сть+ кому? чему?		- eelistama,paremaks pidama
соразме́рный		- paras; parajamõõduline
ожо́г		- põletushaav
изъя́н		- puudus, defekt; rike,viga
степе́нный		- väärikas; soliidne
сту́жа	разг.	- pakane
разглаго́льствовать	разг. неодобр.	- sõnu tegema, pikalt-laialt seletama
хо́бот		- lont
побо́ище	высок.	- taplus, lahing
уро́д		- koletis
подво́да		- (küüdi)vanker
студёный	разг.	- jääkülm, kärekülm,jäine

хри́плый	- kähisev, kähe; räme
каса́тик	- kullake
пшённый	- hirsi-
си́плый	- kähisev
зано́за	- pind, okas

разве́сить у́ши	- kuulama ammuli sui
истека́ть кро́вью	- verest tühjaks jooksma
се́рдце заколоти́лось	- süda hakkas kloppima v. peksma
терпе́ть нужду́	- puudust tundma
лежа́ть ничко́м	- kummuli lamama
отвали́лось от души́	- süda läks kergemaks; andis järele
свихну́ться с ума́	- peast segi v. ogaraks minema

Задание I. Произнесите правильно:

хара́ктер	колхо́зник	чепуха́
хо́лодно	халат	пасту́х
хорошо́	хохотать	горох
ходи́ть	за́пах	пету́х
хотя́	смех	махать
худо́й	успе́х	чихать
хри́плый	чех	отдыха́ть
хвост	слух	хлопота́ть
хлеб	пух	грохота́ть

Задание 2. Подберите синонимы к словам:

чепуха	бывало
бугор	серчать
швырнуть	вскользь
нехитрый	стужа
без сознания	изба

Задание 3. Составьте план рассказа и перескажите содержание прочитанного.

Задание 4. Следующие глаголы используйте в предложениях:

помогать, мешать, служить, верить, доверять, угрожать, препятствовать, вредить, надоедать, завидовать, радоваться, удивляться, запрещать, способствовать.

Задание 5. Вместо точек вставьте подходящий по смыслу глагол.

I. Мы... наизусть стихотворение. 2. Какой иностранный язык ты... 3. На каком факультете ... твой брат? 4. Вы уже ... правильно произносить звонкие и глухие согласные? 5. Сколько часов он ... в библиотеке?

Слова для вставки: заниматься, учить, изучать, учиться, научиться.

Задание 6. Замените определительное придаточное предложение причастным оборотом.

Он и сам, будто в первый раз, услышал свой голос, который изменился после всех операций, - хриплый, глухой, неясный.

Задание 7. Ответьте на вопросы.

I. Когда (в котором часу) вы утром встаете?
2. Который сейчас час?
3. Когда начинаются лекции в университете?
4. Сколько минут вы идете в университет?
5. Сколько лекций в день у вас бывает на факультете?
6. Когда вы приходите домой?
7. В котором часу вы ложитесь спать?
8. Сколько часов вы занимаетесь, отдыхаете, развлекаетесь, спите?

А. Толстой

Катя

Живописец написал бы ее портрет так: Катя стоит и улыбается, тонкие волосы растрепаны, будто ими шалит майский ветер, ситцевому платьицу приятно быть надетым на такую стройную девушку, позади нее между облаками - теплые лучи солнца сквозь лазурь, под ногами что-нибудь вроде подорожника, и самое важное - лицо; вопросительно поднятые брови, уверенно вздернутый носик, сверкающие неугасимой жизнью, мечтательные, умные, невинно-страстные глаза, свежий чуть-чуть припухлый рот, - лицо такое, что живописец, даже не закончив портрета, сам бы должен влюбиться в эту восемнадцатилетнюю девушку, если у него есть хоть капля здравого смысла.

Катя не любила ничего несправедливого, жестокого и бурного. Иной человек от одного пустого любопытства соскочит с трамвая, чтобы вмешаться в какой-нибудь скандал на улице. Нет! - Катя считала, что хорошо тогда, когда кругом дружелюбные люди, добрые, веселые, энергичные... От диких криков на улице у нее закатывалось сердце. Нет и нет! - все злое было ни к чему в этой жизни.

К чему или ни к чему, но злые люди существовали, и много кругом совершалось тяжелого. Но Кате было восемнадцать лет, и она еще продолжала расти, поэтому и жизнь кругом нее должна была расти, наливаться здоровьем и совершенствоваться. В это Катя верила, хоть режь ее на куски. Все тяжелое и темное должно было исчезнуть, так же как на московских улицах исчезали гнилые домишки и на место их быстро вырастали громады или "комплексы". Когда Катя рано по утру пробегала Красной площадью по пути в школу, ничто бы не могло убедить ее в том, будто золотые стрелки часов на башне двигаются к худой жизни. Ничего подобного! - Время вело стрелки часов к Катиному счастью.

Катин отец служил в тресте и ежегодно шесть с половиной месяцев терпеливо ожидал времени, когда можно будет с

наслаждением запустить руки во влажную землю в огороде на даче под Москвой. Катина мама шила на дому дамское белье. Целый день тихо жужжало колесо швейной машинки и тихо жужжали в голове Катиной мамы заботливые мысли об отце, о Кате и о Катином брате, Леониде, студенте физического факультета МГУ.

Катя ходила с братом в театр, в филармонию и кино, но даже больше всего этого любила - после вечернего чая, забравшись с ногами на старую оттоманку, - разговаривать шепотом с Леонидом о разных фантастических вещах. Он рассказывал, например,такие шутки, - полулежа около Кати, жуя мундштук погасшей папироски:

- Вот тебе ближайшее достижение физики, буквально через несколько лет: путешествие в межпланетное пространство, например. За неизвестной нам высочайшей культурой - на планету Марс. Для этого тебе не потребуется самой лететь триста миллионов километров. Мы присобачиваем к межпланетному реактивному снаряду фотоэлемент с объективом и радиопередатчиком. Он все видит и посылает волны, которые мы принимаем на земле и переводим через такой же фотоэлемент на экран... Вот здесь около буфета стоит у нас приемник и экран... Ты сидишь, подобрав ножки, и комфортабельно путешествуешь между звезд... Снаряд приближается к Марсу, и перед тобой на экране вырастает ни на что не похожий пейзаж: ярко-красные пустыни, прорезанные каналами шириной в сто километров... По берегам - вытянутые города, с круглыми домами... И - марсиане, четырехногие - заметь, но двурукие, с большими студенистыми лицами, необыкновенного, нечеловеческого ума... Так... А второе достижение, Катька, это уже будет лет через двадцать, над этим еще придется поскрипеть мозгами. Это - передача материи на расстояние такими же волнами, как радио... Я, например, должен спешно послать тебя в Мельбурн, к твоему жениху... Ввожу тебя в особую кабину, присоединяю к голове и к пятке контакты, пускаю ток сверхчастных колебаний, которые передаются на аппарат, посылающий трансформированную материю в виде радиоволн. Под действием частых колебаний твое тело начинает безболезненно распадаться, материя превращается в энергию и в организованном порядке ты летишь в

Мельбурн. Твой идиотина-жених находится там в такой же кабинке перед приемником, в котором ты обратно из энергии превращаешься в материю, начинаешь появляться в виде тумана, потом во всей красе... Страстный поцелуй - и вы отправляетесь завтракать... Да,Катька, не успеем оглянуться, как жизнь станет удивительным царством доброго гения... Можно опоясать земной шар по шестьдесят пятой параллели электрическим кабелем толщиной сантиметров в пятьдесят, пустить по нему ток в полмиллиона вольт и тем самым размагнитить поле земного магнетизма, которое, как известно, задерживает корпускулярную солнечную энергию, - и на шестьдесят пятой параллели, в тундрах, будут расти виноград и ананасы. Все будет механизировано, все за тебя будут делать автоматы, - только нажимай кнопки... Работать будем два часа в день, ну, - четыре... В Москве, в каждом районе будут "бюро желаний". Потому что самое главное в жизни - это желать. Ну - чего ты хочешь сейчас? Сливочного мороженого с персиками и два небольших пирожных типа "наполеон". Пожалуйста, бери трубку, звони в "бюро желаний". Через несколько минут вот здесь в стене раздается легкий звон, открывается хорошенькая дверца и по пневматической трубе тебе подано мороженое и "наполеон"... Иногда мне кажется, - черт знает, что я способен придумать и сделать. Главное - ни в чем не ограничивать свою мысль... А самое главное: уничтожать основное ограничение - войну, истребить саму причину войны... Надвигается непостигаемый, непередаваемый ужас... Ты уж мне поверь... Над моим мозгом, над гением человеческим нависло нечто смрадное, жаждущее, свирепое...

Война обрушилась на человеческий гений. Нацистская душа вырвалась на свободу, чтобы досыта насладиться злом... Немцу-фашисту была, наконец, разрешена кровь, разрешено редкое удовольствие - убивать людей... Настал богатый праздник древнегерманского пиршества: идти с засученными рукавами, жечь, взрывать, топтать, вонзать, глядеть на дымы и дымы по горизонту, на зарева, зарева, глядеть на лужи крови, на искаженные предсмертным ужасом лица человеческие... "Вперед!" - кричали фашисты. "Хо,хо! Вот это - полноценная жизнь!"

В это лето Катя окончила школу, но вместо университета пришлось служить. Война не пощадила ее семьи. Отец стал жаловаться на тошноту и слабость, в сентябре его отвезли в больницу, вскрыли живот, да и опять зашили; через несколько дней он умер. У Катиной мамы стали так трястись голова и руки, что пришлось швейную машинку прикрыть чехлом. Леонид ушел добровольцем с артиллерийским полком на фронт. Катя, как большинство московских девушек, добросовестно работала сначала в учреждении, потом на оборонном заводе. Когда немцы подходили к Москве, она копала вместе с другими траншеи и противотанковые рвы. Хотя одних фугасок да грохота зенитной артиллерии было достаточно, чтобы внушить ей вещественность войны, все же война не была для нее ощутимо-понятной, должно быть потому, что такое великое зло не помещалось в ее светлом сердце. Катя не могла ощутить ни миллионов смертей, ни возможности того, что делали немцы, - истязания, насилия, убийства. Верила всему этому, но представить не могла. Живописец теперь бы не стал, пожалуй, писать Катиного портрета. Она стала молчаливой, ходила глядя под ноги, сдвинув брови, точно все время напряженно думая и стараясь понять. У нее было такое ощущение, как у мухи на оконном стекле, - преграда.

Леонид писал с фронта. "Наконец кончилось тяжкое время, когда мы зажимали в себе стыд, отступая перед этой сволочью. Теперь отступают они... С удовольствием вижу повсюду торчащие из сугробов немецкие ноги, в одних носках с продранными пятками... Вообще мерзлых гансов валяется здесь по всем дорогам невероятное множество. Навалим еще больше. Немец влип в России, - это он теперь понял. Катя, живу злостью, каждую ложку красноармейского борща заедаю злостью. Она во мне великолепно зреет, - физиологическая, национальная, философская ненависть... Нет пощады разрушителям добра... Много думаю о тебе, сестренка. Я видел таких, как ты, растерзанных... Боже мой! Бойтесь нас, немцы... И ты, Катя, живи, стиснув зубы злобой... Ты девушка русская, значит, умеешь любить и ненавидеть до конца..."

Однажды пришла открытка с фронта - кто-то, подписав-

шийся неразборчиво, сообщал Кате, что ее брат, старший сержант Леонид Иванов, пошел в разведку и не вернулся.

Когда Катя читала эту открытку, война со всею яростью укусила ее за сердце. У Кати часто-часто затряслись губы. На нее обрушилось невидимое, неслышимое. Изо всей силы сдерживаясь, перечитывала, и слезы капали с открытки вместе с лиловыми чернилами. Леонида больше нет! Это - невозможно! А мир без него все же возможен, и соседская кошка так же мяукает на лестнице... Катя почувствовала войну.

Катя достала его письма и, разложив на старой оттоманке, торопливо читала и перечитывала. В них все было новое, весь смысл был иной. Ночью Леонид начал представляться ей так страшно, что Катя, зажав руками рот, тихо кричала в подушку. От матери все скрыла. На другой день поехала в военкомат. Ее взяли на фронт санитаркой.

Катя сидела, свесив ноги, на платформе, груженной санитарным имуществом. Поезд медленно двигался, останавливаясь и толкаясь . Впереди чинили путь. Мартовское солнце топило снега, а по ночам подмораживало. Повсюду, близ полотна оттаивали из-под снега грязные скорченные руки, босые огромные ступни,целые туловища раздутых немцев. Сквозь лед виднелись синеватые их лица, будто эти покойники силились и не могли взглянуть остекленевшими глазами на весеннее солнце. Ехали уже которую версту и - все те же трупы валялись в кюветах. Много черных птиц поднималось и снова садилось на них. Повсюду до горизонта чернели на снегу и ржавели на оттаявших буграх исковерканные, разбитые сожженные, опрокинутые военные машины и пушки, груды ящиков, и ветер отрывал от снега и гнал обрывки писем, миллионы исписанных листков, - запоздалых жалоб на затянувшуюся войну... Это был путь немецкого отступления сорок третьего года.

Кате наскучило глядеть на мертвецов. У нее на руке были надеты трофейные часы. Она стала следить за тем, как минутная стрелка незаметно ползет между деленьями, и вдруг обнаружила, что часто, коротко вздыхает. Вспомнились другие - золотые стрелки из другой жизни. Это еще что такое, мать моя!

Катя тряхнула головой и опять принялась считать немцев.

В санитарном отряде Катя считалась твердым и даже жестким товарищем, после того как однажды в метель, став на дороге, она остановила несколько грузовиков, пригрозила, что будет стрелять по головному вожатому, и повернула машины в полевой госпиталь за ранеными. Катя любила все сильное,жесткое, бурное. Ее не напугать было стрельбой просочившихся в тыл автоматчиков. Сама брала автомат.

Жалко не находилось живописца на фронте - написать Катин портрет: в нагольном бело-грязном полушубке, грубых сапогах, и все же стройна была удивительно, глаза большие,суровые, ясные, на щеках смуглый румянец, из-под серой шапки - прядь тонких волос, которым было тесно под шапкой.

Бои шли на Украине. По ночам горизонт кругом горел высокими заревами, и земля и небо сотрясались таким военным громом, какого никогда еще не слыхали люди.

Катя получила медаль за храбрость, ее вручил ей майор, утром однажды, около санитарного грузовика. Сказав официально все, что положено, и откозырнув, он ни с того ни с сего прибавил: "Очень горд и очень рад за вас, Катя, ведь вы - наша гордость". А той же ночью Катя попала под немецкий миномет. После полуночи послышалась где-то на фланге отчаянная стрельба, крики "ура", полетели трассирующие пули, взвились ракеты, жестяным, ярче солнечного, четким светом стало освещаться небо. Это наша, оказавшаяся в соседстве, небольшая часть, окружая немцев, сама попала в окружение и теперь пробивалась.

В горячке боя Катя с двумя санитарками поползла подбирать раненых. Под светом повисшей с плоского неба ракеты один раненый, в стеганом ватнике и железном шлеме, силился ползти в нашу сторону, - поднимался на руках и ложился.Катя,низко нагнувшись, подбежала к нему, легла рядом и только завела его руки себе на плечи,,- проклятое светящееся небо, - просверлила мина и рванулась, и Катю перевернуло несколько раз.

Когда она очнулась, не сразу поняла, почему ее сапоги

носками царапают по мерзлым кочкам. Оказывается тот же раненый, в шлеме и ватнике, постанывая, волочил Катю к нашим окопам. Она сказала ему: - Слушай, брось. Давай полежим. Я сейчас отдышусь, меня только ушибло. Я тебя доволоку.

Они легли рядом щека к щеке. Он больше не стонал,только нет-нет да и поскрипывал зубами. Несколько минут лежали в темноте, и снова небо разверзлось жестяным светом.

- Ты что зубами скрипишь, больно? - спросила Катя и повернула голову, не поднимая ее от земли, и тот повернул голову. И Катя не сразу узнала, что это - Леонид, ее брат. И он не сразу узнал Катю. А может быть, им уже потом стало казаться, что они не сразу узнали друг друга...

Слова

растрёпанный		- sasitud; sagrine, sassis
лазу́рь устар.и высок.		- taevasina; asuur, lasuur
подоро́жник		- teeleht
здра́вый (смысл)		— terve, kaine(mõistus)
любопы́тство		- uudishimu
студени́стый		- sültjas
непостига́емый		- mõistmatu, arusaamatu
смра́дный		- lehkav, haisev
наслажда́ться насласти́ться+	чем?	- nautima
ща́дить пощади́ть+	кого? что?	- halastama
тошно́та		- iiveldus
внуша́ть внуши́ть+	что? кому?	- sisendama, sugereerima
искажа́ть искази́ть+	что?	- moonutama
истяза́ние		- piinamine
сугро́б		- lumehang
поко́йник/		- surnu, koolnu
за́рево		- tulekuma

хоть режь на куски́ - raiu kas või tükkideks
ни на что́ не похо́же - sel pole mingit nägu
война́ обру́шилась - sõda langes peale
нечелове́ческий ум - üleiinimlik mõistus
засу́ченные рукава́ - üleskääritud käised, varrukad
невероя́тное мно́жество - uskumatu hulk
ни с того́ ни с сего́ - asja ees, teist taga
не́бо разверзлось (жестяным светом) - (valgus) lõhestas taevast

Задание I. Передайте устно содержание рассказа.

Задание 2. Опишите внешность Кати и одного из своих сокурсников.

Задание 3. Запомните и переведите на родной язык:

делать что-нибудь с умом
в здравом уме
без ума от кого? чего?
считать в уме
сводить с ума
сходить с ума
ни шагу дальше
ни взад, ни вперед
ни-ни, ни в коем случае

Задание 4. Образуйте краткую форму прилагательных и устно составьте предложения:
умный, свежий, жестокий, пустой, веселый, тяжелый, нетерпеливый, свирепый, ужасный, слабый, молчаливый, способный, грубый.

Задание 5. Подберите слова-синонимы к прилагательным: большой (дом), сильный (ветер), умный (ответ), усталый (человек), широкий (край), даровитый (художник).

Задание 6. Сделайте синтаксический разбор предложений. Объясните употребление союзов если и когда.

I. У Кати лицо такое, что живописец, даже не закончив портрета, сам бы должен влюбиться в эту восемнадцатилетнюю девушку, если у него есть хоть капля здравого смысла.

2. Когда Катя рано по утру пробегала Красной площадью по пути в школу, ничто бы не могло убедить ее в том, будто золотые стрелки на башне двигаются к худой жизни.

Задание 7. Составьте по 4 предложения с союзами если и когда.

Задание 8. Выпишите из текста переходные глаголы, составьте с ними предложения.

А. Чехов

Невеста

I

Было уже часов десять вечера, и над садом светила полная луна. В доме Шуминых только что кончилась всенощная, которую заказывала бабушка Марфа Михайловна, и теперь Наде - она вышла в сад на минутку - видно было, как в зале накрывали на стол для закуски, как в своем пышном платье суетилась бабушка; отец Андрей, соборный протоиерей, говорил о чем-то с матерью Нади, Ниной Ивановной, и теперь мать при вечернем освещении сквозь окно почему-то казалась очень молодой; возле стоял сын отца Андрея, Андрей Андреич, и внимательно слушал.

В саду было тихо, прохладно, и темные, покойные тени лежали на земле. Слышно было, как где-то далеко, очень далеко, должно быть за городом, кричали лягушки. Чувствовался май, милый май! Дышалось глубоко и хотелось думать, что не здесь, а где-то под небом, над деревьями, далеко за городом, в полях и лесах развернулась теперь своя весенняя жизнь, таинственная, прекрасная, богатая и святая, недоступная пониманию слабого, грешного человека. И хотелось почему-то плакать.

Ей, Наде, было уже двадцать три года; с шестнадцати лет она страстно мечтала о замужестве, и теперь, наконец, она была невестой Андрея Андреича, того самого, который стоял за окном; он ей нравился, свадьба была уже назначена на седьмое июля, а между тем радости не было, ночи спала она плохо, веселье пропало... Из подвального этажа, где была кухня, в открытое окно слышно было, как там спешили, как стучали ножами, как хлопали дверью на блоке; пахло жареной индейкой и ма-

ринованными вишнями. И почему-то казалось, что так теперь будет всю жизнь, без перемены, без конца!

Вот кто-то вышел из дома и остановился на крыльце; это Александр Тимофеевич, или попросту Саша, гость, приехавший из Москвы дней десять назад. Когда-то давно к бабушке хаживала за подаяньем ее дальняя родственница, Мария Петровна, обедневшая дворянка-вдова, маленькая, худенькая, больная. У нее был сын Саша. Почему-то про него говорили, что он прекрасный художник, и, когда у него умерла мать, бабушка, ради спасения души, отправила его в Москву в Комиссаровское училище; года через два перешел он в училище живописи, пробыл здесь чуть ли не пятнадцать лет и кончил по архитектурному отделению, с грехом пополам, но архитектурой все-таки не занимался, а служил в одной из московских литографий. Почти каждое лето приезжал он, обыкновенно очень больной, к бабушке, чтобы отдохнуть и поправиться.

На нем был теперь застегнутый сюртук и поношенные парусинковые брюки, стоптанные внизу, и сорочка была неглаженая, и весь он имел какой-то несвежий вид. Очень худой, с большими глазами, с длинными худыми пальцами, бородатый, темный и все-таки красивый. К Шуминым он привык, как к родным, и у них чувствовал себя как дома. И комната, в которой он жил здесь, называлась уже давно Сашиной комнатой.

Стоя на крыльце, он увидел Надю и пошел к ней.

- Хорошо у вас здесь, - сказал он.

- Конечно, хорошо. Вам бы здесь до осени пожить.

- Да, должно, так придется. Пожалуй, до сентября у вас тут проживу.

Он засмеялся без причины и сел рядом.

- А я вот сижу и смотрю отсюда на маму, - сказала Надя. - Она кажется отсюда такой молодой! У моей мамы, конечно, есть слабости, - добавила она, помолчав, - но все же она необыкновенная женщина.

- Да, хорошая... - согласился Саша. - Ваша мама по-своему, конечно, и очень добрая и милая женщина, но как вам сказать? Сегодня утром рано зашел я к вам в кухню, а там четыре прислуги спят прямо на полу, кроватей нет, вместо постелей

лохмотья, вновь клопы, тараканы... То же самое, что было двадцать лет назад, никакой перемены. Ну, бабушка, бог с ней, на то она и бабушка; а ведь мама небось по-французски говорит, в спектаклях участвует. Можно бы, кажется, понимать.

Когда Саша говорил, то вытягивал перед слушателем два длинных, тощих пальца.

- Мне все здесь как-то дико с непривычки, - продолжал он. - Черт знает, никто ничего не делает. Мамаша целый день только гуляет, как герцогиня какая-нибудь, бабушка тоже ничего не делает, вы - тоже. И жених, Андрей Андреич, тоже ничего не делает.

Надя слышала это и в прошлом году и, кажется в позапрошлом, и знала, что Саша иначе рассуждать не может, и это прежде смешило ее, теперь же почему-то ей стало досадно.

- Все это старо и давно надоело, - сказала она и встала. - Вы бы придумали что-нибудь поновее.

Он засмеялся и тоже встал и оба пошли к дому. Она высокая, красивая стройная, казалась теперь рядом с ним очень здоровой и нарядной; она чувствовала это, и ей было жаль его и почему-то неловко.

- И говорите вы много лишнего, - сказала она. - Вот вы только что говорили про моего Андрея, но ведь вы его не знаете.

- Моего Андрея... Бог с ним, с вашим Андреем! Мне вот молодости вашей жалко.

Когда вошли в залу там уже садились ужинать. Бабушка, или, как ее называли в доме, бабуля, очень полная, некрасивая, с густыми бровями и с усиками, говорила громко, и уже по ее голосу в манере говорить, было заметно, что она здесь старшая в доме. Ей принадлежали торговые ряды на ярмарке и старинный дом с колоннами и садом, но она каждое утро молилась, чтобы бог спас ее от разорения, и при этом плакала. И ее невестка, мать Нади, Нина Ивановна, белокурая, сильно затянутая и с брильянтами на каждом пальце; и отец Андрей, старик худощавый беззубый и с таким выражением, будто собирался рассказать что-то очень смешное; и его сын Андрей Андреич, жених Нади,

полный и красивый, с вьющимися волосами, похожий на артиста или художника, - все трое говорили о гипнотизме.

- Ты у меня в неделю поправишься, - сказала бабуля, обращаясь к Саше, - только вот кушай побольше. И на что ты похож! - вздохнула она. - Страшный ты стал! Вот уж подлинно, как есть, блудный сын.

-Отеческого дара расточив богатство, - проговорил отец Андрей медленно, со смеющимися глазами, - с бессмысленными скоты пасохся окаянный...

- Люблю я своего батьку, - сказал Андрей Андреич и потрогал отца за плечо. - Славный старик, Добрый старик.

Все помолчали. Саша вдруг засмеялся и прижал ко рту салфетку.

- Стало быть, вы верите в гипнотизм? - спросил отец Андрей у Нины Ивановны.

- Я не могу, конечно, утверждать, что я верю, - ответила Нина Ивановна, придавая своему лицо очень серьезное, даже строгое выражение, - но должна сознаться, что в природе есть много таинственного и непонятного.

- Совершенно с вами согласен, хотя должен прибавить,что вера значительно сокращает нам область таинственного.

Подали большую, очень жирную индейку. Отец Андрей и Нина Ивановна продолжали свой разговор. У Нины Ивановны блестели брильянты на пальцах, потом на глазах заблестели слезы, она заволновалась.

- Хотя я и не смею спорить с вами, сказала она, - но, согласитесь, в жизни так много неразрешимых загадок !

- Ни одной, смею вас уверить.

После ужина Андрей Андреич играл на скрипке, а Нина Ивановна аккомпанировала на рояле. Он десять лет назад кончил в университете по филологическому факультету, но нигде не служил, определенного дела не имел и лишь изредка принимал участие в концертах с благотворительной целью; и в городе называли его артистом.

Андрей Андреич играл; все слушали молча. На столе тихо кипел самовар, и только один Саша пил чай. Потом, когда пробило двенадцать, лопнула вдруг струна на скрипке; все засмеялись и стали прощаться.

Проводив жениха, Надя пошла к себе наверх, где жила с матерью (нижний этаж занимала бабушка). Внизу, в зале, стали тушить огонь, а Саша все еще сидел и пил чай. Пил он чай всегда подолгу, по-московски, стаканов по семи в один раз. Наде, когда она разделась и легла в постель, долго еще было слышно , как внизу убирала прислуга, как сердилась бабуля. Наконец все затихло, и только изредка слышалось, как в своей комнате, внизу, покашливал басом Саша.

П

Когда Надя проснулась, было,должно быть, часа два, начинался рассвет. Где-то далеко стучал сторож. Спать не хотелось, лежать было очень мягко, неловко. Надя, как и во все прошлые майские ночи, села в постели и стала думать. А мысли были все те же, что в прошлую ночь, однообразные, ненужные, неотвязчивые, мысли о том, как Андрей Андреич стал ухаживать за ней и сделал ей предложение, как она согласилась и потом мало-помалу оценила этого доброго, умного человека. Но почему-то теперь, когда до свадьбы осталось не больше месяца, она стала испытывать страх, беспокойство, как будто ожидало ее что-то неопределенное, тяжелое.

В большое старое окно виден сад, дальше кусты густой цветущей сирени, сонной и вялой от холода; и туман , белый, густой, тихо подплывает к сирени, хочет закрыть ее.

- Боже мой, отчего мне так тяжело!

Быть может, то же самое испытывает перед свадьбой каждая невеста. Кто знает! Или тут влияние Саши? Но ведь Саша уже несколько лет подряд говорит все одно и тоже, как по писаному, и когда говорит, то кажется наивным и странным. Но отчего же все-таки Саша не выходит из головы? отчего?

Сторож уже давно не стучит. Под окном и в саду зашумели птицы, туман ушел из сада, все кругом озарилось весенним светом, точно улыбкой. Скоро весь сад, согретый солнцем, обласканный, ожил, и капли росы, как алмазы, засверкали на листьях; и старый давно запущенный сад в это утро казался таким молодым, нарядным.

Уже проснулась бабуля. Закашлял грубым басом Саша. Слышно было как внизу подали самовар, как двигали стульями.

Часы идут медленно. Надя давно уже встала и давно уже гуляла в саду, а все еще тянется утро.

Вот Нина Ивановна, заплаканная, со стаканом минеральной воды. Она занималась спиритизмом , гомеопатией, много читала, любила поговорить о сомнениях, которым была подвержена, и все это, казалось Наде, заключало в себе глубокий, таинственный смысл. Теперь Надя поцеловала мать и пошла с ней рядом.

- О чем ты плакала, мама? - спросила она.

- Вчера на ночь стала я читать повесть, в которой описывается один старик и его дочь. Старик служит где-то, ну, и в дочь его влюбился начальник. Я не дочитала, но там есть такое место, что трудно было удержаться от слез, - сказала Нина Ивановна и отхлебнула из стакана. - Сегодня утром вспомнила и тоже всплакнула.

- А мне все эти дни так невесело, - сказала Надя, помолчав. - Отчего я не сплю по ночам?

- Не знаю, милая. А когда я не сплю по ночам, то закрываю глаза крепко-крепко, вот этак, и рисую себе Анну Каренину, как она ходит и как говорит, или рисую что-нибудь историческое из древнего мира...

Надя почувствовала, что мать не понимает ее и не может понять. Почувствовала это первый раз в жизни, и ей даже страшно стало, захотелось спрятаться; и она ушла к себе в комнату. А в два часа сели обедать. Была среда, день постный, и потому бабушке подали постный борщ и леща с кашей.

Чтобы подразнить бабушку, Саша ел и свой скоромный суп и постный борщ. Он шутил все время, пока обедали, но шутки у него выходили громоздкие, непременно с расчетом на мораль, и выходило совсем не смешно, когда он перед тем, как сострить, поднимал вверх свои очень длинные, исхудалые, точно мертвые пальцы, и когда приходило на мысль, что он очень болен и, пожалуй, недолго еще протянет на этом свете, тогда становилось жаль его до слез.

После обеда бабушка ушла к себе в комнату отдыхать. Нина

Ивановна недолго поиграла на рояле и потом тоже ушла.

– Ах, милая Надя, – начал Саша свой обычный послеобеденный разговор, – если бы вы послушали меня! если бы!

Она сидела глубоко в старинном кресле, закрыв глаза, а он тихо ходил по комнате, из угла в угол.

– Если бы вы поехали учиться! – говорил он. – Только просвещенные и святые люди интересны, только они и нужны. Ведь чем больше будет таких людей, тем скорее настанет царствие божие на земле. От вашего города тогда мало-помалу не останется камня на камне, – все полетит вверх дном, все изменится, точно по волшебству. И будут тогда здесь громадные, великолепнейшие дома, чудесные сады, фонтаны необыкновенные, замечательные люди... Но главное не это. Главное то, что толпы в нашем смысле, в каком она теперь есть, этого зла тогда не будет, потому что каждый человек будет веровать и каждый будет знать, для чего он живет, и ни один не будет искать опоры в толпе. Милая, голубушка, поезжайте! Покажите всем, что эта неподвижная, серая, грешная жизнь надоела вам. Покажите это хоть себе самой!

– Нельзя, Саша. Я выхожу замуж.

– Э, полно! Кому это нужно?

Вышли в сад, прошлись немного.

– И как бы там ни было, моя милая, надо вдуматься, надо понять, как нечиста, как безнравственна эта ваша праздная жизнь, – продолжал Саша. – Поймите же, ведь если, например, вы, и ваша мать, и ваша бабулька ничего не делаете, то, значит, за вас работает кто-то другой, вы заедаете чью-то чужую жизнь, а разве это чисто, не грязно?

Надя хотела сказать: – "Да, это правда"; хотела сказать, что она понимает; но слезы показались у нее на глазах, она вдруг притихла, сжалась вся и ушла к себе.

Перед вечером приходил Андрей Андреич и, по обыкновению, долго играл на скрипке. Вообще он был неразговорчив и любил скрипку, быть может, потому, что во время игры можно было молчать. В одиннадцатом часу, уходя домой, уже в пальто, он обнял Надю и стал жадно целовать ее лицо, плечи, руки.

– Дорогая, милая моя, прекрасная!.. – бормотал он. – О,

как я счастлив! Я безумствую от восторга!

И ей казалось, что это она уже давно слышала, очень давно, или читала где-то... в романе, в старом, оборванном, давно уже заброшенном.

В зале Саша сидел у стола и пил чай, поставив блюдечко на свои длинные пять пальцев; бабуля раскладывала пасьянс, Нина Ивановна читала. Трещал огонек в лампадке, и все, казалось, было тихо, благополучно. Надя простилась и пошла к себе наверх, легла и тотчас же уснула. Но, как и в прошлую ночь, едва забрезжил свет, она уже проснулась. Спать не хотелось, на душе было неспокойно, тяжело. Она сидела, положив голову на колени, и думала о женихе, о свадьбе... Вспомнила она почему-то, что ее мать не любила своего покойного мужа и теперь ничего не имела, жила в полной зависимости от своей свекрови, бабули. И Надя, как ни думала, не могла сообразить, почему до сих пор она видела в своей матери что-то особенное, необыкновенное, почему не замечала простой, обыкновенной, несчастной женщины.

И Саша не спал внизу, - слышно было, как он кашлял. Это странный, наивный человек, думала Надя, и в его мечтах, во всех этих чудесных садах, фонтанах необыкновенных чувствуется что-то нелепое; но почему-то в его наивности, даже в этой нелепости столько прекрасного, что едва она только вот подумала о том, не поехать ли ей учиться, как все сердце, всю грудь обдало холодком, залило чувством радости, восторга.

- Но лучше не думать, лучше не думать... - шептала она. Не надо думать об этом.

"Тик-ток... - стучал сторож где-то далеко. - Тик-ток... Тик-ток".

Ш

Саша в середине июня стал вдруг скучать и засобирался в Москву.

- Не могу я жить в этом городе, - говорил он мрачно. - Ни водопровода, ни канализации! Я есть за обедом брезгаю: в кухне грязь невозможнейшая...

- Да погоди, блудный сын!-убеждала бабушка почему-то шепотом, - седьмого числа свадьба!

- Не желаю!

- Хотел ведь у нас до сентября пожить!

- А теперь вот не желаю. Мне работать нужно!

Лето выдалось сырое и холодное, деревья были мокрые, все в саду глядело неприветливо, уныло, хотелось в самом деле работать. В комнатах, внизу и наверху, слышались незнакомые женские голоса, стучала у бабушки швейная машина: это спешили с приданым. Одних шуб за Надей давали шесть, и самая дешевая из них, по словам бабушки, стоила триста рублей! Суета раздражала Сашу; он сидел у себя в комнате и сердился; но все же его уговорили остаться, и он дал слово, что уедет первого июля, не раньше.

Время шло быстро. На Петров день после обеда Андрей Андреич пошел с Надей на Московскую улицу, чтобы еще раз осмотреть дом, который наняли и давно уже приготовили для молодых. Дом двухэтажный, но убран был пока только верхний этаж. В зале блестящий пол, выкрашенный под паркет, венские стулья, рояль, пюпитр для скрипки. Пахло краской. На стене в золотой раме висела большая картина, написанная красками: нагая дама и около нее лиловая ваза с отбитой ручкой.

- Чудесная картина, - проговорил Андрей Андреич и из уважения вздохнул. - Это художника Шишмачевского.

Дальше была гостиная с круглым столом, диваном и креслами, обитыми ярко-голубой материей. Над диваном большой фотографический портрет отца Андрея в камилавке и в орденах. Потом вошли в столовую с буфетом, потом в спальню; здесь в полумраке стояли рядом две кровати, и похоже было, что когда обставляли спальню, то имели в виду, что всегда тут будет очень хорошо и иначе быть не может. Андрей Андреич водил Надю по комнатам и все время держал ее за талию; а она чувствовала себя слабой, виноватой, ненавидела все эти комнаты, кровати, кресла, ее мутило от нагой дамы. Для нее уже ясно было, что она разлюбила Андрея Андреича или, быть может, не любила его никогда; но как это сказать, кому сказать и для че-

го, она не понимала и не могла понять, хотя думала об этом все дни и ночи... Он держал ее за талию, говорил так ласково, скромно, так был счастлив, расхаживая по этой своей квартире; а она видела во всем одну только пошлость, глупую, наивную, невыносимую пошлость, и его рука, обнимавшая ее талию, казалась ей жесткой и холодной, как обруч. И каждую минуту она готова была убежать, зарыдать, броситься в окно. Андрей Андреич привел ее в ванную и здесь дотронулся до крана, вделанного в стену, и вдруг потекла вода.

- Каково? - сказал он и рассмеялся. - Я велел сделать на чердаке бак на сто ведер, и вот мы теперь с тобой будем иметь воду.

Прошлись по двору, потом вышли на улицу, взяли извозчика. Пыль носилась густыми тучами, и казалось, вот-вот пойдет дождь.

- Тебе не холодно? - спросил Андрей Андреич, щурясь от пыли.

Она промолчала.

- Вчера Саша, ты помнишь,упрекнул меня в том, что я ничего не делаю, - сказал он, помолчав немного. - Что же, он прав! бесконечно прав! Я ничего не делаю и не могу делать. Дорогая моя, отчего это? Отчего мне так противна даже мысль о том, что я когда-нибудь нацеплю на лоб кокарду и пойду служить? Отчего мне так не по себе, когда я вижу адвоката, или учителя латинского языка, или члена управы? О матушка Русь! О матушка Русь, как еще много ты носишь на себе праздных и бесполезных! Как много на тебе таких, как я, многострадальная!

И то, что он ничего не делал,он обобщал, видел в этом знамение времени.

-Когда женимся, - продолжал он, - то пойдем вместе в деревню, дорогая моя, будем там работать! Мы купим себе небольшой клочок земли с садом, рекой, будем трудиться, наблюдать жизнь... О, как это будет хорошо!

Он снял шляпу, и волосы развевались у него от ветра, а она слушала его и думала:"Боже, домой хочу! Боже!"Почти около самого дома они обогнали отца Андрея.

- А вот и отец идет! - обрадовался Андрей Андреич и замахал шляпой. - Люблю я своего батьку, право, - сказал он, расплачиваясь с извозчиком. - Славный старик. Добрый старик.

Вошла Надя в дом сердитая, нездоровая, думая о том, что весь вечер будут гости, что надо занимать их, улыбаться, слушать скрипку, слушать всякий вздор и говорить только о свадьбе. Бабушка, важная, пышная в своем шелковом платье, надменная, какою она всегда казалась при гостях, сидела у самовара. Вошел отец Андрей со своей хитрой улыбкой.

- Имею удовольствие и благодатное утешение видеть вас в добром здоровье, - сказал он бабушке, и трудно было понять, шутит это он или говорит серьезно.

IУ

Ветер стучал в окна, в крышу; слышался свист, и в печи домовой жалобно и угрюмо напевал свою песенку. Был первый час ночи. В доме все уже легли, но никто не спал, и Наде все чудилось, что внизу играют на скрипке. Послышался резкий стук, должно быть сорвалась ставня. Через минуту вошла Нина Ивановна в одной сорочке со свечой.

- Что это застучало, Надя? - спросила она.

Мать, с волосами, заплетенными в одну косу, с робкой улыбкой в эту бурную ночь казалась старше, некрасивее, меньше ростом. Наде вспомнилось, как еще недавно она считала свою мать необыкновенной и с гордостью слушала слова, какие она говорила; а теперь никак не могла вспомнить этих слов; все, что приходило на память, было так слабо, ненужно.

В печке раздалось пение нескольких басов и даже послышалось:"-А-ах, бо-о-же мой!" Надя села в постели и вдруг схватила себя крепко за волосы и зарыдала.

- Мама, мама, - проговорила она, - родная моя, если б ты знала, что со мной делается! Прошу тебя, умоляю, позволь мне уехать! Умоляю!

- Куда? - спросила Нина Ивановна, не понимая, и села на кровать. - Куда уехать?

Надя долго плакала и не могла выговорить ни слова.

- Позволь мне уехать из города! - сказала она наконец. - Свадьбы не должно быть и не будет, пойми! Я не люблю этого человека... И говорить о нем не могу.

- Нет, родная моя, нет, - заговорила Нина Ивановна быстро, страшно испугавшись. - Ты успокойся, - это у тебя от нерасположения духа. Это пройдет. Это бывает. Вероятно, ты повздорила с Андреем, но милые бранятся - только тешатся.

- Ну, уйди, мама, уйди! - зарыдала Надя.

- Да, - сказала Нина Ивановна, помолчав. - Давно ли ты была ребенком, девочкой, а теперь уже невеста. В природе постоянный обмен веществ. И не заметишь, как сама станешь матерью и старухой, и будет у тебя такая же строптивая дочка, как у меня.

- Милая, добрая моя, ты ведь умна, ты несчастна, - сказала Надя, - ты очень несчастна, - зачем же ты говоришь пошлости? Бога ради, зачем?

Нина Ивановна хотела что-то сказать, но не могла выговорить ни слова, всхлипнула и ушла к себе. Басы опять загудели в печке, стало вдруг страшно. Надя вскочила с постели и быстро пошла к матери. Нина Ивановна, заплаканная, лежала в постели, укрывшись голубым одеялом, и держала в руках книгу.

- Мама, выслушай меня! - проговорила Надя. - Умоляю тебя, вдумайся и пойми! Ты только пойми, до какой степени мелка и унизительна наша жизнь. У меня открылись глаза, я теперь все вижу. А что такое твой Андрей Андреич? Ведь он же не умен, мама! Пойми, мама, он глуп!

Нина Ивановна порывисто села.

- Ты и твоя бабка мучаете меня! - сказала она, всхлипнув. - Я жить хочу! Жить! - повторила она и раза два ударила кулачком по груди. - Дайте же мне свободу! Я еще молода, я жить хочу, а вы из меня старуху сделали!...

Она горько заплакала, легла и свернулась под одеялом калачиком, и показалась такой маленькой, жалкой, глупенькой. Надя пошла к себе, оделась и, сев у окна, стала поджидать утра. Она всю ночь сидела и думала, а кто-то со двора все стучал в ставню и насвистывал.

Утром бабушка жаловалась, что в саду ночью ветром посбивало все яблоки и сломало одну старую сливу. Было серо, тускло, безотрадно, хоть огонь зажигай; все жаловались на холод, и дождь стучал в окна. После чаю Надя вошла к Саше и, не сказав ни слова, стала на колени в углу у кресла и закрыла лицо руками.

- Что? - спросил Саша.

- Не могу... - проговорила она. - Как я могла жить здесь раньше, не понимаю, не постигаю! Жениха я презираю, себя презираю, презираю всю эту праздную, бессмысленную жизнь...

- Ну, ну... - проговорил Саша, не понимая еще в чем дело.- Это ничего... Это хорошо.

- Эта жизнь опостылела мне, - продолжала Надя, - я не вынесу здесь и одного дня. Завтра же я уеду отсюда. Возьмите меня с собой!

Саша минуту смотрел на нее с удивлением; наконец он понял, обрадовался, как ребенок. Он взмахнул руками и начал притопывать туфлями, как бы танцуя от радости.

- Великолепно! - говорил он,потирая руки. - Как это хорошо!

А она глядела на него, не мигая, большими, влюбленными глазами,как очарованная, ожидая, что он тотчас же скажет ей что-нибудь замечательное, безграничное по своей важности; он еще ничего не сказал ей, но уже ей казалось, что перед нею открывается нечто новое и широкое, чего она раньше не знала, и уже она смотрела на него, полная ожиданий, готовая на все, хотя бы на смерть.

- Завтра я уезжаю, - сказал он, подумав, - и вы поедете на вокзал провожать меня... Ваш багаж я заберу в свой чемодан и билет вам возьму; а во время третьего звонка вы войдете в вагон, - мы и поедем. Проводите меня до Москвы, а там вы одни поедете в Петербург. Паспорт у вас есть?

- Есть.

- Клянусь вам, вы не пожалеете и не раскаетесь, - сказал Саша с увлечением. - Поедете, будете учиться, а там пусть вас носит судьба. Когда перевернете вашу жизнь, то все изменится. Главное - перевернуть жизнь, а все остальное не важно. Итак, значит завтра поедем?

– О да! Бога ради!

Наде казалось, что она очень взволнована, что на душе у нее тяжело, как никогда, что теперь до самого отъезда придется страдать и мучительно думать; но едва она пришла к себе наверх и прилегла на постель, как тотчас же уснула и спала крепко, с заплаканным лицом, с улыбкой, до самого вечера.

У

Послали за извозчиком. Надя, уже в шляпе и пальто, пошла наверх, чтобы еще раз взглянуть на мать, на все свое; она постояла в своей комнате около постели, еще теплой, осмотрелась, потом пошла к матери. Нина Ивановна спала, в комнате было тихо. Надя поцеловала мать и поправила ей волосы, постояла минуты две... Потом не спеша вернулась вниз.

На дворе шел сильный дождь. Извозчик с крытым верхом, весь мокрый, стоял у подъезда.

– Не поместишься с ним, Надя, – сказала бабушка, когда прислуга стала укладывать чемоданы. – И охота в такую погоду провожать! Оставалась бы дома. Ишь ведь дождь какой!

Надя хотела сказать что-то и не могла. Вот Саша подсадил Надю, укрыл ей ноги пледом. Вот и сам он поместился рядом.

– В добрый час! Господь благословит! – кричала с крыльца бабушка. – Ты же, Саша, пиши нам из Москвы!

– Ладно. Прощайте, бабуля!

– Сохрани тебя царица небесная!

– Ну, погодка! – проговорил Саша.

Надя теперь только заплакала. Теперь уже для нее ясно было, что она уедет непременно, чему она все-таки не верила, когда прощалась с бабушкой, когда глядела на мать. Прощай, город! И все ей вдруг припомнилось: и Андрей, и его отец, и новая квартира, и нагая дама с вазой; и все это уже не пугало, не тяготило, а было наивно, мелко и уходило все назад и назад. А когда сели в вагон и поезд тронулся, то все это прошлое, такое большое и серьезное, сжалось в комочек, и разворачивалось громадное, широкое будущее, которое до сих пор было так мало заметно.

Дождь стучал в окна вагона, было видно только зеленое поле, мелькали телеграфные столбы да птицы на проволоках, и радость вдруг перехватила ей дыхание: она вспомнила, что она едет на волю, едет учиться, а это все равно, что когда-то очень давно называлось уходить в казачество. Она и смеялась,и плакала, и молилась.

- Ничего-о! - говорил Саша, ухмыляясь. - Ничего-о!

УI

Прошла осень, за ней прошла зима. Надя уже сильно тосковала и каждый день думала о матери и о бабушке, думала о Саше. Письма из дому приходили тихие, добрые, и казалось, все уже было прощено и забыто. В мае после экзаменов она, здоровая, веселая, поехала домой и на пути остановилась в Москве, чтобы повидаться с Сашей. Он был все такой же, как и прошлым летом: бородатый, со всклокоченной головой, все в том же сюртуке и парусинковых брюках, все с теми же большими, прекрасными глазами; но вид у него был нездоровый, замученный, он и постарел и похудел и все покашливал. И почему-то он показался Наде серым, провинциальным.

- Боже мой, Надя приехала! - сказал он и весело рассмеялся. - Родная моя, голубушка!

Посидели в литографии, где было накурено и сильно, до духоты, пахло тушью и красками; потом пошли в его комнату, где было накурено, наплевано; на столе возле остывшего самовара лежала разбитая тарелка с темной бумажкой, и на столе и на полу было множество мертвых мух. И тут было видно по всему, что личную жизнь свою Саша устроил неряшливо, жил как придется с полным презрением к удобствам, и если бы кто-нибудь заговорил с ним об его личном счастье, об его личной жизни, о любви к нему, то он бы ничего не понял и только бы засмеялся.

- Ничего,все обошлось благополучно, - рассказывала Надя торопливо. - Мама приезжала ко мне осенью в Петербург, говорила, что бабушка не сердится, а только все ходит в мою комнату и крестит стены.

Саша глядел весело, но покашливал и говорил надтреснутым голосом, и Надя все вглядывалась в него и не понимала, болен ли он на самом деле серьезно, или ей это только так кажется.

- Саша, дорогой мой, - сказала она, - а ведь вы больны!

- Нет, ничего. Болен, но не очень...

- Ах, боже мой, - заволновалась Надя,-отчего вы не лечитесь, отчего не бережете своего здоровья? Дорогой мой, милый Саша, - проговорила она, и слезы брызнули у нее из глаз, и почему-то в воображении ее выросли и Андрей Андреич, и голая дама с вазой, и все ее прошлое, которое казалось теперь таким же далеким, как детство; и заплакала она оттого, что Саша уже не казался ей таким новым, интеллигентным, интересным, каким был в прошлом году. - Милый Саша, вы очень, очень больны. Я бы не знаю что сделала, чтобы вы не были так бледны и худы. Я вам так обязана! Вы не можете даже представить себе, как много вы сделали для меня, мой хороший Саша! В сущности, для меня вы теперь самый близкий, самый родной человек.

Они посидели, поговорили; и теперь,после того как Надя провела зиму в Петербурге, от Саши, от его слов, от улыбки и от всей его фигуры веяло чем-то отжитым, старомодным, давно спетым и, быть может, уже ушедшим в могилу.

- Я послезавтра на Волгу поеду, - сказал Саша, - ну, а потом на кумыс. Хочу кумыса попить. А со мной едет один приятель с женой. Жена удивительный человек; все сбиваю ее,уговариваю, чтоб она учиться пошла. Хочу, чтобы жизнь свою перевернула.

Поговоривши, поехали на вокзал. Саша угощал чаем, яблоками; а когда поезд тронулся и он, улыбаясь, помахивал платком, то даже по ногам его видно было, что он очень болен и едва ли проживет долго.

Приехала Надя в свой город в полдень. Когда она ехала с вокзала домой, то улицы казались ей очень широкими, а дома маленькими, приплюснутыми; людей не было, и только встретился немец-настройщик в рыжем пальто. И все дома точно пылью по-

крыты. Бабушка, совсем уже старая, по-прежнему полная и некрасивая, охватила Надю руками и долго плакала, прижавшись лицом к ее плечу, и не могла оторваться. Нина Ивановна тоже сильно постарела и подурнела, как-то осунулась вся, но все еще по-прежнему была затянута, и брильянты блестели у нее на пальцах.

- Милая моя, - говорила она, дрожа всем телом. - Милая моя!

Потом сидели и молча плакали. Видно было, что и бабушка и мать чувствовали, что прошлое потеряно навсегда и бесповоротно: нет уже ни положения в обществе, ни прежней чести, ни права приглашать к себе в гости; так бывает, когда среди легкой, беззаботной жизни вдруг нагрянет ночью полиция, сделает обыск, и хозяин дома, окажется, растратил, подделал, - и прощай тогда навеки легкая, беззаботная жизнь!

Надя пошла наверх и увидела ту же постель, те же окна с белыми, наивными занавесками, а в окнах тот же сад, залитый солнцем, веселый, шумный. Она потрогала свой стол, посидела, подумала. И обедала хорошо и пила чай со вкусными жирными сливками, но чего-то уже не хватало, чувствовалась пустота в комнатах, и потолки были низки. Вечером она легла спать, укрылась, почему-то было смешно лежать в этой теплой, очень мягкой постели.

Пришла на минутку Нина Ивановна, села, как садятся виноватые, робко и с оглядкой.

- Ну, как Надя? - спросила она помолчав. - Ты довольна? Очень довольна?

- Довольна, мама.

Нина Ивановна встала и перекрестила Надю и окна.

- А я,как видишь, стала религиозной, - сказала она. - Знаешь, я теперь занимаюсь философией и все думаю, думаю... И для меня теперь многое стало ясно как день. Прежде всего надо, мне кажется, чтобы вся жизнь проходила как сквозь призму.

- Скажи, мама, как здоровье бабушки?

- Как будто бы ничего. Когда ты уехала тогда с Сашей и

пришла от тебя телеграмма, то бабушка, как прочла, так и упала; три дня лежала без движения. Потом все богу молилась и плакала. А теперь ничего.

Она встала и прошлась по комнате.

- Прежде всего надо, чтобы вся жизнь проходила как бы сквозь призму, - сказала она, - то есть, другими словами, надо, чтобы жизнь в сознании делилась на простейшие элементы, как бы на семь основных цветов, и каждый элемент надо изучать в отдельности.

Что еще сказала Нина Ивановна и когда она ушла, Надя не слышала, так как скоро уснула.

Прошел май, настал июнь. Надя уже привыкла к дому. Бабушка хлопотала за самоваром, глубоко вздыхала; Нина Ивановна рассказывала по вечерам про свою философию; она по-прежнему проживала в доме, как приживалка, и должна была обращаться к бабушке за каждым двугривенным. Было много мух в доме, и потолки в комнатах, казалось, становились все ниже и ниже. Бабуля и Нина Ивановна не выходили на улицу из страха, чтобы им не встретились отец Андрей и Андрей Андреич. Надя ходила по саду, по улице, глядела на дома, на серые заборы, и ей казалось, что в городе все уже давно состарилось, отжило и все только ждет не то конца, не то начала чего-то молодого, свежего. О, если бы поскорее наступила эта новая, ясная жизнь, когда можно будет прямо и смело смотреть в глаза своей судьбе, сознавать себя правым, быть веселым, свободным! А такая жизнь рано или поздно настанет! Ведь будет же время,когда от бабушкиного дома, где все так устроено, что четыре прислуги иначе жить не могут, как только в одной комнате, в подвальном этаже, в нечистоте, - будет же время, когда от этого дома не останется и следа и о нем забудут, никто не будет помнить. И Надю развлекали только мальчишки из соседнего двора; когда она гуляла по саду, они стучали в забор и дразнили ее со смехом:

- Невеста! Невеста!

Пришло из Саратова письмо от Саши. Своим веселым, танцующим почерком он писал, что путешествие по Волге ему вполне удалось, но что в Саратове он прихворнул немного, потерял го-

лос и уже две недели лежит в больнице. Она поняла, что это значит, и предчувствие, похожее на уверенность, овладело ею. И ей было неприятно, что это предчувствие и мысли о Саше не волновали ее так , как раньше. Ей страстно хотелось жить, хотелось в Петербург, и знакомство с Сашей представлялось уже милым, но далеким, далеким прошлым! Она не спала всю ночь и утром сидела у окна, прислушиваясь. И в самом деле, послышались голоса внизу; встревоженная бабушка стала о чем-то быстро спрашивать. Потом заплакал кто-то... Когда Надя сошла вниз, то бабушка стояла в углу и молилась, и лицо у нее было заплакано. На столе лежала телеграмма.

Надя долго ходила по комнате, слушая, как плачет бабушка потом вязла телеграмму, прочла. Сообщалось, что вчера утром в Саратове от чахотки скончался Александр Тимофеевич, или попросту Саша.

Бабушка и Нина Ивановна пошли в церковь заказывать панихиду, а Надя долго еще ходила по комнате и думала. Она ясно сознавала, что жизнь ее перевернута, как хотел того Саша, что она здесь одинокая, чужая, ненужная и что все ей тут ненужно, все прежнее оторвано от нее и исчезло, точно сгорело, и пепел разнесся по ветру. Она вошла в Сашину комнату, постояла тут.

"Прощай, милый Саша!" - думала она, и впереди ей рисовалась жизнь новая, широкая. просторная, и эта жизнь, еще неясная, полная тайн, увлекала и манила ее.

Она пошла к себе наверх укладываться, а на другой день утром простилась со своими и, живая, веселая, покинула город, - как полагала , навсегда.

Слова

пы́шный	- tore, uhke
суети́ться + засуети́ться	- askeldama; talitama; sekeldama; sagima
суета́	- askeldus(ed), sagin

развёртываться развернýться	+	перен.	– puhkema
недостýпный			– kättesaamatu, ligipääsmatu
индю́к			– kalkun
инде́йка			– emakalkun
застёгивать застегнýть	+	что?	– kinni nööpima, nööpe kinni panema
ста́птывать стоптáть	+	что?	– viltu tallama
гла́дить вы́гладить	+	что?	– triikima
разоре́ние			– laostumine
расточáть расточи́ть	+	что? устар.	– raiskama, pillama
утвержда́ть утверди́ть	+	что?	– kinnitama, väitma –
сокраща́ть сократи́ть	+	что?	– vähendama; lühendama; kärpima
уверя́ть уве́рить	+	кого? в чём?	– kinnitama, tõendama, veenma
озаря́ться озари́ться	+	высок.	– särama lööma
сомне́ние			– kahtlus
громо́здкий			– kohmakas
по волшебству́			– nõiaväel
толпа́			– mass
безнравственный			– kõlvatu, ebavooruslik
бре́зжить забре́зжить	+		– koitma hakkama; nõrgalt helendama
нелéпый			– totter, absurdne
прида́ное			– kaasavara, veimevakk
нагóй		книжн.	– alasti, paljas, katmata
по́шлость			– labasus
упрека́ть упрекнýть	+	кого? в чём?	etteheiteid tegema, ette heitma

взор - взгляд
надме́нный - kõrk, ülbe
стропти́вый - tõrges, jonnakas
униз́и́тельный - alandav
постига́ть
пости́гнуть + что? - mõistma, aru saama
пости́чь
презира́ть кого? что? - põlgama
опости́леть разг. - vastikuks minema, ära tüütama
раска́иваться
раска́яться + в чём? - kahetsema
неря́шливый - räpane, kasimatu, lohakas

накрыва́ть
накры́ть + на сто́л - (söögiajaks) lauda katma
с грехо́м попола́м - patuga pooleks, suure hädaga
блу́дный сын - kadunud poeg
говори́ть как по пи́саному - nagu raamatust rääkima
заеда́ть чужу́ю жизнь - teiste elu rikkuma
зна́мение вре́мени - ajamärk
занима́ть
заня́ть + госте́й - külalisi lõbustama
перехвати́ло дыха́ние - hing jäi kinni
суета́ сует и всяческая суета́ - tühi töö ja vaimu närimine
всё обошло́сь хорошо́ - kõik läks hästi

Задание I. Составьте план рассказа и изложите устно его содержание по этому плану.

Задание 2. Подыщите антонимы к следующим словам и составьте с ними предложения:

застегивать (застегнуть), поправляться (поправиться), тощий, неряшливый, просвещенный, радость, счастье, правда.

Задание 3. Переведите на эстонский язык следующие выражения:

занимать
занять + квартиру, гостей, дом, деньги

развевается знамя
развеваются волосы
жесткая вода
жесткие руки
жесткие волосы
жесткое мясо
жесткое сердце

Задание 4. Подберите существительные к следующим прилагательным-синонимам и объясните значение последних:

I) противный, гадкий, отвратительный, мерзкий, гнусный;
2) обидный, оскорбительный, резкий, грубый;
3) иностранный, заграничный, зарубежный;
4) смелый, бесстрашный, храбрый, отважный, доблестный.

Задание 5. Составьте цитатную характеристику Нади и Саши.

Задание 6. Составьте предложения, используя в них словосочетания:
накрывать - накрыть на стол, накрывать - накрыть стол (чем?), заниматься - учиться с грехом пополам, говорить как по писаному, занимать - занять (гостей, квартиру, деньги).

Задание 7. Составьте свои предложения со следующими глаголами:
гладить - выгладить (что? чем?), уверять - уверить (кого? в чем?), стаптывать - стоптать (что?), застегивать - застегнуть (что?), утверждать - утвердить (что?), упрекать - упрекнуть (кого? в чем?), раскаиваться - раскаяться (в чем?), сокращать - сократить (что?), презирать (кого? что?).

Задание 8. Замените прошедшее время глагола простым будущим.
Кто-то вышел из дома. Года через два перешел он в училище живописи, Здесь он пробыл два года. Он увидел Надю и пошел к ней. Саша засмеялся без причины и сел рядом. "Все это старо и давно надоело", - сказала она и встала. Он остановился на крыльце. Саша согласился с Надей. Наконец все затихло. Надя почувствовала это первый раз в жизни.

А. Чехов

Дом с мезонином

Это было шесть-семь лет тому назад, когда я жил в одном из уездов Т-ой губернии, в имении помещика Белокурова, молодого человека, который вставал очень рано, ходил в поддевке, по вечерам пил пиво и все жаловался мне, что он нигде и ни в ком не встречает сочувствия. Он жил в саду во флигеле, а я в старом барском доме, в громадной зале с колоннами, где не было никакой мебели, кроме широкого дивана, на котором я спал, да еще стола, на котором я раскладывал пасьянс. Тут всегда, даже в тихую погоду, что-то гудело в старых печах, а во время грозы весь дом дрожал и, казалось, трескался на части, и было немножко страшно, особенно ночью, когда все десять больших окон вдруг освещались молнией.

Обреченный судьбой на постоянную праздность, я не делал решительно ничего. По целым часам я смотрел в свои окна на небо, на птиц, на аллеи, читал все, что привозили мне с почты, спал. Иногда я уходил из дому и до позднего вечера бродил где-нибудь.

Однажды, возвращаясь домой, я нечаянно забрел в какую-то незнакомую усадьбу. Солнце уже пряталось, и на цветущей ржи растянулись вечерние тени. Два ряда старых, тесно посаженных, очень высоких елей стояли, как две сплошные стены, образуя мрачную красивую аллею. Я легко перелез через изгородь и пошел по этой аллее, скользя по еловым иглам, которые тут на вершок покрывали землю. Было тихо, темно, и только высоко на вершинах кое-где дрожал яркий золотой свет и переливал радугой в сетях паука. Сильно, до духоты пахло хвоей. Потом я повернул на длинную липовую аллею. И тут тоже запустение и старость; прошлогодняя листва печально шелестела под ногами, и в сумерках между деревьями прятались тени. Направо, в старом фруктовом саду, нехотя, слабым голосом пела иволга, должно быть, тоже старушка. Но вот и липы кончились; я прошел мимо белого дома с террасой и с мезонином, и передо мною неожиданно развернулся вид на барский двор и на широкий пруд с ку-

пальней, с толпой зеленых ив, с деревней на том берегу, с высокой узкой колокольней, на которой горел крест, отражая в себе заходившее солнце. На миг на меня повеяло очарованием чего-то родного, очень знакомого, будто я уже видел эту самую панораму когда-то в детстве. А у белых каменных ворот, которые вели со двора в поле, у старинных крепких ворот со львами, стояли две девушки. Одна из них постарше, тонкая, бледная, очень красивая, с целой копной каштановых волос на голове, с маленьким упрямым ртом, имела строгое выражение и на меня едва обратила внимание; другая же, совсем еще молоденькая - ей было семнадцать-восемнадцать лет, не больше - тоже тонкая и бледная, с большим ртом и большими глазами, с удивлением посмотрела на меня, когда я проходил мимо, сказала что-то по-английски и сконфузилась, и мне показалось, что и эти два милых лица мне давно уже знакомы. И я вернулся домой с таким чувством, как будто видел хороший сон.

Вскоре после этого, как-то в полдень, когда я и Белокуров гуляли около дома, неожиданно, шурша по траве, въехала во двор рессорная коляска, в которой сидела одна из тех девушек. Это была старшая. Она приехала с подписным листом просить на погорельцев. Не глядя на нас, она очень серьезно и обстоятельно рассказала нам, сколько сгорело домов в селе Сиянове, сколько мужчин, женщин и детей осталось без крова и что намерен предпринять на первых порах погорельческий комитет, членом которого она теперь была. Давши нам подписаться, она спрятала лист и тотчас же стала прощаться.

- Вы совсем забыли нас, Петр Петрович, - сказала она Белокурову, подавая руку. - Приезжайте, и если monsieur N. (она назвала мою фамилию) захочет взглянуть, как живут почитатели его таланта, и пожалует к нам, то мама и я будем очень рады.

Я поклонился.

Когда она уехала, Петр Петрович стал рассказывать. Эта девушка, по его словам, была из хорошей семьи, и звали ее Лидией Волчаниновой, а имение, в котором она жила с матерью и сестрой, так же как и село на другом берегу пруда, называ-

лось Шелковкой. Отец ее когда-то занимал видное место в Москве и умер в чине тайного советника. Несмотря на хорошие средства, Волчаниновы жили в деревне безвыездно, лето и зиму, и Лидия была учительницей в земской школе у себя в Шелковке и получала двадцать пять рублей в месяц. Она тратила на себя только эти деньги и гордилась, что живет на собственный счет.

- Интересная семья, - сказал Белокуров. - Пожалуй, сходим к ним как-нибудь. Они будут вам очень рады.

Как-то после обеда, в один из праздников, мы вспомнили про Волчаниновых и отправились к ним в Шелковку. Они, мать и обе дочери, были дома. Мать, Екатерина Павловна, когда-то, по-видимому, красивая, теперь же сырая не по летам, больная одышкой, грустная, рассеянная, старалась занять меня разговором о живописи. Узнав от дочери, что я, быть может, приеду в Шелковку, она торопливо припомнила два-три моих пейзажа, какие видела на выставках в Москве, и теперь спрашивала, что я хотел в них выразить. Лидия, или, как ее звали дома, Лида, говорила больше с Белокуровым, чем со мной. Серьезная, не улыбаясь, она спрашивала его, почему он не служит в земстве и почему до сих пор не был ни на одном земском собрании.

- Нехорошо, Петр Петрович, - говорила она укоризненно.- Нехорошо. Стыдно.

- Правда, Лида, правда, - соглашалась мать. - Нехорошо.

- Весь наш уезд находится в руках Балагина, - продолжала Лида, обращаясь ко мне. - Сам он председатель управы и все должности в уезде роздал своим племянникам и зятьям и делает что хочет. Надо бороться. Молодежь должна составить из себя сильную партию, но вы видите, какая у нас молодежь. Стыдно, Петр Петрович!

Младшая сестра, Женя, пока говорили о земстве, молчала: Она не принимала участия в серьезных разговорах, ее в семье не считали взрослой и, как маленькую, называли Мисюсь, потому что в детстве она называла так мисс свою гувернантку. Все время она смотрела на меня с любопытством и, когда я ос-

матривал в альбоме фотографии, объясняла мне: "Это дядя... Это крестный папа", - и водила пальчиком по портретам и в это время по-детски касалась меня своим плечом, и я близко видел ее слабую, неразвитую грудь, тонкие плечи, косу и худенькое тело, туго стянутое поясом.

Мы играли в крокет, гуляли по саду, пили чай, потом долго ужинали. После громадной пустой залы с колоннами мне было как-то по себе в этом небольшом уютном доме, в котором не было на стенах олеографий и прислуге говорили "вы", и все мне казалось молодым и чистым благодаря присутствию Лиды и Мисюсь, и все дышало порядочностью. За ужином Лида опять говорила с Белокуровым о земстве, о Балагине, о школьных библиотеках. Это была живая, искренняя, убежденная девушка, и слушать ее было интересно, хотя говорила она много и громко - быть может, оттого, что привыкла говорить в школе. Зато мой Петр Петрович, у которого еще со студенчества осталась манера всякий разговор сводить на спор, говорил скучно, вяло и длинно, с явным желанием казаться умным и передовым человеком. Жестикулируя, он опрокинул рукавом соусник, и на скатерти образовалась большая лужа, но, кроме меня, казалось, никто не заметил этого.

Когда мы возвращались домой было темно и тихо.

- Хорошее воспитание не в том, что ты не прольешь соуса на скатерть, а в том, что ты не заметишь, если это сделал кто-нибудь другой, - сказал Белокуров и вздохнул. - Да, прекрасная, интеллигентная семья. Отстал я от хороших людей, ах как отстал! А все дела, дела!

Он говорил о том, как много приходится работать, когда хочешь стать образцовым сельским хозяином. А я думал: какой это тяжелый и ленивый малый! Он, когда говорил о чем-нибудь серьезно , то с напряжением тянул "э-э-э" и работал так же, как говорил, - медленно, всегда опаздывая, пропуская сроки. В его деловитость я плохо верил уже потому, что письма, которые я поручал ему отправлять на почту, он по целым неделям таскал у себя в кармане.

- Тяжелее всего, - бормотал он, идя рядом со мной, - тяжелее всего, что работаешь и ни в ком не встречаешь сочувствия. Никакого сочувствия!

II

Я стал бывать у Волчаниновых. Обыкновенно я сидел на нижней ступени террасы; меня томило недовольство собой, было жаль своей жизни, которая протекала так быстро и неинтересно, и я все думал о том, как хорошо было бы вырвать из своей груди сердце, которое стало у меня таким тяжелым. А в это время на террасе говорили, слышался шорох платьев, перелистывали книгу. Я скоро привык к тому, что днем Лида принимала больных, раздавала книжки и часто уходила в деревню с непокрытой головой, под зонтиком, а вечером долго говорила о земстве, о школах. Эта тонкая, красивая, неизменно строгая девушка с маленьким, изящно очерченным ртом всякий раз, когда начинался деловой разговор, говорила мне сухо:

- Это для вас неинтересно.

Я был ей несимпатичен. Она не любила меня за то, что я пейзажист, и в своих картинах не изображаю народных нужд, и что я, как ей казалось, был равнодушен к тому, во что она так крепко верила. Помнится, когда я ехал по берегу Байкала, мне встретилась девушка-бурятка в рубахе и штанах из синей дабы, верхом на лошади; я спросил у нее, не продаст ли она мне свою трубку, и, пока мы говорили, она с презрением смотрела на мое европейское лицо и на мою шляпу, и в одну минуту ей надоело говорить со мной, она гикнула и поскакала прочь. И Лида точно так же презирала во мне чужого. Внешним образом она никак не выражала своего нерасположения ко мне, но я чувствовал его и, сидя на нижней ступени террасы, испытывал раздражение и говорил, что лечить мужиков, не будучи врачом, значит обманывать их и что легко быть благодетелем, когда имеешь две тысячи десятин.

А ее сестра, Мисюсь, не имела никаких забот и проводила свою жизнь в полной праздности, как я. Вставши утром, она тотчас же бралась за книгу и читала, сидя на террасе в глубоком кресле, так что ножки ее едва касались земли, или пряталась с книгой в липовой аллее, или шла за ворота в поле. Она читала целый день, с жадностью глядя в книгу, и только потому, что взгляд ее иногда становился усталым, ошеломленным и лицо

сильно бледнело, можно было догадаться, как это чтение утомляло ее мозг. Когда я приходил, она, увидев меня, слегка краснела, оставляла книгу и с оживлением, глядя мне в лицо своими большими глазами, рассказывала о том, что случилось: например, о том, что в людской загорелась сажа или что работник поймал в пруде большую рыбу. В будни она ходила обыкновенно в светлой рубашечке и в темно-синей юбке. Мы гуляли вместе, рвали вишни для варенья, катались в лодке, и когда она прыгала, чтобы достать вишню, или работала веслами, сквозь широкие рукава просвечивали ее тонкие, слабые руки. Или я писал этюд, а она стояла возле и смотрела с восхищением.

В одно из воскресений, в конце июля, я пришел к Волчаниновым утром, часов в десять. Я ходил по парку, держась подальше от дома, и отыскивал белые грибы, которых в то лето было очень много, и ставил около них метки, чтобы потом подобрать их вместе с Женей. Дул теплый ветер. Я видел, как Женя и ее мать, обе в светлых праздничных платьях, прошли из церкви домой и Женя придерживала от ветра шляпу. Потом я слышал, как на террасе пили чай. Для меня, человека беззаботного, ищущего оправдания для своей постоянной праздности, эти летние праздничные утра в наших усадьбах всегда были необыкновенно привлекательны. Когда зеленый сад, еще влажный от росы, весь сияет от солнца и кажется счастливым, когда около дома пахнет резедой и олеандром, молодежь только что вернулась из церкви и пьет чай в саду, и когда все так мило одеты и веселы, и когда знаешь, что все эти здоровые, сытые, красивые люди весь длинный день ничего не будут делать, то хочется, чтобы вся жизнь была такою. И теперь я думал то же самое и ходил по саду, готовый ходить так без дела и без цели весь день, все лето.

Пришла Женя с корзиной; у нее было такое выражение, как будто она знала или предчувствовала, что найдет меня в саду. Мы подбирали грибы и говорили, и когда она спрашивала о чем-нибудь, то заходила вперед, чтобы видеть мое лицо.

- Вчера у нас в деревне произошло чудо, - сказала она.

Хромая Пелагея была больна целый год, никакие доктора и лекарства не помогали, а вчера старуха пошептала,и прошло.

- Это неважно, - сказал я. - Не следует искать чудес только около больных и старух. Разве здоровье не чудо? А сама жизнь? Что непонятно, то и есть чудо.

- А вам не страшно то, что непонятно?

- Нет. К явлениям, которых я не понимаю, я подхожу бодро и не подчиняюсь им. Я выше их. Человек должен сознавать себя выше львов, тигров, звезд, выше всего в природе, даже выше того, что непонятно и кажется чудесным, иначе он не человек, а мышь, которая всего боится.

Женя думала, что я как художник, знаю очень многое и могу верно угадывать то,чего не знаю. Ей хотелось, чтобы я ввел ее в область вечного и прекрасного, в этот высший свет, в котором,по ее мнению, я был своим человеком, и она говорила со мной о боге, о вечной жизни, о чудесном. И я, не допускавший, что я и мое воображение после смерти погибнем навеки,отвечал: "Да, люди бессмертны", "Да, нас ожидает вечная жизнь". А она слушала, верила и не требовала доказательств.

Когда мы шли к дому, она вдруг остановилась и сказала:

- Наша Лида замечательный человек. Не правда ли? Я ее горячо люблю и могла бы каждую минуту пожертвовать для нее жизнью, - Женя дотронулась до моего рукава пальцем, - скажите, почему вы с ней все спорите? Почему вы раздражены?

- Потому что она неправа.

Женя отрицательно покачала головой, и слезы показались у нее на глазах.

- Как это непонятно! - проговорила она.

В это время Лида только что вернулась откуда-то и, стоя около крыльца с хлыстом в руках, стройная, красивая, освещенная солнцем, приказывала что-то работнику. Торопясь и громко разговаривая, она приняла двух-трех больных, потом с деловым, озабоченным видом ходила по комнатам, отворяя то один шкап, то другой, уходила в мезонин; ее долго искали и звали обедать, и пришла она, когда мы уже съели суп. Все эти мелкие подробности я почему-то помню и люблю, и весь этот день живо помню,

хотя не произошло ничего особенного. После обеда Женя читала, лежа в глубоком кресле, а я сидел на нижней ступени террасы. Мы молчали. Все небо заволокло облаками, и стал накрапывать мелкий дождь. Было жарко, ветер давно уже стих, и казалось, что этот день никогда не кончится. К нам на террасу вышла Екатерина Павловна, заспанная, с веером.

- О, мама,-сказала Женя, целуя у нее руку, - тебе вредно спать днем.

Они обожали друг друга. Когда одна уходила в сад, то другая уже стояла на террасе и, глядя на деревья, окликала: "Ау, Женя!", или "Мамочка, где ты?" Они всегда вместе молились, и обе одинаково верили и хорошо понимали друг друга, даже когда молчали. И к людям они относились одинаково. Екатерина Павловна также скоро привыкла и привязалась ко мне, и когда я не появлялся два-три дня, присылала узнать, здоров ли я. На мои этюды она смотрела тоже с восхищением, и с такою же болтливостью и так же откровенно, как Мисюсь, рассказывала мне, что случилось, и часто поверяла мне свои домашние тайны.

Она благоговела перед своей старшей дочерью. Лида никогда не ласкалась, говорила только о серьезном; она жила своею особенною жизнью и для матери и для сестры была такою же священной, немного загадочной особой, как для матросов адмирал, который все сидит у себя в каюте.

- Наша Лида замечательный человек, - говорила часто мать. - Не правда ли?

И теперь, пока накрапывал дождь, мы говорили о Лиде.

- Она замечательный человек, - сказала мать и прибавила вполголоса тоном заговорщицы, испуганно оглядываясь: - Таких днем с огнем поискать, хотя, знаете ли, я начинаю немножко беспокоиться. Школа, аптечки, книжки - все это хорошо, но зачем крайности? Ведь ей уже двадцать четвертый год, пора о себе серьезно подумать. Этак за книжками и аптечками и не увидешь, как жизнь пройдет... Замуж нужно.

Женя, бледная от чтения, с помятою прической, приподняла голову и сказала как бы про себя, глядя на мать:

– Мамочка, все зависит от воли божей!

И опять погрузилась в чтение.

Пришел Белокуров в поддевке и в вышитой сорочке. Мы играли в крокет, потом, когда потемнело, долго ужинали, и Лида опять говорила о школах и о Балагине, который забрал в свои руки весь уезд. Уходя в этот вечер от Волчаниновых, я уносил в этот вечер впечатление длинного-длинного, праздного дня, с грустным сознанием, что все кончается на этом свете, как бы ни было длинно. Нас до ворот провожала Женя, и оттого, быть может, что она провела со мной весь день от утра до вечера, я почувствовал, что без нее мне как будто скучно и что вся эта милая семья близка мне; и в первый раз за все лето мне захотелось писать.

– Скажите, отчего вы живете так скучно, так не колоритно? – спросил я у Белокурова, идя с ним домой. – Моя жизнь скучна, тяжела, однообразна, потому что я художник, я странный человек, я издерган с юных лет завистью, недовольством собой, неверием в свое дело, я всегда беден, я бродяга, но вы-то, здоровый, нормальный человек, помещик, барин, – отчего вы живете так неинтересно, так мало берете от жизни? Отчего, например, вы до сих пор не влюбились в Лиду или Женю?

– Вы забываете, что я люблю другую женщину, – ответил Белокуров. Это он говорил про свою подругу, Любовь Ивановну, живущую с ним вместе во флигеле. Я каждый день видел, как эта дама, очень полная, пухлая, важная, похожая на откормленную гусыню, гуляла по саду, в русском костюме с бусами, всегда под зонтиком, и прислуга то и дело звала ее то кушать, то чай пить. Года три назад она наняла один из флигелей под дачу, да так и осталась жить у Белокурова, по-видимому навсегда. Она была старше его лет на десять и управляла им строго, так что, отлучаясь из дому, он должен был спрашивать у нее позволения. Она часто рыдала мужским голосом, и тогда я посылал сказать ей, что если она не перестанет, то я съеду с квартиры; и она переставала.

Когда мы пришли домой, Белокуров сел на диван и нахмурился в раздумье, а я стал ходить по зале, испытывая тихое

волнение, точно влюбленный. Мне хотелось говорить про Волчаниновых

– Лида может полюбить только земца, увлеченного так же, как она, больницами и школами, – сказал я. – О, ради такой девушки можно не только стать земцем, но даже истаскать, как в сказке, железные башмаки. А Мисюсь? Какая прелесть эта Мисюсь!

Белокуров длинно, растягивая "э – э–э–э...", заговорил о болезни века – пессимизме. Говорил он уверенно и таким тоном, как будто я спорил с ним. Сотни верст пустынной, однообразной, выгоревшей степи не могут нагнать такого уныния, как один человек, когда он сидит, говорит и неизвестно, когда он уйдет.

– Дело не в пессимизме и не в оптимизме, – сказал я раздраженно, – а в том, что у девяносто девяти из ста нет ума.

Белокуров принял это на свой счет, обиделся и ушел.

III

–В Малозёмове гостит князь, тебе кланяется, – говорила Лида матери, вернувшись откуда-то и снимая перчатки. – Рассказывал много интересного... Обещал опять поднять в губернском собрании вопрос о медицинском пункте в Малозёмове, но говорит: мало надежды. – И, обратясь ко мне, она сказала: – Извините, я все забываю, что для вас это не может быть интересно.

Я почувствовал раздражение.

– Почему же не интересно? – спросил я и пожал плечами. – Вам неугодно знать мое мнение, но уверяю вас, этот вопрос меня живо интересует.

– Да?

– Да. По моему мнению, медицинский пункт в Малозёмове вовсе не нужен.

Мое раздражение передалось и ей; она посмотрела на меня, прищурив глаза, и спросила:

– Что же нужно? Пейзажи?

– И пейзажи не нужны. Ничего там не нужно.

Она кончила снимать перчатки и развернула газету, которую только что привезла с почты; через минуту она сказала тихо, очевидно сдерживая себя:

– На прошлой неделе умерла от родов Анна, а если бы поблизости был медицинский пункт, то она осталась бы жива. И господа пейзажисты, мне кажется, должны бы иметь какие-нибудь убеждения на этот счет.

– Я имею на этот счет очень определенное убеждение, уверяю вас, – ответил я, а она закрылась от меня газетой, как бы не желая слушать. – По-моему, медицинские пункты, школы, библиотеки, аптечки, при существующих условиях, служат только порабощению. Народ опутан цепью великой, и вы не рубите этой цепи, а лишь прибавляете новые звенья – вот вам мое убеждение.

Она подняла на меня глаза и насмешливо улыбнулась, а я продолжал, стараясь уловить свою главную мысль:

– Не то важно, что Анна умерла от родов, а то, что все эти Анны, Мавры, Пелагеи с раннего утра до потемок гнут спины, болеют от непосильного труда, всю жизнь дрожат за голодных и больных детей, всю жизнь боятся смерти и болезней, всю жизнь лечатся, рано блекнут, рано старятся и умирают в грязи и в вони; их дети, подрастая, начинают ту же музыку, и так проходят сотни лет, и миллиарды людей живут хуже животных – только ради куска хлеба, испытывая постоянный страх. Весь ужас их положения в том, что им некогда о душе подумать, некогда вспомнить о своем образе и подобии; голод, холод, животный страх, масса труда, точно снеговые обвалы, загородили им все пути к духовной деятельности, именно к тому самому, что отличает человека от животного и составляет единственное, ради чего стоит жить. Вы приходите к ним на помощь с больницами и школами, но этим не освобождаете их от пут, а, напротив, еще больше порабощаете, так как, внося в их жизнь новые предрассудки, вы увеличиваете число их потребностей, не говоря уже о том, что за мушки и за книжки они должны платить земству и, значит, сильнее гнуть спину.

– Я спорить с вами не стану, – сказала Лида, опуская газету. – Я уже это слышала. Скажу вам только одно: нельзя си-

деть сложа руки. Правда мы не спасаем человечества и, быть может, во многом ошибаемся, но мы делаем то, что можем, и мы - правы. Самая высокая и святая задача культурного человека - это служить ближним, и мы пытаемся служить, как умеем. Вам не нравится, но ведь на всех не угодишь.

- Правда, Лида, правда, - сказала мама.

В присутствии Лиды она всегда робела и, разговаривая, тревожно поглядывала на нее, боясь сказать что-нибудь лишнее или неуместное; и никогда она не противоречила ей, а всегда соглашалась: правда, Лида, правда.

- Мужицкая грамотность, книжки с жалкими наставлениями и прибаутками и медицинские пункты не могут уменьшить ни невежества, ни смертности, так же, как свет из ваших окон не может осветить этого громадного сада, - сказал я. - Вы не даете ничего, вы своим вмешательством в жизнь этих людей создаете лишь новые потребности, новый повод к труду.

- Ах, боже мой, но ведь нужно же делать что-нибудь! - сказала Лида с досадой, и по ее тону было заметно, что мои рассуждения она считает ничтожными и презирает их.

- Нужно освободить людей от тяжелого физического труда, - сказал я. - Нужно облегчить их ярмо, дать им передышку, чтобы они не всю свою жизнь проводили у печей, корыт и в поле, но имели бы также время подумать о душе, о боге, могли бы пошире проявить свои духовные способности. Призвание всякого человека в духовной деятельности - в постоянном искании правды и смысла жизни. Сделайте же для них ненужным грубый, животный труд, дайте им почувствовать себя на свободе, и тогда увидите, какая, в сущности, насмешка эти книжки и аптечки. Раз человек сознает свое истинное призвание, то удовлетворять его могут только религия, науки, искусства, а не эти пустяки.

- Освободить от труда! - усмехнулась Лида. - Разве это возможно?

- Да. Возьмите на себя долю их труда. Если бы все мы, городские и деревенские жители, все без исключения, согласились поделить между собою труд, который затрачивается вообще человечеством на удовлетворение физических потребностей, то

на каждого из нас, быть может, пришлось бы не более двух-трех часов в день. Представьте, что все мы , богатые и бедные, работаем только три часа в день, а остальное время у нас свободно. Представьте еще, что мы, чтобы еще менее зависеть от своего тела и менее трудиться, изобретаем машины, заменяющие труд, мы стараемся сократить число наших потребностей до минимума. Мы закаляем себя, наших детей, чтобы они не боялись голода, холода, и мы не дрожали бы постоянно за их здоровье, как дрожат Анна, Мавра и Пелагея. Представьте, что мы не лечимся, не держим аптек, табачных фабрик, винокуренных заводов, сколько свободного времени у нас остается в конце концов! Все мы сообща отдаем этот досуг наукам и искусствам. Как иногда мужики миром починяют дорогу, так и все мы сообща, миром, искали бы правды и смысла жизни, - я уверен в этом - правда была бы открыта очень скоро, человек избавился бы от этого постоянного мучительного, угнетающего страха смерти , и даже от самой смерти.

- Вы, однако, себе противоречите, - сказала Лида. - Вы говорите наука, наука, а сами отрицаете грамотность.

- Грамотность, когда человек имеет возможность читать только вывески на кабаках да изредка книжки, которых не понимают, - такая грамотность держится у нас со времен Рюрика, гоголевский Петрушка давно уже читает , между тем деревня, какая была при Рюрике, такая и осталась до сих пор. Не грамотность нужна, а свобода для широкого проявления духовных способностей. Нужны не школы, а университеты.

- Вы и медицину отрицаете.

- Да. Она была бы нужна только для изучения болезней, как явлений природы, а не для лечения их. Если уж лечить, то не болезни, а причины их. Устраните главную причину - физический труд, и тогда не будет болезней. Не признаю я науки, которая лечит, - продолжал я возбужденно. - Науки и искусства, когда они настоящие, стремятся не к временным, не к частным целям, а к вечному и общему, - они ищут правды и смысла жизни, ищут бога, душу, а когда их пристегивают к нуждам и злобам дня, к аптечкам и библиотечкам, то они только осложняют,

загромождают жизнь. У нас много медиков, фармацевтов, юристов стало много грамотных, но совсем нет биологов, математиков, философов, поэтов. Весь ум, вся душевная энергия ушла на удовлетворение временных, преходящих нужд... У ученых, писателей и художников кипит работа, по их милости удобства жизни растут с каждым днем, потребности тела множатся, между тем до правды еще далеко, и человек по-прежнему остается самым хищным и самым нечистоплотным животным, и все клонится к тому, чтобы человечество в своем большинстве выродилось и утеряло навсегда всякую жизнеспособность. При таких условиях жизни художника не имеет смысла, и чем он талантливее, тем страннее и непонятнее его роль, так как на поверку выходит, что работает он для забавы хищного нечистоплотного животного, поддерживая существующий порядок. И я не хочу работать и не буду... Ничего не нужно, пусть земля провалится в тартарары!

- Мисюська, выйди, - сказала Лида сестре, очевидно находя мои слова вредными для такой молодой девушки.

Женя грустно посмотрела на сестру и на мать и вышла.

- Подобные милые вещи говорят обыкновенно, когда хотят оправдать свое равнодушие, - сказала Лида. - Отрицать больницы и школы легче, чем лечить и учить.

- Правда, Лида, правда, - согласилась мать.

- Вы угрожаете, что не станете работать, - продолжала Лида. - Очевидно вы высоко цените ваши работы. Перестанем же спорить, мы никогда не споемся, так как самую несовершенную из всех библиотечек и аптечек, о которых вы только что отзывались так презрительно, я ставлю выше всех пейзажей в свете. - И тотчас же обратясь к матери, она заговорила совсем другим голосом:- Князь очень похудел и сильно изменился с тех пор, как был у нас. Его посылают в Виши.

Она рассказывала матери про князя, чтобы не говорить со мной. Лицо у нее горело, и, чтобы скрыть свое волнение, она низко, точно близорукая, нагнулась к столу и делала вид, что читает газету. Мое присутствие было неприятно. Я простился и пошел домой.

IУ

На дворе было тихо; деревня по ту сторону пруда уже спала, не было видно ни одного огонька, и только на пруде едва светились бледные отражения звезд. У ворот со львами стояла Женя неподвижно, поджидая меня, чтобы проводить.

– В деревне все спят, – сказал я ей, стараясь разглядеть в темноте ее лицо, и увидел устремленные на меня темные печальные глаза. – И кабатчик и конокрады покойно спят, а мы, порядочные люди, раздражаем друг друга и спорим.

Была грустная августовская ночь, – грустная потому, что уже пахло осенью; покрытая багровым облаком, восходила луна и еле-еле освещала дорогу и по сторонам ее темные озимые поля. Часто падали звезды. Женя шла со мной рядом по дороге и старалась не глядеть на небо, чтобы не видеть падающих звезд, которые почему-то пугали ее.

– Мне кажется, вы правы, – сказала она, дрожа от ночной сырости. – Если бы люди, все сообща, могли отдаться духовной деятельности, то они скоро узнали бы все.

– Конечно. Мы высшие существа, и если бы в самом деле мы сознали всю силу человеческого гения и жили бы только для высших целей, то в конце концов мы стали бы как боги. Но этого никогда не будет, – человечество выродится, и от гения не останется и следа.

Когда не стало видно ворот, Женя остановилась и торопливо пожала мне руку.

– Спокойной ночи, – проговорила она дрожа; плечи ее были покрыты только одною рубашечкой, и она сжалась от холода. Приходите завтра.

Мне стало жутко от мысли, что я останусь один, раздраженный, недовольный собой и людьми; и я сам уже старался не глядеть на падающие звезды.

– Побудьте со мной еще минутку, – сказал я. – Прошу вас. Я любил Женю. Должно быть, я любил ее за то, что она встречала и провожала меня, за то, что смотрела на меня немно и с восхищением. Как трогательно прекрасны были ее бледное ли-

цо, тонкая шея, тонкие руки, ее слабость, праздность ее книги! А ум? Я подозревал у нее недюжинный ум, меня восхищала широта ее воззрений, быть может, потому, что она мыслила иначе, чем строгая, красивая Лида, которая не любила меня. Я нравился Жене как художник, я победил ее сердце своим талантом, и мне страстно хотелось писать только для нее, и я мечтал о ней, как о своей маленькой королеве, которая вместе со мною будет владеть этими деревьями, полями, туманом, зарею, этой природой, чудесной, очаровательной, но среди которой я до сих пор чувствовал себя безнадежно одиноким и ненужным.

– Останьтесь еще минуту, – попросил я, – Умоляю вас.

Я снял с себя пальто и прикрыл ее озябшие плечи; она, боясь показаться в мужском пальто смешной и некрасивой, засмеялась и сбросила его, и в это время я обнял ее и стал осыпать поцелуями ее лицо, плечи, руки.

– До завтра! – прошептала она и осторожно, точно боясь нарушить ночную тишину, обняла меня. – Мы не имеем тайн друг от друга, я должна сейчас рассказать все маме и сестре... Это так страшно! Мама ничего, мама любит вас, но Лида!

Она побежала к воротам.

– Прощайте! – крикнула она.

И потом минуты две я слышал, как она бежала. Мне не хотелось домой, да и не зачем было идти туда. Я постоял немного в раздумье и тихо поплелся назад, чтобы еще взглянуть на дом, в котором она жила, милый, наивный, старый дом, который, казалось, окнами своего мезонина глядел на меня, как глазами, и понимал все. Я прошел мимо террасы, сел на скамье около площадки для игры, в темноте под старым вязом, и отсюда смотрел на дом. В окнах мезонина, в котором жила Мисюсь, блеснул яркий свет, потом покойный зеленый – это лампу накрыли абажуром. Задвигались тени... Я был полон нежности, тишины и довольства собою, довольства, что сумел увлечься и полюбить, и в то же время я чувствовал неудобство от мысли, что в это же самое время, в нескольких шагах от меня, в одной из комнат этого дома живет Лида, которая не любит, быть может ненавидит, меня. Я сидел и все ждал, не выйдет ли Женя, при-

слушивался, и мне казалось, будто в мезонине говорят.

Прошло около часа. Зеленый огонь погас, и не стало видно теней. Луна уже стояла высоко над домом и освещала спящий сад, дорожки; георгины и розы в цветнике перед домом были отчетливо видны и казались все одного цвета. Становилось очень холодно. Я вышел из сада, подобрал на дороге свое пальто и не спеша побрел домой.

Когда на другой день после обеда я пришел к Волчаниновым, стеклянная дверь в сад была открыта настежь. Я посидел на террасе, поджидая, что вот-вот за цветником на площадке или на одной из аллей покажется Женя или донесется ее голос из комнат; потом я прошел в гостиную, в столовую. Не было ни души. Из столовой я прошел длинным коридором в переднюю, потом назад. Тут в коридоре было несколько дверей, и за одной из них раздавался голос Лиды.

– Вороне где-то... бог... – говорила она громко и протяжно, вероятно диктуя. – Бог послал кусочек сыру... Вороне... где-то... Кто там? – окликнула она вдруг, услышав мои шаги.

– Это я.

– А! Простите, я не могу сейчас выйти к вам, я занимаюсь с Дашей.

– Екатерина Павловна в саду?

– Нет, она с сестрой уехала сегодня утром к тете, в Пензенскую губернию. А зимой, вероятно, они поедут за границу... – добавила она, помолчав. – Вороне где-то бог... послал кусочек сыру... Написали?

Я вышел в переднюю и, ни о чем не думая, стоял и смотрел оттуда на пруд и на деревню, а до меня доносилось:

– Кусочек сыру... Вороне где-то бог послал кусочек сыру...

И я ушел из усадьбы тою же дорогой, какой пришел сюда в первый раз, только в обратном порядке: сначала со двора в сад, мимо дома, потом по липовой аллее... Тут догнал меня мальчишка и подал записку. "Я рассказала все сестре, и она требует, чтобы я рассталась с вами, – прочел я. – Я была бы не в силах огорчить ее своим неповиновением. Бог даст вам счастья, прос-

тите меня. Если бы вы знали, как я и мама горько плачем!"

Потом темная еловая аллея, обвалившаяся изгородь... На том поле, где тогда цвела рожь и кричали перепела, теперь бродили коровы и спутанные лошади. Кое-где на холмах ярко зеленела озимь. Трезвое будничное настроение овладело мной, и мне стало стыдно всего, что я говорил у Волчаниновых, и по-прежнему стало скучно жить. Придя домой, я уложился и вечером уехал в Петербург.

Больше я уже не видел Волчаниновых. Как-то недавно, едучи в Крым, я встретил в вагоне Белокурова. Он по-прежнему был в поддевке и в вышитой сорочке и, когда я спросил его о здоровье, ответил: "Вашими молитвами". Мы разговорились. Имение свое он продал и купил другое, поменьше, на имя Любови Ивановны. Про Волчаниновых сообщил он немного. Лида, по его словам, жила по-прежнему в Шелковке и учила в школе детей; мало-помалу ей удалось собрать около себя кружок симпатичных ей людей, которые составили из себя сильную партию и на последних земских выборах "прокатили" Балагина, державшего до того времени в своих руках весь уезд. Про Женю же Белокуров сообщил только, что она не жила дома и была неизвестно где.

Я уже начинаю забывать про дом с мезонином, и лишь изредка, когда пишу или читаю, вдруг ни с того ни с сего припомнится мне то зеленый огонь в окне, то звук моих шагов, раздававшихся в поле ночью, когда я, влюбленный, возвращался домой и потирал руки от холода. А еще реже, в минуты, когда меня томит одиночество и мне грустно, я вспоминаю смутно, и мало-помалу мне почему-то начинает казаться, что обо мне тоже вспоминают, меня ждут и что мы встретимся...

– Мисюсь, где ты?

Слова

мезонин – mansardkorrus, ärklikorrus
праздность – jõudeolek, tegevusetus, jõudeelu
забрести + разг. – (hulkudes) sattuma
изгородь – tara

переливáть - sillerdama, helkima
запустéние - mahajäetus
úволга - peoleo
конфýзится
сконфýзиться + - kohmetuma, hämmelduma
обстоя́тельно - põhjalikult
кров высок. - peavari, katus
почита́тель - austaja
сырóй /человек/ разг. - lihav, lõtv
одышка - hingeldus
укоризненно - laitvalt, etteheitvalt
мáлый разг. - poiss, mees
томúться - igatsema, piinlema, vaevlema
томúть - piinama, väsitama, tüütama
ошеломлённый - jahmunud, hämmastunud
сытый - küllastuma, täissööma
заволáкивать
заволóчь + что? - kinni katma, varjutama
обожáть кого? что? - jumaldama
привязываться
привязáться + к кому? к чему? - kiinduma
благоговéть пéред кем? чем? высок. - harda aukartusega suhtuma
позволéние - разрешение
прищýривать
прищýрить + глазá - silmi pilutama, vidutama
загорáживать
загородúть + что? - tõkestama
наставлéние - manitsus, õpetus
прибáутка - naljasõna, teravmeelsus
невéжество - vaimupimedus
пóвод - ajend
ярмó - ike
(всем) мúром - вместе, сообща
нýжды - vajadused
злóба дня - päevaküsimus

преходя́щий книжн. - mööduv, kaduv

вырожда́ться + выро́диться - manduma, degenereeruma

недю́жинный - необыкновенный

вяз - jalakas, künnapuu

огорча́ть + огорчи́ть кого? - kurvastama, haiget v. meelehärmi tegema

неповинове́ние - sõnakuulmatus

спу́танный - kammitsas, kammitsasse pandud

о́зимь - talivili, taliviljaoras

укла́дываться + уложи́ться - asju kokku panema v. pakkima

разговори́ться разг. - jutuhoogu sattuma

сму́тно - ähmaselt

обречённый судьбо́й на что? - saatuse poolt määratud

занима́ть ви́дное ме́сто - silmapaistvat kohta omama

мне бы́ло по себе́ - tundsin end hästi

стал накра́пывать дождь - hakkas tibama vihma

днём с огнём поиска́ть - tuleb tulega otsida

погружа́ться в чте́ние - lugemisse süvenema

погрузи́ться+ в во́ду - vette sukelduma, vajuma

то и де́ло - alatasa, ühtelugu

съезжа́ть + съе́хать с кварти́ры - korterist välja kolima

гнуть спи́ны - выполня́ть тяжёлую рабо́ту

на всех не угоди́шь - igaühele ei saa meeldida

провали́ться в тартарары́ - põrgu põhja vajuma

мы не споёмся - me ei leia ühist keelt, ei lepi kokku

Задание I. От данных слов образуйте именит. и родит. пад. множ. числа:

мост, пахарь, город, слесарь, учитель, рот, день, народ, голос, токарь, бревно, окно, здание;
сын, муж, друг, князь, зять;
брат, лист, колос, звено, дно, клин, стул, перо, крыло, сук, прут.

Задание 2. Подберите к следующим фразеологизмам и идиомам аналогичные на эстонском языке и используйте их в разговоре:

мастер на все руки	чужими руками жар загребать
взять в руки	сидеть сложа руки
набить руку	работать спустя рукава
умыть руки	работать засучив рукава
отбился от рук	
остаться с носом	держать нос по ветру
зарубить на носу	повесить нос
водить за нос	

Задание 3. Перескажите содержание текста по следующему плану.

I. Знакомство художника с семьей Волчаниновых.
2. Занятия сестер.
3. Отношения матери с дочерьми.
4. Споры между художником и Лидой.
5. Внезапный отъезд Жени и матери.
6. Встреча художника с Белокуровым.
7. Надежды художника.

Задание 4. Составьте характеристику Лиды, художника, Жени и Белокурова, используя цитаты из текста.

Задание 5. Найдите в тексте глаголы несовершенного вида, составьте предложения, употребляя с ними слова: бывало, всегда, обычно, долго, часто, иногда, обыкновенно, каждый раз, несколько раз, по временам.

Задание 6. Сделайте синтаксический разбор предложений. Это была живая, искренняя, убежденная девушка, и слушать ее было интересно. Я стал бывать у Волчаниновых.

Задание 7. Объясните значение приставок в глаголах; составьте с этими глаголами несколько предложений: засмеяться, заговорить, разговориться, пожить, прожить, доживать, поглядывать, разглядывать, перестать, перелезть, перелистывать, дотронуться, припомнить, пойти, пройти.

Задание 8. Прочтите третий абзац текста, обращая внимание на произношение.

Л. Толстой

После бала

- Вот вы говорите, что человек не может сам по себе понять, что хорошо, что дурно, что все дело в среде, что среда заедает. А я думаю, что все дело в случае. Я вот про себя скажу.

Так заговорил всеми нами уважаемый Иван Васильевич после разговора, шедшего между ними, о том, что для личного совершенствования необходимо прежде изменить условия, среди которых живут люди. Никто, собственно, не говорил, что нельзя самому понять, что хорошо, что дурно, но у Ивана Васильевича была такая манера отвечать на свои собственные, возникающие вследствие разговора мысли и по случаю этих мыслей рассказывать эпизоды из своей жизни. Часто он совершенно забывал повод, по которому он рассказывал, увлекаясь рассказом, тем более, что рассказывал он очень искренне и правдиво.

Так он сделал и теперь.

- Я про себя расскажу. Вся моя жизнь сложилась так, а не иначе, не от среды, а совсем от другого.

- От чего же? - спросили мы.

- Да это длинная история. Чтобы понять, надо много рассказывать.

- Вот вы и расскажите.

Иван Васильевич задумался, покачал головой.

- Да, - сказал он. - Вся жизнь переменилась от одной ночи, или скорее утра.

- Да что же было?

- А было то, что я был сильно влюблен. Влюблялся я много раз, но это была самая сильная моя любовь. Дело прошлое; у нее уже дочери замужем. Это была Б..., да, Варенька Б... - Иван Васильевич назвал фамилию. - Она и в пятьдесят лет была замечательная красавица. Но в молодости, восемнадцати лет, была прелестна: высокая, стройная, грациозная и величественная, именно величественная. Держалась она всегда необыкновенно прямо, как будто не могла иначе, откинув немного назад голову, и это давало ей, с ее красотой и высоким ростом, несмотря на ее худобу, даже костлявость, какой-то царственный вид, который отпугивал бы от нее, если бы не ласковая, всегда веселая улыбка у рта, и прелестных блестящих глаз, и всего ее милого существа.

- Каково Иван Васильевич расписывает.

- Да как ни расписывай, расписать нельзя так, чтобы вы поняли, какая она была. Но не в том дело: то, что я хочу рассказать, было в сороковых годах. Был я в то время студентом в провинциальном университете. Не знаю хорошо ли это, или дурно, но не было у нас в то время в нашем университете никаких кружков, никаких теорий, а были мы просто молоды и жили, как свойственно молодости: учились и веселились. Был я очень веселый и бойкий малый, да еще и богатый. Был у меня иноходец лихой, катался с гор с барышнями (коньки еще не были в моде), кутил с товарищами (в то время мы ничего, кроме шампанского, не пили; не было денег - ничего не пили, но не пили, как теперь, водку). Главное же мое удовольствие составляли вечера и балы. Танцевал я хорошо и был не безобразен.

- Ну, нечего скромничать, - перебила его одна из собеседниц. - Мы ведь знаем ваш еще дагерротипный портрет. Не то, что не безобразен, а вы были красавец.

- Красавец так красавец, да не в том дело. А дело в том,

что во время этой моей самой сильной любви к ней был я в последний день масленицы на бале у губернского предводителя, добродушного старичка, богача-хлебосола и камергера. Принимала такая же добродушная, как и он, жена его в бархатном платье, в брильянтовой фероньерке на голове и с открытыми старыми, пухлыми, белыми плечами и грудью, как портреты Елизаветы Петровны. Бал был чудесный: зала прекрасная, с хорами, музыканты - знаменитые в то время крепостные помещика-любителя, буфет великолепный и разливанное море шампанского. Хоть я и охотник был до шампанского, но не пил, потому что без вина был пьян любовью, но зато танцевал до упаду, танцевал и кадрили, и вальсы, и польки, разумеется, насколько возможно было, все с Варенькой. Она была в белом платье с розовым поясом и в белых лайковых перчатках, немного не доходивших до худых, острых локтей, и в белых атласных башмачках. Мазурку отбили у меня: препротивный инженер Анисимов - я до сих пор не могу простить это ему - пригласил ее, только что она вошла, а я заезжал к парикмахеру и за перчатками и опоздал. Так что мазурку я танцевал не с ней, а с одной немочкой, за которой я немножко ухаживал прежде. Но, боюсь, в этот вечер был очень неучтив с ней, не говорил с ней, не смотрел на нее, а видел только высокую, стройную фигуру в белом платье с розовым поясом, ее сияющее, зарумянившееся с ямочками лицо и ласковые, милые глаза. Не я один, все смотрели на нее и любовались ею, любовались и мужчины и женщины, несмотря на то, что она затмила всех. Нельзя было не любоваться.

По закону, так сказать, мазурку я танцевал не с нею, но в действительности танцевал я почти все время с ней. Она, не смущаясь, через всю залу шла прямо ко мне, и я вскакивал, не дожидаясь приглашения, и она улыбкой благодарила меня за мою догадливость. Когда нас подводили к ней и она не угадывала моего качества, она, подавая руку не мне, пожимала худыми плечами и, в знак сожаления и утешения, улыбалась мне. Когда делали фигуры мазурки вальсом, я подолгу вальсировал с ней, и она, часто дыша, улыбалась и говорила мне: "Encore[1]". И я танцевал еще и еще и не чувствовал своего тела.

[1] Еще

- Ну, как же не чувствовали, я думаю, очень чувствовали, когда обнимали ее за талию, не только свое, но и ее тело, - сказал один из гостей.

Иван Васильевич вдруг покраснел и сердито закричал почти:

- Да, вот это вы, нынешняя молодежь. Вы, кроме тела, ничего не видите. В наше время было не так. Чем сильнее я был влюблен, тем бестелеснее становилась для меня она. Вы теперь видите ноги, щиколки и еще что-то, вы раздеваете женщин, в которых влюблены, для меня же, как говорил Альфонс Карр, - хороший был писатель, - на предмете моей любви были всегда бронзовые одежды. Мы не то, что раздевали, а старались прикрыть наготу, как добрый сын Ноя. Ну, да вы не поймете...

- Не слушайте его. Дальше что?-сказал один из нас.

- Да. Так вот танцевал я больше с нею и не видал, как прошло время. Музыканты уж с каким-то отчаянием усталости, знаете, как бывает в конце бала, подхватывали все тот же мотив мазурки, из гостиных поднялись уже от карточных столов папаши и мамаши, ожидая ужина, лакеи чаще забегали, пронося что-то. Был третий час. Надо было пользоваться последними минутами. Я еще раз выбрал ее, и мы в сотый раз прошли вдоль залы.

- Так после ужина кадриль моя? - сказал я ей, отводя ее к месту.

- Разумеется, если меня не увезут, - сказала она улыбаясь

- Я не дам,- сказал я.

- Дайте же веер, - сказала она.

- Жалко отдавать, - сказал я, подавая ей белый дешевенький веер.

- Так вот вам, чтобы вы не жалели, - сказала она, оторвала перышко от веера и дала мне.

Я взял перышко и только взглядом мог выразить весь свой восторг и благодарность. Я был не только весел и доволен, я был счастлив, блажен, я был добр, я был не я, какое-то не-

земное существо, не знающее зла и способное на одно добро. Я спрятал перышко в перчатку и стоял, не в силах отойти от нее.

- Смотрите, папа просят танцевать,- сказала она мне, указывая на высокую статную фигуру ее отца полковника с серебряными эполетами, стоявшего в дверях с хозяйкой и другими дамами.

- Варенька, подите сюда, - услышали мы громкий голос хозяйки в брильянтовой фероньерке и с елизаветинскими плечами.

Варенька подошла к двери,и я за ней.

Отец Вареньки был очень красивый, статный, высокий и свежий старик. Лицо у него было очень румяное, с белыми подвитыми усами, белыми же, подведенными к усам бакенбардами и с зачесанными вперед височками, и та же ласковая, радостная улыбка, как и у дочери, была в его блестящих глазах и губах. Сложен он был прекрасно, с широкой, небогато украшенной орденами,выпячивающейся по-военному грудью, с сильными плечами и длинными стройными ногами. Он был воинский начальник типа старого служаки николаевской выправки.

Когда мы подошли к дверям, полковник отказывался, говоря, что он разучился танцевать, но все-таки,улыбаясь, закинув на левую сторону руку, вынул шпагу из портупеи, отдал ее услужливому молодому человеку и, натянув замшевую перчатку на правую руку, - "надо все по закону", - улыбаясь , сказал он, взял руку дочери и стал в четверть оборота, выжидая такт.

Дождавшись начала мазурочного мотива, он бойко топнул одной ногой, выкинул другую, и высокая, грузная фигура его то тихо и плавно, то шумно и бурно, с топотом подошв и ноги об ногу, задвигалась вокруг залы.

Грациозная фигура Вареньки плыла около него, незаметно, вовремя укорачивая или удлиняя шаги своих маленьких белых атласных ножек. Вся зала следила за каждым движением пары. Я же не только любовался, но с восторженным умилением смотрел на них. Особенно умилили меня его сапоги, обтянутые штрипками, - хорошие опойковые сапоги, но не модные, с острыми, а старинные, с четвероугольными носками и без каблуков. Оче-

видно, сапоги были построены батальонным сапожником. "Чтобы вывозить и одевать любимую дочь, он не покупает модных сапог, а носит домодельные", - думал я, и эти четвероугольные носки сапог особенно умиляли меня. Видно было, что он когда-то танцевал прекрасно, но теперь был грузен, и ноги уже не были достаточно упруги для всех тех красивых и быстрых па, которые он старался выделывать. Но он все-таки ловко прошел два круга. Когда же он, быстро расставив ноги, опять соединил их и, хотя и несколько тяжело, упал на одно колено, а она, улыбаясь и поправляя юбку, которую он зацепил, плавно прошла вокруг него, все громко зааплодировали. С некоторым усилием приподнявшись, он нежно, мило обхватил дочь руками за уши и, поцеловав в лоб, подвел ее ко мне, думая, что я танцую с ней. Я сказал, что не я ее кавалер.

- Ну,все-равно, пройдитесь теперь вы с ней, - сказал он, ласково улыбаясь и вдевая шпагу в портупею.

Как бывает, что вслед за одной вылившейся из бутылки каплей содержимое ее выливается большими струями, так и в моей душе любовь к Вареньке освободила всю скрытую в моей душе способность любви. Я обнимал в то время весь мир своей любовью. Я любил и хозяйку в фероньерке, с ее елизаветинским бюстом, и ее мужа, и ее гостей, и ее лакеев, и даже дувшегося на меня инженера Анисимова. К отцу же ее, с его домашними сапогами и ласковой, похожей на нее, улыбкой, я испытывал в то время какое-то восторженно-нежное чувство.

Мазурка кончилась, хозяева просили гостей к ужину, но полковник Б. отказался, сказав, что ему надо завтра рано вставать,и простился с хозяевами. Я было испугался, что и ее увезут, но она осталась с матерью.

После ужина я танцевал с нею обещанную кадриль, и, несмотря на то, что был, казалось, бесконечно счастлив, счастье мое все росло и росло. Мы ничего не говорили о любви. Я не спрашивал ни ее, ни себя даже о том, любит ли она меня. Мне достаточно было того, что я любил ее. И я боялся только одного, чтобы что-нибудь не испортило моего счастья.

Когда я приехал домой, разделся и подумал о сне, я уви-

дел, что это совершенно невозможно. У меня в руке было перышко от ее веера и целая ее перчатка, которую она дала мне, уезжая, когда садилась в карету и я подсаживал ее мать и потом ее. Я смотрел на эти вещи и, не закрывая глаз, видел ее перед собой то в ту минуту, когда она, выбирая из двух кавалеров, угадывает мое качество, и слушу ее милый голос, когда она говорит: "Гордость? да?"- и радостно подает мне руку, или когда за ужином пригубливает бокал шампанского и исподлобья смотрит на меня ласкающими глазами. Но больше всего я вижу ее в паре с отцом, когда она плавно двигается около него и с гордостью и радостью и за себя и за него взглядывает на любующихся зрителей. И я невольно соединяю его и ее в одном нежном, умиленном чувстве.

Жили мы тогда одни с покойным братом. Брат и вообще не любил света и не ездил на балы, теперь же готовился к кандидатскому экзамену и вел самую правильную жизнь. Он спал. Я посмотрел на его уткнутую в подушку и закрытую до половины фланелевым одеялом голову, и мне стало любовно жалко его, жалко за то, что он не знал и не разделял того счастья, которое я испытывал. Крепостной наш лакей Петруша встретил меня со свечой и хотел помочь мне раздеваться, но я отпустил его. Вид его заспанного лица с спутанными волосами показался мне умилительно трогательным. Стараясь не шуметь, я на цыпочках прошел в свою комнату и сел на постель. Нет, я был слишком счастлив, я не мог спать. Притом мне жарко было в натопленных комнатах, и я, не снимая мундира, потихоньку вышел в переднюю, надел шинель, отворил наружную дверь и вышел на улицу.

С бала я уехал в пятом часу, пока доехал домой, посидел дома, прошло еще часа два, так что, когда я вышел, уже было светло. Была самая масленичная погода, был туман, насыщенный водою снег таял на дорогах, и со всех крыш капало. Жили Б. тогда на конце города, подле большого поля, на одном конце которого было гулянье, а на другом - девический институт. Я прошел наш пустынный переулок и вышел на большую улицу, где стали встречаться и пешеходы и ломовые с дровами на санях, достававших полозьями до мостовой.

И лошади, равномерно покачивающие под глянцевитыми дугами мокрыми головами, и покрытые рогожками извозчики, шлепавшие в огромных сапогах подле возов, и дома улицы, казавшиеся в тумане высокими, - все было мне особенно мило и значительно.

Когда я вышел на поле, где был их дом, я увидел в конце его, по направлению гулянья, что-то большое, черное и услыхал доносившиеся оттуда звуки флейты и барабана. В душе у меня все время пело и изредка слышался мотив мазурки. Но это была какая-то другая, жесткая, нехорошая музыка.

"Что это такое?" - подумал я и по проезженной посередине поля скользкой дороге пошел по направлению звуков. Пройдя шагов сто, я из-за тумана стал различать много черных людей. Очевидно, солдаты. "Верно , ученье", - подумал я и вместе с кузнецом в засаленном полушубке и фартуке, несшим что-то и шедшим передо мной, подошел ближе. Солдаты в черных мундирах стояли двумя рядами друг против друга, держа ружья к ноге, и не двигались. Позади их стояли барабанщик и флейтщик и не переставая повторяли все ту же неприятную, визгливую мелодию.

- Что это они делают? - спросил я у кузнеца, остановившегося рядом со мною.

- Татарина гоняют за побег, - сердито сказал кузнец, взглядывая в дальний конец рядов.

Я стал смотреть туда же и увидел посреди рядов что-то страшное, приближающееся ко мне. Приближающееся ко мне был оголенный по пояс человек, привязанный к ружьям двух солдат, которые вели его. Рядом с ним шел высокий военный в шинели и фуражке, фигура которого показалась мне знакомой. Дергаясь всем телом, шлепая ногами по талому снегу, наказываемый, под сыпавшимися с обеих сторон на него ударами, подвигался ко мне, то опрокидываясь назад - и тогда унтер-офицеры, ведшие его за ружья, толкали его вперед, то падая наперед - и тогда унтер-офицеры, удерживая его от падения, тянули его назад. И не отставая от него, шел твердой, подрагивающей по-

ходкой высокий военный. Это был ее отец, с своим румяным лицом и белыми усами и бакебардами.

При каждом ударе наказываемый, как бы удивляясь, поворачивал сморщенное от страдания лицо в ту сторону, с которой падал удар, и, оскаливая белые зубы, повторял какие-то одни и те же слова. Только, когда он был совсем близко, я расслышал эти слова. Он не говорил, а всхлипывал: "Братцы, помилосердуйте. Братцы помилосердуйте". Но братцы не милосердовали, и, когда шествие совсем поравнялось со мною, я видел, как стоявший против меня солдат решительно выступил шаг вперед и, со свистом взмахнув палкой, сильно шлепнул ее по спине татарина. Татарин дернулся вперед, но унтер-офицеры удержали его, и такой же удар упал на него с другой стороны, и опять с этой, и опять с той. Полковник шел подле и, поглядывая то себе под ноги, то на наказываемого, втягивал в себя воздух, раздувая щеки, и медленно выпускал его через оттопыренную губу. Когда шествие миновало то место, где я стоял, я мельком увидал между рядов спину наказываемого. Это было что-то такое пестрое, мокрое, красное, неестественное, что я не поверил, чтобы это было тело человека.

– О господи, – проговорил подле меня кузнец.

Шествие стало удаляться, все так же падали с двух сторон удары на спотыкающегося, корчившегося человека, и все так же били барабаны и свистела флейта, и все так же твердым шагом двигалась высокая статная фигура полковника рядом с наказываемым. Вдруг полковник остановился и быстро приблизился к одному из солдат.

– Я тебе помажу, – услыхал я его гневный голос. – Будешь мазать? Будешь?

И я видел, как он своей сильной рукой в замшевой перчатке бил по лицу испуганного малорослого, слабосильного солдата за то, что он недостаточно сильно опустил свою палку на красную спину татарина.

– Подать свежих шпицрутенов! – крикнул он, оглядываясь, и увидал меня. Делая вид, что он не знает меня, он, грозно и злобно нахмурившись, поспешно отвернулся. Мне было до та-

кой степени стыдно, что не зная, куда смотреть, как будто я был уличен в самом постыдном поступке, я опустил глаза и поторопился уйти домой. Всю дорогу в ушах у меня била барабанная дробь и свистела флейта, то слышались слова: "Братцы, помилосердуйте", то я слышал самоуверенный голос полковника, кричащего: "Будешь мазать? Будешь?" А между тем на сердце была почти физическая, доходившая до тошноты, тоска, такая, что я несколько раз останавливался, и мне казалось, что вот-вот меня вырвет всем тем ужасом, который вошел в меня от этого зрелища. Не помню, как я добрался домой и лег. Но только стал засыпать , услыхал и увидел опять все и вскочил.

"Очевидно, он что-то знает такое, чего я не знаю, - думал я про полковника. - Если бы я знал то, что он знает, я бы понимал и то, что я видел, и это не мучило бы меня". Но сколько я ни думал, я не мог понять того, что знает полковник, и заснул только к вечеру, и то после того, как пошел к приятелю и напился с ним совсем пьян.

Что ж, вы думаете, что я тогда решил, что то, что я видел, было дурное дело? Ничуть. - "Если это делалось с такой уверенностью и признавалось всеми необходимым, то, стало быть, они знали что-то такое, чего я не знал," - думал я и старался узнать это. Но сколько ни старался - и потом не мог узнать этого. А не узнав, не мог поступить в военную службу, как хотел прежде, и не только не служил в военной, но нигде не служил и никуда, как видите, не годился.

- Ну, это мы знаем, как вы никуда негодились, - сказал один из нас. - Скажите лучше: сколько бы людей никуда не годились, кабы вас не было.

- Ну, это уж совсем глупости, - с искренней досадой сказал Иван Васильевич.

- Ну, а любовь, что? - спросили мы.

- Любовь? Любовь с этого дня пошла на убыль. Когда она, как это часто бывало с ней, с улыбкой на лице, задумывалась, я сейчас же вспоминал полковника на площади, и мне становилось как-то неловко и неприятно, и я стал реже видаться с ней. И любовь так и сошла на нет. Так вот какие бывают дела

и от чего переменяется и направляется вся жизнь человека. А вы говорите... - закончил он .

Слова

дурно́й - halb
заеда́ть
зае́сть + что? - rikkuma
соверше́нствование - täiustumine
скла́дываться
сложи́ться + - kujunema
преле́стный - veetlev, võluv, ülikaunis
вели́чественный, высок. - ülev, majesteetlik, suursugune
худоба́ - kõhnus, kõhetus
распи́сывать
расписа́ть+ кого́? что? - pikalt-pikalt kirjeldama v. pilti maalima
бо́йкий - südi, väle, terane
инохо́дец - küliskäija, telder(hobune)
лихо́й - tore, uhke
кути́ть - purjutama, pummeldama, prassima
безобра́зный - näotu, inetu
хлебосо́л - külalislahke isik
разлива́нное - разг.шутл. (мо́ре) - (jookide) uputus, üliküllus
учти́вый - kiisakas,; aupaklik
затмева́ть
затми́ть + - varju jätma
утеше́ние - lohutus
щи́колка прост. (щи́колотка) - pahkluu
нагота́ книжн. - alastiolek; katmatus
блаже́нный - õnnejoovastuses olev
ста́тный - sihvakas, sale
вы́правка - sirge kehahoid v. rüht
услу́шливый - teenistusvalmis
гру́зный - toekas, tüse
умиле́ние - heldimus; hardumus

дуться
надуться + на кого-нибудь разг. - pahane olema, mossitama
исподлобья - altkulmu
плавный - sujuv
скользкий - libe
визгливый - vinguv, kiunuv
спотыкаться
споткнуться + - komistama
корчиться - end küüru kiskuma, tõmblema
уличать
уличить + кого? в чём? - (süüteolt) tabama

Задание I. Расскажите, какие две основные картины содержит рассказ.

Задание 2. Найдите синонимы и раскройте их значение для характеристики действующих лиц.

I) Она (Варенька)... в молодости, I8 лет, была прелестна: высокая, стройная, грациозная и величественная. Держалась она всегда необыкновенно прямо, - ... откинув немного назад голову, и это давало ей... какой-то царственный вид.

2) Грузная фигура полковника с топотом подошв и нога об ногу задвигалась вокруг залы. Грациозная фигура Вареньки плыла около него.

Задание 3. Найдите в рассказе **антонимы**, характеризующие **полковника** на балу и на военном плацу.

Задание 4. Составьте предложения со следующими словосочетаниями.:

рассказывать искренне и правдиво, отвечать кратко и точно, смотреть исподлобья, забывать часто, закричать сердито, вставать рано, остановиться вдруг, приблизиться быстро, останавливаться несколько раз, держаться прямо. танцевать долго.

Задание 5. Расскажите о студенческом бале.

Задание 6. Подберите к глаголам видовую пару и поставьте после них вопрос:
понять, принимать, отнять, обнимать, прикрыть, увезти, покупать, испытывать, пользоваться, влюбляться, пригласить, различать, повторить.

Задание 7. Составьте предложения с вводными словами:

конечно, разумеется, очевидно, видимо, казалось, сказать по правде, собственно говоря, итак, следовательно, признаться вероятно, к счастью, к сожалению, по словам, судя по рассказам.

Задание 8. Произнесите правильно:

...что хорошо, что дурно, что все дело в среде, что среда заедает;
...расписать нельзя так, чтобы вы поняли.
...то, что я хочу рассказать, было в сороковых годах;
...танцевал я хорошо и был не безобразен.
...хоть я и охотник был до шампанского, но не пил...
Сложен он был прекрасно, с широкой грудью, с сильными плечами и стройными ногами.

Д.Н. Мамин-Сибиряк

Емеля-охотник

Далеко-далеко, в северной части Уральских гор, в непроходимой лесной глуши, спряталась деревушка Тычки. В ней всего одиннадцать дворов, - собственно десять, потому что одиннадцатая избушка стоит совсем отдельно у самого леса. Кругом деревни зубчатой стеной поднимается вечнозеленый хвойный лес. Из-за верхушек елей и пихт можно разглядеть несколько гор, которые, точно нарочно, обошли Тычки со всех сторон громадными синевато-серыми валами. Ближе других стоит к Тычкам горбатая Ручьёва гора с седой мохнатой вершиной, которая в пасмурную погоду совсем прячется в мутных, серых облаках. С Ручьё-

вой горы сбегает много ключей и ручейков. Один такой ручеек весело катится к Тычкам и зиму и лето всех поит студеной, чистой, как слеза, водой.

Избы в Тычках выстроены без всякого плана, как кто хотел. Две избы стоят над самой речкой, одна - на крутом склоне горы, а остальные разбрелись по берегу, как овцы. В Тычках даже нет улицы, а между избами колесит избитая тропа. Да тычковским мужикам совсем и улицы, пожалуй, не нужны, потому что ездить по ней не на чем: в Тычках нет ни у кого ни одной телеги. Летом эта деревушка бывает окружена непроходимыми болотами, топями и лесными трущобами, так что в нее едва можно пройти пешком только по узким лесным тропам, да и то не всегда. В ненастье сильно играют горные речки, и часто случается тычковским охотникам дня по три ждать, когда вода спадет в них.

Все тычковские мужики - записные охотники. Летом и зимой они почти не выходят из лесу, благо до него рукой подать. Всякое время года приносит с собой известную добычу: зимой бьют медведей, куниц, волков, лисиц, осенью - белку, весной - диких коз, летом - всякую птицу. Одним словом, круглый год стоит тяжелая и часто опасная работа.

В той избушке, которая стоит у самого леса, живет старый охотник Емеля с маленьким внучком Гришуткой. Избушка Емели совсем вросла в землю и глядит на свет божий всего одним окном; крыша на избушке давно прогнила, от трубы остались только обвалившиеся кирпичи. Ни забора, ни ворот, ни сарая - ничего не было у Емелиной избушки. Только под крыльцом из неотесанных бревен воет по ночам голодный Лыско - одна из самых лучших охотничьих собак в Тычках. Перед каждой охотой Емеля дня три морит несчастного Лыска, чтобы он лучше искал дичь и выслеживал всякого зверя.

- Дедко... а дедко!... - с трудом спрашивал маленький Гришутка однажды вечером. - Теперь олени с телятами ходят?

- С телятами, Гришук, - ответил Емеля, доплетая новые лапти.

- Вот бы, дедко, теленочка добыть... А?

- Погоди, добудем... Жары наступили, олени с телятами

в чаще прятаться будут от оводов, тут я тебе и теленочка добуду, Гришук!

Мальчик ничего не ответил, а только тяжело вздохнул. Гришутке всего было лет шесть, и он лежал теперь второй месяц на широкой деревянной лавке, под теплой оленьей шкурой. Мальчик простудился еще весной, когда таял снег, и все не мог поправиться. Его смуглое личико побледнело и вытянулось, глаза сделались больше, нос обострился..Емеля видел, как внучонок таял не по дням, а по часам, но не знал,чем помочь горю. Поил какой-то травой, два раза носил в баню, - больному не делалось лучше. Мальчик почти ничего не ел. Пожует корочку черного хлеба и только. Оставалась от весны соленая козлятина; но Гришук и смотреть на нее не мог.

"Ишь, чего захотел: теленочка..." - думал старый Емеля.

Емеле было лет семьдесят, седой, сгорбленный, худой, с длинными руками. Пальцы на руках у Емели едва раздвигались, точно это были деревянные сучья. Но ходил он еще бодро и кое-что добывал охотой. Только вот глаза сильно начали изменять старику, особенно зимой, когда снег искрится и блестит кругом алмазной пылью. Из-за Емелиных глаз и труба развалилась, и крыша прогнила, и сам он сидит частенько в своей избушке, когда другие в лесу.

Пора старику и на покой, на теплую печку, да заменить-ся некем, а тут вот еще Гришутка на руках очутился, о нем нужно позаботиться... Отец Гришутки умер три года назад от горячки, мать заели волки, когда она с маленьким Гришуткой возвращалась из деревни в свою избушку. Ребенок спасся каким-то чудом. Мать, пока волки грызли ей ноги,закрыла ребенка своим телом, и Гришутка остался жив.

Старому деду пришлось выращивать внучка, а тут еще болезнь приключилась. Беда не приходит одна...

П

Стояли последние дни июня месяца, самое жаркое время в Тычках. Дома оставались только старые да малые. Охотники давно разбрелись по лесу за оленями. В избушке Емели бедный Лыс-

ко уже третий день завывал от голода, как волк зимой.

–Видно, Емеля на охоту собрался, – говорили в деревне бабы. Это была правда. Действительно, Емеля скоро вышел из своей избушки с кремневой винтовкой в руке, отвязал Лыска и направился к лесу. На нем были новые лапти, котомка с хлебом за плечами, рваный кафтан и теплая оленья шапка на голове. Старик давно уже не носил шляпы, а зиму и лето ходил в своей оленьей шапке, которая отлично защищала его лысую голову от зимнего холода и от летнего зноя.

–Ну, Гришук, поправляйся без меня...–говорил Емеля внуку на прощанье. – За тобой приглядит старуха Маланья, пока я за теленком схожу.

– Я буду тебя ждать... Смотри, не промахнись, когда стрелять будешь...

Емеля давно собирался за оленями, да все жалел бросить внука одного, а теперь ему было как-будто лучше, и старик решился попытать счастья. Да и старая Маланья поглядит за мальчонком, – все же лучше , чем лежать одному в избушке.

В лесу Емеля был как дома. Да и как ему не знать этого леса, когда он целую жизнь бродил по нем с ружьем да с собакой. Все тропы, все приметы – все знал старик на сто верст кругом. А теперь, в конце июня, в лесу было особенно хорошо: трава красиво пестрела распустившимися цветами, в воздухе стоял чудесный аромат душистых трав, а с неба глядело ласковое летнее солнышко, обливавшие ярким светом и лес, и траву, и журчащую в осоке речку, и далекие горы. Да, чудно и хорошо было кругом, и Емеля не раз останавливался, чтобы перевести дух и оглянуться назад. Тропинка, по которой он шел, змейкой взбиралась на гору, минуя большие камни и крутые уступы. Крупный лес был вырублен, а около дороги ютились молодые березки, кусты, и зеленым шатром раскидывалась рябина. Там и сям попадались густые перелески из молодого ельника, который зеленой щеткой вставал по сторонам дороги и весело топорщился мохнатыми ветвями. В одном месте, с половины горы, открывался широкий вид на далекие горы и на Тычки. Деревушка совсем спряталась на дне глубокой горной котловины,

и крестьянские избы казались отсюда черными точками. Емеля, заслонив глаза от солнца, долго глядел на свою избушку и думал о внучке.

– Ну, Лыско, ищи... – говорил Емеля, когда они спустились с горы и повернули с тропы в сплошной дремучий ельник.

Лыску не нужно было повторять приказание. Он отлично знал свое дело и, уткнув свою острую морду в землю, исчез в густой зеленой чаще. Только на время мелькнула его спина с желтыми пятнами.

Охота началась.

Громадные ели поднимались высоко к небу своими острыми вершинами. Мохнатые ветви переплетались между собой, образуя над головой охотника непроницаемый темный свод, сквозь который только кое-где весело глянет солнечный луч и золотым пятном обожжет желтоватый мох или широкий лист папоротника. Трава в таком лесу не растет, и Емеля шел по мягкому желтоватому мху, как по ковру.

Несколько часов брел охотник по этому лесу. Лыско точно в воду канул. Только изредка хрустнет ветка под ногой или перелетит пестрый дятел. Емеля внимательно осматривал все кругом: нет ли где какого-нибудь следа, не сломал ли олень рогами ветки, не отпечаталось ли на мху раздвоенное копыто, не объедена ли трава на кочках. Начало темнеть. Старик почувствовал усталость. Нужно было подумать о ночлеге. "Вероятно, оленей распугали другие охотники", – думал Емеля. Но вот послышался слабый визг Лыска, и впереди затрещали ветви. Емеля прислонился к стволу ели и ждал.

Это был олень. Настоящий десятирогий красавец олень, самое благородное из лесных животных. Вон он приложил свои ветвистые рога к самой спине и внимательно слушает, обнюхивая воздух, чтобы в следующую минуту молнией пропасть в зеленой чаще. Старик Емеля завидел оленя, но он слишком далеко от него: не достать его пулей. Лыско лежит в чаще и не смеет дохнуть в ожидании выстрела; он слышит оленя, чувствует его запах... Вот грянул выстрел, и олень, как стрела, пронесся вперед. Емеля промахнулся, а Лыско взвыл от забиравшего его

голода. Бедная собака уже чувствовала запах жареной оленины, видела аппетитную кость, которую ей бросит хозяин, а вместо этого приходится ложиться спать с голодным брюхом. Очень скверная история...

- Ну, пусть его погуляет, - рассуждал вслух Емеля, когда вечером сидел у огонька под густой столетней елью. - Нам надо теленочка добывать, Лыско... Слышишь?

Собака только жалобно виляла хвостом , положив острую морду между передними лапами. На ее долю сегодня едва выпала сухая корочка, которую Емеля бросил ей.

III

Три дня бродил Емеля по лесу с Лыско и все напрасно: оленя с теленком не попадалось. Старик чувствовал, что выбивается из сил, но вернуться домой с пустыми руками не решался. Лыско тоже приуныл и совсем отощал, хотя и успел перехватить пару молодых зайчат.

Приходилось заночевать в лесу у огонька третью ночь. Но и во сне старый Емеля все видел желтенького теленка, о котором его просил Гришук; старик долго выслеживал свою добычу, прицеливался,но олень каждый раз убегал от него из-под носу. Лыско тоже, вероятно, бредил оленями, потому что несколько раз во сне взвизгивал и принимался глухо лаять.

Только на четвертый день, когда и охотник и собака совсем выбились из сил, они совершенно случайно напали на след оленя с теленком. Это было в густой еловой заросли на скате горы. Прежде всего Лыско отыскал место, где ночевал олень, а потом разнюхал и запутанный след в траве.

"Матка с теленком, - думал Емеля, разглядывая на траве следы больших и маленьких копыт. - Сегодя утром был здесь... Лыско, ищи, голубчик!..

День был знойный. Солнце палило нещадно. Собака обнюхивала кусты и траву с высунутым языком; Емеля едва таскал ноги, но вот знакомый треск и шорох... Лыско упал на траву и не шевелился. В ушах Емели стоят слова внучка: "Дедко, добудь теленка... И непременно, чтобы был желтенький". Вон и

матка... Это был великолепный олень-самка. Он стоял на опушке леса и пугливо смотрел прямо на Емелю. Кучка жужжавших насекомых кружилась над оленем и заставляла его вздрагивать.

"Нет, ты меня не обманешь"... - думал Емеля, выползая из своей засады.

Олень давно почуял охотника, но смело следил за его движениями.

"Это матка меня от теленка отводит", - думал Емеля, подползая все ближе и ближе.

Когда старик хотел прицелиться в оленя, он осторожно перебежал несколько сажен далее и опять остановился. Емеля снова подполз со своей винтовкой. Опять медленное подкрадывание, и опять олень скрылся, как только Емеля хотел стрелять.

- Не уйдешь от теленка, - шептал Емеля, терпеливо выслеживая зверя в течение нескольких часов.

Эта борьба человека с животным продолжалась до самого вечера. Благородное животное десять раз рисковало жизнью, стараясь отвести охотника от спрятавшегося олененка; старый Емеля и сердился и удивлялся смелости своей жертвы. Ведь все равно она не уйдет от него... Сколько раз приходилось ему убивать таким образом жертвовавшую собою мать. Лыско, как тень, ползал за хозяином, и когда тот совсем потерял оленя из виду, осторожно ткнул его своим горячим носом. Старик оглянулся и присел. В десяти саженях от него, под кустом жимолости, стоял тот самый желтенький теленок, за которым он бродил целых три дня. Это был прехорошенький олененок, всего нескольких недель, с желтым пушком и тоненькими ножками; красивая головка была откинута назад, и он вытягивал тонкую шею вперед, когда старался захватить веточку повыше. Охотник с замирающим сердцем взвел курок винтовки и прицелился в голову маленькому , беззащитному животному...

Еще одно мгновение, и маленький олененок покатился бы по траве с жалобным предсмертным криком; но именно в это мгновение старый охотник припомнил, с каким геройством защищала теленка его мать, припомнил, как мать его Гришутки

спасла сына от волков своей жизнью. Точно что оборвалось в груди у старого Емели, и он опустил ружье. Олененок по-прежнему ходил около куста, общипывая листочки и прислушиваясь к малейшему шороху. Емеля быстро поднялся и свистнул, - маленькое животное скрылось в кустах с быстротой молнии.

- Ишь какой бегун... - говорил старик, задумчиво улыбаясь. - Только его и видели: как стрела... Ведь убежал, Лыско, наш олененок-то? Ну, ему, бегуну, еще надо подрасти... Ах ты, какой шустрый!..

Старик долго стоял на одном месте и все улыбался, припоминая бегуна.

На другой день Емеля подходил к своей избушке.

- А... дедко, принес теленка? - встретил его Гриша, ждавший все время старика с нетерпением.

- Нет, Гришук... видел его...

- Желтенький?

- Желтенький сам, а мордочка черная. Стоит под кустиком и листочки пощипывает... Я прицелился...

- И промахнулся?

- Нет, Гришук: пожалел малого зверя... матку пожалел... Как свистнул, а он, теленок-то, как стреканет в чащу, - только его и видели. Убежал, пострел этакий...

Старик долго рассказывал мальчику, как он искал теленка по лесу три дня и как тот убежал от него. Мальчик слушал и весело смеялся вместе с старым дедом.

- А я тебе глухаря принес, Гришук,-прибавил Емеля, кончив рассказ. - Этого все равно волки бы съели.

Глухарь был ощипан, а потом попал в горшок. Больной мальчик с удовольствием поел глухариной похлебки и, засыпая, несколько раз спрашивал старика:

- Так он убежал,олененок-то?

- Убежал, Гришук...

- Желтенький?

- Весь желтенький, только мордочка черная да копытца.

Мальчик так и уснул и всю ночь видел маленького желтенького олененка, который весело гулял по лесу со своей матерью; а старик спал на печке и тоже улыбался во сне.

Слова

лесна́я глушь – metsatihnik, metsasügavus
зубча́тый – hambuline, sakiline
па́смурная пого́да – pilvine, sombune ilm
трущо́ба – padrik, tihnik
куни́ца – kärp
неотёсанный – tahumata
мори́ть – näljutama
выслежи́вать
вы́следить +(зве́ря) – jälgede järgi üles otsima, jälgi ajama
ча́ща – tihnik, padrik, rägastik
ла́поть – viisk
промахну́ться+ – (märgist) mööda laskma
приме́та – märk, tunnus
осо́ка – tarn
шатёр – telk
котлови́на – nõgu
дремучий – tihe, pime, läbipääsmatu(mets)
па́поротник – sõnajalg
дя́тел – rähn
копы́то – sõrg; kabi
брюхо – kõht (loomal)
приуны́ть разг. – pead norgu laskma
чуя́ть
почу́ять + кого? что? – haistma
жи́молость – kuslapuu
глуха́рь – metsis, mõtus
похлёбка – leem

записно́й охо́тник – kirglik jahimees
руко́й пода́ть до чего? – käeulatuses, käe-jala juures
пора́ на поко́й – aeg puhkusele minna
беда́ приключи́лась – juhtus õnnetus
приглядеть за ма́льчиком – poisi järele vaatama, valvama
переводи́ть
перевести́ + дух – hinge tagasi tõmbama

брести по́ лесу	- metsas ringi luusima v. hulkuma
то́чно в во́ду ка́нуть	- nagu vette vajuma
вы́биться из сил	- viimast jõudu kaotama
со́лнце пали́ло неща́дно	- päike kõrvetas halastamatult
се́рдце чу́ет недо́брое	- süda aimab halba

Задание I. Произнесите правильно:

ве́щи в багаже́	бума́ги в па́пке
пошёл в банк	жил в пала́тке
бить в бараба́н	оста́лось в па́мяти
пла́вал в бассе́йне	чита́л в "Пра́вде"
лежа́л в больни́це	вступи́л в па́ртию
пошли́ в буфе́т	тетра́дь в портфе́ле

Задание 2. Используйте данные слова в словосочетаниях: жаль, лень, пора, скучно, холодно, вредно, стыдно; играть, влиять, заступаться.

Задание 3. Замените словосочетания антонимичными:

слезть с дерева, сойти с площадки, съехать с горы, сбежать с лестницы, стащить с крыши.

Задание 4. Составьте план рассказа и используйте его при устном изложении.

Задание 5. Составтье рассказ на тему "В лесу" и используйте в нем следующие выражения:
вечнозеленый хвойный лес, непроходимая лесная глушь, широкая поляна, узкая лесная тропа, трава пестрит цветами, чудный аромат душистых трав, ласковое летнее солнышко, журчащая речка, молодые березки, зеленый шатер рябины, зеленая щетка густого ельника.

Задание 6. От данных существительных образуйте именительный и родительный падеж множественного числа; составьте IO предложений:
теленок, олененок, медвежонок, волчонок, цыпленок, щенок, котенок, ягненок, поросенок, жеребенок, лисенок.

Задание 7. Замените придаточное определительное предложение причастным оборотом.

1. В избушке, которая стоит у самого леса, живет старый охотник Емеля с маленьким внуком Гришуткой.
2. Мальчик уснул и всю ночь видел маленького желтенького олененка, который весело гулял по лесу со своей матерью.

Н. Некрасов

Размышления у парадного подъезда

Вот парадный подъезд. По торжественным дням,
Одержимый холопским недугом,
Целый город с каким-то испугом
Подъезжает к заветным дверям;
Записав свое имя и званье,
Разъезжаются гости домой,
Так глубоко довольны собой,
Что подумаешь - в том их призванье!
А в обычные дни этот пышный подъезд
Осаждают убогие лица:
Прожектёры, искатели мест,
И преклонный старик, и вдовица.
От него и к нему то-и-знай по утрам
Все курьеры с бумагами скачут.
Возвращаясь, иной напевает "трам-трам",
А иные просители плачут.
Раз я видел сюда мужики подошли,
Деревенские русские люди,
Помолились на церковь и стали вдали,
Свесив русые головы к груди;
Показался швейцар.
"Допусти",- говорят
С выраженьем надежды и муки.

Он гостей оглядел: некрасивы на вид!
Загорелые лица и руки,
Армячишка худой на плечах,
По котомке на спинах согнутых,
Крест на шее и кровь на ногах,
В самодельные лапти обутых
(Знать брели-то долгонько они
Из каких-нибудь дальних губерний).
Кто-то крикнул швейцару: "Гони!
Наш не любит оборванной черни!"
И захлопнулась дверь. Постояв,
Развязали кошли пилигримы,
Но швейцар не пустил, скудной
лепты не взял,
И пошли они, солнцем палимы,
Повторяя: суди его бог!
Разводя безнадежно руками,
И покуда я видеть их мог,
С непокрытыми шли головами...

А владелец роскошных палат
Еще сном был глубоким объят...
Ты, считающий жизнью завидною
Упоение лестью бесстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись! Есть еще наслаждение:
Вороти их! в тебе их спасение!
На счастливые глухи к добру...

Не страшат тебя громы небесные,
А земные ты держишь в руках,
И несут эти люди безвестные
Неисходное горе в сердцах.

Что тебе эта скорбь вопиющая,
Что тебе этот бедный народ?
Вечным праздником быстро бегущая
Жизнь очнуться тебе не дает.

И к чему ? Шелкоперов забавою
Ты народное благо зовешь;
Без него проживешь ты со славою,
И со славой умрешь!
Безмятежней аркадской идиллии
Закатятся преклонные дни:
Под пленительным небом Сицилии,
В благовонной древесной тени,
Созерцая, как солнце пурпурное
Погружается в море лазурное,
Полосами его золотя, -
Убаюканный ласковым пением
Средиземной волны , - как дитя
Ты уснешь, окружен попечением
Дорогой и любимой семьи
(Ждущей смерти твоей с нетерпением);
Привезут к нам останки твои,
Чтоб почить похоронною тризною,
И сойдешь ты в могилу... герой,
Втихомолку проклятый отчизною,
Возвеличенный громкой хвалой!..

Впрочем, что ж мы такую особу
Беспокоим для мелких людей?
Не на них ли нам выместить злобу? -
Безопасней... Еще веселей
В чем-нибудь приискать утешенье...
Не беда, что потерпит мужик:
Так ведущее нас провиденье
Указало... да он же привык!
За заставой,в харчевне убогой
Все пропьют бедняки до рубля
И пойдут, побираясь дорогой,
И застонут... Родная земля!
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,

Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках, на железной цепи;
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат.
Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется -
То бурлаки идут бичевой!..
Волга! Волга! Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнена наша земля.
Где народ, там и стон... Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснешься, исполненный сил,
Иль, судеб повинуясь закону,
Все, что мог, ты уже совершил,
Создал песню подобную стону
И духовно навеки почил?..

Слова

размышле́ние - mõtisklus
подъе́зд - paraadtrepp, -uks
одержи́мый книжн. - millestki haaratud, vallutatud
холо́пский перен. презр. - orjalik, orjameelne
неду́г книжн. - haigus, tõbi

заве́тный - püha, palavasti ihaldatud

осажда́ть
осади́ть + кого? что? - (ümber) piirama

убо́гий - vilets, kehv, armetu

прожектёр ирон. неодоб. - teostamatute projektide koostaja v. esitaja

огля́дывать
огляде́ть + кого? что? - silmitsema, pilguga mõõtma

чернь - pööbel

пала́ты - palee

зави́дный - kadestusväärne

лесть - meelitus

волоки́тство разг. устар. - naiste järgi jooksmine

обжо́рство разг. неодобр. - aplus; õgimine

скорбь высок. - kurbus; lein; mure

вопию́щий высок. - kisendav, karjuv

щелкопёр устар. презр. - paberimäärija

заба́ва - lõbu, ajaviide, meelelahutus

прекло́нный - kõrge (vanus)

оста́нки высок. - põrm

возвели́чивать
возвели́чить + кого? что? высок. - ülistama, kiitma

вымеща́ть
вы́местить + что? на ком? - (kellegi peale)(viha) välja valama

харче́вня устар. - trahter, kõrts

побира́ться разг. - kerjama

остро́г устар. - vangla

почива́ть
почи́ть + устар. высок. - hinge heitma, uinuma

разводи́ть
развести́ + руками - käsi lahutama

то и знай
то и де́ло - ühtelugu, alatasa

Задание I. Найдите в стихотворении контрастное описание парадного подъезда в праздничные и будние дни. Объясните значение такого контраста.

Задание 2. Найдите в следующих стихах синонимы существительные и прилагательные, выражающие тяжелое положение крестьян.

И несут эти люди безвестные
Неисходное горе в сердцах.
- Что тебе эта скорбь вопиющая?..

Задание 3. Раскройте значение подчеркнутых слов в стихах.

I. ... счастливы глухи к добру. Стонет в каждом глухом городишке...

II. Что тебе этот бедный народ? Стонет в собственном бедном домишке.

III. А в обычные дни этот пышный подъезд осаждают убогие лица...
За заставой в харчевне убогой все пропьют бедняки до рубля.

IУ. Записав свое имя и званье,
Разъезжаются гости домой...
Он (швейцар) гостей оглядел: некрасивы на взгляд!

Задание 4. Объясните следующие выражения:
Этот пышный подъезд осаждают убогие лица; ты проснешься ль, исполненный сил.

Задание 5. Выучите один отрывок наизусть и прочтите его выразительно.

Задание 6. Образуйте повелительное наклонение от данных глаголов, составьте с ними IO предложений:
записать, допустить, развязать, сойти, назвать, подумать, постоять, пробудиться, очнуться, проснуться, повиноваться, возвращаться, плакать, гнать, держать, ночевать, привыкать.

Образец: соблюдать - соблюдай - соблюдайте. Соблюдайте правила уличного движения!

А.С. Пушкин

Метель

Кони мчатся по буграм,
Топчут снег глубокий...
Вот, в сторонке божий храм
Виден одинокий.

Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Черный вран, свистя крылом,
Вьется над санями;
Вещий стон гласит печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрят в темну даль,
Воздымая гривы...

Жуковский

В конце 1811 года, в эпоху нам достопамятную, жил в своем поместье Ненарадове добрый Гаврила Гаврилович Р. Он славился во всем округе гостеприимством и радушием; соседи поминутно ездили к нему поесть, попить, поиграть по пяти копеек в бостон с его женою, а некоторые для того, чтобы поглядеть на дочку их, Марью Гавриловну, стройную, бледную и семнадцатилетнюю девицу. Она считалась богатой невестою, и многие прочили ее за себя или за сыновей.

Марья Гавриловна была воспитана на французских романах и, следственно, была влюблена. Предмет, избранный ею, был бедный армейский прапорщик, находившийся в отпуску в своей деревне. Само по себе разумеется, что молодой человек пылал равною страстию и что родители его любезной, заметя их взаимную склонность, запретили дочери о нем и думать, а его принимали хуже, нежели отставного заседателя.

Наши любовники были в переписке и всякий день видались наедине в сосновой роще или у старой часовни. Там они клялись

друг другу в вечной любви, сетовали на судьбу и делали различные предложения. Переписываясь и разговаривая таким образом, они (что весьма естественно) дошли до следующего рассуждения: если мы друг без друга дышать не можем, а воля жестоких родителей препятствует нашему благополучию, то нельзя ли нам обойтись без нее? Разумеется, что эта счастливая мысль пришла сперва в голову молодому человеку и что она весьма понравилась романтическому воображению Марьи Гавриловны.

Наступила зима и прекратила их свидания; но переписка сделалась тем живее. Владимир Николаевич в каждом письме умолял ее предаться ему, венчаться тайно, скрываться несколько времени, броситься потом к ногам родителей, которые, конечно, будут тронуты наконец героическим постоянством и несчастием любовников и скажут им непременно: Дети! придите в наши объятия.

Марья Гавриловна долго колебалась; множество планов побега было отвергнуто. Наконец она согласилась: в назначенный день она должна была не ужинать и удалиться в свою комнату под предлогом головной боли. Девушка ее была в заговоре; обе они должны были выйти в сад через заднее крыльцо, за садом найти готовые сани, садиться в них и ехать за пять верст от Ненарадово в село Жадрино, прямо в церковь, где уж Владимир должен был их ожидать.

Накануне решительного дня Марья Гавриловна не спала всю ночь; она укладывалась, увязывала белье и платье, написала длинное письмо к одной чувствительной барышне, ее подруге, другое к своим родителям. Она прощалась с ними в самых трогательных выражениях, извиняла свой поступок неодолимою силою страсти и оканчивала тем, что блаженнейшею минутою жизни почтет она ту, когда позволено будет ей броситься к ногам дражайших ее родителей. Запечатав оба письма тульской печаткой, на которой изображены были два пылающие сердца с приличной надписью, она бросилась на постель перед самым рассветом и задремала, но и тут ужасные мечтания поминутно ее пробуждали. То казалось ей, что в самую минуту, как она садилась в сани, чтоб ехать венчаться, отец ее останавливал ее,

с мучительной быстротою тащил ее по снегу и бросал в темное, бездонное подземелье... и она летела стремглав с неизъяснимым замиранием сердца; то видела она Владимира, лежащего на траве, бледного, окровавленного. Он, умирая, молил ее пронзительным голосом поспешить с ним обвенчаться... Другие безобразные, бессмысленные видения неслись перед нею одно за другим. Наконец она встала, бледнее обыкновенного и с непритворной головною болью. Отец и мать заметили ее беспокойство; их нежная заботливость и беспрестанные вопросы: что с тобой, Маша? не больна ли ты, Маша? раздирали ее сердце. Она старалась их успокоить, казаться веселою и не могла. Наступил вечер. Мысль, что уже в последний раз провожает она день посреди своего семейства, стесняла ее сердце. Она была чуть жива; она втайне прощалась со всеми особами, со всеми предметами, ее окружавшими. Подали ужинать; сердце ее сильно забилось. Дрожащим голосом объявила она, что ей ужинать не хочется, и стала прощаться с отцом и матерью. Они ее поцеловали и, по обыкновению, благословили: она чуть не заплакала. Пришед в свою комнату, она кинулась в кресло и залилась слезами. Девушка уговаривала ее успокоиться и ободриться. Все было готово. Через полчаса Маша должна была навсегда оставить родительский дом, свою комнату, тихую девическую жизнь... На дворе была метель; ветер выл, ставни тряслись и стучали; все казалось ей угрозой и печальным предзнаменованием. Скоро в доме все утихло и заснуло. Маша окуталась шалью, надела теплый капот, взяла в руки шкатулку свою и вышла на заднее крыльцо. Служанка несла за нею два узла. Метель не утихала; ветер дул навстречу, как будто силясь остановить молодую преступницу. Они насилу дошли до конца сада. На дороге сани дожидались их. Лошади, прозябнув, не стояли на месте; кучер Владимира расхаживал перед оглоблями, удерживая ретивых. Он помог барышне и ее девушке усесться и уложить узлы и шкатулку, взял вожжи, и лошади полетели. Поручив барышню попечению судьбы и искусству Терешки-кучера, обратимся к молодому нашему любовнику.

Целый день Владимир был в разъезде. Утром был он у жадринского священника; насилу с ним уговорился; потом поехал ис-

кать свидетелей между соседними помещиками. Первый, к кому явился он, отставной сорокалетний корнет Дравин, согласился с охотою. Это приключение, уверял он, напоминало прежнее время и гусарские проказы. Он уговорил Владимира остаться у него отобедать и уверил его, что за другими свидетелями дело не станет. В самом деле, тотчас после обеда явились землемер Шмит в усах и шпорах, и сын капитан-исправника, мальчик лет шестнадцати, недавно поступивший в уланы. Они не только приняли предложение Владимира, но даже клялись ему в готовности жертвовать для него жизнью. Владимир обнял их с восторгом и поехал домой приготовляться.

Уже давно смерклось. Он отправил своего надежного Терешку в Ненарадово с своею тройкою и с подробным, обстоятельным наказом, а для себя велел заложить маленькие сани в одну лошадь, и один, без кучера, отправился в Жадрино, куда часа через два должна была приехать и Мария Гавриловна. Дорога была ему знакома, а езды всего двадцать минут.

Но едва Владимир выехал за околицу в поле, как поднялся ветер и сделалась такая метель, что он ничего не взвидел. В одну минуту дорогу занесло; окрестность исчезла во мгле мутной и желтоватой, сквозь которую летели белые хлопья снегу; небо слилось с землею. Владимир очутился в поле и напрасно хотел снова попасть на дорогу; лошадь ступала наудачу и поминутно то въезжала на сугроб, то проваливалась в яму; сани поминутно опрокидывались. Владимир старался только не потерять настоящего направления. Но ему казалось, что уже прошло более получаса, а он не доезжал еще до жадринской рощи. Прошло еще около десяти минут; рощи все было не видать. Владимир ехал полем, пересеченным глубокими оврагами. Метель не утихала, небо не прояснялось. Лошадь начинала уставать, а с него пот катился градом, несмотря на то, что он поминутно был по пояс в снегу.

Наконец он увидел, что едет не в ту сторону. Владимир остановился:начал думать, припоминать, соображать и уверился, что должно было взять ему вправо. Он поехал вправо. Лошадь его чуть ступала. Уже более часа был он в дороге. Жадрино

должно было быть недалеко. Но он ехал, ехал, а полю не было конца. Все сугробы да овраги; поминутно сани опрокидывались, поминутно он их поднимал. Время шло; Владимир начинал сильно беспокоиться.

Наконец в сторон что-то стало чернеть. Владимир поворотил туда. Приближаясь, увидел он рощу. Слава богу, подумал он, теперь близко. Он поехал около рощи, надеясь тотчас попасть на знакомую дорогу или объехать рощу кругом: Жадрино находилось тотчас за нею. Скоро нашел он дорогу и въехал во мрак дерев, обнаженных зимою. Ветер не мог тут свирепствовать; дорога была гладкая; лошадь ободрилась,и Владимир успокоился.

Но он ехал, ехал, а Жадрина было не видать; роще не было конца. Владимир с ужасом увидел, что он заехал в незнакомый лес. Отчаяние овладело им. Он ударил по лошади; бедное животное пошло было рысью, но скоро стало приставать и через четверть часа пошло шагом, несмотря на все усилия несчастного Владимира.

Мало-помалу деревья начали редеть, и Владимир выехал из лесу; Жадрина было не видать. Должно было быть около полуночи. Слезы брызнули из его глаз; он поехал наудачу. Погода утихла, тучи расходились, перед ним лежала равнина, устланная белым волнистым ковром. Ночь была довольно ясна. Он увидел невдалеке деревушку, состоящую из четырех или пяти дворов Владимир поехал к ней. У первой избушки он выпрыгнул из саней, подбежал к окну и стал стучаться. Через несколько минут деревянный ставень поднялся, и старик высунул свою седую бороду. "Что те надо?" - "Далеко ли Жадрино?" - "Жадрино-то далеко ли?" - "Да, да! Далеко ли?" - "Недалече; верст десяток будет". - При сем ответе Владимир схватил себя за волосы и остался недвижим, как человек, приговоренный к смерти.

" А отколе ты?" - продолжал старик. Владимир не имел духа отвечать на вопросы. "Можешь ли ты, старик, - сказал он, - достать мне лошадей до Жадрина?" - "Каки у нас лошади", - отвечал мужик. - "Да не могу ли взять хоть проводника? Я заплачу, сколько ему будет угодно". - "Постой, - сказал старик,

опуская ставень, - я те сына вышлю; он те проводит". - Владимир стал дожидаться. Не прошло минуты, он опять стал стучаться. Ставень поднялся, борода показалась. "Что те надо?" - "Что ж твой сын?" - "Сейчас выдет, обувается. Али ты прозяб? взойди погреться". - "Благодарю, высылай скорее сына".

Ворота заскрипели; парень вышел с дубиною и пошел вперед, то указывая, то отыскивая дорогу, занесенную снеговыми сугробами. "Который час?" - спросил его Владимир. "Да уж скоро рассветет", - отвечал молодой мужик. Владимир не говорил уже ни слова.

Пели петухи и было уже светло, как достигли они Жадрина. Церковь была заперта. Владимир заплатил проводнику и поехал на двор к священнику. На дворе тройки его не было. Какое известие ожидало его!

Но возвратимся к добрым ненарадовским помещикам и посмотрим что-то у них делается.

А ничего.

Старики проснулись и вышли в гостиную, Гаврила Гаврилович в колпаке и байковой куртке, Прасковья Петровна в шлафроке на вате. Подали самовар, и Гаврила Гаврилович послал девчонку узнать от Марьи Гавриловны, каково ее здоровье и как она почивала. Девчонка воротилась, объявляя, что барышня почивала-де дурно, но что ей-де теперь легче, и что она-де сейчас придет в гостиную. В самом деле, дверь отворилась, и Марья Гавриловна подошла здороваться с папенькой и с маменькой.

"Что твоя голова, Маша?" - спросил Гаврила Гаврилович. "Лучше, папенька", - отвечала Маша. "Ты, верно, Маша, вчерась угорела", - сказала Прасковья Петровна. "Может быть, маменька", - отвечала Маша.

День прошел благополучно, но в ночь Маша занемогла. Послали в город за лекарем. Он приехал вечером и нашел больную в бреду. Открылась сильная горячка, и бедная больная две недели находилась у края гроба.

Никто в доме не знал о предположенном побеге. Письма, накануне ею написанные, были сожжены; ее горничная никому ни

о чем не говорила, опасаясь гнева господ. Священник, отставной корнет, усатый землемер и маленький улан были скромны, и не даром. Терешка-кучер никогда ничего лишнего не высказывал, даже и во хмелю. Таким образом, тайна была сохранена более чем полудюжиною заговорщиков. Но Марья Гавриловна сама, в бесперестанном бреду, высказывала свою тайну. Однако ж ее слова были столь несообразны ни с чем, что мать, не отходившая от ее постели, могла понять из них только то, что дочь ее была смертельно влюблена во Владимира Николаевича и что, вероятно, любовь была причиною ее болезни. Она советовалась со своим мужем, с некоторыми соседями, и наконец единогласно все решили, что видно, такова была судьба Марьи Гавриловны, что суженого конем не объедешь, что бедность не порок, что жить не с богатством, а с человеком, и тому подобное. Нравственные поговорки бывают удивительно полезны в тех случаях, когда мы от себя мало что можем выдумать себе в оправдание.

Между тем барышня стала выздоравливать. Владимира давно не видно было в доме Гаврилы Гавриловича. Положили послать за ним и объявить ему неожиданное счастье: согласие на брак. Но каково было изумление ненарадовских помещиков, когда в ответ на их приглашение получили они от него полусумасшедшее письмо! Он объявлял им, что нога его не будет никогда в их доме, и просил забыть о несчастном, для которого смерть остается единою надеждою. Через несколько дней узнали они, что Владимир уехал в армию. Это было в 1812 году.

Долго не смели объявить об этом выздоравливающей Маше. Она никогда не упоминала о Владимире. Несколько месяцев уже спустя, нашед имя его в числе отличившихся и тяжело раненных под Бородиным, она упала в обморок, и боялись, чтоб горячка ее не возвратилась. Однако, слава богу, обморок не имел последствия.

Другая печаль ее посетила: Гаврила Гаврилович скончался, оставя ее наследницей всего имения. Но наследство не утешало ее; она разделяла искренно горесть бедной Прасковьи Петровны, клялась никогда с нею не расставаться; обе они оста-

вили Ненанародово, место печальных воспоминаний, поехали жить в ***ское поместье.

Женихи кружились и тут около милой и богатой невесты; но она никому не подавала и малейшей надежды. Мать иногда уговаривала ее выбрать себе друга; Марья Гавриловна качала головой и задумывалась. Владимир уже не существовал: он умер в Москве, накануне вступления французов. Память его казалась священною для Маши; по крайней мере она берегла все, что могло его напомнить: книги, им некогда прочитанные, его рисунки, ноты и стихи, им переписанные для нее. Соседи, узнав обо всем, дивились ее постоянству и с любопытством ожидали героя, долженствовавшего наконец восторжествовать над печальной верностию этой девственной Артемизы.

Между тем война со славою была кончена. Полки наши возвращались из-за границы. Народ бежал им навстречу. Музыка играла завоеванные песни: тирольские вальсы и арии из Жоконда. Офицеры, ушедшие в поход почти отроками, возвращались, возмужав на бранном воздухе, обвешанные крестами. Солдаты весело разговаривали между собою, вмешивая поминутно в речь немецкие и французские слова. Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове отечество! как сладки были слезы свидания! С каким единодушием мы соединяли чувства народной гордости и любви к государю! А для него какая была минута!

Женщины, русские женщины, были тогда бесподобны. Обыкновенная холодность их исчезла. Восторг их был истинно упоителен, когда встречая победителей, кричали они: ура!

И в воздух чепчики бросали.

Кто из тогдашних офицеров не сознается, что русской женщине обязан он был лучшей, драгоценнейшей наградой?..

В это блистательное время Марья Гавриловна жила с матерью в ***губернии и не видела, как обе столицы праздновали возвращение войск. Но в уездах и деревнях общий восторг, может быть, был еще сильнее. Появление в сих местах офицера было для него настоящим торжеством, и любовнику во фраке плохо было в его соседстве.

Мы уже сказали, что,несмотря на ее холодность, Марья Гавриловна все по-прежнему окружена была искателями. Но все должны были отступить, когда явился в ее замке раненый гусарский полковник Бурмин, с Георгием в петлице и с интересной бледностью, как говорили тамошние барышни. Ему было около двадцати шести лет. Он приехал в отпуск в свои поместья, находившиеся по соседству деревни Марьи Гавриловны. Марья Гавриловна очень его отличала. При нем обыкновенно задумчивость ее оживлялась. Нельзя было сказать,что она с ним кокетничала; но поэт, заметя ее поведение, сказал бы:

Если это не любовь, так что же это?..

Бурмин был в самом деле очень милый молодой человек. Он имел именно тот ум, который нравится женщинам: ум приличия и наблюдения, безо всяких притязаний и беспечно насмешливый. Поведение его с Марьей Гавриловной было просто и свободно; но что б она ни сказала или ни сделала, душа и взоры его так за нею и следовали. Он казался нраза тихого и скромного, но молва уверяла, что некогда был он ужасной повесою, и это не вредило ему во мнении Марьи Гавриловны, которая (как и все молодые дамы вообще) с удовольствием извиняли шалости, обнаруживающие смелость и пылкость характера.

Но более всего... (более его нежности, более приятного разговора, более интересной бледности, более перевязанной руки) молчание молодого гусара более всего подстрекало любопытство и воображение. Она не могла не сознаваться в том, что она ему нравилась; вероятно и он, с своим умом и опытностью, мог уже заметить, что она отличала его: каким же образом до сих пор не видала она его у своих ног и еще не слыхала его признания? Что удерживало его? робость, неразлучная с истинной любовию, гордость или кокетство хитрого волокиты? Это было для нее загадкою. Подумав хорошенько, она решила, что робость была единственной причиною,и положила ободрить его большею внимательностию и, смотря по обстоятельствам, даже нежностию. Она приуготовляла развязку самую неожиданную и с нетерпением ожидала минуты романтического объяснения. Тайна, какого роду ни была бы, всегда тягостна женскому сердцу. Ее военные действия имели

желаемый успех: по крайней мере, Бурмин впал в задумчивость, и черные глаза его с таким огнем останавливались на Марье Гавриловне, что решительная минута, казалось, уже близка. Соседи говорили о свадьбе, как о деле уже конченном, а добрая Прасковья Петровна радовалась, что дочь ее наконец нашла себе достойного жениха.

Старушка сидела однажды одна в гостиной, раскладывала гран-пасьянс, как Бурмин вошел в комнату и тотчас осведомился о Марье Гавриловне. "Она в саду, - отвечала старушка, - подите к ней, а я вас буду здесь ожидать". - Бурмин пошел, а старушка перекрестилась и подумала: "авось дело сегодня же кончится!"

Бурмин нашел Марью Гавриловну у пруда, под ивою, с книгою в руках, и в белом платье, настоящей героинею романа. После первых вопросов, Марья Гавриловна нарочно перестала поддерживать разговор, усиливая таким образом взаимное замешательство, от которого можно было избавиться разве только незапным и решительным объяснением. Так и случилось: Бурмин, чувствуя затруднительность своего положения, объявил, что искал давно случая открыть ей свое сердце, и потребовал минуты внимания. Марья Гавриловна закрыла книгу и потупила глаза в знак согласия.

"Я вас люблю, - сказал Бурмин, - я вас люблю страстно..." (Марья Гавриловна покраснела и наклонила голову еще ниже.) Я поступил неосторожно, передаваясь милой привычке, привычке видеть и слышать вас ежедневно... Теперь уже поздно противиться судьбе моей; воспоминание об вас, ваш милый, несравненный образ отныне будет мучением и отрадою жизни моей; но мне еще остается исполнить тяжелую обязанность, открыть вам ужасную тайну и положить между нами непреодолимую преграду..." - "Она всегда существовала, - прервала с живостью Марья Гавриловна, - я никогда не могла быть вашею женою..."-"Знаю, - отвечал он ей тихо, - знаю, что некогда вы любили, но смерть и три года сетований... Добрая, милая Марья Гавриловна! не старайтесь лишить меня последнего утешения: мысль, что вы бы согласились сделать мое счастье, если бы... молчите, ради бога, молчите.

Вы терзаете меня. Да, я знаю, я чувствую, что вы были бы моею, но - я несчастнейшее создание ... я женат!"

Марья Гавриловна взглянула на него с удивлением.

- Я женат, - продолжал Бурмин, - я женат уже четвертый год и не знаю, кто моя жена, и где она, и должен ли свидеться с нею когда-нибудь!

- Что вы говорите? - воскликнула Марья Гавриловна; - как это странно! Продолжайте; я расскажу после... но продолжайте, сделайте милость.

- В начале 1812 года, - сказал Бурмин, - я спешил в Вильну, где находился наш полк. Приехав однажды на станцию поздно вечером, я велел было поскорей закладывать лошадей, как вдруг поднялась ужасная метель, и смотритель и ямщик советовали мне переждать. Я их послушался, но непонятное беспокойство овладело мною; казалось, кто-то меня так и толкал. Между тем метель не унималась; я не вытерпел, приказал опять закладывать и поехал в самую бурю. Ямщику вздумалось ехать рекою, что должно было сократить нам путь тремя верстами. Берега были занесены; ямщик проехал мимо того места, где выезжали на дорогу, и, таким образом, очутились мы в незнакомой стороне. Буря не утихала; я увидел огонек и велел ехать туда. Мы приехали в деревню; в деревянной церкви был огонь. Церьков была отворена, за оградой стояло несколько саней; по паперти ходили люди. "Сюда! сюда!" - закричало несколько голосов. Я велел ямщику подъехать. "Помилуй, где ты замешкался? - сказал мне кто-то; - невеста в обмороке; поп не знает, что делать; мы готовы были ехать назад. Выходи же скорее". - Я молча выпрыгнул из саней и вошел в церковь, слабо освещенную двумя или тремя свечами. Девушка сидела на лавочке в темном углу церкви; другая терла ей виски. "Слава богу, - сказала эта, - насилу вы приехали. Чуть было вы барышню не уморили". Старый священник подошел ко мне с вопросом: "Прикажете начинать?" - "Начинайте, начинайте, батюшка", - отвечал я рассеянно. Девушку подняли. Она показалась мне недурна... Непонятная, непростительная ветреность... я стал подле нее перед налоем; священник торопился; трое мужчин и горничная поддерживали невесту и заняты были только ею. Нас

обвенчали. "Поцелуйтесь", - сказали нам. Жена моя обратила ко мне бледное лицо. Я хотел было ее поцеловать... Она вскрикнула: "Ай, не он! не он!" - и упала без памяти. Свидетели устремили на меня испуганные глаза. Я повернулся, вышел из церкви безо всякого препятствия, бросился в кибитку и закричал: пошел!

- Боже мой! - закричала Марья Гавриловна; - и вы не знаете, что сделалось с бедною вашею женою?

- Не знаю, - отвечал Бурмин, - не знаю, как зовут деревню, где я венчался; не помню, с которой станции поехал. В то время я так мало полагал важности в преступной моей проказе, что, отъехав от церкви, заснул и проснулся на другой день поутру, на третьей уже станции. Слуга, бывший тогда со мною, умер в походе, так что я не имею и надежды отыскать ту, над которой подшутил я так жестоко и которая теперь так жестоко отомщена.

- Боже мой, боже мой! - сказала Марья Гавриловна, схватив ее руку; - так это были вы! И вы не узнаете меня?..

Бурмин побледнел... и бросился к ее ногам...

Слова

буго́р	- küngas; mäekink
топта́ть (снег)	- tallama
клок	- кусо́к
вран устар. (во́рон)	- kaaren, ronk
ве́щий высок.	- ennustav, prohvetlik
гласи́ть устар. поэт.	- kuulutama
гри́ва	- lakk
достопа́мятный	- mälestusväärne
поме́стье	- mõis
се́товать посе́товать+ книжн.	- kurtma; kaebama
предположе́ние	- kavatsus, plaan
во́ля	- tahe
препя́тствовать кому? чему?	- takistama

благополу́чие - heaolu, hüvang

предава́ться
переда́ться + кому? чему? - end kellegi hoolde andma v. usaldama

венча́ться
обвенча́ться + - end laulatada laskma

постоя́нство - kindlameelsus, püsivus

побе́г - põgenemine

под предло́гом - ettekäändel

тро́гательный - liigutav

неодоли́мый высок. (непреодоли́мый) - võitmatu,ületamatu

пробужда́ть
пробуди́ть + кого? что? высок. - äratama

непритво́рный - teesklematu

мете́ль - tuisk

предзнаменова́ние книжн. - enne

рети́вый (конь) - горячий

уговарива́ться
уговори́ться + с кем? - kokku rääkima, kokku leppima

мгла - hämarus, somp; pimedus

опроки́дываться
опроки́нуться + - ümber minema

пересечённый - lõhestatud, läbi lõigatud

овра́г - jäärak

ободря́ться
ободри́ться + - julgust saama, reipamaks muutuma

рысью - traavi, traavides

угора́ть
угоре́ть + - vingumürgistust saama

занемо́чь разг. - заболеть

гроб - puusärk, kirst

су́женый-в наро́дной поэзии - жених

оправда́ние - õigestumine

брак - abielu

о́бморок - minestus

похо́д - sõjaretk, lahingurünnak

возмужа́ть - mehistuma

бра́нный устар. поэт. и высок. - sõja-, lahingu-

отлича́ть
отличи́ть+ кого? - erilist tähelepanu osutama

притяза́ние книжн. - претензия

беспе́чный - беззаботный

повéса разг. неодобр. - tuulepea

пы́лкость - tulisus, ägedus, kirglikkus

призна́ние - объяснение в любви

волоки́та - naastevõrgutaja, seelikukütt

развя́зка - lahendus, lõpp

осведомля́ться о ком? о чём? - järele pärima
осве́домиться+

и́ва - paja

замеша́тельство - hämmaldus, segadus

потупля́ть - опускать
потупи́ть + глаза - опустить + глаза

заме́шкаться разг. - kauaks jääma

ве́треность перен. - kergemeelsus

мстить
отомсти́ть+ кому? - kätte maksma

прока́за - шалость

жесто́кий - julm

сла́виться гостеприи́мством и раду́шием - külalislahkuse ja südamlikkuse poolest kuulus olema

взаи́мная скло́нность - vastastikune sümpaatia

быть в за́говоре - vandenõus olema

заливáться
зали́ться + слезáми, смехом - nutma puhkema; pisaraidvalama; laginal naerma (hakkama v. puhkema)

быть в разъе́зде - sõidus olema

соглаша́ться
согласи́ться+ с охо́тою - meelsasti, hea meelega nõustuma

закла́дывать
заложи́ть + сани - hobuseid saani ette rakendama

пот кати́тся гра́дом - higi voolab ojana

несообра́зный ни с чем - absurdne

Задание I. Расположите в возрастающем порядке следующие синонимы:

I. холм, бугор, горка, пригорок, возвышенность;

2. восторг, воодушевление, энтузиазм, увлечение, подъем.

Задание 2. Расположите в убывающем порядке синонимы:

I. метель, буран, пурга, вьюга, метелица;

I. свидетель, созерцатель, зритель, наблюдатель;

3. похвала, одобрение.

Задание 3. Передайте содержание повести по следующему плану.

I. Семейство Гаврилы Гавриловича.
2. Жизнь в поместье Гаврилы Гавриловича.
3. Армейский прапорщик Владимир.
4. Побег влюбленных.
5. Болезнь Марьи Гавриловны.
6. Судьба Владимира.
7. Печальное событие в семье Марьи Гавриловны.
8. Отношение Марьи Гавриловны к женихам.
9. Полковник Бурмин.

Задание 4. Замените синонимами подчеркнутые слова, используйте данные словосочетания в предложениях:
беспрестанные вопросы, начинать беспокоиться, увидеть невдалеке, быть смертельно влюбленным, сетовать на судьбу, терзать молчанием, упасть без памяти, потупить глаза, печальное воспоминание, изумлению нет конца.

Задание 5. Сделайте синтаксический разбор предложений.
Ночь была довольно ясна. У первой избушки он (Владимир) выпрыгнул из саней, подбежал к окну и стал стучаться.

Задание 6. Составьте рассказ, используя следующие словосочетания, и озаглавьте его: снежная зима, высокие пышные сугробы, иней посеребрил, сильный мороз; реки скованы льдом, замерзли; морозная тишина, погода резко изменилась, пасмурно, пронизывающий ветер, стало ветрено, повалил снег, закружились снежные хлопья, поднялась метель, снегом замело дороги, кругом бело, легко сбиться с дороги, замерзнуть, отморозить нос и щеки.

Задание 7. Составьте цитатную характеристику главных действующих лиц повести "Метель".

Задание 8. Составьте предложения, используя данные словосочетания:
пот катится градом, не потерять правильного направления, под предлогом болезни, соглашаться охотно, находиться в переписке, быть в заговоре, заливаться слезами, славиться гостеприимством.

Задание 9. Найдите синонимы к следующим глаголам и составьте с ними предложения:
колебаться, противиться, дивиться, униматься, замешкаться, умолять, терзать, занемогать, восторжествовать.

А.С. Пушкин

Евгений Онегин

О, не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана!

Жуковский

I

В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе,
Зимы ждала, ждала природа.
Снег выпал только в январе
На третье в ночь. Проснувшись рано,
В окно увидела Татьяна
Поутру побелевший двор,
Куртины, кровли и забор,
На стеклах легкие узоры,
Деревья в зимнем серебре,
Сорок веселых на дворе
И мягко устланные горы

Зимы блистательным ковром.
Все ярко, все бело кругом.

II

Зима!.. Крестьянин торжествуя
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка,снег почуя,
Плетется рысью как-нибудь;
Бразды пушистые взрывая
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке,
В тулупе, в красном кушачке.
Вот бегает дворовый мальчик,
В салазки Жучку посадив,
Себя в коня преобразив;
Шалун уж заморозил пальчик:
Ему и больно и смешно,
А мать грозит ему в окно...

III

Но, может быть, такого рода
Картины вас не привлекут;
Все это низкая природа;
Изящного не много тут.
Согретый вдохновенья богом,
Другой поэт раскошным слогом
Живописал нам первый снег
И все оттенки зимних нег.
Он вас пленит, я в том уверен,
Рисуя в пламенных стихах
Прогулки тайные в санях;
Но я бороться не намерен
Ни с ним покамест, ни с тобой,
Певец Финлянки молодой!

IУ

Татьяна (русская душою,
Сама не зная,почему)
С ее холодною красою
Любила русскую зиму,
На солнце иней в день морозный,
И сани, и зарю поздней
Сиянье розовых снегов,
И мглу крещенских вечеров.
По старине торжествовали
В их доме эти вечера:
Служанки со всего двора
Про барышен своих гадали
И им сулили каждый год
Мужьев военных и поход.

У

Татьяна верила преданьям
Простонародной старины,
И снам, и карточным гаданьям,
И предсказаниям луны.
Ее тревожили приметы;
Таинственно ей все предметы
Провозглашали что-нибудь,
Предчувствия теснили грудь.
Жеманный кот, на печке сидя,
Мурлыча, лапкой рыльце мыл:
То несомненный знак ей был,
Что едут гости. Вдруг увидя
Младой двурогий лик луны
На небе с левой стороны,

УI

Она дрожала и бледнела.
Когда ж падучая звезда
По небу тёмному летела
И рассыпалася, - тогда
В смятеньи Таня торопилась,
Пока звезда еще катилась,
Желанье сердца ей шепнуть.
Когда случалось где-нибудь
Ей встретить черного монаха,
Иль быстрый заяц меж полей
Перебегал дорогу ей, -
Не зная, что начать со страха,
Предчувствий горестных полна,
Ждала несчастья уж она.

УП

Что ж? Тайну прелесть находила
И в самом ужасе она:
Так нас природа сотворила,
К противуречию склонна.
Настали святки. То-то радость!
Гадает ветренная младость,
Которой ничего не жаль,
Перед которой жизни даль
Лежит светла, необозрима;
Гадает старость сквозь очки
У гробовой своей доски,
Все потеряв невозвратимо;
И все равно: надежда им
Лжет детским лепетом своим.

УШ

Татьяна любопытным взором
На воск потопленный глядит:
Он чудно-вылитым узором
Ей что-то чудное гласит;
Из блюда, полного водою,
Выходят кольцы чередою;
И вынулось колечко ей
Под песенку старинных дней:
"Там мужики-то все богаты:
Гребут лопатой серебро;
Кому поем, тому добро
И слава!" Но сулит утраты
Сей песни жалостный напев;
Милей кошурка сердцу дев.

IX

Морозна ночь; все небо ясно;
Светил небесных дивный хор
Течет так тихо, так согласно...
Татьяна на широкий двор
В открытом платьице выходит,
На месяц зеркало наводит;
Но в темном зеркале одна
Дрожит печальная луна...
Чу... снег хрустит... прохожий; дева
К нему на цыпочках летит,
И голосок ее звучит
Нежней свирельного напева:
Как ваше имя? Смотрит он
И отвечает: Агафон.

X

Татьяна, по совету няни,
Сбираясь ночью ворожить,
Тихонько приказала в бане
На два прибора стол накрыть;
Но стало страшно вдруг Татьяне...
И я - при мысли о Светлане
Мне стало страшно - так и быть...
С Татьяной нам не ворожить.
Татьяна поясок шелковый
Сняла, разделась и в постель
Легла. Над нею вьется Лель,
А под подушкою пуховой
Девичье зеркало лежит.
Утихло все. Татьяна спит.

XI

И снится чудный сон Татьяне.
Ей снится будто бы она
Идет по снеговой поляне,
Печальной мглой окружена;
В сугробах снежных перед нею
Шумит, клубит волной своею
Кипучий, темный и седой
Поток, не скованный зимой;
Две жердочки, склеенны льдиной,
Дрожащий гибельный мосток,
Положены через поток:
И пред шумящею пучиной,
Недоумения полна,
Остановилася она.

XII

XII

Как на досадную разлуку,
Татьяна ропщет на ручей;
Не видит никого, кто руку
С той стороны подал бы ей;
Но вдруг сугроб зашевелился,
И кто ж из-под него явился?
Большой взъерошенный медведь;
Татьяна ах! а он реветь,
И лапу с острыми когтями
Ей протянул; она скрепясь
Дрожащей ручкой оперлась
И боязливыми шагами
Перебралась через ручей;
Пошла-и что ж? медведь за ней.

XIII

Она,взглянуть назад не смея,
Поспешный ускоряет шаг;
Но от косматого лакея
Не может убежать никак;
Кряхтя, валит медведь несносный;
Пред ними лес; недвижны сосны
В своей нахмуренной красе;
Отягчены их ветви все
Клоками снега; сквозь вершины
Осин, берез и лип нагих
Сияет луч светил ночных;
Дороги нет; кусты, стремнины
Метелью все занесены,
Глубоко в снег погружены.

XIУ

Татьяна в лес; медведь за нею,
Снег рыхлый по колено ей;
То длинный сук ее за шею
Зацепит вдруг, то из ушей
Златые серьги вырвет силой;
То в хрупком снеге с ножки милой
Увязнет мокрый башмачок;
То выронит она платок;
Поднять ей некогда; боится,
Медведя слышит за собой,
И даже трепетной рукой
Одежды край поднять стыдится;
Она бежит, он все вослед:
И сил уже бежать ей нет.

XУ

Упала вс снег; медведь проворно
Ее хватает и несет;
Она бесчувственно-покорна,
Не шевельнется, не дохнет;
Он мчит ее лесной дорогой;
Вдруг меж дерев шалаш убогий;
Кругом все глушь, отвсюду он
Пустынным снегом занесен,
И ярко светится окошко,
И в шалаше и крик и шум;
Медведь промолвил: Здесь мой кум:
Погрейся у него немножко!
И в сени прямо он идет
И на порог ее кладет.

XУI

Опомнилась, глядит Татьяна:
Медведя нет; она в сенях;
За дверью крик и звон стакана,
Как на больших похоронах;
Не видя тут ни капли толку,
Глядит она тихонько в щелку;
И что же видит?.. За столом
Сидят чудовища кругом.
Один в рогах,с собачьей мордой,
Другой с петушьей головой,
Здесь ведьма с козьей бородой,
Тут остов чопорный и гордый,
Там карла с хвостиком, а вот
Полу-журавль и полукот.

XУП

Еще страшней, еще чуднее:
Вот рак верхом на пауке,
Вот череп на гусиной шее
Вертится в красном колпаке,
Вот мельница вприсядку пляшет
И крыльями трещит и машет;
Лай, хохот, пенье, свист и хлоп,
Людская молвь и конский топ.
Но что подумала Татьяна,
Когда узнала меж гостей
Того, кто мил и страшен ей, -
Героя нашего романа!
Онегин за столом сидит
И в дверь украдкою глядит.

XVIII

Он знак подаст: и все хлопочут;
Он пьет: все пьют и все кричат;
Он засмеется: все хохочут;
Нахмурит брови: все молчат;
Он там хозяин, это ясно:
И Тане уж не так ужасно,
И любопытная теперь
Немного растворила дверь...
Вдруг ветер дунул, загашая
Огонь светильников ночных;
Смутилась шайка домовых;
Онегин, взорами сверкая,
Из-за стола гремя встает;
Все встали: он к дверям идет.

XIX

И страшно ей ; и торопливо
Татьяна силится бежать:
Нельзя никак; нетерпеливо
Метаясь, хочет закричать:
Не может; дверь толкнул Евгений:
И взорам адских привидений
Явилась дева; ярый смех
Раздался дико; очи всех,
Копыты, хоботы кривые,
Хвосты хохлатые, клыки,
Усы, кровавы языки, -
Рога и пальцы костяные -
Все указует на нее,
И все кричат: Мое! мое!

XX

Мое! - сказал Евгений грозно,
И шайка вся сокрылась вдруг;
Осталася во тьме морозной
Младая дева с ним сам-друг;
Онегин тихо увлекает
Татьяну в угол и слагает
Ее на маткую скамью
И клонит голову свою
К ней на плечо; вдруг Ольга входит,
За нею Ленский; свет блеснул;
Онегин руку замахнул
И дико он очами бродит,
И незванных гостей бранит;
Татьяна чуть жива лежит.

XXI

Спор громче, громче; вдруг Евгений
Хватает длинный нож,и вмиг
Повержен Ленский; страшно тени
Сгустились; нестерпимый крик
Раздался... хижина шатнулась...
И Таня в ужасе проснулась...
Глядит, уж в комнате светло;
В окне сквозь мерзлое стекло
Зари багряный луч играет;
Дверь отворилась. Ольга к ней,
Авроры северной алей
И легче ласточки,влетает;
"Ну, - говорит: - скажи ж ты мне,
Кого ты видела во сне?"

XXII

Но та, сестры не замечая,
В постеле с книгою лежит,
За листом лист перебирая,
И ничего не говорит.
Хоть не являла книга эта
Ни сладких вымыслов поэта,
Ни мудрых истин, ни картин;
Но ни Виргилий, ни Расин ,
Ни Скотт, ни Байрон, ни Сенека,
Ни даже дамских Мод Журнал
Так никого не занимал:
То был, друзья, Мартын Задека,
Глава халдейских мудрецов,
Гадатель, толкователь снов.

XXIII

Сие глубокое творенье
Завез кочующий купец
Однажды к ним в уединенье
И для Татьяны наконец
Его с разрозненной Мальвиной
Он уступил за три с полтиной,
Впридачу взяв еще за них
Собранье басен площадных,
Грамматику, две Петриады,
Да Мармонтеля третий том.
Мартын Задека стал потом
Любимец Тани... Он отрады
Во всех печалях ей дарит
И безотлучно с нею спит.

XXIУ

Ее тревожит сновиденье.
Не зная, как его понять,
Мечтанья страшного значенья
Татьяна хочет отыскать.
Татьяна в оглавленьи кратком
Находит азбучным порядком
Слова: бор, буря, ведьма, ель,
Еж, мрак, мосток, медведь, метель
И прочая. Ее сомнений
Мартын Задека не решит;
Но сон зловещий ей сулит
Печальных много приключений.
Дней несколько она потом
Все беспокоилась о том.

XXУ

Но вот багряною рукой
Заря от утренних долин
Выводит с солнцем за собою
Веселый праздник именин.
С утра дом Лариных гостями
Весь полон; целыми семьями
Соседи съехались в возах,
В кибитках, бричках и санях.
В передней толкотня, тревога;
В гостиной встреча новых лиц,
Лай мосек, чмоканье девиц,
Шум, хохот, давка у порога,
Поклоны, шарканье гостей,
Кормилиц крик и плач детей.

XXVI

С своей супругою дородной
Приехал толстый Пустяков;
Гвоздин, хозяин превосходный,
Владелец нищих мужиков;
Скотинины, чета седая,
С детьми всех возрастов, считая
От тридцати до двух годов;
Уездный франтик Петушков;
Мой брат двоюродный, Буянов,
В пуху, в картузе с козырьком
(Как вам, конечно, он знаком),
И отставной советных Флянов,
Тяжелый сплетник, старый плут,
Обжора, взяточник и шут.

XXVII

С семьей Панфила Харликова
Приехал и мосье Трике,
Остряк, недавно из Тамбова,
В очках и рыжем парике.
Как истинный француз, в кармане
Трике привез куплет Татьяне
На голос знаемый детьми:
Reveillez vous, belle endormie[1]
Мех ветхих песен альманаха
Был напечатан сей куплет;
Трике, догадливый поэт,
Его на свет явил из праха
И смело - вместо belle Nina
Поставил belle Tatiana.

---

1) "Проснитесь, спящая красотка" - популярная французская песенка того времени.

XXVII

И вот из ближнего посада,
Созревших барышень кумир,
Уездных матушек отрада,
Приехал ротный командир;
Вошел... Ах, новость, да какая!
Музыка будет полковая!
Полковник сам ее послал.
Какая радость: будет бал!
Девчонки прыгают заране;
Но кушать подали. Четой
Идут за стол рука с рукой.
Теснятся барышни к Татьяне;
Мужчины против; и, крестясь,
Толпа жужжит, за стол садясь.

XXIX

На миг умолкли разговоры;
Уста жуют. Со всех сторон
Гремят тарелки и приборы
Да рюмок раздается звон.
Но вскоре гости понемногу
Подъемлют общую тревогу.
Никто не слушает, кричат,
Смеются, спорят и пищат.
Вдруг двери настежь. Ленский входит
И с ним Онегин. - "Ах, творец! -
Кричит хозяйка: - наконец!"
Теснятся гости, всяк отводит
Приборы, стулья поскорей;
Зовут, сажают двух друзей.

XXX

Сажают прямо против Тани,
И, утренней луны бледней
И трепетней гонимой лани,
Она темнеющих очей
Не подымает: пышет бурно
В ней страстный жар; ей душно, дурно;
Она приветствий двух друзей
Не слышит, слезы из очей
Хотят уж капать; уж готова
Бедняжка в обморок упасть;
Но воля и рассудка власть
Превозмогли. Она два слова
Сквозь зубы молвила тишком
И усидела за столом.

XXXI

Траги-нервических явлений,
Девичьих обмороков, слез
Давно терпеть не мог Евгений:
Довольно их он перенес.
Чудак, попав на пир огромный,
Уж был сердит. Но, девы томной
Заметя трепетный порыв,
С досады взоры опустив,
Надулся он и, негодуя,
Поклялся Ленского взбесить
И уж порядком отомстить.
Теперь, заране торжествуя,
Он стал чертить в душе своей
Карикатуры всех гостей.

XXXII

Конечно, не один Евгений
Смятенье Тани видеть мог;
Но целью взоров и суждений
В то время жирный был пирог
(К несчастию пересоленный);
Да вот в бутылке засмоленной,
Между жарким и бланманже,
Цымлянское несут уже;
За ним строй рюмок узких, длинных,
Подобно талии твоей,
Зизи, кристалл души моей,
Предмет стихов моих невинных,
Любви приманчивый фиал,
Ты, от кого я пьян бывал!

XXXIII

Освободясь от пробки влажной,
Бутылка хлопнула; вино
Шипит; и вот с осанкой важной,
Куплетом мучимый давно,
Трике встает, пред ним собранье
Хранит глубокое молчанье.
Татьяна чуть жива; Трике,
К ней обратясь с листком в руке,
Запел фальшивя. Плески, клики
Его приветствуют. Она
Певцу присесть принуждена;
Поэт же скромный, хоть великий,
Ее здоровье первый пьет
И ей куплет передает.

XXXIУ

Пошли приветы, поздравленья;
Татьяна всех благодарит.
Когда же дело до Евгенья
Дошло, то девы томный вид,
Ее смущение, усталость
В его душе родили жалость:
Он молча поклонился ей;
Но как-то взор его очей
Был чудно нежен. Оттого ли,
Что он и в правду тронут был,
Иль он, кокетствуя, шалил,
Невольно ль, иль из доброй воли,
Но взор сей нежность изъявил:
Он сердце Тани оживил.

XXXУ

Гремят отдвинутые стулья;
Толпа в гостиную валит:
Так пчел из лакомого улья
На ниву шумный рой летит.
Довольный праздничным обедом,
Сосед сопит перед соседом;
Подсели дамы к камельку;
Девицы шепчут в уголку;
Столы зеленые раскрыты:
Зовут задорных игроков
Бостон и ломбер стариков,
И вист доныне знаменитый,
Однообразная семья,
Все жадной скуки сыновья.

XXXVI

Ух восемь робертов сыграли
Герои виста;восемь раз
Они места переменяли;
И чай несут. Люблю я час
Определять обедом, чаем
И ужином. Мы время знаем
В деревне без больших сует:
Желудок - верный наш брегет;
И, кстати, я замечу в скобках,
Что речь веду в моих строфах
Я столь же часто о пирах,
О разных кушаньях и пробках,
Как ты, божественный Омир,
Ты, тридцати веков кумир!

XXXVII XXXVIII XXXIX

Но чай несут: девицы чинно
Едва за блюдечки взялись,
Вдруг из-за двери в зале длинной
Фагот и флейта раздались.
Обрадован музыки громом,
Оставя чашку чая с ромом,
Парис окружных городков,
Подходит к бльге Петушков,
К Татьяне Ленский; Харликову,
Невесту переспелых лет,
Берет тамбовский мой поэт,
Умчал Буянов Пустякову,
И в залу высыпали все,
И бал блестит во всей красе.

XL

В начале моего романа
(Смотрите первую тетрадь)
Хотелось вроде мне Альбана
Бал петербургский описать;
Но развлечен пустым мечтаньем,
Я занялся воспоминаньем
О ножках мне знакомых дам.
По вашим узеньким следам,
О ножки, полно заблуждаться!
С изменой юности моей
Пора мне сделаться умней,
В делах и в слоге поправляться
И эту пятую тетрадь
От отступлений очищать.

XLI

Однообразный и безумный,
Как вихорь жизни молодой,
Кружится вальса вихорь шумный;
Чета мелькает за четой.
К минуте мщенья приближаясь,
Онегин, втайне усмехаясь,
Подходит к Ольге. Быстро с ней
Вертится около гостей,
Потом на стул ее сажает,
Заводит речь о том , о сем;
Спустя минуты две потом
Вновь с нею вальс он продолжает;
Все в изумленьи. Ленский сам
Не верит собственным глазам.

XLII

Мазурка раздалась. Бывало,
Когда гремел мазурки гром,
В огромной зале все дрожало,
Паркет трещал под каблуком,
Тряслися, дребезжали рамы;
Теперь не то: и мы, как дамы,
Скользим по лаковым доскам.
Но в городах, по деревням,
Еще мазурка сохранила
Первоначальные красы:
Припрыжки, каблуки, усы
Все те же; их не изменила
Лихая мода, наш тиран,
Недуг новейших россиян.

XLIII XLIV

Буянов, братец мой задорный,
К герою нашему подвел
Татьяну с Ольгою; проворно
Онегин с Ольгою пошел;
Ведет ее, скользя небрежно,
И, наклонясь, ей шепчет нежно
Какой-то пошлый мадригал
И руку жмет - и запылал
В лице ее самолюбивом
Румянец ярче. Ленский мой
Все видел: вспыхнул сам не свой;
В негодовании ревнивом
Поэт конца мазурки ждет
И в котильон ее зовет.

Но ей нельзя. Нельзя? Но что же?
Да Ольга слово уж дала
Онегину. О боже, боже!
Что слышит он? Она могла...
Возможно ль? Чуть лишь из пеленок,
Кокетка, ветреный ребенок!
Уж хитрость ведает она,
Уж изменять научена!
Не в силах Ленский снесть удара;
Проказы женские кляня,
Выходит, требует коня
И скачет. Пистолетов пара,
Две пули - больше ничего -
Вдруг разрешат судьбу его.

Слова

куртина устар. - lillepeenar
кровля - katus
устилать
устлать + что? чем? - (üleni) katma
дровни - regi
салазки устар. - kelk
шалун - vallatu(laps); võrukael
вдохновение - inspiratsioon; innustus
нега устар. - hurm, võlu
гадать
погадать + - ennustama (kaarte panema
сулить
посулить + кому? что? - (ette)kuulutama, ennustama

провозгла́шать
провозгласи́ть + что? – (pidulikult) kuulutama
хема́нный – alp, edvistav, peenutsev
го́рестный устар. – kurb, nukker, murelik
свя́тки – jõuluaeg
необозри́мый – ääretu
утра́та – kaotus
свире́льный – vilepilli-, pajupilli-
ворожи́ть
поворожи́ть + – ennustama, nõiduma
пучи́на – veekeeris
несно́сный – väljakannatamatu, talumatu
стремни́на устар. – järsak, kuristik
увяза́ть
увя́знуть + – sisse vajuma, kinni jääma (porri, lumme)
опо́мниться – toibuma
о́стов – luukere
опо́рный – peenutsev
клык – kihv
ша́ткий – kõikuv
брани́ть кого? – tõrelema, kiruma, pragama
багря́ный книжн. (багро́вый) – purpurpunane, tumepunane
безотлу́чный – alaline, lahkumatu
бор – laas
толкотня́ – tunglemine, tõuklemine
доро́дный – tüse, lihav, täidlane, kogukas
чета́ – paar
взя́точник – altkäemaksuvõtja
лань – (ema) hirv
рассу́док – mõistus, aru
прима́нчивый устар. разг. – ahvatlev, peibutav
фиал устар. поэт. – peeker, karikas
приседа́ть
присе́сть + устар. – де́лать (сде́лать) реверанс

дребезжа́ть
задребезжа́ть+ (стёкла на о́кнах) – klirisema

хму́рить
нахму́рить+ бро́ви – kulme kortsutama

переби́рать листы́ (страни́цы) в кни́ге – läbi vaatama

наводи́ть
навести́+ на мысль – mõttele juhtima v. viima

сыр-бор загорелся отку́да или из-за чего? – (millest) asi algas v. kära tekkis

провозглаша́ть здравицу – elada lasema
провозгласи́ть+ тост – kellegi tervibeks klaasi tõstma

Задание I. Расскажите: I. Сон Татьяны. 2. Именины Татьяны. 3. Бал у Лариных.

Задание 2. Выучите наизусть I, П, IУ и IX строфы.

Задание 3. Составьте небольшой рассказ на тему "Зима", используя данные слова и словосочетания:
щедрая зима, пушистый снег, высокое чистое небо, ослепительное солнце, прозрачный воздух; покрыть снегом, серебристым инеем; кругом ярко, бело; сковать реки льдом, гладкий блестящий лед, глубокие сугробы, проваливаться в сугробы, слегка морозит, хрустит под ногами, мороз пощипывает, одеваться по зимнему, ходить на лыжах, бегать на коньках, попутный ветер.

Задание 4. Составьте предложения со следующими синонимами:
писатель, поэт, художник слова, мастер слова, певец, автор, создатель, творец.

Задание 5. Составьте предложения с синонимами-названиями процесса художественного творчества: создать, работать, писать, творить;

с синонимами-названиями результатов труда писателя: создание , творение, труд, пьеса, произведение, поэма, роман.

Задание 6. Найдите в тексте деепричастия. Определите вид, подчеркните суффиксы. Составьте с ними IO предложений, опираясь на текст.

Задание 7. Замените страдательный оборот действительным.

Дороги нет; кусты, стремнины
Метелью все занесены,
Глубоко в снег погружены.

М. Лермонтов

Мцыри

I

Немного лет тому назад,
Там, где, сливаясь, шумят,
Обнявшись,будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь. Из-за горы
И нынче видит пешеход
Столбы обрушенных ворот,
И башни, и церковный свод;
Но не курится уж под ним
Кадильниц благовонный дым,
Не слышно пенье в поздний час
Молящих иноков за нас.
Теперь один старик седой,
Развалин страж полуживой,
Людьми и смертию забыт,
Сметает пыль с могильных плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой - и о том,
Как, удручен своим венцом,
Такой-то царь, в такой-то год,
Вручал России свой народ.

И божья благодать сошла
На Грузию! Она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасаясь врагов,
За гранью дружеских стихов.

2

Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал;
Ребенка пленного он вез.
Тот занемог, не перенес
Трудов далекого пути;
Он был, казалось, лет шести;
Как серна гор, пуглив и дик
И слаб и гибок, как тростник.
Но в нем мучительный недуг
Развил тогда могучий дух
Его отцов. Без жалоб он
Томился, даже слабый стон
Из детских губ не вылетал,
Он знаком пищу отвергал,
И тихо,гордо умирал.
Из жалости один монах
Больного призрел, и в стенах
Хранительных остался он
Искусством дружеским спасен.
Но, чужд ребяческих утех,
Сначала бегал он от всех,
Бродил безмолвен, одинок,
Смотрел, вздыхая, на восток,
Томим неясною тоской
По стороне своей родной.
Но после к плену он привык,
Стал понимать чужой язык,
Был окрещен святым отцом
И, с шумным светом незнаком,
Уже хотел во цвете лет
Изречь монашеский обет,
Как вдруг однажды он исчез
Осенней ночью. Темный лес
Тянулся по горам кругом.

Три дня все поиски по нем
Напрасны были, но потом
Его в степи без чувств нашли
И вновь в обитель принесли.
Он страшно бледен был и худ
И слаб, как будто долгий труд,
Болезнь или голод испытал.
Он на допрос не отвечал
И с каждым днем приметно вял.
И близок стал его конец;
Тогда пришел к нему чернец
С увещеваньем и мольбой;
И, гордо выслушав, больной
Привстал, собрав остаток сил,
И долго так он говорил:

3

"Ты слушать исповедь мою
Сюда пришел, благодарю.
Все лучше перед кем-нибудь
Словами облегчить мне грудь;
Но людям я не делал зла,
И потому мои дела
Немного пользы вам узнать,
А душу можно ль рассказать?
Я мало жил, и жил в плену.
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.
Я знал одной лишь думы власть,
Одну - но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
От келий душных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,

Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны, как орлы.
Я эту страсть во тьме ночной
Вскормил слезами и тоской;
Ее пред небом и землей
Я ныне громко признаю
И о прощенье не молю.

4

Старик! Я слышал много раз,
Что ты меня от смерти спас -
Зачем?.. Угрюм и одинок,
Грозой оторванный листок,
Я вырос в сумрачных стенах
Душой дитя, судьбой монах.
Я никому не мог сказать
Священных слов, "отец" и "мать".
Конечно, ты хотел, старик,
Чтоб я в обители отвык
От этих сладостных имен, -
Напрасно: звук их был рожден
Со мной. Я видел у других
Отчизну, дом, друзей, родных,
А у себя не находил
Не только милых душ - могил!
Тогда пустых не тратя слез,
В душе я клятву произнес:
Хотя на миг когда-нибудь
Мою пылающую грудь
Прижать с тоской к груди другой,
Хоть незнакомой, но родной.
Увы! теперь мечтанья те
Погибли в полной красоте,
И я, как жил, в земле чужой
Умру рабом и сиротой.

5

Меня могила не страшит:
Там, говорят, страданье спит
В холодной вечной тишине;
Но с жизнью жаль расстаться мне.
Я молод, молод... Знал ли ты
Разгульной юности мечты?
Или не знал,или забыл,
Как ненавидел и любил;
Как сердце билося живей
При виде солнца и полей
С высокой башни угловой,
Где воздух свеж и где порой
В глубокой скважине стены,
Дитя неведомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидит, испуганный грозой?
Пускай теперь прекрасный свет
Тебе постыл: ты слаб, ты сед,
И от желаний ты отвык.
Что за нужда? ты жил, старик!
Тебе есть в мире, что забыть,
Ты жил, - я также мог бы жить!

6

Ты хочешь знать, что видел я
На воле? Пышные поля,
Холмы, покрытые венцом
Дерев, разросшихся кругом,
Шумящих свежею толпой,
Как братья в пляске круговой.
Я видел груды темных скал,
Когда поток их разделял,
И думы их я угадал:
Мне было свыше то дано!
Простерты в воздухе давно

Объятья каменные их,
И жаждут встречи каждый миг;
Но дни бегут, бегут года -
Им не сойтиться никогда!
Я видел горные хребты,
Причудливые,как мечты,
Когда в час утренней зари
Курились, как алтари,
Их выси в небе голубом,
И облачко, за облачком,
Покинув тайный свой ночлег,
К востоку направляло бег -
Как будто белый караван
Залетных птиц из дальних стран!
Вдали я видел сквозь туман,
В снегах, горящих как алмаз,
Седой, незыблемый Кавказ;
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мне тайный голос говорил,
Что некогда и я там жил,
И стало в памяти моей
Прошедшее ясней, ясней...

7

И вспомнил я отцовский дом,
Ущелье наше и кругом
В тени рассыпанный аул;
Мне слышался вечерний гул
Домой бегущих табунов
И дальний лай знакомых псов.
Я помнил смуглых стариков,
При свете лунных вечеров
Против отцовского крыльца
Сидевших с важностью лица;

И блеск оправленных ножон
Кинжалов длинных, и как сон
Все это смутной чередой
Вдруг пробегало предо мной.
А мой отец? Он как живой
В своей одежде боевой
Являлся мне , и помнил я
Кольчуги звон, и блеск ручья,
И гордый непреклонный взор,
И молодых моих сестер...
Лучи их сладостных очей
И звук их песен и речей
Над колыбелию моей...
В ущелье там бежал поток,
Он шумен был, но неглубок;
К нему, на золотой песок,
Играть я в полдень уходил
И взором ласточек следил,
Когда они перед дождем
Волны касалися крылом.
И вспомнил я наш мирный дом
И пред вечерним очагом
Рассказы долгие о том,
Как жили люди прежних дней,
Когда был мир еще пышней.

8

Ты хочешь знать, что видел я
На воле? Жил - и жизнь моя
Без этих трех блаженных дней
Была б печальней и мрачней
Бессильной старости твоей.
Давным-давно задумал я
Взглянуть на дальние поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы

На этот свет родимся мы.
И в час ночной, ужасный час,
Когда гроза пугала вас,
Когда, столпясь при алтаре,
Вы ниц лежали на земле,
Я убежал. О, я как брат
Обняться с бурей был бы рад!
Глазами тучи я следил,
Рукою молнию ловил...
Скажи мне, что средь этих стен
Могли бы дать вы мне взамен
Той дружбы краткой, но живой,
Меж бурным сердцем и грозой?..

9

Бежал я долго - где, куда?
Не знаю! Ни одна звезда
Не озаряла трудный путь.
Мне было весело вдохнуть
В мою измученную грудь
Ночную свежесть тех лесов,
И только! Много я часов
Бежал и наконец, устав,
Прилег между высоких трав;
Прислушался: погони нет.
Гроза утихла. Бледный свет
Тянулся длинной полосой
Меж темным небом и землей,
И различал я, как узор,
На ней зубцы далеких гор;
Недвижим, молча я лежал.
Порой в ущелии шакал
Кричал и плакал, как дитя,
И, гладкой чешуей блестя,
Змея скользила меж камней;
Но страх не сжал души моей:

Я сам, как зверь, был чужд людей
И полз и прятался как змей.

IO

Внизу глубоко подо мной
Поток усиленный грозой,
Шумел, и шум его глухой
Сердитых сотне голосов
Подобился. Хотя без слов,
Мне внятен был тот разговор,
Немолчный ропот, вечный спор
С упрямой грудою камней.
То вдруг стихал он, то сильней
Он раздавался в тишине;
И вот, в туманной вышине
Запели птички, и восток
Озолотился; ветерок
Сырые шевельнул листы;
Дохнули сонные цветы,
И, как они, навстречу дню
Я поднял голову мою...
Я осмотрелся; не таю,
Мне стало страшно; на краю
Грозящей бездны я лежал,
Где выл, крутясь, сердитый вал;
Туда вели ступени скал;
Но лишь злой дух по ним шагал,
Когда, низверженный с небес,
В подземной пропасти исчез.

II

Кругом меня цвел божий сад;
Растений радужный наряд
Хранил следы небесных слез,
И кудри виноградных лоз
Вились, красуясь меж дерев

Прозрачной зеленью листов;
И грозды полные на них,
Серег подобье дорогих,
Висели пышно,и порой
К ним птиц летал пугливый рой,
И снова я к земле припал
И снова вслушиваться стал
К волшебным,странным голосам;
Они шептались по кустам,
Как будто речь свою вели
О тайнах неба и земли;
И все природы голоса
Сливались тут; не раздался
В торжественный хваленья час
Лишь человека гордый глас.
Все, что я чувствовал тогда,
Те думы - им уж нет следа;
Но я б желал их рассказать,
Чтоб жить, хоть мысленно,опять.
В то утро был небесный свод
Так чист, что ангела полет
Прилежный взор следить бы мог;
Он так прозрачно был глубок,
Так полон ровной синевой!
Я в нем глазами и душой
Тонул, пока полдневный зной
Мои мечты не разогнал,
И жаждой я томиться стал.

I2

Тогда к потоку с высоты,
Держась за гибкие кусты,
С плиты на плиту я, как мог,
Спускаться начал.Из-под ног
Сорвавшись, камень иногда
Катился вниз - за ним бразда

Дымилась, прах вился столбом;
Гудя и прыгая, потом
Он поглощаем был волной;
И я висел над глубиной,
Но юность вольная сильна,
И смерть казалась не страшна!
Лишь только я с крутых высот
Спустился, свежесть горных вод
Повеяла навстречу мне,
И жадно я припал к волне.
Вдруг голос - легкий шум шагов...
Мгновенно скрывшись меж кустов,
Невольным трепетом объят,
Я поднял боязливый взгляд
И жадно вслушиваться стал:
И ближе, ближе все звучал
Грузинки голос молодой,
Так безыскусственно живой,
Так сладко вольный, будто он
Лишь звуки дружеских имен
Произносить был приучен.
Простая песня то была,
Но в мысль она мне залегла,
И мне, лишь сумрак настает,
Незримый дух ее поет.

I3

Держа кувшин над головой
Грузинка узкою тропой
Сходила к берегу. Порой
Она скользила меж камней,
Смеясь неловкости своей.
И беден был ее наряд;
И шла она легко, назад
Изгибы длинные чадры
Откинув. Летние жары

Покрыли тенью золотой
Лицо и грудь ее;и зной
Дышал от уст ее и щек,
И мрак очей был так глубок,
Так полон тайнами любви,
Что думы пылкие мои
Смутились. Помню только я
Кувшина звон, - когда струя
Вливалась медленно в него,
И шорох... больше ничего.
Когда же я очнулся вновь
И отлила от сердца кровь,
Она была уж далеко;
И шла,хоть тише, - но легко,
Стройна под ношею своей,
Как тополь, царь ее полей!
Недалеко,в прохладной мгле,
Казалось, приросли к скале
Две сакли дружною четой;
Над плоской кровлею одной
Дымок струился голубой.
Я вижу будто бы теперь,
Как отперлась тихонько дверь...
И затворилася опять!..
Тебе, я знаю, не понять
Мою тоску, мою печаль;
И если б мог, - мне было б жаль:
Воспоминанья тех минут
Во мне, со мной пускай умрут.

I4

Трудами ночи изнурен,
Я лег в тени. Отрадный сон
Сомкнул глаза невольно мне...
И снова видел я во сне
Грузинки образ молодой.

И странной, сладкою тоской
Опять моя заныла грудь.
Я долго силился вздохнуть -
И пробудился. Уж луна
Вверху сияла, и одна
Лишь тучка кралася за ней,
Как за добычею своей,
Объятья жадные раскрыв.
Мир темен был и молчалив;
Лишь серебристой бахромой
Вершины цепи снеговой
Вдали сверкали предо мной
Да в берега плескал поток.
В знакомой сакле огонек
То трепетал, то снова гас:
На небесах в полночный час
Так гаснет яркая звезда!
Хотелось мне... но я туда
Взойти не смел. Я цель одну -
Пройти в родимую страну -
Имел в душе и превозмог
Страданье голода, как мог.
И вот дорогою прямой
Пустился, робкий и немой.
Но скоро в глубине лесной
Из виду горы потерял
И тут с пути сбиваться стал.

I5.

Напрасно в бешенстве порой
Я рвал отчаянной рукой
Терновник, спутанный плющом.
Все лес был, вечный лес кругом,
Страшней и гуще каждый час;
И миллионом черных глаз
Смотрела ночи темнота

Сквозь ветви каждого куста...
Моя кружилась голова;
Я стал влезать на дерева;
Но даже на краю небес
Все тот же был зубчатый лес,
Тогда на землю я упал,
И в исступлении рыдал,
И грыз сырую грудь земли,
И слезы, слезы потекли
В нее горючею росой...
Но, верь мне, помощи людской
Я не желал... Я был чужой
Для них навек, как зверь степной;
И если б хоть минутный крик
Мне изменил - клянусь,старик,
Я б вырвал слабый мой язык.

I6

Ты помнишь детские года:
Слезы не знал я никогда;
Но тут я плакал без стыда.
Кто видеть мог? Лишь темный лес
Да месяц, плывший средь небес!
Озарена его лучом,
Покрыта мохом и песком,
Непроницаемой стеной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдруг по ней
Мелькнула тень, и двух огней
Промчались искры... и потом
Какой-то зверь одним прыжком
Из чащи выскочил и лег,
Играя, навзничь на песок.
То был пустыни вечный гость -
Могучий барс. Сырую кость
Он грыз и весело визжал;

То взор кровавый устремлял,
Мотая ласково хвостом,
На полный месяц , - и на нем
Шерсть отливалась серебром.
Я ждал, схватив рогатый сук,
Минуту битвы; сердце вдруг
Зажглося жаждою борьбы
И крови... да, рука судьбы
Меня вела иным путем...
Но нынче я уверен в том,
Что быть бы мог в краю отцов
Не из последних удальцов.

I7

Я ждал. И вот в тени ночной
Врага почуял он , и вой
Протяжный, жалобный как стон,
Раздался вдруг... и начал он
Сердито лапой рыть песок,
Встал на дыбы, потом прилег,
И первый бешеный скачок
Мне страшной смертию грозил...
Но я его предупредил.
Удар мой верен был и скор.
Надежный сук мой, как топор,
Широкий лоб его рассек...
Он застонал, как человек,
И опрокинулся. Но вновь,
Хотя лила из раны кровь
Густой, широкою волной,
Бой закипел, смертельный бой!

I8

Ко мне он кинулся на грудь;
Но в горло я успел воткнуть
И там два раза повернуть

Мое оружье... Он завыл,
Рванулся из последних сил,
И мы,сплетясь как пара змей,
Обнявшись крепче двух друзей,
Упали разом,и во мгле
Бой продолжался на земле.
И я был страшен в этот миг;
Как барс пустынный,зол и дик,
Я пламенел, визжал, как он;
Как будто сам я был рожден
В семействе барсов и волков
Под свежим пологом лесов.
Казалось, что слова людей
Забыл я - и в груди моей
Родился тот ужасный крик,
Как будто с детства мой язык
К иному звуку не привык...
Но враг мой стал изнемогать,
Метаться, медленней дышать,
Сдавил меня в последний раз...
Зрачки его недвижных глаз
Блеснули грозно - и потом
Закрылись тихо вечным сном;
Но с торжествующим врагом
Он встретил смерть лицом к лицу,
Как в битве следует бойцу!..

19

Ты видишь на груди моей
Следы глубокие когтей;
Еще они не заросли
И не закрылись; но земли
Сырой покров их освежит
И смерть навеки заживит.
О них тогда я позабыл,
И,вновь собрав остаток сил,

Побрел я в глубине лесной...
Но тщетно спорил я с судьбой:
Она смеялась надо мной!

20

Я вышел из лесу. И вот
Проснулся день, и хоровод
Светил напутственных исчез
В его лучах. Туманный лес
Заговорил. Вдали аул
Куриться начал. Смутный гул
В долине с ветром пробежал...
Я сел и вслушиваться стал;
Но смолк он вместе с ветерком.
И кинул взоры я кругом:
Тот край, казалось, мне знаком.
И страшно было мне, понять
Не мог я долго, что опять
Вернулся я к тюрьме моей;
Что бесполезно столько дней
Я тайный замысел ласкал,
Терпел, томился и страдал,
И все зачем?.. Чтоб в цвете лет,
Едва взглянув на божий свет,
При звучном ропоте дубрав
Блаженство вольности познав,
Унесть в могилу за собой
Тоску по родине святой,
Надежд обманутых укор
И вашей жалости позор!..
Еще в сомненье погружен,
Я думал - это страшный сон...
Вдруг дальний колокола звон
Раздался снова в тишине -
И тут все ясно стало мне...

О, я узнал его тотчас!
Он с детских глаз уже не раз
Сгонял виденья снов живых
Про милых ближних и родных,
Про волю дикую степей,
Про легких, бешеных коней,
Про битвы чудные меж скал,
Где всех один я побеждал!..
И слушал я без слез, без сил.
Казалось,звон тот выходил
Из сердца - будто кто-нибудь
Железом ударял мне в грудь.
И смутно понял я тогда,
Что мне на родину следа
Не проложить уж никогда.

21

Да, заслужил я жребий мой!
Могучий конь, в степи чужой,
Плохого сбросив седока,
На родину издалека
Найдет прямой и краткий путь...
Что я пред ним? Напрасно грудь
Полна желаньем и тоской:
То жар бессильный и пустой,
Игра мечты, болезнь ума.
На мне печать свою тюрьма
Оставила ... Таков цветок
Темничный: вырос одинок
И бледен он меж плит сырых,
И долго листьев молодых
Не распускал, все ждал лучей
Живительных. И много дней
Прошло,и добрая рука
Печалью тронулась цветка,

И был он в сад перенесен,
В соседство роз. Со всех сторон
Дышала сладость бытия...
Но что ж? Едва взошла заря,
Палящий луч ее обжег
В тюрьме воспитанный цветок...

22

И, как его, палил меня
Огонь безжалостного дня.
Напрасно прятал я в траву
Мою усталую главу:
Иссохший лист его венцом
Терновым над моим челом
Свивался, и в лицо огнем
Сама земля дышала мне.
Сверкая быстро в тишине,
Кружились искры; с белых скал
Струился пар. Мир божий спал
В оцепенении глухом
Отчаянья тяжелым сном.
Хотя бы крикнул коростель,
Иль стрекозы живая трель
Послышалась, или ручья
Ребячий лепет... Лишь змея,
Сухим бурьяном шелестя,
Сверкая желтою спиной,
Как будто надписью златой
Покрытый донизу клинок,
Бразда рассыпчатый песок,
Скользила бережно; потом,
Играя нежася на нем,
Тройным свивалася кольцом;
То, будто вдруг обожжена,
Металась, прыгала она
И в дальних пряталась кустах...

И было все на небесах
Светло и тихо. Сквозь пары
Вдали чернели две горы.
Наш монастырь из-за одной
Сверкал зубчатою стеной.
Внизу Арагва и Кура,
Обвив каймой из серебра
Подошвы свежих островов,
По корням шепчущих кустов
Бежали дружно и легко...
До них мне было далеко!
Хотел я встать - передо мной
Все закружилось с быстротой;
Хотел кричать - язык сухой
Беззвучен и недвижим был...
Я умирал. Меня томил
Предсмертный бред.
Казалось мне,
Что я лежу на влажном дне
Глубокой речки - и была
Кругом таинственная мгла.
И, жажду вечную поя,
Как лед холодная струя,
Журча,вливалася мне в грудь...
И я боялся лишь заснуть, -
Так было сладко, любо мне...
А надо мною в вышине
Волна теснилася к волне
И солнце сквозь хрусталь волны
Сияло сладостней луны...
И рыбок пестрые стада
В лучах играли иногда.
И помню я одну из них:
Она приветливей других

Ко мне ласкалась. Чешуей
Была покрыта золотой
Ее спина. Она вилась
Над головой моей не раз,
И взор ее зеленых глаз
Был грустно нежен и глубок...
И надивиться я не мог:
Ее сребристый голосок
Мне речи странные шептал,
И пел и снова замолкал.
Он говорил:
"Дитя мое,
Останься здесь со мной:
В воде привольное житье,
И холод и покой.

Я созову моих сестер:
Мы пляской круговой
Развеселим туманный взор
И дух усталый твой.

Усни, постель твоя мягка,
Прозрачен твой покров.
Пройдут года, пройдут века
Под говор чудных снов.

О милый мой! не утаю,
Что я тебя люблю,
Люблю как вольную струю,
Люблю как жизнь мою..."

И долго, долго слушал я;
И мнилось, звучная струя
Сливала тихий ропот свой
С словами рыбки золотой.
Тут я забылся. Божий свет
В глазах угас. Безумный бред
Бессилью тела уступил...

24

Так я найден и поднят был...
Ты остальное знаешь сам.
Я кончил. Верь моим словам
Или не верь, мне все равно.
Меня печалит лишь одно:
Мой труп холодный и немой
Не будет тлеть в земле родной,
И повесть горьких мук моих
Не призовет меж стен глухих
Вниманье скорбное ничье
На имя темное мое.

25

Прощай,отец... дай руку мне:
Ты чувствуешь, моя в огне...
Знай, этот пламень с юных дней,
Таяся, жил в груди моей;
Но ныне пищи нет ему,
И он прожег свою тюрьму
И возвратится вновь к тому,
Кто всем законной чередой
Дает страданье и покой...
Но что мне в том? - пускай в раю,
В святом, заоблачном краю
Мой дух найдет себе приют...
Увы! - за несколько минут
Между крутых и темных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял...

26

Когда я стану умирать,
И, верь, тебе не долго ждать,
Ты перенесть меня вели

В наш сад, в то место, где цвели
Акаций белых два куста...
Трава меж ними так густа,
И свежий воздух так душист,
И так прозрачно-золотист
Играющий на солнце лист!
Там положить вели меня.
Сияньем голубого дня
Упьюся я в последний раз.
Оттуда виден и Кавказ!
Быть может, он с своих высот
Привет прощальный мне пришлет,
Пришлет с прохладным ветерком...
И близ меня перед концом
Родной опять раздастся звук!
И стану думать я, что друг
Иль брат, склонившись надо мной,
Отер внимательной рукой
С лица кончины хладный пот
И что вполголоса поет
Он мне про милую страну...
И с этой мыслью я засну,
И никого не прокляну!"

Слова

куриться – (kergelt) suitsema
благовонный книжн. – lõhnav, aromaatne
удручённый устар. – kurnatud, vaevatud, koormatud
вручать
вручить+ перен. кому? что? – hoolde andma, usaldama (kellegi kätte)
благодать устар. – õnnistus, (taevane)arm
сёрна – kaljukits
призревать
призреть+ устар. кого? – peavarju andma, hoolitsema, hooldama

обе́т высок. - pühalik tõotus, vanne
оби́тель устар. - klooster
угрю́мый - sünge, morn, tusane
разгу́льный устар. - веселый
посты́лый прост. - vastumeelne, vastik
гру́да - virn, hunnik
простира́ть
простере́ть + что? устар. - välja sirutama; laotama
незы́блемый - vankumatu, kõikumatu
смугло́й - tõmmu
кольчу́га - raudrüü
пого́ня - tagaajamine, tagaajaja(d)
ущелье - mäekuru; kitsas mäelõhe
вня́тный - aru_saadav, selgelt kuuldav
низве́рженный книжн. - (alla) kukutatud
лоза́ - viinapuuväät
поглоща́ть
поглоти́ть + что? - neelama
трепета́ть - - дрожать
терно́вник - laukapuu
плющ - luuderohi
удале́ц - uljaspea
зрачо́к - silmatera, -ava, pupill
свети́ло - taevakehas, täht
тлеть
сотле́ть - kõdunema, lagunema
упива́ться
упи́ться + чем? перен. книжн. - joobuma (millestki)
конча́на высок. - surm
проклина́ть
прокля́сть + кого? что? за что? - needma

за гра́нью дру́жеских шты́ков - kaitsvate tääkide varjus
в цве́те лет - paremates aastates
лежа́ть ниц - kummuli lamama

сбиваться
сбиться+ с пути — teelt eksima

радужные надежды — rõõmsad, roosilised lootused

светило науки — teaduse kõrgfee

вставать
встать+ на дыбы — tagajalgadele tõusma

Задание I. Передайте устно содержание поэмы.

Задание 2. Раскройте значение данных словосочетаний и переведите их на эстонский язык:
родная земля, мои родители, мои родные, родной человек, родной брат, родная сестра, родной дом, родной город, родная деревня.

Задание 3. Определите, какое значение имеет слово жить и как оно раскрывает духовный мир Мцыри.

I. Я мало жил и жил в плену.
2. Ты хочешь знать, что делал я
На воле? Жил, и жизнь моя
Без этих трех блаженных дней
Была б печальней и мрачней
Бессильной старости твоей.
3. Знай, этот пламень с юных дней
Таился жил в груди моей;
Но ныне пищи нет ему,
И он прожег свою тюрьму...

Задание 4. Найдите метафоры, передающие восторг Мцыри, вырвавшегося на свободу.

I. Кругом меня цвел божий сад.
Растений радужный наряд
Хранил следы небесных слез,
И кудри виноградных лоз
Вились, красуясь меж дерев
Прозрачной зеленью листов.

2. Я вышел из лесу. И вот
Проснулся день, и хоровод
Светил напутственных исчез
В его лучах.

Задание 5. Какое значение имеет слово тюрьма?

1. На мне печать свою тюрьма
оставила...
2. Понять
Не мог я долго, что опять
Вернулся я к тюрьме моей...
3. Едва взошла заря,
Палящий луч ее обжег
В тюрьме воспитанный цветок
4. Давным-давно задумал я
Взглянуть на дальние поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родимся мы.

Задание 6. Найдите олицетворения и определите их значение.

1. Я вышел из лесу. И вот
Проснулся день,и хоровод
Светил напутственных исчез
В его лучах. Туманный лес
Заговорил.
2. И рыбок пестрые стада
В лучах играли иногда.
И помню я одну из них:
Она приветливей других
Ко мне ласкалась...
Ее сребристый голосок
Мне речи странные шептал
И пел, и снова замолкал.
Он говорил: "Дитя мое,

Останься здесь со мной...
Я созову моих сестер!
Мы пляской круговой
Развеселим туманный взор
И дух усталый твой..."

Задание 7. Выучите наизусть по выбору одну - две строфы из указанных в скобках (III, УI, ХХУI, ХХУ).

Задание 8. Найдите в тексте краткие прилагательные, объясните их роль в предложении.

Задание 9. Составьте предложения, используя в них краткие прилагательные.

Г.А. Гуковский

Изучение литературного произведения в школе
(Отрывок из IУ главы)

Каждое значительное произведение искусства, в том числе литературы, несет в себе некий заряд идейной энергии. Этот заряд существует для того, чтобы воздействовать на читателя, делая его другим, т.е. чтобы воспитывать читателя, его мировоззрение, мироощущение, волю, вкус и т.д. в определенном направлении. Следует подчеркнуть здесь два существенных обстоятельства.

Во-первых, в школе мы изучаем только значительные произведения, более того, по преимуществу великие произведения; это значит, что идейный заряд, заключенный в произведениях школьной программы, весьма силен и что воздействие его на сознание учащихся должно быть весьма мощным, охватывающим все основные элементы их психического бытия. Во-вторых, в школьную программу включены произведения, по большей части и по преимуществу заключающие прогрессивные идеи, произведения, стоящие в основном русле передовой русской литературы; конечно, далеко не все это - произведения революционно-демократической идей-

ной сущности; конечно, все произведения прошлого, до Горького, в меру исторического своего места, идейно не совпадают полностью с идейным содержанием сознания советского человека.

Не все они в той или иной степени отражают передовое движение своего времени. Это значит, что при всех ограничениях и поправках, вносимых нашим советским мировоззрением, мы можем считать воздействие, оказываемое программными произведениями на наших учащихся, идейно ценным, положительным. Наше дело исторически объяснить то в содержании произведения прошлого, что чуждо нашей современности. Но если мы хорошо воспитываем историческое мышление у наших ребят, они воспримут от Пушкина и Гоголя, Тургенева и Островского, Л. Толстого и Чехова, или, точнее, воспримут в процессе восприятия этих писателей, ценные, хорошие, благородные начала воззрений на мир.

И самый спор с произведениями этих писателей, спор в классе, устный или письменный, или спор-устный - с товарищами по поводу этих произведений, или глубоко интимный и невысказанный спор с автором в глубине души, или спор с ним в фантазии, когда юный читатель "продумывает" иную развязку романа и т.п. - все это есть восприятие идей книги, и, если дело идет о произведениях, изучаемых в школе, восприятие это дурному не научит (разумеется, при контроле и руководстве школы, учителя).

Значит, мы подошли к вопросу об основном звене воспитания мировоззрения на уроках литературы. Никто не собирается отрицать, что речи учителя сами по себе - и даже совсем вне произведения литературы - могут воспитывать мировоззрение. Но не об этом сейчас речь. Сейчас мы рассматриваем вопрос о воспитании мировоззрения через изучение литературного произведения.

Этот вопрос стоит так: мировоззрение воспитывают идеи; в условиях изучения литературы мы располагаем особо могучим средством воздействия идей на учащихся, ибо идеи эти предстают им не в виде абстракций науки, а в виде конкретных

образов, овладевающих их эмоцией, волей, воображением; идеи, воспитывающие учащихся, - при изучении произведения, - это прежде всего идеи самого произведения, идеи, заключенные в нем, а не присоединяемые к нему. Эти идеи мы обязаны осознать и оценить, т.е. мы обязаны направить их воздействие на ребят по нужному нам , педагогам, руслу; при этом мы можем и должны и поспорить кое с чем у автора и объяснить многое у него исторически и т.д.

Но мы не можем, не должны, не имеем права подменять собою и автора, и его произведение. Мы уясняем и оцениваем идеи произведения; но только уяснять и оценивать - наше право, а никоим образом не рождать эти идеи: они заключены в самом произведении и только там, в его ткани мы можем и должны искать их. Воспитывать мировоззрение учащихся на материале изучения произведения - это значит воспитывать с помощью идей, заключенных в этом произведении.

Не будем слишком самонадеянны: не будем сами извлекать идеи по своему образу и подобию из образов, созданных автором. Это нелепо, потому что образы эти созданы для того, чтобы воплотить идею автора, а не нашу. Поэтому навязывать образу нашу идею - это значит исказить образ, обессмыслить его, лишить его художественности. Но не надо, никоим образом не надо и отрекаться от наших идей: только не надо делать вид, что мы извлекаем их из образов, им не свойственных; а надо судить ими идеи автора, идеи произведения. Мы должны и можем сталкивать наши идеи с идеями, скажем, Льва Толстого; мы уверены, что на этой почве мы, вооруженные советским мировоззрением, побьем Толстого в споре - и поддержим его в том, в чем мы сочувствуем ему . Но не советую учителю сталкивать свои мысли с образами Толстого, вмешиваться в его работу художника: здесь Толстого не поборешь, разве сам останешься хром в этой борьбе.

Следовательно, если мы примем, что великое произведение несет в себе заряд идей, формирующих мировоззрение, волю, эмоции, все сознание читателя, и в случае согласия с этими идеями и в случае несогласия с ними - этим определится и первей-

шая основная задача учителя; она заключается в том, чтобы освободить этот заряд, чтобы заставить орудие-произведение выстрелить, и выстрелить именно туда, куда нам надо. Она заключается в том, чтобы энергия идей, заключенная в произведении, раскрылась взору и душе нашего ученика и раскрылась в том освещении, в каком нам нужно. И это довольно. Об остальном позаботится гений писателя. Не будем беспокоиться за него и не будем разжевывать того, что уже проглочено читателем. Не надо, совсем не надо опять и опять говорить о том, что Татьяна-хорошая девушка и благородная женщина. Разговоры об этом, беседы, опросы, сочинения - все это жевание может вызвать только отвращение учащихся (и вызывает). Ведь они ощутили обаяние Татьяны всем существом своим и это сделал не учитель, а Пушкин, и где же учителю вступать здесь в соревнование с Пушкиным. Неужели же учитель не понимает, как плоско, как глупо выглядят его комментарии насчет достоинств Татьяны рядом с несколькими стихами Пушкина? Неужели он не понимает, что он сам выставляет себя перед учащимися безвкусным и бесстыдным педантом, размусоливая то, что так интимно и возвышенно возникло в душе юноши или девушки под воздействием пушкинских стихов? И неужели он не понимает, что он заставляет учащихся быть такими же бесстыдными и безвкусными педантами, если он заставляет их расписывать Татьяну в своих сочинения, т.е.соревноваться своей прозой с пушкинскими стихами?

Перед нами великое произведение. В нем заключен клад, сокровище идей, идейных отражений действительности, освещенных идеей картин его. Но этот клад в значительной своей части не виден глазу учащихся, вследствие уровня их понимания, по их возрастно-культурному уровню. Наша задача научить их видеть, обучить их настоящему, полноценному, глубокому чтению. В каждом отдельном случае это значит, что мы должны открыть глазам учащихся клад идей в самом произведении, непременно в нем, а не вне его, не в наших словах по поводу произведения (если мы откроем этот клад в наших словах, то, во-первых, мы не научим учащихся открывать клад идей самим, без

нас, и, во-вторых, мы лишим этот клад его цены, ибо наши идеи - слова лишены мощи художественного образного воплощения великого произведения). И открывая этот клад идей, мы должны так осветить их, чтобы ценное юные читатели взяли себе, а потерявшее цену, устаревшее, ставшее ненужным, они осмотрели и сами отказались принять.

Уже из сказанного выше следует, что первая, первейшая задача процесса изучения художественного произведения - это простое, ничем не замутненное, пускай "наивнореалистическое", взволнованное восприятие его учащимися. Разумеется, при таком восприятии (до всякого анализа) учащиеся на первых порах еще многого не поймут, немало, может быть, поймут вкривь и вкось, неточно или попросту неверно. Это неизбежно и, в дидактическом смысле, вовсе не так уж плохо. На ошибках учатся. Когда мы объясним ученикам, в чем и почему они ошиблись, чего не доглядели, - и повторим эти разъяснения и поправки их простого чтения неоднократно, - мы приучим их видеть верно и "доглядывать" все основное; мы привьем им тем самым навык верного, вдумчивого, идеологически ответственного чтения. Но лишить их "простого" чтения мы не имеем права и не можем, так как в противном случае у нас ускользнет объект изучения. Мы можем только подготовить это "простое" чтение рассказом об эпохе, создавшей произведение, об авторе, о других его произведениях; все это направит восприятие юного читателя, но мне представляется вредным подменять личное восприятие навязанными учителем формулами; это навязывание убивает живую жизнь и восприятие.

Процесс изучения произведения искусства в принципе одинаков, - изучает ли его опытный ученый - филолог для своего ученого труда или же рядовой школьник в порядке общего образования. Разница здесь не в основном содержании процесса, а в степени сложности его и в степени самостоятельности, разных в обоих случаях. Но в обоих случаях этот процесс состоит из трех типичных элементов: а) знание обстоятельств, исторического места произведения (эпоха, автор и т.п.); б) простое "человеческое" читательское восприятие произведения;

в) анализ произведения, собственно изучение его. Первый элемент пока оставим в стороне: он выходит за пределы темы - изучения отдельного произведения, так как он относится к сумме, совокупности произведений. Но вопрос о втором элементе требует отчетливой, решительной постановки. Произведение искусства создано для того, чтобы его "просто" читать. Его и надо "просто" читать. Но ведь на уроках литературы мы не просто читаем, а изучаем. Из этого следует, что те процессы, которые протекают в сознании ученика, так сказать, стихийно, когда он "просто читает", мы должны прояснить, сделать сознательными, уточнить и объяснить, а если надо и выправить изучением произведения. Иначе говоря, учащийся, как и учитель, как и ученый, совмещает в себе и читателя, и исследователя (в простейшем и несамостоятельном виде). Всмотримся в подходы и того и другого к произведению: оба подхода мы должны сохранить, а второй и культивировать в нашем учебнике.

Каждый читатель романа, повести, стихотворения, если данное произведение искусства ему "нравится", если оно произвело на него значительное впечатление, - воспринял его смысл, его идейное содержание. Без этого нет восприятия искусства. Читатель прочитал роман, пережил его, испытал сумму сложных душевных и интеллектуальных событий и даже волнений, - и он удовлетворен. Он может и сам не замечать, что роман повлиял на него, внес что-то в его духовную жизнь, раскрыл ему что-то, воспитал его в том или ином направлении, сделал его хоть на самую чуточку другим, может быть лучшим, чем он был до этого, может быть более мудрым и т.д.

Иначе говоря, читатель испытывает воздействие литературы, воспринимает ее идеи, переживает их, вбирает их в себя или, наоборот, ощущает внутреннее отталкивание от них, и для него этого достаточно.

Каждый гражданин покупает колбасу или конфеты, поглощает их, насыщается ими и получает удовольствие от их вкуса. Он при этом вовсе не обязан знать химический состав этих пищепродуктов, их питательные свойства, качества, количества и способы их воздействия на организм. Однако, если этот же гражда-

нин занялся изучением пищевого дела, он обязан узнать все это, уметь отличить различные виды и типы питательных веществ, уметь анализировать каждый кусочек колбасы и каждую конфету.

Так обстоит дело и с искусством. В школе мы изучаем ведь и само искусство, и науку о нем (как на любом предмете мы изучаем науку о природе или обществе и самое природу и общество). И вот изучая литературу, т.е. и науку о ней, мы уже не можем довольствоваться обычным, общим читательским восприятием литературного произведения. Мы должны видеть, слышать, понимать его во всей сложности его механизма, идейного состава, исторического функционирования, общественной значимости. Мы должны знать, как, из чего, для чего оно сделано. А сделано оно для воплощения и внушения определенных идей, - и только для этого. Значит, мы обязаны знать его идейный состав. Значит, мы должны знать все о его структуре, так как вне структуры, словесного состава произведения не существует его идей, так же как без слова нет мысли в языке и общественном бытии человека вообще. Значит ли это, что изучая произведение, мы имеем право заглушить в себе простое непредвзятое "читательское" восприятие литературы? Ни под каким видом, ни за что и никогда.

Мне прекрасно известно, что по этому вопросу существуют различные мнения, существует и различная практика. Особо строго стоит этот вопрос в отношении к ученым, но от них он переходит на учителей (учеников этих ученых), а от них - к школьникам. Поэтому рассматривать этот вопрос необходимо в единстве всех ступеней изучения литературы, от школы до профессуры. Есть ученые, которые считают, что тот, кто изучает литературу, не имеет права на обыкновенное "читательское" чтение литературного произведения, изучаемого им, и не способен на такое чтение, так как анализ убивает в нем радость наслаждения прекрасным и заставляет его сразу же подвергать сухому научному разбору произведение, которое подлежит его изучению. Кто не знает ученых, нередко почтенных и опытных историков литературы, которые из года в год учат студентов,

своих учеников, что они не имеют права читать роман, ни о чем не думая, лежа на диване и отдаваясь непосредственным впечатлениям? Они требуют от студента, чтобы тот приучал себя читать роман, непременно сидя за столом (свет - с левой стороны), с пером в руке, чтобы читая, все время думал об историко-литературных связях и соотношениях, чтобы составлял конспект, делал выписки и заметки, не торопился, перечитывал по нескольку раз одно и то же место, наводил справки в разных научных книжках и словарях и т.п. Так же,по их мнению, следует читать лирические стихотворения. И негоже, мол,взять с полки томик Блока, перелистать его и прочитать на выборку два-три стихотворения, пришедшиеся к настроению минуты. Нет, тот, кто хочет всерьез знать поэзию, должен сесть за стол, взять перо и бумагу, открыть Блока и читать его подряд, начиная с титула или эпиграфа, страница за страницей, изучая,выписывая, наводя справки.

Такова теория. И студенты таких профессоров, усвоив такую теорию, становятся учителями и несут ее в школу, применяют ее к своим ученикам. И ведь беда в том, что есть - и немало - ученые, которые следуют такой теории на практике; есть - и немало - такие же учителя. И разве нет и ученых, и учителей, которые, действительно, перестали жить в литературе, радоваться ей, увлекаться романом, упиваться стихами, ученых, которые так усердно изучают литературу, что забыли о том, что она творится не для того, чтобы быть изучаемой, а чтобы воздействовать на людей, чтобы волновать их, потрясать, воспитывать их? Я полагаю, что филологи, ученые или учителя, о которых только что шла речь, глубоко не правы в своей почти героической антихудожественной аскезе, в своем самоотречении от радости искусства. А ведь они наставляют на пути этой же аскезы своих юных учеников, студентов и школьников!

Каждая вещь в мире, созданная человеческим духом, прежде всего должна применяться по своему назначению. Иначе она теряет смысл, становится пустышкой. И произведение искусства, предназначенное для живого творческого восприятия, попросту

обессмысливается, если начать его изучать, не восприняв его именно как произведение искусства. Нет, я считаю, что надо учить и студентов и школьников не так. И студенты и школьники - люди. Стихи и романы написаны для них. Так пусть же они применяют их по назначению. Пусть они читают роман, лежа на диване, ночью, захлебываясь от волнения, от впечатлений и мыслей, пусть поплачут и посмеются, пусть влюбляются в одних героев и ненавидят других. Пусть они читают стихи девушкам на прогулке при закате, - и вовсе не в порядке хронологии создания, с вариантами, как в академическом издании, а именно в порядке выражения своего собственного настроения, своего чувства, своей молодости.

Я думаю, что совершенно так же должен читать стихи и романы и учитель, и ученый специалист по литературе, и в 30, и в 40, и в 50 лет, - с другими чувствами, мыслями и настроениями, но непременно, как "простой читатель", а не как вивисектор. Я думаю, что тот, кто не переживает литературу, как искусство, кто не испытывает от ее восприятия сильных, живых, человеческих, гражданских впечатлений и переживаний - не должен вовсе преподавать науку о литературе, не должен и вступать на путь словесника. И ничего нет в таком утверждении ни нигилистического, ни жестокого. Ведь не пускают же учиться в консерваторию людей без музыкального слуха. Ведь не дают же права учиться рисовать человеку, не видящему четко цветов и линий. Ведь не дают же управлять самолетом человеку без летных данных. Почему же каждый, кто только пожелает, может стать учителем по литературе, даже если у него нет ни слуха, ни зрения на литературу, даже , если он не воспринимает литературу, если у него атрофирован орган ее восприятия? Ведь такой человек приносит вред в качестве педагога в школе, и вред большой, неисчислимый.

Произведение искусства - это не только факт, но и процесс. Оно живет в веках, не меняясь в своем существе, но совершая свой рост, углубляясь в своем смысловом бытии. В этом отношении оно являет процесс многосторонний, процесс движения своих объективных смыслов к сознанию воспринимающей социальной сре-

ды, углубляясь в своем смысле от этой среды. Так, пушкинское творчество, не меняясь, являя единство объективных исторических смыслов, - в осознании целого столетия все более глубоко обнаруживает эти смыслы, и мы понимаем теперь Пушкина, неизменного, того же самого, каким он был в 1830-х годах, более полно и ясно, чем его мог понять его современник, потому что нас умудрил опыт столетия и потому что людям социализма дано больше понимать, чем их предшественникам.

Эта динамика исторического роста единого в своей субстанции факта базируется на более частой динамике бытия произведения искусства: оно является движением от авторской идеи к факту-образу (тексту-форме), с одной стороны, и движением от образа к сознанию читателя, с другой. При этом автор и его идея выступают не как метафизическая индивидуальность, а как индивидуальные представители социального бытия и опыта, т.е. закономерны и историчны. В такой же почти степени и восприятие читателя не случайно и не только индивидуально, а закономерно исторически, типично и, так сказать, коллективно.

Произведение искусства в этом смысле живет в восприятии, является не только фактом, как образ, но и фактом, как объективное и исторически-закономерное переживание. Никем не воспринимаемое произведение искусства, конечно, существует реально и объективно, но не является фактом эстетического бытия и сознания конкретной общественной среды. Если я не воспринимаю искусства, оно для меня не существует как идея, как динамический факт, оно лишается своей диалектики, т.е. жизни, оно умирает.

Между произведением искусства и читателем есть живая связь. Произведение - это система образов, рассчитанная на то, что они возбудят в читателе определенную сумму переживаний, идей. Если нет "художественного впечатления", если читатель не отвечает на призывы произведения фактами своего сознания, - произведение для него мертво.

Между тем наука о литературе, история литературы изучает окаменелости и не скелеты произведений, а их живую историческую жизнь. Поэтому, если мы не воспринимаем живой историчес-

кой жизни произведений как "читатели", - нам просто нечего изучать, мы теряем наш объект. Мы убиваем произведение, а затем пытаемся рассмотреть, как оно живет; тщетный труд.

Потому и получается во многих случаях, что учитель, тщательный и усердный, сам утеряв объект изучения, художественно-идейную сущность искусства и не обеспечив наличия этого объекта в сознании, в душе своих учеников, бродит вокруг да около, изучает в классе все кругом произведения: и критику на него, и письма, и декларации писателя, и тому подобное, строит целую цепь вспомогательных укреплений вокруг произведения, чтобы тем вернее уловить его, схватить, объяснить, но когда наступает решительный момент штурма и учитель бросается на окруженное произведение, и он и его ученики находят лишь пустоту. Искомого явления искусства нет как нет. Оно испарилось. И все укрепления оказались ненужными.

Таким образом, если учащийся в отношении к данному изучаемому произведению перестал быть "просто читателем", приступая к его изучению, то ему нечего будет изучать, и все усилия учителя в этом случае - кимвал бряцающий и гроб повапленный, внутри коего - прах.

Мы не только обязаны сохранить живое читательское восприятие искусство нашими учениками. Мы должны строить самое изучение произведения с учетом этого восприятия, опираясь на него, исходя в некоторой части и из него. Ведь это восприятие - тоже не индивидуальная случайность, а факт исторически-закономерный. Другое дело, что это живое восприятие учащихся мы проверим, углубим, уточним, исправим, видоизменим с помощью научного изучения, анализа произведения. Но без живого восприятия не будет, над чем трудиться со всей наукой.

Что ж, получается какой-то принципиальный субъективизм? Неужто ж изучая произведение Пушкина, учащиеся изучают себя? Нисколько. Они изучают именно Пушкина и нисколько не себя самих. Но чтобы описать пейзаж, нужно его увидеть. Чтобы описать идею в образе, - а это и есть произведение искусства, - нужно увидеть эту идею образа, а не только внешнюю оболочку образа. Только об этом и идет речь. Тот же, кто только измеряет обра-

зы, не переживая их, - не видит в них идей: так устроен образ.

Что же касается до учителя, то он обязан навсегда, до конца дней своих, или, вернее, до конца трудов своих сохранять свежесть восприятия искусства. Всякому учителю скажу: если ты не читаешь более романов и повестей "для удовольствия", т.е. для жизни, а не ради того, чтобы объяснить и оценивать их в школе, если душа твоя не волнуема более звуками поэзии, если тебя "не интересует" современная, самая живая для нас, литература, если ты не чувствуешь себя участником литературно-идейной жизни твоей страны и твоей эпохи, - брось заниматься преподаванием литературы: ничего путного о литературе ты не скажешь своим питомцам, но непременно уподобишься чеховскому профессору из "Дяди Вани". Есть много хороших профессий на свете - зачем тебе во что бы то ни стало заниматься литературой, которой ты стал чужд, как и она тебе?

Именно отправляясь от простого читательского воспитания для жизни, для души, для мыслей и чувств, ученик должен в процессе изучения произведения сознательно воспринять все элементы его структуры. В этом случае никакого противопоставления между анализом и живым эмоциональным восприятием искусства нет и не может быть. Совершенно неправильна мысль, будто бы привычка к анализу, ориентировка в технических вопросах искусства мешают получить сильные впечатления от него, испытывать непосредственные эмоции при его восприятии. Эта мысль на самом деле - лишь лукавое самооправдание людей, утерявших способность воспринимать искусство или никогда не имевших такой способности.

Нет, изучая, анализируя в школе одно произведение за другим, мы приучаем учащихся видеть произведение искусства во всех его элементах.

А тот, кто видит произведение искусства во всех его деталях и конструктивных элементах, может и должен воспринимать его эстетически полнее и лучше, чем другой читатель. Именно вследствие углубления в анализ искусства он воспринимает его не только вернее, но и сильнее; он испытывает при чтении рома-

на или стихов не меньше, а больше эмоций и душевных движений вообще, чем читатель, которого не научили видеть, анализировать, понимать язык искусства. Значит, мы ведем учащихся от "простого" некультивированного стихийного восприятия искусства - к "простому" восприятию его, но уже культивированному, сознательному, обученному, и тем более сильному и жизненно-активному. Иначе оно и не может быть принципиально. Ведь идея, мысль, эмоция существуют в произведении искусства лишь в его образах, лишь струясь через все без исключения элементы его структуры. Тот, кто не понимает языка, не поймет, не воспримет самых великих идей, выраженных на этом языке. Так и с искусством. Тот, кто не понимает языка художественных образов, может не уловить и идей, выраженных этим языком. Между тем специалист-учитель лучше других понимает и знает этот язык, со всеми его оттенками, тонкостями, связями и ассоциативными напластованиями. Следовательно, он должен научить этому пониманию своих учеников, чтобы они могли воспринять и те идеи, эмоции и мысли, которые являются содержанием образов. Он научит их заметить тысячу деталей, которые могут ускользнуть от внимания читателя, не прошедшего школу, не проникнуть в его сознание. Учитель-специалист научит улавливать все - вплоть до тонкости в переходе ритма, до особого изгиба фразы, до смыслового оттенка слова, и все это будет для его ученика полно значения, все будет носителем идеи. А как радостно это вникание во все детали и оттенки высокого произведения. Как сильно обогащает оно идейное, творческое волнение восприятия. Как много говорит верно направленному сознанию каждое слово, каждый звук Пушкина, и как много светлых мыслей и чувств будят они в душе. Пусть же специалист-учитель поделится с учащимися своим богатством и пониманием, пусть отдаст это богатство народу через школу.

Из сказанного следует, думается, что учитель-словесник должен с помощью всего научного аппарата, доступного ему, выращивать и культивировать прежде всего свой собственный орган восприятия произведений литературы. В этом направлении должен работать и любой филологический вуз, в частности факультет язы-

ка и литературы любого педагогического института, упражняя студентов в аналитических навыках. Этого, к сожалению, не делается , и последствия такого узаконенного дилетантизма в подготовке специалистов-словесников весьма неблагоприятно отзывается на преподавании в средней школе. Между тем при наличии минимума природных данных, упражнением можно развить в молодом человеке значительную способность дифференцированного аналитического восприятия литературы. Ведь добиваются же этого музыканты, постоянно, всегда и повсюду.

Учитель-словесник должен уметь сам воспринимать литературное произведение и дифференцированно во всех компонентах, и слитно, в синтетическом единстве этих компонентов одновременно. Он должен ощущать художественное слово, материал и образ литературы всем своим существом, - мыслью и слухом, воображением и физическим, моторным (артикуляционным) чувством, он должен видеть его насквозь, и тогда из недр слова, из глубин словесного здания возникает для него вся полнота идеи.

Я говорю о слове, потому что в литературе - всё идея и всё слово, идея как содержание, и слово как форма, - и они нерасторжимы. Кроме слова в плоти, в ткани произведения нет ничего, а слово-это воплощенная идея. И образ героя, и композиция произведения, и пейзаж, и сюжет, и тема, и весь сложный комплекс отражения действительности в литературе даны только в формах слова, языка, в их соотношениях, взаимосвязях, рядоположениях и т.д. Восприятие литературы осуществляется в восприятии построения языка. Не имеющий "чувства языка" никогда не сможет быть полноценным словесником.

Материал литературы как искусства - слово, язык. Все искусства имеют одну цель и одно содержание в его общих определениях, и эта цель и содержание - сама жизнь, действительность. Но все искусства различаются друг от друга материалом, служащим для образного воплощения их идеологического содержания. Материал этот сам по себе - лишь косная, сырая потенция. Смысл ему придают форма, соотношения, образ. Материал живописи - краски. материал архитектуры - камень,дерево, бетон и т.п. материал музыки - звуковые колебания,материал танца - челове-

ческое тело, материал литературы - язык. Литературное произведение сделано из языка, как книга сделана из бумаги и типографской краски.

Только так следует понимать термин "материал" в искусстве. Мне представляется поэтому порочным словоупотребление формалистов, различавших в искусстве материал и прием и называвших материалом сумму жизненных явлений, явлений действительности, нашедших изображение в произведении. В этом смысле "материал" - термин двусмысленный, объединяющий два различных понятия и потому дурной. С одной стороны, действительность - есть суть, сущность, содержание всякого произведения искусства; как таковая она выступает целостно и не дробится на части; искусство изображает и выражает действительность человека (а значит, общества) в целом, как единство, и действительность эта во всяком произведении потенциально отражена вся. С другой стороны, элементы действительности (материала) образуют сюжет произведения, его тему, сумму его образов, т.е. являются формой произведения, как образного отражения действительности - содержания.

Значит, формалистический "материал" двоится, и понятие его рассыпается. Между тем именно формалистическое применение слова "материал" чрезвычайно распространилось, и это распространение его выражает ходячие ошибки в понимании литературы, ошибки, досадные тем более, что понятие "материал" вульгаризировалось до крайности.

Нередко приходится читать в критических статьях или слышать в разговорах, выступлениях критиков и писателей и даже от учителей такого рода фразы: "повесть написана на материале новостройки" или "писатель работает на материале моряков, морского быта" и т.п.

Это неверные фразы, если вдуматься в них. Получается так, что писатель отказался от задачи изобразить жизнь, социальную действительность, а ставит своей задачей изобразить лишь один географический или профессиональный участок ее. Как будто можно что-нибудь понять в данном участке жизни, оторвав его от всей совокупности жизни, исключив из поля рассмотрения общие

проблемы жизни, общества, человека, его психики, морали и т.п. Вот и получается, что мы иной раз смотрим на писателя с точки зрения некой "узкой специальности", как на спеца по Средней Азии, или по колхозам, или по комсомолу, и тогда выходит, будто это не писатель, а докладчик на профсоюзном собрании.

Да, но ведь и классики "специализировались". Вальтер Скотт писал исторические романы, Горький писал много о купцах, Островский - о купцах, либо о чиновниках и т.п. Конечно, - но в книге Горького о купцах отражен не только "материал" купечества, а вся социальная, идеологическая, моральная действительность, показанная с помощью изображения купцов. Плохо не то, что писатель изображает моряков или комсомольцев, а то, что исходя из"теории" суженного "материала", он изображает иной раз не комсомольцев как людей, а именно их комсомольскую принадлежность, а вместо моряков изображает "морскую специфику", и мы - еще чаще - истолковываем писателя в таком же узком плане.

Я слышал такой разговор двух поэтов:

- Над чем работаешь?
- Над поэмой.
- А именно?
- На материале Кирова.

Это уже оскорбительно и нелепо. Киров - не материал, а великий человек. Стыдно, если поэт не понимает этого. Да и что за установка! Разве можно творить, исходя из темы как материала: подлинное творчество исходит не из такой темы, а из идеи, из чувства истины и жажды внушить ее людям, а тема - это уже форма, через которую идея вводится в сознание читателя. Спросим себя: на каком "материале" написана "Анна Каренина"? Неужто на материале помещичьих амуров 1870-х годов? Получается пошлость. "Материал" "Анны Карениной" - жизнь, вся жизнь, человек и общество, государство и личность, любовь и смерть, творчество и мораль, и многое, многое другое. Только так можно и понимать литературу,и объяснить ее.

Слова

значи́тельный - tähelepanuväärne
заря́д (иде́й) - laeng
возде́йствовать на кого? на что? чем? - mõju avaldama, mõjutama
мироощуще́ние книжн. - maailmatunnetus
воспринима́ть
воспри́нять + что? от кого? - vastu võtma, omandama
разви́язка - lahendus
подме́нивать
подмени́ть + кого? что? кем? чем? - (õigustamatult) asendama
самонаде́янный - (liigselt) enesekindel
по о́бразу и подо́бию чьему-нибудь устар. и шутл. - kellegi näojärgi
отрека́ться
отре́чься + от кого? от чего? книжн. - lahti ütlema
отвраще́ние - vastikus(tunne), tülgastus
обая́ние - võlu, veetlus
размусо́ливать
размусо́лить + перен. прост. - nämmutama, pikaltlaialt seletama v. targutama
вкривь и вкось (понять) перен. разг. - vääralt mõistma, valesti aru saama
совоку́пность книжн. - kogum, tervik
совмеща́ть
совмести́ть + кого? что? в ком? в чём? - ühendama
дово́льствоваться чем? - rahulduma, leppima
значи́мость книжн. - tähtsus
непредвзя́тый - eelarvamusetu
наводи́ть
навести́ + справку - järele pärima v. vaatama
него́же устар. и прост. - ei kõlba
самоотрече́ние книжн. - lahtiütlemine, loobumine
окамене́лость - kivistis
кимва́л бряца́ющий - tsimblilöömine, õõnes hosianna
гроб нова́пленный устар. - pealt kuld, seest muld

прах - põrm, tolm

уподобля́ться
уподо́биться + кому? чему? - sarnaseks muutuma

лука́вый - kaval

напласто́вание - kihistis

нерасторжи́мый высок. - lahutamatu

ходя́чий - üldlevinud

Задание I. Расскажите: какие ошибки допускаются при изучении произведений художественной литературы в школе; как следует изучать художественную литературу. При этом используйте цитаты из текста.

Задание 2. Образуйте от данных глаголов существительные и составьте с ними предложения: воздействовать, воспринять, воплотить, внушить, совпадать, совместить, испытать, лишить, уяснить, применить, навязывать, уподобиться, отречься.

Задание 3. Образуйте от данных глаголов будущее время и используйте их в предложениях: воздействовать, воспринять, воплотить, совместить, совпадать, уяснить, навязать, уподобиться, отречься, упиться.

Задание 4. Раскройте значение выделенных слов в предложениях:

I. I. Наша речь состоит из слов. 2. Оратор великолепно владеет словом. 3. Надо перейти от слов к делу. 4. Докладчик отказался от заключительного слова. 5. Слово было предоставлено профессору. 6. На курсовом собрании студент дал слово повысить академическую успеваемость. 7. Музыка романса "Средь шумного бала" - П.И. Чайковского, слова - А.К. Толстого.

П. I. Что на уме, то и на языке. 2. Его надо тянуть за язык. 3. У меня вопрос был на конце языка. 4. Язык Пушкина. 5. Больной лежит без языка. 6. Найти общий язык.

Ш. I. У П.И. Чайковского много музыкальных сочинений. 2. Иногда студент упражнялся в сочинении стихов. 3. Студенты писали сочинение на литературную тему.

Задание 5. Составьте предложения со словом художник в значении живописец, карикатурист, мастер в педагогической работе.

Задание 6. Составьте предложения со словом картина в значении произведение искусства, кинофильм, литературное изображение, отдельные части пьесы.

Задание 7. Подберите к существительным прилагательные, данные справа. Составьте с 10 словосочетаниями предложения:

речь	значительный
олисание	знаменитый
певец	замечательный
слог	всемирно известный
произведение	крупнейший
классик	выдающийся
искусство	вдохновенный
баснописец	непревзойдённый
изображение	возвышенный
поэт	популярный
стиль	эмоциональный
портрет	монументальный
дарование	высокопарный
мастер слова	
писатель	

Б.В. Томашевский

Стилистика и стихосложение
(Отрывок из главы "Рифма")

Рифма - не обязательное условие русского стиха. Тем не менее рифмованные стихи настолько распространены, что исключением можно считать те стихи, где рифмы нет, и которые вообще называются белыми.

Рифма есть не что иное, как созвучие двух слов. Но не

всякое созвучие мы называем рифмой. Рифма - это созвучие двух слов, стоящих в определенном месте ритмического построения стихотворения. В русском стихе (впрочем, не только в русском) рифма должна находиться на конце стиха. Именно концевые созвучия, дающие связь между двумя стихами, именуются рифмой. Следовательно, у рифмы есть два качества: первое качество - ритмическая организация, потому что она (рифма) отмечает концы стихов; второе качество - созвучие.

Сейчас обратимся к звуковому качеству рифм, независимо от того, какую ритмическую функцию эти рифмы выполняют.

Начнем с той системы рифм, которая характерна для так называемого классического стихосложения, т.е. для стихосложения примерно от Ломоносова и почти до наших дней (устраняя вопрос о различных оригинальных формах, уклоняющихся от средней нормы). Здесь будет речь именно о средней норме, о средних требованиях к стиху, о тех требованиях, которые соблюдали и поэты XVIII в., и Пушкин, и поэты XIX в. во главе с Некрасовым, и большинство современных поэтов.

Рифмы классифицируются прежде всего в зависимости от положения ударения, считая от конца слова. Если ударение стоит на самом конце, то это - мужская рифма, например: певе́ц - образе́ц, темнота́ - из-за куста́. Другой класс - женские рифмы. В женских рифмах ударение стоит на предпоследнем слоге, например: карти́ны - доли́ны. Эта терминология имеет французское происхождение и объясняется общим правилом образования прилагательных во французском языке, где в прилагательных женского рода ударение стоит на предпоследнем слоге, а в прилагательных мужского рода ударение стоит на последнем слоге. Там мужское и женское окончания определяют род прилагательных. Отсюда перенесение на характер рифмы грамматического термина, определяющего род прилагательных. Эта особенность французского языка механически перенесена в некоторые другие европейские языки, в том числе и в русский.

Указанными двумя родами не исчерпываются рифмы. Правда, в большинстве случаев мы имеем дело с мужскими и женскими рифмами, где ударение стоит на третьем от конца слоге.

Эти рифмы называются дактилическими, например: но́вая - тор-го́вая. Почему они называются дактилическими-понятно: потому что эти три последних слога образуют сочетание - один ударный, два неударных, напоминающее построение дактилической стопы.

Эти три формы - мужская, женская и дактилическая - почти исчерпывают все случаи рифмовок. Но тем не менее в виде исключения можно встретить стихи, в которых ударение на рифме стоит еще дальше, чем на третьем от конца слоге, например - на четвертом. Возьмем такие рифмы: схва́тывая - ага́товая. Здесь ударение падает на четвертый от конца слог. Эти рифмы именуются гипердактилическими, т.е. сверхдактилическими. Так как это, собственно говоря, естественный предел слова, то уже дальше рифмы не различаются. Да и гипердактилические рифмы встречаются как необычайно редкое исключение, хотя в русском языке имеется возможность найти такое созвучие, где ударение стояло бы и дальше, чем на четвертом от конца слоге, например: обра́довались - скла́дывались, - ударение на пятом от конца слоге. Вообще русский язык отличается от других языков тем, что у него свобода ударения гораздо бо́льшая, чем в других языках; поэтому ударение может стоять очень далеко от конца - вплоть до седьмого слога. Вот образец такого созвучия: нака́ливающиеся - разва́ливающиеся. Но на практике подобные созвучия не вречаются, кроме чисто экспериментальных стихотворений, написанных специально для того, чтобы зарифмовать такие слова. В. Брюсов занимался в свое время сочинением таких стихов, но они писались нарочно для того, чтобы показать возможность поставить рифму на седьмом от конца слоге.

Существует, таким образом, три рода рифм: мужские, женские и дактилические. В качестве редкого исключения встречаются рифмы гипердактилические, с ударением на четвертом от конца слоге, а затем начинаются фокусы своего рода, которые можно довести до рифмы с ударением на седьмом от конца слоге.

Можно сделать такой общий вывод: для рифмовки двух слов нужно, чтобы ударение отстояло от конца на одинаковое количество слогов . В этом состоит правило звукового соответствия.

Следует остановиться и на других условиях звукового соответствия. В каких же случаях можно считать, что два слова рифмуют? Если мы скажем просто-тогда, когда они созвучны, то этим мы ничего не определим, потому что созвучность может быть самого различного свойства. Созвучность значит сходство звуков, а звуки могут быть сходными на разных основаниях и в разной степени. Классическая рифма есть определенное созвучие, и это созвучие сводится к следующему. Для рифмовки двух слов необходимо, чтобы совпадали их ударные гласные и все звуки, которые за ними следуют, - иначе говоря, заударные звуки, и в своем числе, и в своем качестве. Отсюда и получается, что в рифме ударения должны стоять на одинаковом расстоянии от конца. Если звуки, идущие после ударения, совпадают, значит и количество слогов совпадает.

Прежде всего в качестве нормы русской рифмы нужно отметить ее независимость от правописания. Рифма - явление звуковое, а не графическое. Поэтому не важно, как пишутся два разных слова, а важно, чтобы они звучали одинаково. Иначе говоря, для того чтобы обнаружить рифму и записать ее, нужно обращаться не к обыкновенной орфографии, а так называемой фонетической транскрипции. Вот примеры того, что рифма не зависит от правописания, от орфогафии. В таких двух рифмующих словах как далёко - глубóко одна ударная гласная пишется через ё, другая - через о. Значит буквенно, графически ударные гласные не совпадают. Но в звуковом отношении они совпадают, потому что это ё на самом деле означает о, т.е. звук о с предшествующим смягчением (апостроф после согласного означает смягчение данного согласного). Или возьмем такую пару: клад- говорят. Во-первых, здесь не совпадает самое написание ударных гласных-в одном слове а, в другом - я. Но я - не что иное, как смягчённое а; следовательно, пишется различно, а звучит одинаково. Во-вторых, после ударных гласных идут согласные, которые изображаются различно: в одном случае д, в другом случае т, что не мешает рифмовать этим словам, потому что в слове клад вместо д звучит т. Таким образом, оба слова в звуковом отношении оканчиваются на сочетание ат. Возьмем в качестве примера еще

рифму: ночно́го - сло́во. Здесь пишется в одном случае г, в другом - в. Но это не мешает рифме, потому что окончание родительного падежа мужского рода прилагательных произносится со звуком в. Следовательно, в звуковом отношении окончания тождественны. Или: сдаётся - у коло́дца. Пишутся различно, звучат одинаково, - значит слова рифмуют. Или еще один пример несколько иного свойства. Мы встречаем у поэтов начала XIX в. такую рифму: ску́чно - равноду́шно. Можно подумать, что это - не рифма. Но следует принять во внимание, как рифма звучала в произношении тех, кто ее писал. А по правилу старого российского, московского произношения слово скучно надо произносить скушно. Следовательно, скушно рифмует с равнодушно. Теперь под влиянием орфографии распространяется книжное произношение, и при этом произношении скучно и равнодушно не есть рифма.

Рифма зависит от орфографии лишь в такой степени, в какой само произношение зависит от орфографии. Бывают так называемые книжные рифмы, но они бывают только тогда, когда имеется книжное произношение. Например, по нынешним временам от местоимения она родительный падеж - её, а раньше по прежней орфографии, от она родительный падеж был ея, хотя и произносили её. Однако под влиянием орфографии, наряду с правильным произношением её, развивалось и книжное произношение ея. Отсюда - наличие у старых поэтов рифмы типа семья́ - я́. Не нужно думать, что это - чисто глазная рифма, т.е. рифма только для глаз; это - рифма и в произношении, но произношение было книжное, т.е. создавшееся под влиянием орфографии. Следовательно, орфография может влиять на рифму только через произношение.

В рифме надо различать ударную гласную и послеударные, или заударные, звуки, которые мы тоже будем рассматривать отдельно-гласные и согласные. Следовательно, нам надо рассмотреть, какое должно быть тождество для ударных гласных, какое должно быть тождество для послеударных, или заударных, гласных, и какое должно быть тождество для заударных согласных.

Обратимся прежде всего к ударным гласным. В русской рифме различаются пять ударных гласных: а, о, у, и, е. Кроме этих пяти, никаких других ударных гласных русская рифма не знает. Эти пять ударных гласных совпадают с пятью гласными фонемами русского языка. Если же брать с звуковой точки зрения, то имеется больше, чем пять ударных звуков, почти у каждого из этих пяти звуков есть разные оттенки. Так, если мы возьмем тот ударный звук а, который имеется в словах ба́ня и ня́ня, и выделим его, отбросив все остальное, то получатся два разных звука. Но это различие не мешает их рифмовке.

Итак, если два оттенка принадлежат одному из пяти типов, то они рифмуют между собой. На звуке а - это не особенно отчетливо; оттенок этот незначительный, разница акустическая (слуховая) и произносительная незначительна (примерно те же органы работают и получается такой же, очень похожий звук). А в некоторых случаях расхождение бывает довольно сильное; например для звука е насчитывают три оттенка (некоторые насчитывают еще больше, чем три). Звук е зависит от того, какими согласными он окружен. Если он окружен твердыми согласными, то звучит по-одному, а если он окружен мягкими согласными, то звучит по-другому. Совершенно нетрудно, например, различить на слух е в слове цеп и е в слове день. Здесь разница в звуках гораздо сильнее, чем по отношению к а или о или у в аналогичных случаях. Тем не менее все эти оттенки не различаются в рифме. И совершенно как тождественные принимаются такие рифмы, как: сиде́ли - це́ли. А вслушайтесь в эти звуки, и вы услышите, что они разные: в слове сидели звук е ближе к и, а в слове цели звук е тянется к а. Но несмотря на то, что эти звуки разные, в рифме они считаются тождественными, потому что принадлежат одному и тому же из этих пяти типов, а оттенки мы не различаем. Самое заметное здесь то, что под ударением рифмуют ы и и. Это варианты одной фонемы, и в рифме они не различаются. Так, слова ми́лый и уны́лый рифмуют между собой. Это - самый заметный случай, хотя бы уже по одному тому, что здесь два оттенка и, в отличие от е, изображаются даже разными буквами. Но это два оттенка одного звука. Дело в том, что

ы появляется всегда после твердого согласного, а и после мягкого согласного. Если предшествует этому звуку мягкий согласный, появляется и, или, если этот звук стоит в начале слова, то обязательно появляется и. После твердого согласного и как звук появиться не может. В начале слова никогда не бывает ы. Но, с другой стороны, возьмем слово изба. Никто не будет сомневаться, что это слово начинается с и. А произнесите вместе из избы. После твердого з и автоматически переходит в ы. Мы видим, что в самом языке и и ы не различаются. В слове живо мы произносим ы, хотя пишем и, потому что ж в русском языке всегда твердый звук. А почему пишется после ж - и? Потому-что когда-то звук ж был не твердый, а мягкий, и тогда установилась такая орфография. Теперь звук ж отвердел, а орфография механически сохранилась старая.

Мы говорили об условиях, которым подчинено совпадение ударных гласных. Перейдем к безударным гласным, стоящим после ударных.

Вы знаете, что если в русском языке на гласном не стоит ударение, то гласный меняет качество и отчетливость произношения. Это явление называется редукцией гласных. Значит, не под ударением гласные редуцируются, т.е. они не так отчетливо произносятся и меняют свое качество. В частности, в русском литературном языке есть явление так называемого "аканья". Что такое аканье? Аканье - это такое произношение, при котором неударные а и о произносятся одинаково, а=о в неударном положении. Мы знаем, что под ударением а и о никак не рифмуют, а если а и о попадают в область заударной части рифмы, то там они рифмуют, например: по́вар - го́вор. Это - рифма, хотя в словах разные гласные. Или: мо́шка - око́шко. Произносятся эти слова, после ударного звука, совершенно одинаково, потому что здесь а и о в неударном положении. Это не значит, что они произносятся как звук а. Звук здесь не похож ни на а, ни на о. Это - новый звук, но в обоих словах одинаковый. Акающие говоры отличаются именно тем, что у них а и о сливаются в неударном положении в один звук. В окающих северных говорах не под ударением отчетливо слышны а и о; там они не смешиваются, а в

акающих говорах, к которым принадлежит и литературный язык, они смешиваются. Одним словом, когда мы имеем заударные гласные, то надо принимать во внимание качественную редукцию. Так как редукция делает гласные менее отчетливыми, чем под ударением, то по отношению к заударным гласным поэты не так строги, как по отношению к ударным гласным.

Перейдем к вопросу о согласных. Там то же самое, что вытекает из первого положения. Но следует учитывать, что согласные, в зависимости от того, как они комбинируются между собой и где они находятся , могут переходить из звонких в глухие и из глухих в звонкие. Значительная часть русских согласных - парные согласные, т.е. имеются соответствия звонких и глухих. Например, звонкий д - глухой т; звонкий б - глухой п; так для большинства согласных. Но у нас есть такие глухие, которые не имеют соответствующих звонких, например к имеет соответствующий звонкий г , а х не имеет в русском языке соответствующего звонкого. Тем не менее при той или иной комбинации звуков чаще всего звонкий переходит в глухой. В каких условиях? На конце слова мы никогда не произносим звонких согласных, если существуют к ним парные глухие. Точно так же, если за звонким следует глухой, то звонкий произносится как глухой. Это надо учитывать при анализе рифм. Например, слово ложь рифмуем со словом хорóш, хотя орфографически они очень непохожи. Мы понимаем, что ь - это чисто орфографическое украшение, удовлетворяющее некоему грамматическому правилу, по которому слова, оканчивающиеся на согласный, тогда бывают женского рода, когда они сопровождаются этим знаком ь. Для тех согласных, которые допускают смягчение, ь их смягчает, но ж никогда не смягчается, поэтому здесь ь имеет чисто грамматико-орфографическое значение и с ним в звуковом отношении можно не считаться. Если на конце слова стоит твердый ж, а концевой звонкий никогда не произносится, то этот звонкий ж переходит в парный глухой, т.е. произносится лош, а следовательно, вполне уместно это слово рифмует с хорóш.

Или возьмем другой пример: год - ждёт. В концевом положении д и т рифмуют. Точно так же рифмуют раз - вас. Рифмы

мы имеем и тогда, когда звонкие находятся перед глухими, например: бесе́дки - ве́тки, ло́кти - ко́гти.

Сам по себе звонкий согласный звук никогда не может рифмовать с глухим. Поэтому невозможна рифма: ко́жа - но́ша. Если бы за ж и ш следовал глухой согласный или если бы они были на конце, то это рифмовало бы, но между двумя гласными ж не теряет своей звонкости, и, следовательно, рифма невозможна.

Из наших парных согласных долгие согласные, которые по-русски изображаются двумя одинаковыми буквами подряд, не рифмуют с краткими согласными. Поэтому нельзя рифмовать: озарённый - зелёный.

Не рифмуются твердые и мягкие согласные. Например: из кустов - вновь; из кустов на конце ф твердый, а в слове вновь на конце ф мягкий.

Дополним эти правила еще двумя. Рассмотрим слово окно́. По тем правилам, о которых мы говорили, для того чтобы подобрать к нему рифму, достаточно взять любое слово, оканчивающееся на о ударное, так как за ударным о других звуков нет. Например: слово перо́. Но это не будет рифма. Рифма, в которой не участвуют согласные, - не рифма. Обязательно нужно, чтобы участвовали согласные, а в том случае, когда мы имеем дело с мужской рифмой, оканчивающейся на гласный, необходимо, чтобы совпадал не только этот гласный, но и предшествующий согласный. Предшествующая ударному гласному согласная называется опорной согласной. Значит, если мужская рифма оканчивается на гласную, то необходимо дополнительное совпадение опорной согласной. Поэтому перо не будет рифмой к слову окно. А какая же возможна рифма? Например: окно́ - темно́ - это рифма, потому что опорные согласные совпадают. Или возьмем такие рифмы: меня́ - дня; облака́ - слегка́. Эти слова рифмуют между собой, потому что, кроме ударных гласных, совпадают и опорные согласные. Кстати, это правило обыкновенно выражают таким образом: для мужской рифмы на открытый слог (если слог оканчивается на гласный, он называется открытым) необходимо совпадение опорной согласной.

Так что для одного рода рифм, именно для мужских рифм на открытый слог, требуется дополнительное условие, которое

для других рифм не требуется, - совпадение опорной согласной. А есть один случай, который вместо дополнительного условия допускает, наоборот, дополнительную свободу. (Это преимущественно женские рифмы). Считается, что слова богáтый и палáты рифмуют между собой. Некоторые очень строгие поэты старались избегать таких рифм, но большинство поэтов подобные рифмы принимали. Чем богатый отличается от палаты? Тем, что в слове богатый на конце есть звук, изображаемый через й, или в фонетической транскрипции через j, а в слове палаты на конце отсутствует этот j. Такие рифмы называются усечёнными. Усечённые рифмы допускаются среди женских рифм, а в мужских рифмах, вообще говоря, не допускаются. Значит, в женских рифмах мы имеем особый класс усечённых рифм, которые, казалось бы, противоречат общему правилу, но тем не менее принимаются в качестве законных рифм. Почему противоречат? Потому что в слове богáтый после ударной рифмы три звука, а в слове палаты - только два звука. Следовательно, даже количественно нет соответствия между звуками. И тем не менее подобные рифмы считаются законными. Это рифмы типа: гéний - тéни, сúлу - помúлуй. Возможны здесь и дактилические рифмы, например: пóрченый - скóрченый.

Здесь мы наблюдаем странное явление: как будто для заударных гласных созданы более строгие правила, чем для ударных. Мы видели, например, что ы и и под ударением рифмуют между собой. Но нельзя поставить ы и и не под ударением, например: гуляли - балы. В чем же дело? Неужели под ударением - это одинаковые звуки, а как только они попадают в положение звуков редуцированных, ослабленных, они начинают противоречить друг другу.

Дело в том, что звуку и всегда предшествует согласная мягкая. Значит, в слове гуляли л мягкий, а в слове балы л твердый. Следовательно, если гуляли и балы не рифмуют между собой, то только потому, что согласные разные. Вот почему в заударном положении не может рифмовать гласный, изображаемый буквой а, и гласный, изображаемый буквой я. Здесь не совпадают согласные, а не гласные.

Таковы правила, которыми руководствовались поэты так называемого классического периода и которыми продолжают руководствоваться большинство современных поэтов.

Сказанного совершенно достаточно для того, чтобы понять, как строится рифма - строгая, точная, классическая рифма. Но на самом деле мы имеем обычно подобную точную рифму только как некоторую норму, которой бóльшая часть рифм удовлетворяет, но от которой возможны уклонения.

Приблизительная рифма

Те рифмы, которые я описал, это так называемые точные рифмы. Допускались, кроме них, еще так называемые приблизительные рифмы. Основной класс приблизительных рифм - это такие рифмы, в которых заударные редуцированные гласные не совпадают. Заударные гласные не очень отчетливо произносятся, поэтому разница между заударными гласными на слух не очень сильно чувствуется. Все эти заударные гласные тяготеют к какому-то среднему звуку в более или менее нейтральном положении органов произношения, и поэтому они гораздо больше похожи друг на друга. Там и допускается относительно большое отклонение одного гласного от другого. Возьмем, например, рифмы: сурóвым-слóвом. Если их отчетливо произнести (не подчеркивая, а как в живом произношении, только не скороговоркой), то чувствуется, что здесь в заударном положении - два разных гласных звука: ы и о. Как они изображаются - не важно, но вы их различаете на слух. А если их произнести скороговоркой, оба эти звука превратятся в совершенно одинаковый звук. Следовательно, разница между ними не так велика; она отчетлива только при ясном произношении, а при сколько-нибудь ускоренном произношении оба звука сливаются. Такая рифма и называется приблизительной. Здесь похожие, но не совпадающие звуки. Особенно отчетливой бывает эта неточность, когда одним из этих гласных является гласный у, например: рáзум - прóказам. У при любой редукции не теряет своего характеристического тембра, а в слове прó-казам заударный гласный совсем другой, так что ни при каком темпе произношения эти звуки не сливаются. Тем не менее здесь имеется рифма, но рифма приблизительная. Это - один класс приблизительных рифм.

Другим классом приблизительных рифм являются рифмующие между собой (опять-таки в заударной части; в заударной части должны обязательно совпадать) пары согласных, которые отличаются, например, тем, что один согласный - твердый, другой - мягкий, или один - долгий, а другой краткий. Например: стра́шный - вчера́шний; в слове страшный н твердый, в слове вчерашний н мягкий. На худой конец это сойдет в качестве рифмы класса приблизительных рифм. Или: вдохнове́нной - сце́ной; в первом случае н долгий; во втором случае н краткий. Вообще говоря, такое сочетание не следует применять, в точной рифме оно запрещено, но опять-таки к этому относятся терпимо, считая приблизительной рифмой. Эти пары согласных - твердый и мягкий, долгий и краткий - в приблизительной рифме приравниваются. Или зву́ки - разлу́ка плохая рифма, но все-таки считается приблизительной, потому что в слове звуки к мягкий, а в слове разлука к твердый. Кроме того, и гласные не совсем совпадают. Затем в мужских рифмах на открытый слог, если нет совпадения опорного согласного, то это все-таки допускается как рифма приблизительная. Например любви́ - мои́. Это приблизительная рифма, так как не соблюдено совпадение опорного согласного. Но такая рифма только тогда допускается, когда на конце стоит гласный, смягчающий предшествующий согласный; ы было бы нехорошо. Пора и рука́ - даже как приблизительная рифма нехорошо, а руки́, любви́, мои́ - это можно, но опять-таки рифма будет приблизительная.

И наконец, последний класс приблизительных рифм. В усечённых рифмах *j*, стоящий на конце, как бы не считается. Иногда посредине слова стоит *j*, и он тоже как бы не считается. Но если в середине слова стоит *j* и мы имеем, например, такую пару: сия́нье - жела́ний, то здесь рифма получается приблизительной. То, что в слове желаний имеется *j*, который не имеет соответствия в первом слове, - это не страшно; это была бы простая усечённая рифма. Но в слове сиянье *j* стоит посредине, а здесь после и сразу идет гласный, и это уже не хорошо. Рифма такая считается приблизительной.

Неточная рифма

Кроме приблизительных рифм, бывают еще рифмы неточные.

Если в приблизительных рифмах мы имеем некоторое уклонение от нормы, некоторое ослабление правил, то неточные рифмы – это прямое нарушение правил, допускаемое совершенно сознательно и применяемое в определенных литературных школах (направлениях). Под неточными рифмами мы подразумеваем такие рифмы, в которых состав заударных согласных неодинаков. Например: свобо́дный -подо́бный. Здесь ударные о совпадают, но после ударных о в одном случае следует дн, а в другом случае бн; б и д – это не совпадающие согласные. Такая рифма будет неточной. Или возьмем такую пару: пе́пел – све́тел. Ударение на е, но после ударного гласного в первом слове мы имеем звук п, а во втором слове мы имеем звук – т. Подобная рифма – неточная. Или такая рифма: слы́шен – ды́шит. На конце в одном случае н, а в другом случае – т, т.е. опять неточная рифма.

Неточные рифмы в определенные периоды русской поэзии специально культивировались, и считалось, что есть какая-то особая красота в том, что даются такие неточные созвучия. Это нечто вроде музыкального диссонанса, который допускался для большого эффекта. В частности, Державин очень часто употребляет неточные рифмы. Не потому,что он не умел подыскать рифмы, а потому,что его увлекало подобное употребление неточных рифм; ему казалось, что они украшают стихотворение. После Державина неточные рифмы были некоторое время довольно распространены, пока они снова не были вытеснены точными.

В начале лицейского периода Пушкин находился под некоторым влиянием державинской традиции, и у него можно найти неточные рифмы. Затем он переходит на новую систему точных рифм, освобождается от державинской традиции. В конце XIX и особенно в XX в. наступила новая пора, когда стали культивировать совершенно сознательно неточные рифмы из художественных соображений.

Такова расценка рифм с точки зрения их звукового состава: хорошей рифмой считается точная, а для некоторых школ – неточная. Слабой рифмой, но все-таки терпимой, считается приблизительная рифма.

Рифмы богатые и бедные

По звуковому составу рифмы еще делятся на рифмы богатые и бедные. Бедными мы называем рифмы, которые только-только удовлетворяют точности. А если сверх этой точности имеется совпадение опорных звуков, предшествующих ударным гласным, то такие рифмы называются богатыми. И вот богатые рифмы всегда предпочитались бедным. Но это богатство не обязательно, ни от кого не требовалось, чтобы была богатая рифма. Однако, если находили богатую рифму, то считали, что это улучшает качество стиха, качество рифмы. Например: строг - остро́г - рифма богатая, потому что рифмующему ударному о предшествует три одинаковых согласных.

Надо сказать, что в этой области обогащения рифмы, т.е. в требовании, чтобы поэт не только удовлетворил необходимой норме, но и пошел бы дальше, есть некоторая граница, потому что, когда очень сильно поэт заботится об обогащении рифмы, это производит впечатление несколько натянутой искусственной формы. Здесь есть предел - мера вкуса, и богатством рифмы не надо злоупотреблять. При очень сильном обогащении рифмы получается комическое впечатление, как будто поэт работал только для рифм, которые назывались каламбурными. В этих рифмах почти полностью совпадали слова в звуковом составе. Такими каламбурными рифмами отличался Д.Д. Минаев. Например:

Область рифм - моя стихия,
И легко пишу стихи я;
Без раздумья, без отсрочки
Я бегу к строке от строчки,
Даже к финским скалам бурым
Обращаясь с каламбуром.

("В Финдяндии", 1876).

Здесь много входящих в рифму звуков вообще, да имеются еще и опорные согласные, да к тому еще это - составные рифмы (когда одно слово соответствует двум словам); все это игровые, каламбурные рифмы, которые в классической поэзии применялись только в юмористических произведениях.

Есть еще критерий для рифмовки: бывают слова, которые со-

звучны и по смыслу очень близки, т.е. по ассоциации. В таких случаях они всегда естественно приходят. И такие слова начинают надоедать, поскольку рифмы получаются банальные, т.е. привычные, стертые, слишком легкие рифмы. По этому поводу Пушкин писал: "Рифм в русском языке слишком мало. Одна вызывает другую. Пламень неминуемо тащит за собою камень. Из-за чувства выглядывает непременно искусство. Кому не надоели любовь и кровь, трудный и чудный, верный и лицемерный и прочее".

Действительно, это такие пары, которые постоянно встречаются. Возьмем такие рифмы, как челн и волн: обязательно, когда описывают море, то появляется этот челн среди волн. Или, если пишут море, обязательно вспоминается горе. Эти рифмы и становятся банальными. Пушкин в "Евгении Онегине" об этих банальных рифмах сказал очень выразительно:

И вот уже трещат морозы
И серебрятся средь полей...
(Читатель ждет уж рифмы розы;
На, вот возьми ее скорей!).

Лермонтов обыграл банальность рифм младость и радость:

Как будто снова бог переселил
Меня в те дни, когда я точно жил, -
Когда не знал я, что на слово младость
Есть рифма: гадость, кроме рифмы радость!

Итак, банальной рифме противостоит рифма изысканная. В этом отношении тоже надо уметь соблюдать меру. Слишком изысканная рифма вроде каламбурной; она уместна в комической поэзии, она слишком выдает заботу о блеске техники. Поэтому для серьезной поэзии очень необычная, изысканная рифма считается тоже неуместной. Впрочем, здесь у каждого имеется свой вкус, и в разных литературных школах, разных литературных направлениях мы имеем разное отношение к этому вопросу.

Глагольная рифма

Качество рифм определяется не только их звуковым составом. Рифмуют между собой не звуки, а слова, в состав которых входят эти звуки, и поэтому рифмы часто рассматриваются с точки зрения того, какую роль эти звуки имеют в словах. Возьмем такие слова лицеиста Пушкина, в которых он жалуется на недостаток таланта:

Конечно, беден гений мой:
За рифмой часто холостой,
На зло законам сочетанья,
Бегут трестопные толпой
На ою, ает и на ой.

Какие дефекты перечисляет здесь Пушкин?
За рифмой часто холостой...
"Холостой" рифмой он называет такой стих, на который нет парного рифмующего, где не всегда удается подобрать рифму:
На зло законам сочетанья...

"Закон сочетанья" входит в область науки о строфе, о нем будет сказано в дальнейшем. В строке: "Бегут трестопные толпой..." Пушкин имеет в виду незатрудненную легкость трехстопного размера. Что такое "ою", "ает" и "ой"? Это - ходовые окончания. "Ою" - глагольное окончание первого лица очень многих глаголов, инфинитив которых кончается на "ать". Рифмовать подобными окончаниями считается нехорошо. Во-первых, это легко, а во-вторых, здесь повторено одно и то же окончание, в то время как надо, чтобы рифмующие звуки принадлежали различным по значению комбинациям. "Ает" - то же самое. А на "ой" - бесконечное количество склоняемых окончаний. Это повторение окончаний делает рифму очень легкой и по существу дает не столько звуковое совпадение, сколько совпадение грамматическое, морфологическое, которое считалось недостатком рифмы. В частности, очень сильно восставали строгие поэты против употребления в рифме глагольных окончаний -ою, -ает. Когда глагольные окончания совпадают, когда рифма вся состоит только из повторения этих глагольных окончаний, тогда рифма называется глагольной. Эту глагольную рифму не то, чтобы совсем запрещали, но считали рифмой второго сорта. Пушкин в "Домике в Коломне" пишет:

Вы знаете, что рифмой наглагольной
Гнушаемся мы. Почему? спрошу.

Пушкин придерживался того мнения, что глагольные рифмы допустимы. Но сам он употреблял их очень редко.

Слова

созву́чие - harmoonia, kooskõla
именова́ть книжн. - называть
уклоня́ться + от чего? - kõrvale kalduma, erinema
уклони́ться
вплоть до - kuni, koasa arvatud ka
смягче́ние - палатализа́ция
клад - (peidetud)varandus, aare
то́ждество - samasus
отте́нок - varjund
расхожде́ние - erinemine, erinevus
цеп - koot
уны́лый - kaeblik, nukker; nõrgus, tujutu
совпаде́ние - kokku- v. ühtelangemine
вполне́ уме́стный - igati sünnis, sobiv
скорогово́рка - kiirkõne
натя́нутый - otsitud
отлича́ться
отличи́ться + чем? от кого? от чего? - silma paistma
отсро́чка - (tähtaja) pikendus
бу́рый - hallikaspruun
лицеме́рный - silmakirjalik
га́дость - jälkus, jõledus; nurjatus, alatus
изы́сканный книжн. - peen, rafineeritud
сочета́ние - kooskõla; ühendamine; ühend
ходово́й - üldkasutatav
гнуша́ться кем? чем? - põlgama, vastumeelsust v. vastikust tundma
погнуша́ться+

бе́лые стихи́ - vabavärsid
звукове́е соотве́тствие - häälikuline korrelatsioon
опо́рный согла́сный - tugikaashäälik
стопа́ - värsijalg
мужска́я - mees-
же́нская - nais-
хва́тная - süli-

точная	рифма	– puhas, täis-	(riim)
усечённая		– ird-	
составна́я		– liit-	

Задание I. Расскажите о системе рифм, характерной для классического стихосложения:

I. Рифма и ее место в стихе. 2. Правило звукового соответствия. 3. Три рода рифм. 4. Качества рифм. 5. Условия рифмовки двух слов.

Задание 2. Расскажите, как строится строгая, точная, классическая рифма.

Задание 3. Ответьте на вопросы.

I. На какие классы делится приблизительная рифма? Охарактеризуйте каждый класс.
2. Какая рифма называется неточной?
3. Почему некоторые поэты употребляли неточную рифму?
4. Какая рифма считается бедной?
5. Какая рифма называется богатой?
6. К чему приводит сильное обогащение рифмы?
7. В каких произведениях употреблялась каламбурная рифма?
8. Какие рифмы называются банальными?
8. Что сказал А.С. Пушкин о банальных рифмах?
IO. Какая рифма называется глагольной?
II. Почему поэты отказывались от глагольной рифмы?

Задание 4. Расскажите об эстонском стихосложении.

Задание 5. Найдите в тексте предложения с союзами если, когда, чтобы и что. Переведите на эстонский язык и объясните употребление этих союзов.

Задание 6. Образуйте от данных существительных глаголы, составьте с ними предложения, употребляя их в настоящем времени:
рифма, форма, характер, норма, эксперимент, тип, редукция, комбинация, классификация.

Задание 7. Найдите в тексте вводные слова, объясните их значение. Составьте с ними предложения.

М. Феллер.

Рождение названий, связанных с назначением предметов

Очень многие дети говорят вместо лопатка - копатка. Они думают, что название предмету дано не по его форме , схожей с формой широкого листа (ср. лопух), а по назначению, действию, производимому лопатой, - копать. И если дети ошибаются в этом случае, то они правы относительно того, что в нашем языке множество предметов получили названия по своему назначению.

Взять, например, многие сложные слова: паровоз, который возит паром по земле, и пароход, ходящий по морю с помощью пара, ледокол, предназначенный для того, чтобы колоть лед, и волнорез, режущий волны, которые набегают на берег, водомер, миномет, пулемет, водопровод, газопровод и т.д. Достаточно немного задуматься, чтобы понять признак, использованный при создании всех этих слов.

Слова с суффиксами: двигатель - от двигать, выключатель - от выключать, предохранитель - от предохранять, будильник - от будить, паяльник - от паять, холодильник - от холодить, вешалка - от вешать, грелка - от греть, мыло - от мыть, шило - от шить.

У чехов самолет называется летадло, у украинцев - литак. Оба эти слова ведут свое начало от общего всем славянским языкам корня лет, который находим в русском - летать, самолет. и т.д.

Почти все перечисленные слова обозначают названия орудий, действия, инструментов, приборов, с помощью которых выполняется определенное действие; по этому действию они и названы.

Интересно слово счётчик, естественно, образованное от считать. Пока счёт могли вести только сами люди, слово счётчик на-

зывало человека, производящего счёт, теперь же у нас есть газовый счётчик, электрический счётчик и многие другие приборы, называемые по их действию счётчиками. Вообще названия по выполняемому действию часто оказываются общими для людей и приборов, если только одно и то же действие может выполнять и человек и прибор.

Назначение - это не только действие, выполняемое с помощью названного предмета. По назначению названы многие помещения и территории, где происходит действие: спальня - от спать; пастбище - от пасти; стрельбище - от стрелять, стрельба; зимовка - от зимовать; училище - от учить; бойня - от бить.

Предмет может быть предназначен для того, чтобы содержать что-то, и тогда название указывает корнем на содержимое этого предмета, т.е. опять-таки на его назначение - бумажник, чайник.

Вполне понятно, как возникли слова коровник, свинарник, курятник или чернильница, пепельница.

Каждый легко объяснит, как образованы эти слова. Что делает или содержит предмет, передано корнем слова. На характер предмета: инструмент, помещение и т.д. - указывает суффикс слова.

Рождение названий, связанных со способом изготовления предметов

Примеры названий этого типа можно найти в любом меню: варенье - от варить, печенье - от печь, жаркое - от жарить, отбивная - от отбить, битки - от бить. Это не случайно, поскольку вкусовые качества пищи зависят от способа её приготовления.

Теперь посмотрим на некоторые заимствованные из иностранных языков названия. Здесь наблюдается во многих случаях та же картина.

Сардины - это рыбки, приготовленные по способу, принятому на острове Сардиния. Английское по происхождению слово ростбиф означает "слегка поджаренное говяжье мясо".

Названия, говорящие о материале, из которого изготовлен предмет

Слова платить, плата, заплатить одного корня со словами плат, платок, платье, заплата. Здесь называние произошло по материалу, из которого изготовлен предмет. В древности торговля была обменной, привозные товары почти до IX - X столетия обменивали на куски ткани.

Очень часто шли в обмен платы, так как они были весьма удобными для расчета, своего рода разменной монетой. Поэтому от корня плат образованы и слова, связанные с оплатой.

Из древней Греции через латинский , итальянский и французский языки пришло к нам слово сандалии. Сандалии древних греков делались из коры сандалового дерева, отсюда и название сандалии. Теперь сандалиями называются легкие туфли из кожи. Значение "легкая обувь" за этим словом сохранилось, хотя предмет, обозначаемый им, по материалу, из которого сделан, совсем иной. Из греческого языка более позднего периода ведет происхождение слово туфли. Дело в том, что обувь, напоминающая наши туфли, делалась целиком из коры. В греческом же языке слово панто означало "весь", а фе́ллос -"из коры", отсюда название обуви "пантофе́ллос". В русском языке слово туфель прочно утвердилось.

Блуза - слово, пришедшее из французского языка. Первые блузы, которые носили участники крестовых походов, делались из материи. Синей краской индиго эту материю окрашивали в египетском городе Пелузиум. Ткань, окрашенная индиго, и одежда, сшитая из нее, называлась в средневековой латыни пелузия. Затем по звуковым законам французского языка получилось современное блюз - блуза.

Слово тахта - название дивана без спинки и валиков - пришло к нам с востока, из тюркских языков. Тохта значит в этих языках "доска", так как название дано по материалу, из которого изготовлена мебель.

Название предметов, возникшие в связи с внешним сходством между предметами

Слово сахар, служащее для называния кристаллического сладкого вещества, относящегося к углеводам, по происхождению не означает "сладкий". На древнеиндийском языке сакхара означало "щебень", "крупный песок". Древние европейцы почти не знали сахара, так как из свеклы его стали делать совсем недавно, а сахарный тростник в Европе не растет.

Те из индоевропейских племен, которые добрались в своих передвижениях до Индокитая, назвали сладкое сыпучее вещество песком-сакхара. Когда торговцы привозили сахар другим народам, то вместе с товаром приходило и иноязычное название продаваемого продукта. Так появились шакар - у персов, шекер - у турок, суккар - у арабов.

Во время крестовых походов сахар привезли в Европу. И на этот раз вместе с продуктом пришло и его название, уже арабское, от которого ведут свой род греческое - сакхарон, французское - сюкр, английское - шуге, немецкое - цукэр, наше - сахар, украинское - цукор.

Очень часто самые разные растения по сходству их плодов с яблоками получают название яблоко (с указанием, какое это яблоко).

Так произошло, например, во многих языках с картофелем.

Картофель в нашей стране появился только в начале XVIII века. В западной Европе его узнали вскоре после открытия Америки Колумбом, с XVI века.

На родине картофеля индейцы называли его пата́та. Такое название приняли и испанцы, первые колонизаторы Америки. Немного на свой лад переделали название англичане - потэйто. У нас наименование картофеля - патата иногда упоминается в книжках об индейцах.

Другие народы стали называть привозной овощ по внешнему его виду. У французов картофель - пом де тэр, что значит "земляные яблоки", "яблоки земли". Так одно время называли картофель и у нас. В 1765 г. в Петербурге вышла книга о кар-

тофеле под названием "Наставление о разведении земляных яблок, потетес именуемых". Здесь явное сопоставление картофеля и яблока по внешнему виду.

Итальянцы называли картофель "земляным грибом" - тартуфоло. Из итальянского языка пришло к нам как название земляного съедобного гриба округлой формы, растущего под землей без корня и ствола, - трюфель. А с названием картофеля вышло иначе. Немцы, заимствовав у итальянцев это слово и несколько изменив его звуки, стали говорить картофель.

Так говорили и получившие немецкое образование русские, украинские и белорусские помещики. А от них переняли это слово крестьяне, которых заставляли сажать заморский плод. Только они придали слову более простое, привычное для русского уха оформление - картошка. Русские крестьяне нашли для картофеля и другое имя. Как и французам, он им тоже напоминал яблоки. Но так как картофель заставляли сажать насильно, его звали чёртовы яблоки . Зато помидоры, видимо, за их красивый вид, назвали боговы яблочки. Здесь тоже видно сопоставление плодов по форме, т.е. использование метафоры при назывании предмета. Помидор - слово, заимствованное нами у итальянцев - помидоро,что значит "золотые яблочки". Другое название помидора - томат, заимствовано нами у французов - томат, которые в свою очередь получили его у мексиканцев - на родине помидоров.

Еще один плод назван яблоком - апельсин. Это слово заимствовано нами у голландцев. На голладском апельсиен означает "китайское яблоко": апел по-голландски - яблоко, сиен - китайский. Впервые в Европу привезли апельсины из Китая португальцы в XYI веке. У болгар апельсин, так же как у турок, поскольку его привозили из Португалии, называется портокал (название по месту, откуда привозят).

Персики тоже назвали яблоками и тоже по месту, откуда их привозили. Само слово - из латинского языка. Латинское малум персикум означает "персидское яблоко".

Изменение значения слов при заимствовании этих слов из других языков

Очень часто при заимствовании тех или иных слов из одного языка другим языком наблюдается ограничение значения этих слов. Это происходит в связи с тем, что само заимствованное слово связывается в сознании говорящего, берущего его из чужого языка, с каким-то определенным явлением или предметом.

Вот небольшая история тюркского слова диван. Это слово обозначало мудрость, книгу - источник мудрости, сборник стихов, письменность, мудрый совет, собрание мудрецов, государственный совет "совет мудрецов". Несколько позже диван стало обозначать зал, комнату, в которой собирался государственный совет, зал для заседаний, естественно, очень красивый зал.

Читая известные во всем мире сказки "Книга тысячи и одной ночи", встречаем выражения, в которых употребляется слово диван для обозначения совета. Гениальный немецкий поэт И.В. Гете, восхищенный поэтической культурой Востока, в первую очередь поэзией замечательного лирика Хафиза, создал ряд произведений, объединенных в цикле под названием "Западно-восточный диван". В данном случае слово диван употреблено со значением"сборник стихотворений".

У болгар и хорватов, ближайших соседей турок, диван - это уже не зал для заседаний, а комната для приема гостей. Когда слово продолжило дальше свой путь на Запад, к итальянцам и французам, - это уже и не комната для приема приглашенных, а мебель в этой комнате, - мебель, на которой принимают. От французов и пришло к нам с этим значением слово диван.

А в польском диван означает ковёр, т.е. то, что лежит на диване, чем покрывается мебель, которую мы называем диваном.

В русском языке есть два разных, хотя и одинаково звучащих слова диван. Одно, пришедшее прямо из тюркских языков и означающее "совет мудрых", "совет министров". Другое, прошедшее долгий путь через западные языки, обозначающее мягкую мебель для сидения и лежания.

Слова

лопу́х	–	takjas, kobruleht
дви́гатель	–	jõumasin, mootor
выключа́тель	–	lüliti
предохрани́тель	–	kaitse (kaitsmed)
паяльник	–	jootekolb; tinutusvahend
счётчик	–	mõõtja, arvesti, loendaja
назначе́ние	–	ülesanne
стре́льбище	–	laskeväli, -rada
бо́йня	–	tapamaja; verepulm, tapatalgud
бума́жник	–	rahatasku
жарко́е	–	praad
отбивна́я (котле́та)	–	karbonaad; klops
говя́жий	–	looma-, loomaliha
запла́та	–	paik, lapp(rõival)
опла́та	–	maks; tasu; maksmine; tasumine
крестовые похо́ды	–	ristisõjad
ще́бень	–	kildkivi, kiviprügi, killustik
сыпу́чий	–	pudenev, pude; puist-
заи́мствование	–	laenamine; laensõna
ограниче́ние	–	piiramine, kitsendamine
му́дрость	–	(üli)tarkus, elutarkus
мудре́ц	–	tark

Задание I. Расскажите о происхождении названий предметов.

Задание 2. Расскажите об изменении значения слов при заимствовании их из других языков.

Задание 3. Назовите слова, заимствованные эстонским языком из других языков.

Задание 4. Составьте диалог на тему "Разговор по телефону", употребив некоторые из следующих фразеологических сочетаний:

как снег на голову,	пожать плечами, намылить голову,
ни пуха на пера,	из огня да в полымя,

во что бы то ни стало, как без рук,
махнуть рукой.

Задание 5. Составьте предложения со следующими глаголами:

принадлежать (кому? чему? к кому? к чему?),
привязываться (к кому? к чему?),
относиться (к кому? к чему?),
обратить внимание (на кого? на что?),
уделить внимание (кому? чему?).

Г. Остгоф и К. Бругман

Предисловие к книге "Морфологические исследования в области индоевропейских языков"

Со времени появления книги Шерера "К истории немецкого языка" и во многом под влиянием этой книги облик сравнительного языкознания значительно изменился. С тех пор пробил себе дорогу и приобретает все большее число последователей метод исследования, существенно отличающийся от того метода, который использовался сравнительной грамматикой в первые полстолетия ее существования.

Никто не может отрицать, что прежнее языкознание подходило к объекту своего исследования - индоевропейским языкам, не составив себе предварительно ясного представления о том, как живет и развивается человеческий язык вообще, какие факторы действуют при речевой деятельности и как совместное действие этих факторов влияет на дальнейшее развитие и преобразование языкового материала. С исключительным рвением исследовали я з ы к и , но слишком мало говорящего человека.

Механизм человеческой речи имеет две стороны: психическую и физическую. Главная цель ученого, занимающегося сравнительным изучением языков,-выяснить характер деятельности данного механизма. Ибо только на основе более точных

знаний об устройстве и образе действия этого психофизического механизма ученый может составить себе представление о том, что вообще возможно в языке (но только не в языке на бумаге, так как на бумаге можно сделать почти все), о том, каким образом исходящие из индивидов языковые новшества укореняются в языковом коллективе, вообще извлечь те методологические принципы, которыми он должен будет руководствоваться во всех своих разысканиях в области истории языка. Чисто физической стороной речевого механизма занимается физиология звуков. Эта наука существует уже десятилетия, и ее достижениями пользовалось уже прежнее языкознание примерно с пятидесятых годов; в этом следует видеть большую его заслугу. Но данных одной физиологии звуков отнюдь не достаточно, когда хотят составить себе ясное представление о речевой деятельности человека и о новшествах в форме, производимых человеком при говорении. Даже самые обычные изменения звуков, как например переход nb в mb, bn в mn или перестановка ar - ra, непонятны, если их рассматривать с точки зрения физиологии звуков. Необходимо привлечь еще одну науку, которая располагает обширным материалом наблюдений над характером функционирования психических факторов, действующих при бесчисленных звуковых изменениях и при всех так называемых образованиях по аналогии, науку, основные черты которой впервые наметил Штейнталь в своей работе "Ассимиляция и аттракция с точки зрения психологии" и на которую языкознание и физиология звуков до сих пор обращали мало внимания. В примечании I на странице 82 настоящей книги один из авторов, опираясь на эту работу Штейнталя, попытается подробно показать, как важно иметь ясное представление о том, в какой степени звуковые инновации, с одной стороны, представляют собой явления чисто физико-механического порядка и в какой степени они, с другой стороны, являются физическими образами психических явлений. Прежнее сравнительное языкознание, при всем том, что оно охотно использовало данные физиологии звуков, совершенно не обращало внимания на эту психическую сторону речевого процесса и вследствие этого впадало в бесчисленные заблуждения. Толь-

ко в самое последнее время все больше и больше начинают осознавать это упущение. Некоторые основные ошибки, общие всему прежнему языкознанию и вытекавшие из непризнания того факта, что даже преобразования и новообразования, возникающие лишь во внешней языковой форме и касающиеся только звукового выражения мысли, в громадном большинстве случаев основываются на происходящем перед произнесением звука психическом процессе, уже удачно преодолены "младограмматиками" - направлением, исходящим из высказанных в трудах Шерера положений. В этом отношении будущие ученые должны исследовать многое точнее и детальнее, и если историческое языкознание и психология будут связаны более тесно, чем было до сих пор, то можно предположить, что благодаря этой связи будет открыто немало важных для метода исторического языкознания положений.

Если недостаточное исследование речевого механизма, особенно почти полное невнимание к его психической стороне, в прежнем сравнительном языкознании следует отнести к недостаткам, затруднявшим и замедлявшим достижение правильных исходных положений для исследования изменения и образования новых форм в наших индоевропейских языках, то ныне к ним присоединился еще один, влияние которого было куда более худшим и который породил такое заблуждение, что, покуда его разделяли, сделало открытие этих методических положений прямо-таки невозможным.

Реконструкция индо-европейского языка-основы была до сих пор главной целью и средоточием усилий всего сравнительного языкознания. Следствием этого явился тот факт, что во всех исследованиях внимание было постоянно направлено в сторону праязыка. Внутри отдельных языков, развитие которых известно по письменным памятникам, - индийского, иранского, греческого и т.д. - интересовались почти исключительно древнейшими, наиболее близкими к праязыку периодами, следовательно, древнеиндийским, а в нем особенно ведическим, древнеиранским, древнегреческим, а в нем главным образом гомеровским диалектом, и т.д. Более поздние периоды развития языков рассматривались с известным пренебрежением, как эпохи упадка, разрушения, ста-

рения, а их данные по возможности не принимались во внимание.

Из форм древнейших исторических известных периодов развития языков конструировали индоевропейские праформы. И эти последние в такой степени стали общепризнанным масштабом для рассмотрения исторических формаций языка, что сравнительное языкознание получало общие представления о жизни языков, их развитии и преобразовании главным образом с помощью индоевропейских праформ. Но то, что на этом пути нельзя было прийти к правильным руководящим принципам исследования изменения и возникновения новых форм в наших индоевропейских языках, настолько ясно, что приходится удивляться тому, как много людей все еще не понимают этого. Разве достоверность, научная вероятность тех индоевропейских праформ, являющихся, конечно, чисто гипотетическими образованиями, зависит прежде всего не от того, согласуются ли они вообще с правильным представлением о дальнейшем развитии форм языка и были ли соблюдены при их реконструкции верные методические принципы? Следовательно, до сих пор ученые двигались, да и в настоящее время двигаются, не зная этого или не желая себе в этом признаться, по самому настоящему кругу.

Мы должны намечать общую картину характера развития языковых форм не на материале гипотетических праязыковых образований и не на материале древнейших дошедших до нас индийских, иранских, греческих и т.д. форм, предыстория которых всегда выясняется только с помощью гипотез и реконструкций. Согласно принципу, по которому следует исходить из известного и от него уже переходить к неизвестному, эту задачу надо разрешать на материале таких фактов развития языков, история которых может быть прослежена с помощью памятников на большом отрезке времени и исходный пункт которых нам непосредственно известен. Чем больше языкового материала предоставляет нашему наблюдению беспрерывная, насчитывающая столетия письменная традиция, тем в более благоприятном положении мы находимся, и чем дальше какой-либо период развития языка удален по направлению к современности от времени, которым датируется начало письменной традиции, тем неизбежно поучительнее

для нас он становится. Следовательно, ученый, занимающийся сравнительным изучением языков, должен обратить свой взор не к праязыку, а к современности, если он хочет иметь правильное представление о характере развития языка; он должен, наконец, полностью отбросить мысль о том, что компаративисту, изучающему индоевропейские языки, следует обращать внимание на позднейшие фазы развития этих языков только тогда, когда они дают языковой материал, который может быть использован при реконструкции индоевропейского языка-основы.

Языки, подобные германским, романским, славянским, являются, без сомнения, такими, где сравнительное языкознание вернее всего может выработать свои методические принципы. Во-первых, здесь соблюдено основное условие: мы можем проследить развитие и процесс преобразования языковых форм с помощью памятников на протяжении многих столетий. Затем, здесь в гораздо большей степени, чем в древнеиндийском, древнегреческом, латинском языках, мы имеем дело с неподдельной народной речью, с обычным разговорным языком. То, что нам известно о древних индоевропейских языках по дошедшим до нас памятникам, является языком, в такой степени подвергшимся литературному влиянию, что мы вряд ли можем говорить о знании устного, самобытного, непритязательного каждодневного языка древних индийцев, греков и римлян. Но как раз именно этот последний способ сообщения мыслей является таким, наблюдая над которым можно выработать правильную точку зрения для оценки происходящих в устах народа преобразований языка, особенно для оценки доисторического периода в развитии языков. Далее, упомянутые новые языки обладают по сравнению с древними языками еще и тем несомненным преимуществом, столь важным для достижения нашей цели, что результатом их развития в народе, прослеживаемого по памятникам на протяжении веков, являются живые языки, включающие множество диалектов. Эти живые языки, однако, еще не настолько отличаются от более древних, удаленных на столетия и доступных только в письменной форме, чтобы их нельзя было использовать в качестве прекрасного корректива для тех ошибок, которые неоднократно и неизбежно допускались

из-за того, что ученые полагались только на данные этой письменной передачи речи прежних времен. Каждый знает, что мы можем проверить историю верхненемецких звуков в отдельных наречиях с древневерхненемецкого периода до наших дней с гораздо большей достоверностью, чем, например, историю греческих звуков в древнегреческий период, потому что живые звуки современности дают возможность правильно понять значение тех письмен, с помощью которых немцы пытались в далеком прошлом фиксировать звуки. Ведь буквы всегда представляют собой лишь грубые и неумелые, а зачастую и вводящие в заблуждение отображения звуков живой речи; таким образом, вообще невозможно получить верное представление о ходе процесса преобразования какого-либо звука в том или ином древнегреческом или латинском наречии.

Именно новейшие периоды развития новых индоевропейских языков, живые народные говоры имеют большое значение для методологии сравнительного языкознания и в ряде других случаев. Здесь следует остановиться только на одном обстоятельстве, о котором до сих пор слишком мало говорили в языкознании именно потому, что всегда пренебрегали новыми и новейшими периодами в жизни языков. Во всех живых народных говорах свойственные диалекту звуковые формы проводятся через весь языковый материал и соблюдаются членами языкового коллектива в их речи куда более последовательно, чем это можно ожидать от изучения древних, доступных только через посредство письменности языков; эта последовательность часто распространяется на тончайшие оттенки звуков.

Слова

о́блик	- ilme, pale
предвари́тельный	- eelnev
совме́стный	- ühine, ühis-, koos-
укорени́ться	
укорени́ться+	- juurduma

извлека́ть извле́чь + что?	–	ammutama
разыска́ния	–	uurimused
но́вшество	–	uuendus
заблужде́ние	–	eksiarvamus, eksitus, eksimus
упуще́ние	–	viga, hooletus, möödalaskmine
преобразова́ние	–	modifikatsioon, teisendus
новообразова́ние	–	innovatsioon, uusmoodustis
исходи́ть из чего?	–	lähtuma
предполага́ть предположи́ть + что?	–	oletama
средото́чие	–	keskpunkt
уси́лие	–	jõupingutus
пренебреже́ние	–	põlgus, halvakspanu, hoolimatus
достове́рность	–	autentsus
вероя́тность	–	tõenäolisus, usutavus
прослежи́вать проследи́ть + что?	–	jälgima; algusest lõpuni järele uurima
неподде́льный	–	ehtne, võltsimatu
самобы́тный	–	omapärane, eripärane
непритяза́тельный	–	vähenõudlik
преиму́щество	–	eelis, paremus
пренебрега́ть пренебре́чь + чем?	–	mitte hindama, mitte hoolima, ära põlgama, halvaks panema

---

пробива́ть проби́ть + доро́гу	–	teed rajama
вводи́ть ввести́ + в заблужде́ние	–	eksiteele viima

Задание I. Изложите устно основные положения прочитанного отрывка.

Задание 2. Составьте небольшой рассказ на тему "Курсовая работа", используя в нем глаголы:
исследовать, подходить, руководствоваться, основываться, исходить, влиять, разрешать, уделить внимание, принять участие,

оказать помощь, сделать вывод.

Задание 3. Установите значение устойчивых сочетаний:

входить в жизнь, входить в привычку, входить в силу; выходить из себя, выходить за пределы.
Составьте с ними предложения.

Задание 4. Найдите в тексте предложения с союзами и союзными словами что, чтобы, если, когда, какой, который и переведите на родной язык.
Объясните употребление союзов и союзных слов.

А. Шлейхер

Теория Дарвина в применении к науке о языке

...Законы, установленные Дарвином для видов животных и растений, применимы, по крайней мере в главных чертах своих, и к организмам языков. Изложение этого применения составляет прямую задачу этих строк, и мы приступим к нему теперь, показав вообще, что все наблюдательные науки настоящего времени, к которым принадлежит и наука о языке, имеют одну общую черту, обусловленную известным философским воззрением.

Обратимся к книге Дарвина и посмотрим, что в языкознании аналогично со взглядами, изложенными Дарвином.

Прежде всего вспомним, что разделения и подразделения в области языков, в сущности, того же рода, как и вообще в царстве естественных организмов, но что выражения, употребляемые лингвистами для обозначения этой классификации, различны от тех, которые встречаются у натуралистов. Прошу иметь это постоянно в виду, так как это принимается во всем следующем. То, что естествоиспытатели назвали бы родом, у глоттиков именуется племенем; роды, более сродственные между собой, называются иногда семействами одного племени языков. Сознаюсь, впрочем, что при определении родов исследователи языка столь же несогласны между собою, как зоологи

и ботаники; к этому характеристическому обстоятельству, повторяющемуся во всех степенях специфицирования, я еще возвращусь впоследствии . Виды одного рода у нас называются языками какого-либо племени; подвиды - у нас диалекты или наречия известного языка; разновидностям соответствуют местные говоры или второстепенные наречия; наконец, отдельным особям - образ выражения отдельных людей, говорящих на известных языках. Известно, что отдельные особи одного вида не бывают совершенно сходны между собой, и это относится в равной степени и к особям языка; даже образ выражения отдельных людей, говорящих одним и тем же языком, всегда имеет более или менее резкий индивидуальный оттенок.

Что же касается установленной Дарвином изменчивости видов, которая, если только она не однородна и равномерна у всех особей, содействует возникновению из одной формы многих новых (процесс, разумеется, беспрерывно повторяющийся), то в отношении к организмам языка эта способность уже давно признана. Те языки, которые,по выражению ботаников и зоологов, следовало бы обозначить видами одного рода, мы считаем за детей одного общего основного языка, из которого они произошли путем постепенного изменения. Из племен языков, нам хорошо известных, мы точно так же составляем родословные, как это старался сделать Дарвин для видов растений и животных. Уже никто более не сомневается в том, что все племя индоевропейских языков: индийский, иранский (персидский, армянский и др.), греческий, итальянский (латинский, оскский, умбрийский, со всеми детьми первого), кельтский, славянский, литовский, германский, или немецкий,языки,т.е. племя, состоящее из множества видов, подвидов и разновидностей, получило свое начало из одной отдельной основной формы, - индогерманского первобытного языка; то же самое прилагается к языкам семитического племени, к которому как известно принадлежат еврейский, сирийский и халдейский, арабский и др., - как вообще ко всем племенам языков.

Относительно происхождения новых форм из прежних в области языка можно делать наблюдения легче и в большем разме-

ре, чем в области организмов растений и животных. Дело в том, что мы, лингвисты, на этот раз имеем преимущество перед прочими естествоиспытателями. О многих языках мы действительно в состоянии доказать, что они разветвились на различные языки, наречия и т.д. Некоторые языки и семейства языков можно проследить более чем в течение двух тысячелетий, так как до нас дошла через письмена в сущности верная картина их прежних форм. Это можно сказать, например, о латинском. Нам известны как древнелатинский, так и романские языки, происшедшие из него посредством разрозненья и постороннего влияния, - вы сказали бы - путем скрещивания; нам известен древнейший индийский, известны происшедшие прямо из него языки и, далее, происходящие от этих языки новоиндийские. Таким образом, мы имеем твердую и верную основу для наблюдения. То, что нам положительно известно о языках, сделавшихся доступными нашим наблюдениям в течение столь долгих периодов времени потому, что народы,ими говорившие, к счастью, оставили письменные памятники из сравнительно раннего времени, - мы имеем право распространять и на другие племена языков, у которых недостает подобных памятников их прежних форм. Таким образом, мы знаем из прямых наблюдений, что языки изменяются, пока они живут, и данными для этих наблюдений мы обязаны только письменности.

Если бы письменность не была изобретена доныне, то языкоиспытателям, вероятно, никогда бы не пришло в голову, что языки, как,например, русский, немецкий и французский, происходят от одного и того же языка, они,может быть, не догадались бы предположить общее происхождение для каких-либо языков, хотя и находящихся в самом близком сродстве, и вообще допустить, что язык изменяется. Без письменности наше положение было бы еще более затруднительным, чем положение ботаников и зоологов, которые имеют, по крайней мере, образчики прежних образований и научные объекты которых вообще легче наблюдаемы, нежели языки. Но теперь у нас более материала для наблюдения, чем у других естествоиспытателей, и оттого мы раньше пришли к той мысли, что виды не первозданны. Кроме того, изменения в языках, может быть, совершались быстрее, чем в царствах живот-

ном и растительном, так что зоологи и ботаники находились бы с нами в равно благоприятных условиях разве только в том случае, если бы дошли до нас целые ряды так называемых допотопных форм, хотя бы лишь некоторых родов, в совершенно уцелевших экземплярах, т.е. с кожею и волосами или с листьями, цветком и плодом. Впрочем, различие относительно материала для наблюдений между царством языка и царством животных и растений, как уже сказано, только количественное, ибо, как известно, некоторая степень изменчивости животных и растений есть также дознанный факт.

Все более организованные языки, как,например, праотец индогерманского племени, нам совершенно известный, очевидно показывают своим строением, что они произошли посредством постепенного развития из более простых форм. Строение всех языков указывает на то, что их древнейшая форма в сущности была та же, которая сохранилась в некоторых языках простейшего строения (например, в китайском). Одним словом, то, из чего все языки ведут свое начало, были осмысленные звуки, простые звуковые обозначения впечатлений, представлений, понятий, которые могли быть употребляемы различным образом, т.е. играть роль той или другой грамматической формы, без существования особых звуковых форм ... В этом наидревнейшем периоде жизни языка в звуковом отношении нет ни глаголов, ни имен, ни спряжений , ни склонений и т.д.

...Употребляя форму уподобления, я смогу назвать корни простыми клеточками языка, у которых для грамматических функций, каковы имя, глагол и т.д., нет еще особых органов и у которых самые эти функции (грамматические отношения) столь же мало различны, как, например, у одноклеточных организмов или в зародышном пузырьке высших живых существ дыхание и пищеварение.

Мы принимаем, таким образом, для всех языков по форме одинаковое происхождение. Когда человек от звуковой мимики и звукоподражаний нашел дорогу к звукам, имеющим уже значение, то эти последние были еще простые звуковые формы, без всякого грамматического значения. Но по звуковому материалу

из которого они состояли, и по смыслу, который они выражали, эти простейшие начала языка были различны у различных людей, что доказывается различием языков, развившихся из этих начал. Оттого мы предполагаем бесчисленное множество первобытных языков, но для всех принимаем одну и ту же форму.

В некоторой степени соответствующим образом представляем мы себе происхождение растительных и животных организмов; их общая первоначальная форма есть, вероятно, простая клеточка, точно так же, как относительно языков это есть простой корень. Простейшие формы позднейшей жизни животных и растений, клеточки, следует, кажется, также предположить простейшими во множестве; в известный период жизни нашей планеты, как в области языков, мы допустили одновременное появление многих простых звуков со значением. Эти первоначальные формы органической жизни, не имевшие еще притязания на названия ни животного, ни растения, впоследствии развились в разных направлениях; таким же образом - и корни языков.

Так как в эпоху историческую мы видим, что у людей, живущих в одинаковых условиях, языки изменяются равномерно в устах всех особей, ими говорящих, то мы и принимаем, что язык образовывался однородно у людей совершенно однородных. Ибо вышеизложенный метод - от известного заключать о неизвестном- не дозволяет нам предположить для древних времен, не подлежащих нашему непосредственному наблюдению, иные законы жизни, нежели те, которые мы замечаем в периоде, доступном нашему наблюдению.

При других условиях иначе образовывались и языки и, по всей вероятности, различие языков находилось в прямом отношении к различию жизненных условий людей вообще. Таким образом, первоначальное распределение языков на земле происходило, вероятно, с строгой законностью; языки соседних народов были более сходными, чем языки людей, живших в разных частях света. По мере удаления языков от исходного языка они должны были все более и более уклоняться от него, так как вместе с удалением изменяются и климат и жизненные условия вообще. Даже в настоящее время сохранились, по-видимому, следы этого правильного распределения языков.

... Это разительное согласование в строении географически соседних племен языков мы считаем явлением самой ранней жизни языка. Колыбели происхождения таких языков, коих образовательное начало в сущности аналогично, по нашему мнению, следует считать соседственными. Подобно языкам, и флоры и фауны отдельных частей света обнаруживают свойственный им тип.

В историческое время виды и роды языков постоянно исчезают и другие распространяются на их счет; для примера я упомяну только о распространении индогерманского племени и о вымирании американских языков. В древние времена, когда на языках говорило сравнительно малочисленное народонаселение, вымирание форм языков, может быть, происходило в несравненно высшей степени. Но так как более организованные языки, как, например, индогерманский, должны существовать уже давно, как это видно из их высокого развития, из их настоящей, очевидно, древней формы и из вообще медленного изменения языков, то следует, что доисторический период жизни языков был гораздо продолжительнее, чем период, принадлежащий историческому времени. Известен же нам язык только со времени употребления письменности. Итак, для периода исчезновения организмов языка и изменения первоначальных его условий нам следует вообще предположить весьма большое пространство времени, может быть, их нескольких десятков тысячелетий. В этот большой промежуток времени исчезло, вероятно, более родов языков, нежели сколько их существует в настоящее время. Так объясняется и возможность большого распространения некоторых племен, например индогерманского, финского, малайского, южноафриканского и т.д., которые сильно разошлись на просторной почве. Такой же процесс Дарвин принимает для царств растительного и животного, называя его "борьбой за существование"; множество органических форм должно было погибнуть в этой борьбе и дать место сравнительно немногим избранным. Приведем собственные слова Дарвина. Он говорит: "Преобладающие виды обширнейших преобладающих групп стремятся оставлять многих видоизмененных потомков, и таким образом возни-

кают новые подгруппы. По мере их возникновения виды групп менее сильных, унаследовавшие от общего родича какое-либо несовершенство, склонны к одновременному вымиранию без видоизмененного потомства. Но окончательное вымирание целой группы видов часто может быть процессом весьма медленным вследствие сохранения немногих потомков, выживающих в защищенных объединенных местностях (с языками это встречается в горах; например, баскский язык в Пиринеях, остаток прежде распространенного языка; то же самое видим на Кавказе и в других местностях). Когда группа исчезла вполне, она не появляется вновь, ибо потомственная связь порвана. Мы можем понять, каким образом распространение преобладающих жизненных форм, всего чаще изменяющихся, стремится со временем населить весь мир близко сродными , хотя и видоизмененными, потомками; они по большей части успевают заменить те группы видов, которые слабее их в борьбе за существование".

Эти слова Дарвина могут быть применены к языкам без всякого изменения. Дарвин превосходно изображает в приведенных строках то, что совершается при борьбе языков за свое существование. В настоящем периоде жизни человечества победителями в борьбе за существование оказываются преимущественно языки индогерманского племени; распространение их беспрерывно продолжается, а многие другие языки ими вытеснены ...

Вследствие огромного вымирания языков погасли некоторые посредствующие формы; вследствие переселений народов изменились первоначальные условия языков, так что ныне нередко языки весьма различной формы являются соседями по местности, не имея посредствующих между собою звеньев. Так, например, мы видим, что баскский язык, совершенно различный от индогерманского, стоит совершенно уединенно среди этого племени.

В сущности то же говорит Дарвин о соотношениях царств животного и растительного.

Понятно, что только основные черты воззрений Дарвина имеют применение к языкам. Область языков слишком различна от царств растительного и животного, чтобы совокупность рас-

суждений Дарвина до малейших подробностей могла иметь для нее значение.

Но в области языков тем более неопровержимо происхождение видов путем постепенного разрознения и сохранения более развитых организмов в борьбе за существование. Оба главные начала Дарвинова учения разделяют со многими другими великими открытиями то свойство, что они оказываются справедливыми даже в таких сферах, которые первоначально не были принимаемы в соображение.

Слова

применя́ть приме́нить + что?	- rakendama, kohaldama
обусло́вливать обусло́вить + что?	- tingima
воззре́ние	- vaade, mõtteviis
излага́ть изложи́ть + что	- esitama
схо́дный	- sarnane
изме́нчивость	- muutlikus
разветвля́ться разветви́ться +	- hargnema
письмена́	- (kirja)tähed, kirjamärgid (muinasaegsed)
пи́сьменность	- kirjavara
разрозне́ние	- eraldumine
скре́щивание	- ristamine; ristumine
дога́дываться дога́даться +	- taipama
первозда́нный	- primaarne
допото́пный	- noaaegne
представле́ние	- kujutlus
поня́тие	- mõiste
уподобле́ние	- võrdlemine; sarnastamine
звукоподража́ние	- onomatopöa

уклоня́ться
уклони́ться +/ - kõrvale kalduma, erinema
рази́тельный - hämmastav
колыбе́ль перен. высок. - häll
пото́мок - järglane; järeletulija
неопровержи́мый - ümberlükkamatu

в лингвистике

пле́мя - hõim
семе́йство - keelkond
род - sugukond; kategooria
вид - liik
подви́д - alaliik
разнови́дность - teisend, varieteet; erikuju
го́вор - murrak
наре́чие - murre
диале́кт - dialekt
о́собь - isend

Задание I. Составьте план прочитанного и передайте данную теорию своими словами.

Задание 2. Расскажите о летней диалектологической экспедиции.

Задание 3. Составьте предложения со следующими глаголами: заблудиться (где?), появиться (где?), написать (где?), оставлять (где), оставаться (где?), исчезать (где?), собираться (где?), забыть (где?).

Задание 4. Найдите соответствия на эстонском языке:
из рук вон плохо, как без рук, на все руки мастер, не покладая рук, рука об руку, рукой подать;

идти в ногу, со всех ног, поставить на ноги, встать с левой ноги, без ног;

носом к носу, на носу, повесить нос, совать нос, зарубить себе на носу.

Задание 5. Расскажите о происхождении и формировании эстонского языка, используя следующие слова:
возникновение, образование, развитие, изменение, родословный, разветвляться, скрещивание, переселение, вымирание, племя, семейство, род, вид, подвид, разновидность, говор, наречие, диалект, письменность.

Задание 6. Составьте предложения, используя в них следующие выражения: из рук вон плохо, не покладая рук, на все руки мастер, золотые руки; со всех ног, поставить на ноги, встать на ноги, встать с левой ноги; повесить нос, совать нос, зарубить на носу.

Задание 7. Образуйте, где это возможно, простую и сложную сравнительную и превосходную степень и краткую форму от прилагательных:
простой, близкий, древний, твердый, верный, известный, поздний, строгий, постоянный, ранний, правильный, продолжительный, доступный, обширный.

Задание 8. Составьте предложения, используйте в них прилагательные в сравнительной и превосходной степени и в краткой форме.

В мире мудрых слов

Однажды спросили(арабского философа) Газали... как он достиг такой высокой степени в науках. "Потому что не стыдился я спрашивать о том, чего не знал", - отвечал он.

Саади

Очень плох человек, ничего не знающий, да и не пытающийся чего-нибудь узнать. Ведь в нем соединились воедино два порока.

Абдуль-Фарадж

Судить о людях нужно не по тому, чего они не знают, а по тому, что и как знают.

Л. Вовенарг

Я испытываю всю жажду познания, беспокойное стремление влечет меня все вперед и вперед, и каждый успех на этом поприще дает мне радость.

И. Кант

... чем выше человек восходит в познаниях, тем пространнейшие открываются ему виды.

А.Н. Радищев

Неправильное знание хуже, чем незнание.

А. Дистервег

Очень немногие люди, и притом только самые замечательные, способны просто и откровенно сказать: "не знаю"...

Д.И. Писарев

... знание возбуждает любовь: чем больше знакомишься с наукою, тем больше любишь ее.

Н.Г. Чернышевский

Всего знать никто не может, а стыдно и вредно притворяться, что знаешь, чего не знаешь.

Л.Н. Толстой

Трудящиеся тянутся к знанию, потому что оно необходимо им для победы.

В.И. Ленин

Я всегда любил музыку. Если мне подолгу не приходилось слушать ее , я тосковал.

И.Е. Репин

Музыка сопровождает человека в течение всей его жизни...

Без музыки трудно представить себе жизнь человека. Без звуков музыки она была бы неполна, глуха, бедна...

Людям нужны все виды музыки - от простого напева свирели до звучания огромного симфонического оркестра, от незатейливой популярной песенки до бетховенских сонат.

Д.Д. Шостакович

...чтобы написать красавицу, мне надо видеть много красавиц...

Рафаэль

Живопись - это поэзия, которую видят, а поэзия - это живопись, которую слышат.

Леонардо да Винчи

...Заниматься живописью, не имея врожденного таланта, то же, что бросать семя в волны.

П. Веронезе

(Древний художник сказал) ученику, написавшему чересчур разнаряженную Елену: "Ты не умел написать ее прекрасной, а потому и написал ее богато одетой"...

Г. Лессинг

...из всех художественных работ бюст и портрет требуют наибольшей проницательности...

Хороший бюст равносилен целой биографии. Каждый бюст Гудона, например, стоит главы из каких-нибудь мемуаров; эпоха, раса, звание, индивидуальный характер - все в нем указано.

О. Родэн

Вот тебе два дела, - сделай хоть одно из них,
Коль прославиться делами хочешь пред людьми,
Или то, что сам ты знаешь, передай другим,
Или то, чего не знаешь, от других возьми!

Анвари

По какому-то непонятному и роковому закону, заказывающий свой портрет всеми силами противодействует таланту художника, которого сам же выбрал.

Человек очень редко видит себя таким, каким он есть, а если даже он и знает себя, то неприятно поражен, когда художник передает его наружность правдиво.

Он желает быть представлен в самом безличном и банальном виде официальной или светской куклы. Его личность должна быть совершенно поглощена его должностью и положением в свете. Прокурору интересна только его тога, а генералу расшитый золотом мундир.

Им все равно - читают ли в их душе. Вот чем объясняется успех посредственных портретистов и ваятелей, которые ограничиваются передачей чисто внешней, банальной стороны их клиентов, с их позументами и казенной позой.

О. Родэн

Безобразно в искусстве все неискреннее, искуственное, все, что хочет казаться красивым и прекрасным, а не характерным, все мелкое, изысканное, все, что улыбается без причины, жеманится без нужды, хорохорится и важничает без основания... все, что лжет.

Когда художник, желая "делать красивее", изображает весну более зеленой, восход более розовым, молодые уста более алыми, он творит безобразие, потому что он лжет.

Когда он скрадывает гримасу страдания, дряхлость старости, мерзость разврата, когда он приглаживает природу, стушевывает, наряжает, умеряет ее, с целью понравиться публике, он творит безобразие, потому что он боится правды.

О. Родэн

Кто имеет знания и делает вид незнающего, тот на высоте. Кто без знаний и делает вид знающего, тот болен.

Лао-цзы

Если путь твой к познанию мира ведет, -

Как бы ни был он долог и труден - вперед!

Фирдоуси

...никогда не следует исчерпывать предмет до того, что уже ничего не остается на долю читателя. Дело не в том, чтобы заставить его читать, а в том, чтобы заставить его думать.

Ш. Монтескьё

Каждый писатель, до известной степени, изображает в своих сочинениях самого себя, часто даже вопреки своей воле.

В. Гете

Настоящий писатель - это то же, что древний пророк: он видит яснее, чем обычные люди.

А.П. Чехов

Красивые женщины не умеют стариться, артисты не умеют вовремя удалиться со сцены: и те и другие не правы.

А.Г. Рубинштейн

Научите вашу душу не только воспринимать, но впитывать в себя прекрасное... Тогда вы будете настоящим артистом-художником и ничто злое и грязное не посмеет туда войти.

В.Ф. Комиссаржевская

Я никогда не бываю на сцене один. На сцене два Шаляпина. Один играет, другой контролирует.

Ф.И. Шаляпин

...музыка ужасна,
Когда ни такта в ней, ни меры нет.

В. Шекспир

Вы спросите, откуда я беру свои идеи?.. - я улавливаю их на лоне природы, в лесу, на прогулках, в тишине ночи, ранним утром, возбужденный настроениями, которые у поэта выражаются словами, а у меня превращаются в звуки, звучат, бушуют, пока не станут передо мною в виде нот.

Л. Бетховен

Из наслаждений жизни
Одной любви музыка уступает.
Но и любовь - мелодия...

А.С. Пушкин

Все живое есть результат борьбы...

В.Г. Белинский

Все познать - и не пасть душою,
Смелс за правду бороться с тьмою, -
Вот человек, твоя судьба.
Помни отныне: жизнь - борьба.

Я. Райнис

Статую красит вид, а человека - деяние его.

Пифагор

Счастье достается тому, кто много трудится.

Леонардо да Винчи

...только во всеобщем счастье, можно найти свое личное счастье.

Гоббс

Испытываешь нечто вроде стыда, когда чувствуешь себя счастливым в виду иных несчастий.

Ж. Лабрюйер

Самый счастливый человек тот, кто дает счастье наибольшему числу людей.

Д. Дидро

Нет ничего выше и прекраснее, чем давать счастье многим людям.

Л. Бетховен

Чтобы быть вполне счастливым, недостаточно обладать счастьем, надо еще заслуживать его.

В. Гюго

Если ты учишь, старайся быть кратким, чтоб разум послушный тотчас понял слова и хранил бы их в памяти верно! Все, что излишне, хранить понятие наше не может.

Гораций

Только в коллективе индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода.

К. Маркс и Ф. Энгельс

...народ есть неиссякаемый источник энергии, единственно способный претворить все возможное - в необходимое, все мечты - в действительность...

М. Горький

Мир - добродетель цивилизации, война - ее преступление.

В. Гюго

В человеке при появлении его на свет нет ни положительного зла, ни положительного добра, а есть только возможность и способность к тому и другому, развиваемые в нем в зависимости от среды, в которой он живет, и воспитания, которое он получает в семье и обществе.

Р. Оуэн

...отдельный человек слаб, но мы знаем также, что целое - это сила.

К. Маркс

Нам дороги родители, дороги дети, близкие, родственники; но все представления о любви к чему-либо соединены в одном слове "отчизна".Какой честный человек станет колебаться умереть за нее, - если он может принести этим ей пользу?

Цицерон

...и робкого делает храбрым слово"отчизна".

Лукиан

...лучшее средство привить детям любовь к отечеству состоит в том, чтобы эта любовь была у отцов.

Ш. Монтескьё

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы.

А.С. Пушкин

Нет выше идеи, как пожертвовать собственной жизнью, отстаивая своих братьев и свое отечество, или даже просто отстаивая интересы своего отечества.

Ф.М. Достоевский

В плавании по морю должно повиноваться кормчему, а в жизни человеку — более других рассудительному.

Пифагор

Кто не любит свободы и истины, может быть могущественным человеком, но никогда не будет великим человеком.

Вольтер

Малый человек и на горе мал; исполин велик и в яме.

М.В. Ломоносов

Знание того, какими вещи должны быть, характеризует человека умного; знание того, каковы вещи на самом деле, характеризует человека опытного; знание же того, как их изменить к лучшему, характеризует человека гениального.

Л. Дидро

Гений и злодейство
Две вещи несовместные...

А.С. Пушкин

...чтобы сделать что-нибудь великое, нужно все силы души устремить в одну точку.

Л.Н. Толстой

...если голова пуста,
то голове ума не придадут места.

И.А. Крылов

...борьба есть условие жизни: жизнь умирает, когда оканчивается борьба.

В.Г. Белинский

Те, у которых мы учимся, правильно называются нашими учителями, но не всякий, кто учит нас, заслуживает это имя.

В. Гете

Кто не может взять лаской, тот не возьмет и строгостью.

А.П. Чехов.

Учитель работает над самой ответственной задачей - он формирует человека.

М.И. Калинин

Берегись, чтобы люди, заметив твое непочтение к родителям, не стали сообща презирать тебя, и чтобы тебе не остаться вовсе без друзей, потому, что как только они заметят твою неблагодарность к родителям, никто не может быть уверен, что, сделав тебе доброе дело, получит благодарность.

Сократ

Не забывай о том, что мать вспоила нас,
Отец же воспитал свое родное чадо,
Поэтому страшись в беспечности своей

В их старые сердца пролить хоть каплю яда.
К тому же - минёт час: ты старцем будешь сам,
Смотри же, не нарушай священного уклада.

Н. Хисроу

Материнские руки - воплощение нежности; детям хорошо спится на этих руках.

В. Гюго.

Как грубо ошибаются многие, даже лучшие из отцов, которые почитают необходимым разделять себя с детьми строгостью, суровостью, недостойной важностью! Они думают этим возбудить к себе в детях уважение, и в самом деле возбуждают его, но уважение холодное, боязливое, трепетное, и тем отвращают их от себя и невольно приучают к скрытности и лживости...

В.Г. Белинский

Ничто так ужасно не действует на юную душу, как холодность и важность, с которыми принимается горячее излияние ее чувства, никто не обливает ее таким умерщвляющим холодом, как благоразумные советы и наставления там, где ожидает она сочувствия. Обманутая таким образом в своем стремлении раз и другой, она затворяется в самой себе, сознает свое одиночество, свою отдельность и особность от всего, что так любовно и родственно еще недавно окружало ее, и в ней развивается эгоизм... Если же не это, может случиться другое: индивидуальность человеческая, по своей природе, не терпит отчуждения и одиночества, жаждет сочувствия и доверенности подобных себе, - и дети сдружаются между собою, составляют род общества, имеющего свои тайны, общими и соединенными силами скрываемые, что никогда до добра не доводит.

В.Г. Белинский

Мы любим сестру, и жену, и отца,
Но в муках мы мать вспоминаем!

Н.А. Некрасов

Восславим женщину - Мать, чья любовь не знает преград, чьей грудью вскормлен весь мир! Все прекрасное в человеке - от лучей солнца и от молока Матери, вот что насыщает нас любовью к жизни!

М. Горький

Есть книги, которые надо только отведать, есть такие, которые лучше всего проглотить, и лишь немногие стоит разжевать и переварить.

Ф. Бэкон

Люди перестают мыслить, когда перестают читать.

Д. Дидро

Среди книг, как и среди людей, можно попасть в хорошее и дурное общество.

К. Гельвеций

...любите книгу, она облегчит вам жизнь, дружески поможет разобраться в пестрой путанице мыслей, чувств, событий, она научит вас уважать человека и самих себя, она окрыляет ум и сердце чувством любви к миру, к человеку.

М. Горький

...Любите книгу всей душой! Она не только ваш лучший друг, но и до конца верный спутник!

М.А. Шолохов

Наука и искусство так же тесно связаны между собой, как легкие и сердце, так что если один орган извращен, то и другой не может правильно действовать.

Л.Н. Толстой

И при гениальном таланте только великие труженики могут достигнуть в искусстве абсолютного совершенства форм. Эта скромная способность к труду составляет базу всякого гения. И богато одаренные натуры в "искусстве безграничном" останутся односторонними, крайними, резкими, спорными, обреченными даже на второстепенное значение, если они не одарены страстью до самозабвенья отдаваться искусству.

И.Е. Репин

Только там и есть настоящее искусство, где народ чувствует себя дома и действующим лицом; то только и есть искусство, которое отвечает на действительные чувства и мысли, а не служит сладким десертом, без которого можно и обойтись.

В.В. Стасов

Есть еще пропасть людей, которые воображают, что нужно быть изящным только в музеях, в картинах и статуях, в громадных соборах, наконец, во всем исключительном, особенном, а что касается до остального, то можно расправляться как ни попало - дескать, дело пустое и вздорное. Что может быть несчастнее и ограниченнее таких понятий! Нет, настоящее, цельное, здоровое в самом деле искусство существует уже лишь там, где потребность в изящных формах, в постоянной художес-

твенной внешности простерлась уже на все сотни тысяч вещей, ежедневно окружающих нашу жизнь. Народилось настоящее, не призрачное, народное искусство лишь там, где и лестница моя изящна, и комната, и стакан, и ложка, и чашка, и стол, и шкаф, и печка, и так до последнего предмета: там уже , наверное, значительна будет и интересна, по мысли и форме, и архитектура, и вслед за нею и живопись, и скульптура. Где нет потребности в том, чтобы художественны были мелкие, общежитейские предметы, там и искусство растет еще на песке, не пустило еще настоящих корней; там оно покуда - аристократический гость, изящное препровождение времени привилегированных, исключительных индивидуумов, иной раз талантливых и достойных всего нашего почтения, но горами отделённых - быть может, еще надолго - от массы народной.

В.В. Стасов

Слова

воеди́но высок. - ühtekokku, ühte
поро́к - pahe
позна́ние - tunnetamine; tundmaõppimine
по́прище высок. - tööpõld, (tegevus)ala
возбужда́ть
возбуди́ть+ что? - äratama, esile kutsuma
напе́в - meloodia, viis
незате́йливый - lihtne, primitiivne
проница́тельность - läbinägelikkus
ваятель устар.и высок. - skulptor, kujur
изы́сканный книжн. - peen, rafineeritud, otsitud
жема́ниться разг. - peenutsema, edvistama
ме́рзость - jälkus, jõledus
исче́рпывать
исче́рпать + что? - ammendama
проро́к - prohvet

впи́тывать + впита́ть в себя́	- vastu võtma, endasse koguma
зада́тки	- eeldused, vaimuanded
неиссяка́емый высок.	- ammendamatu
претворя́ть высок.	
претвори́ть + что во что?	- ümberkujundama, muutma
доброде́тель книжн.	- voorus
отста́ивать	
отстоя́ть + что?	- kaitsma, kellegi eest seisma
ко́рмчий устар.	- tüürimees
рассуди́тельный	- arukas
исполи́н книжн.	- hiiglane, suurmees
непочте́ние	- lugupidamatus
ча́до устар.	- laps
уклад	- eluviis, elukord; kord
скры́тность	- kinnisus
вздо́рный разг.	- rumal, tühine; absurdne

Задание I. Найдите IO высказываний о знании и искусстве. Раскройте их смысл.

Задание 2. Расскажите о каком-нибудь писателе или поэте древней Греции.

Задание 3. Напишите сочинение на тему "Мир - добродетель цивилизации, война - ее преступление".

В. Гюго

Задание 4. Найдите в тексте высказывания о счастье, расскажите, как вы понимаете счастье.

Задание 5. Расскажите, опираясь на текст, о значении книг в жизни человека.

Задание 6. Подберите антонимы к данным словам, используйте их в своей речи: порок, незатейливый, изысканный, рассудительный, исполин, непочтение, скрытность, незнание, искусственный, безобразно, отчизна, истина.

Б.Земляной, Ю.Чевокина

В мире занимательных фактов

В Бирме проживает племя падаунги, женщины которого отличаются от всех женщин на свете. Их шеи , обвитые толстыми медными спиралями, достигают 30–40 сантиметров в длину. Но это не биологическая особенность людей. Женщины искусственно вытягивают себе шеи до такой феноменальной длины: по их представлению, это является главным признаком красоты и богатства.

Откуда произошел такой странный обычай, неизвестно. Легенда рассказывает, что когда-то племя падаунгов было богатым и могущественным. Пользуясь богатством, женщины перестали работать, начали предаваться всевозможным развлечениям и совсем забыли о должном "уважении к богам". Разгневанные боги решили наказать их. Когда мужчины уходили охотиться или работать в поле, на селения, где оставались одни женщины, стали нападать тигры, которые хватали своих жертв за горло. Обеспокоенные тем, что племя стало уменьшаться, мужчины обратились к мудрецу, который посоветовал обвивать шеи женщин металлическими спиралями.

С течением времени из средства защиты спирали превратились в предмет украшения; стали символом красоты.

Чтобы надеть на себя побольше блестящих колец, женщины стали искусственно вытягивать себе шеи. Племя стало называться падаунги, что значит длинношеие.

x x

x

Рукопожатие появилось еще в глубокой древности как символ договора о мире и дружбе. У некоторых древних народов Индии рукопожатие было частью церемонии при бракосочетании. У древних римлян оно также носило обрядовый характер, затем перешло к христианам, а позже стало уже простой формой приветствия.

Однако рукопожатие далеко не единственный способ здо-

роваться и прощаться. Любопытный обычай у тибетцев отметил Н.М. Пржевальский. При встрече и прощании младшего со старшим первый снимает шапку и наклоняет немного голову, высовывая при этом язык. В наше время ламы, здороваясь, показывают руки, обращенные ладонями к гостю и высовывают кончик языка, выказывая тем самым высокую почтительность.

В Западной Африке здороваются ударами ладоней по груди, а в Центральной Африке - вежливым поклоном и хлопаньем в ладоши, произнося соответствующие приятные слова. Японцы соблюдают национальный обычай: кланяются несколько раз и спрашивают о здоровье и благополучии.

Приветствия всех народов достойны уважения, ибо они выражают добрые чувства людей.

x x
x

Средневековые рыцари, чтобы показать свои мирные намерения при встречах снимали свои шлемы и открывали голову, оставляя ее незащищенной. В дальнейшем снятие головного убора в знак приветствия привилось повсеместно. Упрощением такого приветствия явилось прикладывание руки к головному убору как бы с намерением снять его.

x x
x

Старинные обычаи нередко очень красивы и имеют глубокий смысл. В Грузии, например, существует такой обычай: за матерей пьют стоя, выражая этим огромное уважение к подвигу матерей.

На III съезде писателей СССР писатель А.Бикчентаев сказал, что башкирский народ не знал слова регламент, но в старину существовал обычай на больших родовых сходках держать речь стоя на одной ноге. Неплохой, достойный всяческой похвалы обычай.

x x
x

Книгопечатание в России началось около 1555 года. Книга "Апостол", на которой помечен год издания, напечатана первопечатниками Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем в 1564 году. Текст ее, как и текст других первых русских книг, воспроизведен древнеславянским шрифтом.

Новый гражданский шрифт был введен по указу Петра I в 1708 г. Шрифты изготовлялись в Амстердаме и одновременно на печатном дворе в Москве. Мастерами словолитцами того времени были Михаил Ефремов, Григорий Александров и Василий Петров. Рисунки букв делал чертежник-рисовальщик Куленбах.

x x

x

Первая в России газета "Куранты" была выпущена в первой четверти XVII века по распоряжению царя Алексея Михайловича. Была она рукописной и выпускалась в форме свитков, достигавших в длину нескольких метров. Наиболее ранний сохранившийся экземпляр датирован 1621 годом.

Первая напечатанная русская газета называлась "Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и в иных окрестных странах".

Начала она выходить по указу Петра I с января 1703 года. Тираж газеты был от 200 до 4000 экземпляров и продавалась газета по 2 копейки за экземпляр.

x x

x

Надежда Андреевна Дурова (1783-1866 гг.) бежала из дома родителей, переоделась в мужскую одежду и, назвавшись Александром Дуровым, поступила добровольцем в уланский полк, участвовала в прусском походе 1808 года и Отечественной войне 1812 года.

За храбрость, проявленную в боях, она получила несколько наград и была произведена в офицеры. Служила она ординарцем при штабе фельдмаршала М.И. Кутузова и была первой женщиной-офицером в русской армии.

Дурова - автор нескольких романов, повестей и мемуарных произведений, Она прототип героини широко известных советскому зрителю пьесы "Давным-давно" и снятой по этой пьесе кинокартины " Гусарская баллада".

x x

x

Самая древняя сохранившаяся до наших дней книга по языкознанию создана индийским ученым Панини в четвертом веке до нашей эры. Это знаменитая "Грамматика", содержащая около четырех тысяч правил. Она и сегодня служит для изучения санскрита - языка древней Индии.

x x

x

Слово "миллион", обозначающее тысячу тысяч, придумал знаменитый путешественник Марко Поло.

Итальянское слово "милле" значит тысяча, а окончание "оне" увеличительное, соответствующее русскому окончанию "ище" или "ища" в словах "домище", "ручища" и других. Слово "миллион", таким образом,соответствует несуществующему слову "тысячища".Марко Поло придумал это слово для того, чтобы описать необычные богатства Востока.

x x

x

Слово"деньга" - серебряная монета - в древней Руси произошло от татарского "таньга". Монета возникла у лидейцев (в Малой Азии) в УП веке до нашей эры, затем монетная чеканка проникла в Грецию. Монета как денежный знак заменила собой все ранее принятые единицы расчетов - хлеб, скот, металлические слитки и другое. Первый двор для чеканки монет был устроен в древнем Риме в храме Юноны Монеты. Отсюда и название - монета.

x x

x

Пушкин обладал прекрасной памятью. Один из его современников писал: "Ему (Пушкину) стоило прочесть два раза страницу какого-нибудь стихотворения, и он мог уже повторить оное наизусть".

x x
x

Величайший шахматист Александр Александрович Алёхин (1892-1946 гг.) обладал удивительно острой памятью и в молодости жаловался на это, имея в виду, что он запоминает многое помимо или вопреки своему желанию и воле.

Однажды у профессора П.Цитовича, где был Алёхин, кто-то предложил проверить слухи о необыкновенной его памяти. Хозяин взял книгу и, раскрыв ее, передал Алёхину, который минуты три-четыре смотрел в текст, а потом, вернув книгу хозяину, уверенно и быстро воспроизвел громким шепотом текст полутора страниц, не допустив ни одной ошибки.

x x
x

Персидский царь Кир знал по имени всех солдат своей армии, а греческий государственный деятель Фемистокл - каждого из 2000 жителей Афин.

x x
x

Неаполитанец Арлини без остановки мог прочитать 15350 стихов из Данте. У французского буржуазного политического деятеля Гамбетты была не менее исключительная память. Он, например, мог прочесть все произведения Виктора Гюго и Оссиана слово в слово и даже в обратном порядке.

x x
x

Л.Н. Толстой в семидесятилетнем возрасте соревновался в конькобежном спорте с молодежью, гостившей в Ясной Поляне, и добивался успеха.

В 1896 году, когда Толстому было свыше 60 лет, он прошел за 6 дней 200 километров от Москвы до Тулы, а затем отправился пешком из Ясной Поляны в Калугу.

x x

x

Великий философ и математик древности Пифагор часто участвовал в атлетических состязаниях. На олимпийских играх он был дважды увенчан лавровым венком за победу в кулачном бою.

x x

x

В один из февральских дней 1891 года китобойное судно "Старв зе Ист" покидало Фолклендские острова. Вдруг раздался голос: "Кашалот!" И действительно, совсем рядом с судном на поверхности океана появилось огромное животное. На воду моментально была спущена лодка, и восемь гребцов налегли на весла.

Громадное чудовище продолжало медленно плыть, не замечая приближающейся опасности. И как только кашалот поравнялся с лодкой, два острых гарпуна вонзились ему в спину. Животное резко рванулось вперед. Начался поединок. Фонтан, извергаемый кашалотом, был красный от крови. Казалось, исход борьбы был решен в пользу китобоев. Но раздавшийся в лодке победный клич был преждевременным. Раненый кашалот вдруг резко повернул, рванулся к лодке и настиг моряков. Еще мгновение и страшный удар опрокинул ее. Китобои очутились в воде.

Но на судне внимательно следили за поединком и на помощь тотчас была послана вторая лодка.

Обессилевшего кашалота добили и пришвартовали к судну.

А что же случилось с теми, кто был в первой лодке? Шестеро остались невредимы. Одного кашалот убил сильным ударом хвоста. Восьмой - молодой моряк Джеймс Бартли - исчез, вероятно, утонул.

Два часа продолжалась разделка туши кашалота. Внезапно моряки заметили странное конвульсивное подергивание желудка. И когда он был вскрыт, по палубе пронесся возглас удивления и ужаса: потрясенные китобои увидели неподвижно лежавшего Джеймса Бартли. Его осторожно извлекли из желудка и поместили в лазарет.

Спустя две недели, когда судно вернулось в порт, Бартли положили в больницу. Несколько недель врачи боролись за его жизнь. Наконец пострадавший поправился настолько, что мог рассказать о случившемся. Бартли отлично помнил тот момент, когда кашалот перевернул лодку. Сначала его подбросило высоко в воздух, а затем он очутился в полной темноте и почувствовал, что скользит вниз по какому-то каналу, стенки которого судорожно сжимались. Внезапно скольжение прекратилось. Бартли, задыхаясь, лежал в кромешной тьме. Температура тела кашалота была настолько высока, что Джеймс обессилел и потерял сознание. Лишь в лазарете на борту он пришел в себя.

Невероятный случай вызвал огромный интерес. Известные врачи и ученые съезжались со всех концов мира, чтобы расследовать этот факт. После тщательного изучения и анализа странного события специалисты пришли к выводу, что только стечение обстоятельств дало Бартли один шанс из миллиона на спасение. Во-первых, Джеймсу удалось миновать острые зубы кашалота; во-вторых, он быстро потерял сознание и лежал без движения и, в-третьих, кашалот был убит буквально через несколько минут после катастрофы, и температура его тела стала быстро снижаться.

Однако Бартли так и не выздоровел окончательно. Его лицо, руки, шея под действием желудочного сока покрылись белыми, как снег, пятнами. Общее состояние здоровья пострадавшего было настолько подорвано, что он не смог вернуться к китобойному промыслу. Но прирожденный моряк не пожелал расстаться с морем. Поэтому вскоре он принял предложение служить на небольшом судне, на котором и плавал пять лет. В 1896 году он умер.

Несомненно, что главной причиной смерти Джеймса Бартли были последствия ужасных часов, проведенных в желудке кашалота.

Этот случай, описанный в заметке сентябрьского номера канадского журнала "Канадиан фимермен" за 1958 год, был взят из одной старой книги под названием "Китобойный промысел. Его опасности и выгоды", в которой были воспроизведены копии письменных свидетельств членов экипажа китобойного судна, данных под присягой, заявления известных врачей и ученых, которые беседовали с жертвой кашалота и командой судна.

x x

x

Прообразом Митрофанушки в "Недоросле" послужил Фонвизину 18-летний дворянин Алексей Оленин.

Увидев себя на сцене, потрясенный Оленин бросил голубятничество и безделье и засел за учебу. Из него вышел образованный человек своего времени - президент Академии художеств и директор публичной библиотеки в Петербурге.

x x

x

В основе фабулы "Каштанки" А.П. Чехова лежит действительный случай со знаменитым впоследствии клоуном и дрессировщиком В.Л. Дуровым, который рассказал об этом происшествии писателю. В чеховской повести не соответствует действительности конец: во время судебного процесса Дуров договорился со столяром о том, чтобы Каштанка осталась у него. Она продолжала выступать в цирке.

x x

x

Филолог Джеймс Т. Мак Донау осуществил при помощи электронного"мозга" анализ "Илиады". Он создал для машины специальный ключ, который охватывал всевозможные комбинации 250 тысяч слогов "Илиады". "Мозг" проанализировал гениальную древнегреческую поэму и пришел к выводу, что "Илиада" написана

одним автором, а не несколькими, как полагали до сих пор.

Электронный "мозг" вскрыл также полную идентичность способа построения стиха во всей поэме. Конечно, он не смог дать ответ на вопрос: написал ли "Илиаду" Гомер или кто-нибудь другой. Зато машина подтвердила, что "Илиада" написана тем же самым человеком, который написал "Одиссею".

х х

х

Древнеармянская пергаментная книга-исполин, которой "отроду" 758 лет, и пергаментная книжка-малютка 525-летнего возраста, проделав долгий путь по различным землям, сошлись в Ереванском Матенадаране - одном из древнейших и богатейших книгохранилищ мира. Вековые "странники" теперь спокойно лежат рядышком на бархате под стеклом.

Первую рукопись можно назвать книгой-библиотекой. Это самый большой в мире рукописный памятник на древнеармянском языке. Для изготовления пергаментных листов книги потребовалось около 700 телячьих шкур. На больших листах рукописи, донесших до нас 200 различных произведений древнеармянской, греческой и других литератур, записана и биография уникальной книги. Она была составлена по заказу богатого армянина Аствацатура Бабердци. Переписывал книгу три года (с 1201 по 1204) писец Вардан Карнеци.

В книге имеется приписка, что в 1204 году сельджуки убили хозяина рукописи и похитили ее вместе с имуществом. Тогда армяне из различных районов собрали 4 тысячи драхм и выкупили книгу. Более семи веков пергаментный исполин пробыл в одном армянском монастыре. Когда разразилась первая мировая война, армяне, спасаясь от турецких погромов, взяли с собой реликвию предков. Двухпудовую книгу разделили пополам и унесли в разные стороны. Через два-три года первая половина поступила в Матенадаран. Другая группа беженцев зарыла свою ношу в землю, чтобы она не попала в руки врага. Эту часть рукописи нашли и привезли в Матенадаран в 1921 году. В результате скитаний уцелело 624 листа. 17 листов книги попало в Италию и ныне хранятся в Венеции.

Рукопись размером менее спичечной коробки - книга-малютка - содержит 104 пергаментных листика и вместе с переплетом весит 19 граммов. Исследователи читают ее с помощью микроскопа. Это теория календаря, написанная каллиграфическим почерком писца Огсента в 1434 году в Крыму. На протяжении пяти веков книжечка бережно передавалась из поколения в поколение. Она скиталась по многим городам: Феодосии, Эривани, Петербургу, Тифлису, Москве. В 1873 году ее нашел в Эривани среди камней и ила, нанесенных наводнением, редактор издававшегося в Петербурге армянского журнала "Аракс" Симон Гуламирян. Находка 15 лет лежала в стеклянной коробке на столе редактора в Петербурге.

x x
x

Гослитиздат в подарок участникам VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов выпустил книгу-малютку.

Книга почти вдвое меньше спичечной коробки. В ней напечатаны два произведения М. Горького - "Буревестник" и "Песня о Соколе" - с портретом автора и двумя заставками. Переплет изготовлен из светло-зеленой кожи, на нем изображен летящий буревестник.

x x
x

У генералиссимуса А.В. Суворова был свой домашний театр, которым он лично руководил. Суворов сам назначал актеров и актрис, обучал их чтению, манерам, давал им советы, определял амплуа. В домашнем театре Суворова были специальные люди, которые обучали певчих и музыкантов.

x x
x

Вольфганг Амедей Моцарт в возрасте 9 лет был автором 12 напечатанных сонат и нескольких симфоний. В двенадцатилетнем возрасте он написал в Вене свою первую оперу, в тринадцати-

летнем - дирижировал торжественной мессой собственного сочинения и получил от Миланского театра заказ на новую оперу, в четырнадцатилетнем - поставил в Милане эту оперу, которая называлась "Митридат".

14 лет он приехал в Рим и пошел в собор святого Петра. Там на органе исполнялось одно из произведений церковной музыки. Папский двор держал ноты этого произведения в тайне. Придя домой, Моцарт записал на память всю музыку. Много лет спустя удалось сопоставить запись Моцарта с подлинником нот. Оказалось, что композитор не сделал ни одной ошибки!

За 35 лет жизни Моцарт создал свыше 600 произведений. Но когда сердце композитора перестало биться, у вдовы его не оказалось денег даже для того, чтобы купить ему отдельное место на кладбище. Похоронен он был в общей могиле для бедняков.

x x

x

В 1863 году 13 учеников Академии художеств отказались писать дипломные работы на традиционную "академическую" тему из мифологии и покинули стены учебного заведения. Вожаком этой группы был И.Н. Крамской, выдающийся портретист. Группу Крамского назвали "Товариществом передвижников", так как эти художники явились инициаторами создания в России передвижных художественных выставок.

В число передвижников вошли передовые русские художники-демократы и среди них Репин, Суриков, Перов, Шишкин, Васнецов.

x x

x

Картину "Запорожцы пишут письмо турецкому султану" И.Е. Репин писал с 1880 по 1891 год, то есть одиннадцать лет. Для фигуры писаря художнику позировал известный украинский историк Д.И. Эварницкий.

В сидящем над писарем запорожском атамане современ-

ники узнавали популярного в те годы генерала М.Н. Драгомирова. Бурсак слева от писаря, с головой, подстриженной "под кружок", написан с маски украинского художника П.Д. Мартыновича. Запорожец в высокой шапке рядом с бурсаком воспроизведен с В.В. Тарновского, известного украинского коллекционера. Богатырь в черной папахе написан с художника Н.Д. Кузнецова, а стоящий за спиной этого могучего казака высокий, стройный юноша в богатом платье - внучатый племянник композитора М.И. Глинки. Развалившегося на бочке прямо перед столом казака Репин задумал написать с губернского предводителя дворянства Г. П. Алексеева, и когда тот наотрез отказался позировать, Репин тайком зарисовал его затылок. Для казака в красном костюме и белой папахе художнику позировал профессор Петербургской консерватории А.И. Рубец..

Слова

занима́тельный	- huvipakkuv, köitev
предава́ться преда́ться+	- anduma
обвива́ть обви́ть+ что? чем?	- (millegi) ümber põimima
бракосочета́ние книжн.	- abielusõlmimine
обря́д	- tavand, kombetalitus
упроще́ние	- lihtsustamine
пола́	- hõlm
первопеча́тник	- esitrükkal
сви́ток-	- (paber-, papüürus)rull (käsikiri)
ве́домости	- teated
чека́нка моне́ты	- müntimine
сли́ток	- (metalli)kang
налега́ть перен. разг. нале́чь на что?	- (peale) suruma; vajutama
ту́ша	- (roogitud) (looma)kere
кроме́шный (тьма) разг.	- pilkane (pimedus)

стра́нник устар.	–	rändur
скита́ние	–	(sihita) hulkumine, rändamine
ил	–	muda
бурса́к	–	vaimuliku seminari kasvandik
настре́з (отказа́ться)	–	категори́чески (отказа́ться).

Задание I. Расскажите о старинных эстонских обычаях.

Задание 2. Изложите устно.

I. Начало книгопечатания и выпуск первых газет в России и Эстонии.
2. Ереванский Матенадаран и его сокровища.
3. Редкие книги в Научной библиотеке нашего университета.
4. Русские художники-передвижники.
5. Невероятный случай, происшедший с моряком Джеймсом Бартли в I89I году.
6. Понравившийся занимательный факт.

Задание 3. С некоторыми из перечисленных ниже устойчивых сочетаний составьте предложения:
дать выговор, дать совет, дать отчет, дать ответ;
делать вывод, делать предложение, делать заключение;
держать ответ, держать экзамен, держать в руках;
иметь применение, иметь отношение, иметь значение, иметь влияние.

Задание 4. Найдите в тексте сочетания количественных числительных с существительными и определите падеж.

Е.Язовицкий

Говорите правильно!

Обида по недоразумению

– Вы последний? – обратилась к стоящему в очереди у книжного прилавка хорошо одетому человеку студентка университета.

– В нашей стране нет последних! – услышала она в ответ. – Вы хотели спросить: кто крайний?

– Нет, – сказала студентка.– Я спрашиваю: кто последний?

– В таком случае, последняя – это вы, – обиделся покупатель. Но студентка оказалась довольно настойчивой и, несмотря на явное раздражение хорошо одетого человека, объяснила, что в русском литературном языке слово КРАЙНИЙ имеет три значения:

1. Расположенный на краю (крайний дом, на Крайнем Севере);
2. Конечный, предельный (крайний срок, на крайний случай);
3. Чрезмерный в проявлении тех или иных свойств (крайний эгоист, крайний реакционер).

Обращение с вопросом "Кто крайний?" к человеку, занимающему конечно положение в ряду, в очереди, бессмысленно, так как начинающего ряд или очередь называют первым, а понятию первый противопоставляется понятие последний, имеющее, кстати, и другие значения: 1) только что появившийся (последние известия, последняя мода); 2) окончательный (последнее слово, последнее решение); 3) никуда не годный (последнее дело).

Плацкарт или плацкарта

Если постоять несколько минут у железнодорожной кассы, то можно услышать:

–Билет до Барнаула есть?

–Есть.

–А плацкарт?

–И плацкарт есть.

Ни едущий, ни кассир не подозревают, что ими допущена грубая ошибка, связанная со смешением категории рода. Существительное, о котором идет речь, – женского рода, поэтому и спрашивающий, и отвечающий должны были сказать плацкарта, а не плацкарт. В устной и письменной речи учащихся такие ошиб-

ки встречаются довольно часто. Так, например, пишут и говорят рельса (вместо рельс), манжет (вместо манжета), повидла (вместо повидло), зало (вместо зал) и т.д.

Известно, что часть существительных, обозначающих название лиц по профессии или по занимаемой должности, употребляются в формах мужского и женского рода: учитель - учительница, спортсмен - спортсменка и т.д. Но многие существительные с этим значением употребляются только в форме мужского рода, даже в тех случаях, когда речь идет о женщине: профессор, секретарь, капитан, мастер спорта, кассир, кондуктор и др.

Поэтому надо считать ошибочным такие распространенные формы, как профессорша, секретарша, кондукторша, парикмахерша и т.п. Правильно надо писать и говорить: Валентина Петровна работает секретарем... редактором, кондуктором... парикмахером...

Грамматический род сложносокращенных слов определяется по главному слову, входящему в сложное наименование, например: ЦК Союза железнодорожников организовал (главное слово Комитет) туристский лагерь для школьников. Ленгороно предложил (главное слово отдел) директорам школ открыть комнаты продлённого дня и т.п.

Кроме того, необходимо помнить, что род несклоняемых существительных, обозначающих название городов, рек, озёр, островов и т.д., определяется по общему родовому наименованию этих географических мест, например: знойный Батуми (город); бурная Дахо (река); очаровательное Селигер (озеро); Ханко притих (полуостров).

Распространённая ошибка

Что делать с неряхами и плаксами?

Воспитывать. Прививать им любовь к порядку, к чистоте, развивать в них чувство прекрасного, выдержку и силу воли. Все это верно, и любой хороший воспитатель, если он понимает характер поставленной задачи, может в конце концов спра-

биться с ней. Неряхи станут аккуратными, а плаксы - мужественными. Однако бывают случаи, когда ни благие намерения, ни опыт, ни понимание поставленной задачи не помогают, а, наоборот, мешают выполнению столь благородного начинания. Один из таких случаев произошел в пионерском лагере под Ленинградом. В июле 1962 года в этот лагерь приехали два мальчика - ученики 4-го класса - Толя и Володя. Через несколько дней выяснилось, что первый из них неряха, а второй - плакса. Старший пионервожатый - ученик II класса - взялся их перевоспитывать. Но из этого ничего не получилось. И виной всему оказался русский язык, с которым молодой воспитатель был явно не в ладу.

Беседуя с Толей о чистоте и аккуратности, вожатый приводил много хороших примеров. И после каждого примера говорил укоризненно:

- Вот видишь, а ты такая большая неряха! - И каждый раз получал один и тот же ответ:

- Неверно. Я не большая неряха. Я мальчик.

- Ну и что, что ты мальчик, посмотри на свой костюм, на свои руки, и тебе сразу станет ясно, что ты самая большая неряха.

Толя упорно твердил:

- Нет, я не большая неряха, это неверно!

Приблизительно такой же разговор происходил и с Володей.

На упреки в том, что он рохля и большая плакса, мальчик обижался и говорил:

- Я не могу быть большая и даже маленькая плакса. Зачем ты такое говоришь?

Вожатый недоумевал и пытался приводить новые, еще более убедительные примеры. Но все было тщетно. По окончании лагерной смены оба мальчика уехали в Ленинград, так и не исправив своих недостатков.

Ошибка, допущенная вожатым, весьма распространена среди учащихся старших классов. Она заключается в смешении мужского и женского рода при постановке определений к существи-

тельным общего рода: неряха, плакса, соня, разиня, копуша и др. В литературной речи определение к этим существительным ставится в зависимости от того, к какому полу они относятся, например: он большой неряха, она такая плакса, он настоящий разиня, она неисправимая копуша и т.д.

Трудные фамилии

– Вы хотели сказать труднопроизносимые, как у Чехова – Коленомореперехолященский?

– Нет, именно трудные, такие, как Ильченко, Франко, Нечипуренко, Голобородько.

Эти украинские фамилии, склоняемые на своем родном языке, не принято склонять в русском.

Не учитывая этой особенности украинских фамилий на -ко, мы то и дело склоняем их. Получается примерно такая картина: "читал Шевченку", "увлекся Франком".

Не склоняются у нас иноязычные фамилии с конечным гласным (балет, поставленный Петипа; разговор с Эльзой Триоле) и все иноязычные фамилии с конечным согласным, если они относятся к женщинам, например: романы Анны Зегерс; игра Анжелики Браун (но музыка Иоганна Штрауса, стихи Николая Брауна). Мужские иноязычные имена с конечным согласным склоняются преимущественно вместе с фамилией: песня Поля Робсона; роман Жюля Верна.

Могут ли "трое волков напасть на одного человека?"

Если человек не знает русского языка, то безусловно могут. Чтобы этого не случилось, надо твердо знать, что собирательные числительные на -о, -е, (двое, трое, четверо и т.д.) нельзя сочетать с названиями животных, единичных предметов и лиц женского пола, нельзя, например, сказать: "трое волков", "четверо окон", "двое подруг"; надо гово-

рить: три волка, четыре окна, две подруги и т.д. Собирательные числительные могут быть использованы для обозначения количества лиц мужского пола (трое мужчин, четверо охотников), количества детей и суток (четверо детей и шестеро суток), а также для обозначения количества парных и сложных предметов, не имеющих единственного числа (двое ножниц, трое часов, четверо саней). Кроме того, собирательные числительные употребляются с личными местоимениями: мы, вы, они (нас было трое, их было четверо, вы двое останетесь здесь). Начиная с числительного пятеро можно также применять и количественные числительные (пять охотников, шесть саней, шесть суток и т.д.).

Большие неприятности доставляют числительные оба и обе, которые в сочетании с существительными мужского и среднего рода образуют формы оба, обоих, обоим, обоими, а в сочетании с существительными женского рода - формы обе, обеих, обеим, обеими. Нужно говорить: по обеим сторонам улицы; обеими руками, обоими глазами.

Одеть или надеть

Прислушиваясь к речи окружающих, люди, изучающие русский язык, спрашивают: "Почему одни говорят: надеть пальто, надеть шляпу, надеть костюм, надеть сапоги, а другие - одеть пальто, одеть шляпу, одеть костюм, одеть сапоги?"

Отвечая на этот вопрос, надо сказать, что многие просто неправильно употребляют глаголы надеть (надевать) и одеть (одевать). Необходимо, чтобы каждый учащийся знал о том, что глагол надеть (надевать, надеваю) употребляется в тех случаях, когда действие обращено на того, кто его производит (надеваю пальто, надеваю шляпу, надеваю костюм, надеваю сапоги), а также в предложениях с предлогом на (надеваю пальто на куклу, надеваю наволочку на подушку и т.д.). Глагол же одевать (одеть), означающий облачить кого-нибудь во что-нибудь, употребляется тогда, когда действие обраще-

но на другой предмет, выраженный прямым дополнением (одеваю сестренку, одеваю куклу). Отсюда правильными следует считать предложения: Он надел пальто и пошел на работу. После привала мы надели на себя рюкзаки и отправились дальше. Лена одела сестренку в новое пальто.

Пример, достойный подражанья

Подлежащее и сказуемое, сказуемое и подлежащее! Как часто повторяем мы эти слова, изучая родной язык. И как легко и свободно соединяем (согласовываем) их в устной и письменной речи. Однако в некоторых случаях такое согласование дается не легко даже людям, имеющим специальное образование. Лет пять тому назад в одной из ленинградских школ была прочитана лекция на тему "Чудеса кино". Учащиеся жадно ловили каждое слово молодого кинооператора и не замечали грубейших ошибок, которые он совершал, нарушая нормы согласования сказуемого с подлежащим. Когда лекция закончилась, директор школы увел кинооператора к себе в кабинет и сказал: "Дорогой товарищ, ваша лекция была очень интересна и увлекательна, но вместе с чудесами кино, вы продемонстрировали учащимся чудеса неграмотности, которой они, к счастью, не заметили". - С этими словами директор вытащил блокнот и прочитал сконфуженному лектору несколько выдержек из его речи с указанием допущенных ошибок:

"Большинство чудес, которые поражают воображение зрителей выполнялись (вместо выполнялось) с помощью самых простых средств.

Множество рабочих, декораторов, осветителей, актеров принимает (вместо принимают) участие в создании трюкового фильма.

Ряд молодых актеров, впервые снимавшихся в комбинированных съемках, с честью выполнил (вместо выполнили) ответственную задачу.

Четверо смельчаков осталось (вместо остались) на краю пропасти.

С момента начала съемки прошли (вместо прошло) пять минут.

Немало испытаний выпали (вместо выпало) на долю операторов, снимавших прыжки в воду".

Беседа в кабинете директора школы возымела свое действие. Кинооператор отказался от чтения лекции о чудесах кино и не выступал до тех пор, пока не усвоил основных правил согласования сказуемого с подлежащим.

I. Если речь идет о предметах одушевленных, то сказуемое при подлежащем, выраженном именем существительным собирательным (большинство, меньшинство, ряд, часть и т.п.) в сочетании с родительным падежом множественного числа, ставится во множественном числе (большинство учащихся аккуратно выполняли задания учителя) и в единственном числе, когда подлежащее обозначает предметы неодушевленные (ряд спортивных машин стоял на опушке леса).

2. Если сказуемое оторвано от подлежащего другими членами предложения, то оно выражается в форме множественного числа, например: Ряд юных чтецов во время конкурса на исполнение стихов Пушкина не выполнили требований комиссии.

Сказуемое ставится также во множественном числе, если подлежащее выражено перечисляющимися однородными членами, например: Большинство пионеров, комсомольцев, учителей нашей школы участвовали в воскреснике. Форма множественного числа сохраняется также при перечислении сказуемых, например: Большинство окончивших школу запасались необходимыми пособиями, набрались терпения и приступили к занятиям по подготовке в вуз.

3. Если стержневым словом подлежащего, выраженного количественно-именным сочетанием, является числительное два, три, четыре, двадцать, несколько или собирательное числительное двое, трое, четверо, а зависимым словом - существительное со значением лица, то сказуемое ставится во множественном числе, например: Два молодых человека с интересом рассматривали новую коллекцию... На вечер к нам пришли четыре летчика... Двадцать пловцов стартовали вчера...

Несколько учеников не явились на занятие кружка... Четверо из нас были отобраны для поездки в Артек.

4. При словах всего, лишь, только сказуемое ставится в единственном числе, например: К зубному врачу явилось всего пять человек... Только четверо из нас играет в крокет.

5. Если при подлежащем, выраженном счетным оборотом, имеются слова все, эти, то сказуемое, как правило, ставится во множественном числе, например: Все четверо путешественников отправились на поиски заблудившегося товарища... Эти 10 пар лыж куплены в прошлом году... Не эти, а те игроки помешали нам осуществить намеченный план.

6. Если в составе подлежащего имеются слова много, немного, мало, немало, сколько, столько, то сказуемое почти всегда ставится в единственном числе. Например: Много пионеров сидело вокруг костра... Немало страданий выпало на долю матери... Сколько хороших и славных ребят учится в школе. и т. п.

Слова

оби́да	- solvang, solvumine
недоразуме́ние	- arusaamatus;
насто́йчивый	- visa, järeleandmatu
смеше́ние	- segiajamine
продлённый	- pikendatud
неря́ха	- räpakas,kasimatu,lohakas inimene
пла́кса разг. недобр.	- piripill
благо́й (намере́ние) устар.	- hea (kavatsus)
ро́хля разг. пренебр.	- venivillem
тще́тный книжн.	- asjatu, ilmaaegne
со́ня разг.	- unimüts
рази́ня разг. пренебр.	- ammuli sui vahtija
копу́ша разг. неодобр.	- pusija
сконфу́женный	- piinlikku seisukorda pandud
испыта́ние	- katsumus

запаса́ться запасти́сь + чем?	- end varustama

я́вное раздраже́ние	- ilmne ärritus
не име́ет значе́ния	- pole tähtis
кста́ти сказа́ть	- muuseas öeldes v. öelda
никуда́ не го́дный	- ei kõlba kuhugi
допусти́ть оши́бку	- vigu tegema
благоро́дное начина́ние	- õilis algatus

Задание I. Поставьте следующие фамилии и географические названия в творительном падеже и составьте с ними предложения:
Пушкин, Дарвин, Панин, Герцен, Шевченко; Пушкин (город), Бородино (село), Сормово (город), Чугуев (город).

Задание 2.Составьте предложения с устойчивыми сочетаниями:
как две капли воды, первая ласточка, в три ручья, как своих пять пальцев, на седьмом небе, на все четыре стороны.

Задание 3. Прочитайте внимательно статью "Могут ли трое волков напасть на одного человека?" и объясните употребление собирательных числительных.

Задание 4. Составьте свои предложения с собирательными числительными.

Задание 5. Прочитайте статью "Пример, достойный подражания", затем составьте свои предложения на все случаи согласования сказуемого с подлежащим. Объясните правила согласования сказуемого с подлежащим.

Задание 6. Объясните разницу в значении глаголов надевать - надеть и одевать - одеть. Составьте предложения, используйте в них данные глаголы как несовершенного, так и совершенного вида в настоящем - простом будущем времени.

Задание 7. Подберите к следующим существительным прилагательные - определения и составьте с ними предложения: плацкарта, манжета, мозоль, бандероль, зал, рельс, рояль, табель, санаторий, занавес, повидло, кофе, какао, Тарту, Эмайыги, Сухуми, Рица, Юлемисте, Мунамяги, кенгуру, меню, конферансье, шимпанзе.

Задание 8. Из двух форм глагола-сказуемого, помещенных в скобках, выберите нужную. Объясните ваш выбор.

I. Облоно (прислал - прислало) новое распоряжение. 2. Рустави неузнаваемо (изменился - изменилось) за последние годы. 3. Хуанхэ часто (выходила - выходило) из берегов и (причиняла - причиняло) своими разливами большой ущерб. 4. "Юманите" (поместило - поместила) портреты двадцати пяти артистов театра "Комеди франсез". 5. Отепя (расположен - расположена) в живописной местности.

Задание 9. Найдите в статье "Распространенная ошибка" существительные общего рода, подберите к ним определения и составьте с ними предложения; глаголы - сказуемые употребите в прошедшем времени.

Е. Язовицкий

Крылатые слова

Альфа и омега

Альфа и омега - первая и последняя буквы греческой азбуки. Выражение в переносном смысле обозначает начало и конец какого-нибудь дела. Возникло оно из библейских сказаний и встречается поэтому во многих языках и у многих народов. Его часто употребляют в своих произведениях классики русской литературы, публицисты и критики: "Вот вам альфа и омега, начало и конец всех дел..." (Глеб Успенский). В некоторых случаях выражение альфа и омега употребляется

в виде обобщающего понятия, включающего в себя все, что только можно приписать какому-нибудь человеку или явлению:

О, друг! ты альфа и омега
Любви возвышенной моей!

(Языков)

Антей

В мифах классической древности повествуется о том, что жил некогда могучий непобедимый гигант Антей, сын бога морей Посейдона и богини земли Геи. Мать Антея воспитала в нем горячую любовь к родной земле и внушила ему мысль о том, что до тех пор, пока он будет касаться земли, никто в мире не сможет победить его. И действительно. Всякий раз, когда Антей чувствовал усталость или неуверенность в борьбе с врагом, он касался матери-земли, получал от нее новые силы и становился победителем. Но однажды он повстречал Геракла (Геркулеса), с которым тотчас же вступил в единоборство. Геракл долго боролся с Антеем, несколько раз валил его на землю, но от этого у Антея только прибавлялось силы. Тогда Геракл могучим рывком оторвал Антея от земли, поднял его высоко на воздух и задушил. Образом Антея пользуются в тех случаях, когда говорят о силе, которой обладает человек, тесно связанный с родным народом, с родной землей.

Ариаднина нить

По древнегреческим сказаниям, у легендарного царя острова Крита Миноса и его жены Пасифаи была дочь Ариадна, спасшая от смерти афинского героя Тезея. Желая отомстить афинянам за убийство сына Андрогея, Минос заставил их платить страшную дань: отсылать на Крит каждый год семь юно-

шей и семь девушек, которых отдавали на растерзание Минотавру – страшному чудовищу с туловищем человека и головой быка. Юношей и девушек заключали в так называемый лабиринт – огромный дворец с бесчисленным количеством комнат и такими запутанными ходами, что выбраться из него не было никакой возможности. Узнав об этом, Тезей изъявил желание отправиться в числе юношей на остров Крит, чтобы убить Минотавра и избавить свой народ от позорной дани. Встретив Тезея, Ариадна с первого взгляда полюбила его и, чтобы избавить его от неминуемой гибели в лабиринте, дала ему клубок ниток. Уничтожив чудовище, Тезей с помощью клубка (нити Ариадны) благополучно выбрался из лабиринта. С тех пор выражение нить Ариадны стало употребляться в значении путеводная нить – способ выйти из трудного, запутанного положения. В этом же смысле, но несколько перефразированное (ариаднина нить), оно употребляется и в настоящее время.

Аттическая соль

Выражение это означает злую, тонкую, остроумную шутку. Оно восходит к римскому оратору Марку Туллию Цицерону, который в своих трудах по ораторскому искусству уделял много внимания жителям Аттики, славившимся исключительным остроумием и красноречием. Сохранилось послание Цицерона своему другу Титу Помпонию Аттику, в котором прославленный оратор благодарит своего друга за присланные письма, утверждая, что все они"были не только посыпаны солью остроумия", но и замечательным проявлением дружбы. Употребляя выражение "солью остроумия", Цицерон имел в виду то обстоятельство , что в Аттике, имевшей непосредственный выход к морю, соль добывалась не из соляных копей, а посредством выпаривания ее из морской воды, отчего была особенно едкой.

Ахиллесова пята

Это образное выражение, часто употребляемое нами, станет понятным, если познакомиться с мифом об Ахиллесе, одном из самых сильных и храбрых героев Троянской войны, воспетом в знаменитой "Илиаде" Гомера. Мать Ахиллеса, морская богиня Фетида, выслушав предсказание прорицателя о том, что ее сын погибнет под стенами Трои, решила сделать его тело неуязвимым. Глубокой ночью, тайком от своего мужа Пелея, Фетида окунула Ахиллеса в воды легендарной реки Стикс. Окуная мальчика, она держала его за пятку. Мальчик вырос и сделался непобедимым героем. Но во время похода на Трою бог Аполлон, разгневанный непослушанием Ахиллеса, направил стрелу из лука Париса прямо в пятку героя, то есть в единственное уязвимое на его теле место, которого не коснулась в свое время священная вода Стикса, и Ахиллес погиб. Отсюда и пошло выражение ахиллесова пята, то есть слабая сторона, больное, уязвимое место человека.

Буриданов осёл

Известный французский философ Жан Буридан, живший в XIУ веке, в своих сочинениях отрицал существование свободы воли в человеке. В качестве одного из основных аргументов, оправдывающих эту мысль, Буридан (в беседе) привел рассказ об осле, который, находясь между двумя одинаковыми охапками сена, неминуемо погиб бы от голода, так как свобода воли не позволила бы ему (при отсутствии какого-либо мотива) предпочесть одну охапку сена другой, и он не сдвинулся бы с места. Предполагают, что этот пример был заимствован Буриданом у греческого философа Аристотеля, который в одном из своих сочинений говорит о человеке, находящемся на равном расстоянии от еды и питья и пребывающем в абсолютном бездействии. Тем не менее закрепилось в литературном языке выражение Буриданов осёл, оно употребляется для образной

характеристики человека, колеблющегося в выборе между двумя равноценными предметами.

Гордиев узел

Согласно легенде, оракул повелел фригийцам сделать царем того, кто первым встретится им с телегой на пути к храму Зевса. Таким человеком оказался простой земледелец Гордий. Провозглашенный царем, Гордий поставил телегу, имевшую столь великое значение для его судьбы в храме Зевса. К дышлу этой телеги Гордий прикрепил ярмо, завязав его невиданной сложности узлом. Этот узел был до того запутан, что развязать его никто не мог. Тогда жрецы и прорицатели предсказали, что тот, кто распутает гордиев узел, станет властителем Азии. Тысячи людей, умных, сильных, изобретательных, приходили в храм Зевса, чтобы попытать счастья. Долгие часы проводили они у колесницы умного царя, прилагая все свое умение, но результатов не добивались. Казалось, что гордиев узел так и останется не развязанным до скончания века. Однако во время походов в Персию греческий полководец Александр Македонский, узнав о предсказании жрецов, явился в храм и, по преданию, одним ударом меча рассёк знаменитый узел. Отсюда и берет свое начало выражение разрубить гордиев узел, что означает найти быстрое и смелое решение сложного, запутанного вопроса.

Драконовы законы

В переносном смысле Драконовы законы - это крайне жестокие, беспощадные меры. Выражение берет начало от имени легендарного законодателя Афинской республики - Драконa, впервые письменно сформулировавшего нормы современного ему судебного права. Законы, введенные Драконом, отличались исключительной жестокостью. Древнегреческий писатель Плутарх утверждает, что эти законы были написаны кровью.

За каждую провинность, по законам Дракона, человека наказывали смертью. Смертной казнью карали и к ней приговаривали человека, воровавшего яблоки в чужом саду. Существует предание о том, что Дракон в ответ на вопрос, почему он приговаривает к смертной казни за большую часть преступлений, ответил: "Потому что малые преступления я считаю достойными этого наказания, а для важных не нашел большего". Любопытно, что Драконовы законы распространялись и на неодушевленные предметы. Например, когда медная статуя известного древнегреческого атлета Феагена упала на человека, стегавшего его бичом (в отместку за то, что Феаген при жизни причинил ему зло), дети убитого предъявили к статуе иск об убийстве, а жители Фазоса, следуя законам дракона, сбросили ее в море.

Калиф на час

Так говорят о человеке, наделенном большой властью, захватившем ее на короткое время. Выражение берет начало от истории, рассказанной в сказке "Сон наяву, или Калиф на час", помещенной в знаменитом сборнике арабских сказок "Тысяча и одна ночь". История эта такова: Багдадский калиф Гарун-аль-Рашид, осматривая однажды свои владения, под видом приезжего купца, встретил молодого человека по имени Абу-Гассан. Из беседы, проходившей весело и непринужденно, Гарун-аль-Рашид узнал, что молодой багдадец мечтает хоть на один день сделаться калифом и насладиться прелестью царской власти. Любивший пошутить, Гарун-аль-Рашид подсыпал Абу-Гассану в вино снотворный порошок, а когда молодой человек уснул, велел перенести его в свой дворец. Подчиненным был отдан строгий приказ не подавать виду и оказывать Абу-Гассану, после того как он проснется, все почести, подобающие калифу, с тем, чтобы он поверил в свое чудесное превращение. Проснувшись, Абу-Гассан был так поражен происшедшей переменой, что решительно восстал против нее. Но видя, что все его приказания беспрекословно выполняются, и слыша, как

окружающие величают его калифом, поверил в то, что он действительно калиф. Целый день Абу-Гассан наслаждался роскошью придворной жизни, своим мнимым величием и отдавал приказания визирям и слугам, а вечером его снова напоили снотворным и отнесли домой. Когда новоявленный калиф проснулся и увидел себя в домашней обстановке, он долго не мог понять, как произошло это второе превращение и был он калифом или нет.

Прометеев огонь

В переносном смысле-священный огонь, горящий в душе человека, борющегося за осуществление высоких идеалов в науке, искусстве или общественной жизни. В греческой мифологии Прометей - один из могучих титанов, друг человечества. Он научил людей искусствам, дал им знания, научил чтению и письму, открыл им силу лекарств и, наконец, похитил с неба огонь и научил людей пользоваться им, подорвав тем самым веру в могущество всесильных богов. Узнав об этом, разгневанный Зевс приказал богу кузнечного искусства Гефесту приковать Прометея к скале огромными железными цепями, в пустынной и дикой местности, на самом краю земли. Много веков томился прикованный к скале Прометей, испытывая адские мучения от палящих лучей солнца, от бурь и дождей, хлеставших по его измождённому телу. Мучения его усугублялись еще тем, что громадный орел, прилетавший каждый день, терзал его печень острыми, как сталь,когтями. Мучения эти длились до тех пор, пока, наконец, великий герой Геракл, которого странствия привели на край земли, не пронзил страшного орла отравленной стрелой. Геракл разбил тяжкие цепи, сковывавшие Прометея, и освободил его на радость всем, кто любит труд, науку и искусство, у кого в груди горит священный огонь вечного стремления к борьбе за лучшее будущее человечества.

Северная Пальмира

Любуясь своим городом, ленинградцы говорят иногда Северная Пальмира, сравнивая его с каким-то другим, не существующим теперь городом. Но если бы их спросили: -"Что же представляла собой эта Пальмира, послужившая основанием для такого сравнения?", то не каждый смог бы ответить на этот вопрос сразу без подготовки.

Пальмира (город пальм - в буквальном смысле) была основана в первом тысячелетии до нашей эры.

Расположенная в цветущем оазисе выжженной солнцем пустыни, она быстро сделалась центром крупного государства, сосредоточившего в своих руках торговлю западных стран с Аравией и Месопотамией. К III в.н.э. Пальмира стала одним из красивейших городов мира. Великолепные дворцы, украшенные барельефами и колоннами, триумфальные арки и роскошная архитектура храма Солнца поражали воображение приезжих. Начавшееся в 271 году завоевание римлянами Пальмиры вызвало в 273 году кровопролитное восстание населения города против римских рабовладельцев, но в том же году город был взят римлянами и варварски разрушен. Развалины Пальмиры, свидетельствующие о ее былом великолепии, сохранились до сих пор. В 1900 году экспедиция русского археологического института обнаружила там ряд замечательных фресок и памятников культуры.

Сравнивая Петербург, выросший на пустынных невских берегах, с древней Пальмирой, русские поэты XVIII и XIX вв. подчеркивали таким образом его изумительную красоту и великолепие.

Яблоко раздора

Почему у всех народов любой повод к разногласиям именуется яблоком раздора? Что это за яблоко и почему оно служит причиной раздора? Оказывается у этого яблока весьма древняя и забавная история, заимствованная из греческого мифа, в котором описан такой случай. На свадьбу морской богини Фетиды и могучего царя Пелея были приглашены все боги и богини Олимпа. Не пригласили лишь злобную богиню раздора Эриду. Она, не выносившая веселья и согласия, решила поссорить гостей и бросила в толпу золотое яблоко с надписью: прекраснейшей. Между Афродитой, Афиной и Герой завязался спор. Каждая из них считала, что яблоко предназначено ей. Спор разрешил сын троянского царя Парис. Он присудил золотое яблоко богине красоты - Афродите. Обиженные Афина и Гера пришли в такую ярость, что восстановили все греческие народы против троянцев. Разгорелась жестокая невиданная борьба, в результате которой Троя прекратила свое существование. С тех пор яблоко раздора и стало причиной различных разногласий.

Прокрустово ложе

Иносказательно - мерка, под которую насильственно подгоняют что-либо, совершенно к ней не подходящее. Выражение связано с именем легендарного древнегреческого разбойника Дамаста, прозванного Прокрустом (вытягивателем). Отличаясь невиданным коварством и необыкновенной жесткостью, Прокруст, как повествуют греческие мифы, всех, кто попадал к нему в руки, укладывал на свое ложе. Если ложе было чересчур длинно, Прокруст вытягивал свою жертву до тех пор, пока ноги ее не касались края ложа. Если же ложе было коротко, то разбойник обрубал человеку ноги. По преданию, древнегреческий герой Тезей, странствуя по Аттике, пришел к Прокрусту и, увидев, как тот издевается над своими жертвами, повалил разбой-

ника на ложе, которое, конечно, оказалось слишком коротким для великана. Тогда Тезей отрубил Прокрусту ноги и убил его так же, как тот сам убивал искалеченных им путников.

Перейти Рубикон

В переносном смысле - сделать бесповоротный решительный шаг или совершить поступок, в корне меняющий положение дел.

Выражение возникло из рассказов древних писателей о переходе римского полководца Юлия Цезаря (101 - 44 гг. до н.э.) через реку Рубикон, служившую границею между Умбрией и Северной частью Италии Галлией. Получив в управление Галлию (в 49 г. до н.э.), Цезарь начал упорную борьбу с римским сенатом, добиваясь единовластия: у него было не более трехсот всадников и около пяти тысяч пехоты. Остальная часть его армии оставалась за Альпами. Понимая, что для начала задуманного им дела необходимы чудеса храбрости и "ошеломляющий по скорости удар", Цезарь не стал дожидаться подкреплений и отдал приказ своим командирам занять город Армин, находившийся к югу от устья реки Рубикон. Темной ночью подойдя к реке, Цезарь со словами "жребий брошен!" - ринулся вперед, перешел Рубикон, разгромил армии сената и сделался полновластным правителем Рима. В.И. Ленин, употребляя выражение перейти Рубикон, писал в 1905 году: "... броненосец "Потёмкин" остался непобежденной территорией революции... Первый шаг сделан. Рубикон перейден. Переход армии на сторону революции запечатлен перед всей Россией и перед всем миром".

Слова

крыла́тое сло́во - lendsõna
сказа́ние - muistend; legend

возвы́шенный перен. высо́к. – ülev

души́ть
задуши́ть+ кого? – kägistama

дань – andami

чудо́вище – koletis

избавля́ть
изба́вить+ кого? что? – päästma; lunastama; vabastama

неминуемый – vältimatu, mööda pääsematu

запу́танный – sassi v. segiaetud; segane

красноре́чие – kõneosavus,-kunst; ilukõne

е́дкий – söövbiv; kibe, kange

прорица́тель книжн. – oraakel, ennustaja

пя́тка – jalakand

колеба́ться перен. – kõhklema, kahtlema

ды́шло – tiisel

ярмо́ – kaelakütke, ike

изобрета́тельный – leidlik

прови́нность разг. – süü, eksimus

кара́ть высок. – karistama

наказа́ние – karistus

в отме́стку разг. – kättemaksuks

наяву́ – ilmsi

владе́ния – valdused

непринуждённый – sundimatu

по́честь – au-, austusavaldus

снотво́рное – unerohi

новоявленный ирон. – vastne; värskeltküpsetatud

подрыва́ть
подорва́ть+ перен. – õõnestama

усугубля́ться
усугу́биться+ книжн. – mitmekordistuma

пе́чень – maks

отра́вленный – mürgitatud

поража́ть
порази́ть+ перен. – üllatama, rabama

великоле́пие	– hiilgus, toredus
разло́р	– tüli
по́вод	– ajend, põhjus
зло́бный	– õel, tige
я́рость	– raev
разногла́сие	– lahkheli, lahkarvamus
иносказа́тельный	– allegooriline
кова́рство	– salakavalus
ло́же устар.	– ase, säng
издева́ться над кем? чем?	– mõnitama, irvitama
бесповоро́тный	– muutmatu, lõplik
единовла́стие	– ainuvalitsus
у́стье (реки́)	– jõesuue
запечатлева́ть	– jäädvustama; fikseerima
запечатле́ть+ что? книжн.	

вступи́ть в единобо́рство	– kahevõitlusse astuma
путево́дная нить	– juhtnöör, juhis
соляны́е ко́пи	– soola kaevandused
окуну́ть в во́ду	– vette kastma
уязви́мое ме́сто	– hell v. nõrk koht
жре́бий бро́шен	– liisk on langenud

Задание I. Объясните значение приведённых в тексте крылатых слов.

Задание 2. Расскажите об известных вам крылатых словах.

Задание 3. Придумайте тексты, в которые можно было бы включить следующие крылатые слова: альфа и омега, ариаднина нить, ахиллесова пята, гордиев узел, прометеев огонь, яблоко раздора, прокрустово ложе, перейти рубикон.

Задание 4. Найдите синонимы к данным словам, с некоторыми из них составьте предложения:
ложе, раздор, ярость, коварство, почесть, сказание, поражать,

измождённый, издеваться, забавный, неминуемый, упорный, едкий.

Задание 5. Выясните значение устойчивых словосочетаний, подберите к ним синонимы, составьте устно с ними предложения:
скрепя сердце, не под силу, ума не приложу, краем уха, как снег на голову, водой не разольешь, до мозга костей.

Задание 6. Подберите видовую пару к глаголам, поставьте после них вопросы и составьте предложения : приписать (в значении "отнести за счет кого-чего-нибудь"), касаться, отомстить, развязать, распутать, рассечь, причинить, брать, насладиться, отдавать, похитить, стать, любоваться, восстановить (в значении "склонить к враждебным отношениям"), начать, занять.

Задание 7. Образуйте прилагательные от существительных: чудовище, красноречие, жестокость, великолепие, ярость, коварство, единовластие. Подберите к ним существительные.

Оглавление

Юрий Казаков. Тихое утро..... 3
По К. Паустовскому. Кот-ворюга..... I6
К. Паустовский. Старый повар..... 22
По К. Паустовскому. Музыка Верди..... 29
По К. Паустовскому. Во глубине России..... 37
По М. Семёнову. Иринка сдает экзамены..... 4I
По В. Васильевской. Босоножки..... 50
Вл. Лидин. Под крыльями земля..... 56
По А. Шлаену. Мост..... 72
А.И. Бунин. Темные аллеи..... 79
С. Есенин. Письмо к матери..... 86
С. Есенин. Черемуха..... 89
С. Есенин. Ночь..... 9I
С. Есенин. Письмо к женщине..... 92
М. Горький. Забастовка..... 96
М. Горький. Дети Пармы.....I0I
По М. Шолохову. Судьба человека.....I07
А. Куприн. Чудесный доктор.....I39
А. Толстой. Русский характер.....I5I
А. Толстой. Катя.....I6I
А. Чехов. Невеста.....I69
А. Чехов. Дом с мезонином.....I9I
Л. Толстой. После бала.....2I2
Д.Н. Мамин-Сибиряк. Емеля-охотник.....224
Н. Некрасов. Размышления у парадного подъезда.....234
А.С. Пушкин. Метель.....240
А.С. Пушкин. Евгений Онегин (глава пятая) 255
М. Лермонтов. Мцыри.....279
Г.А. Гуковский. Изучение литературного произведения в школе (отрывок из IУ главы).....305
Б.В. Томашевский. Стилистика и стихосложение (отрывок из главы "Рифма").....323
М. Феллер. Рождение названий, связанных с назначением предметов.....34I

Г. Остгоер и К. Бругман. Предисловие к книге "Морфологические исследования в области индоевропейских языков" 348
А. Шлейхер. Теория Дарвина в применении к науке о языке 355
В мире мудрых слов 364
Б. Земляной, Ю. Чевокина. В мире занимательных фактов.. 380
Е. Язовицкий. Говорите правильно 392
Е. Язовицкий. Крылатые слова 402

Цена 60 коп.